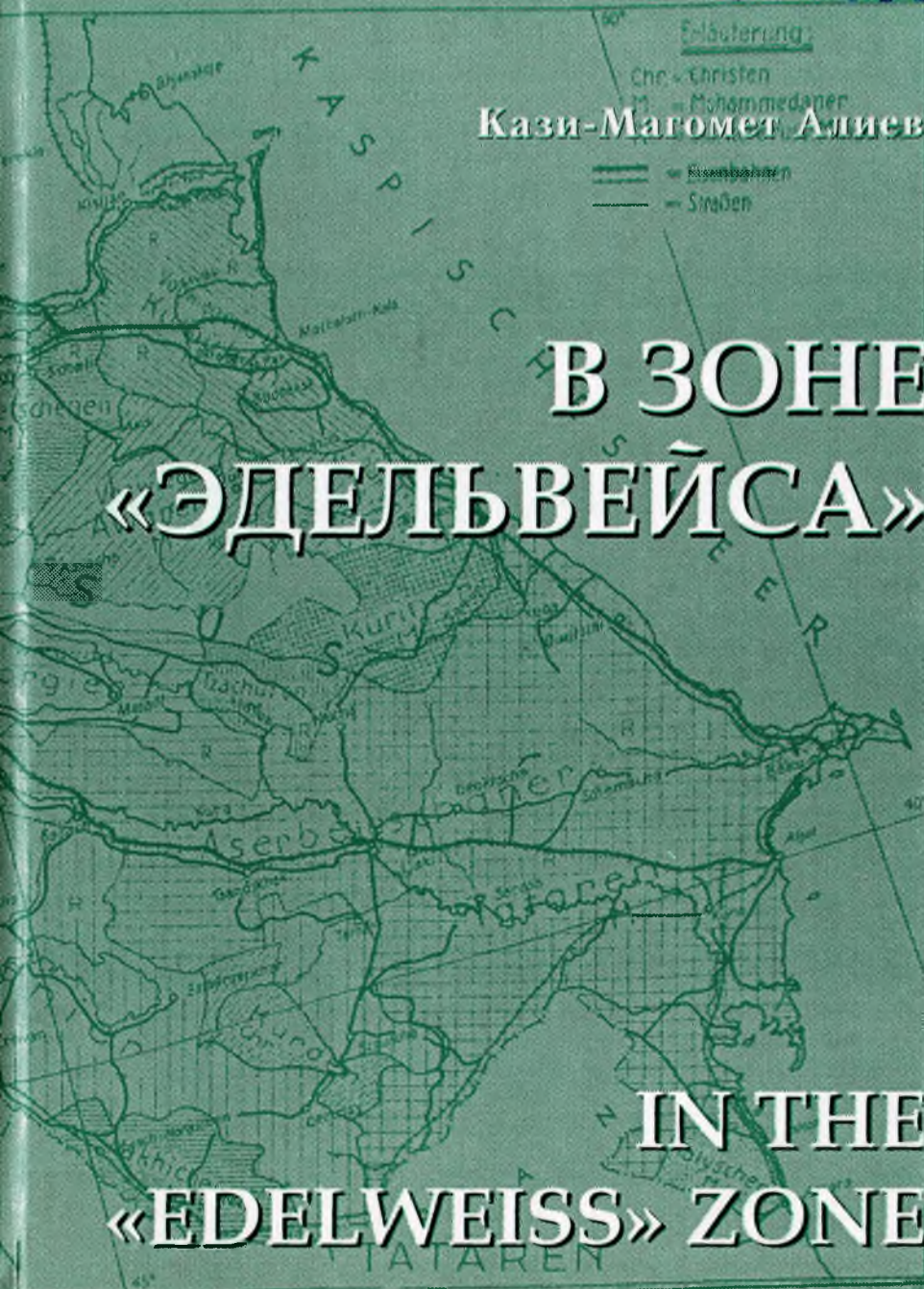

63 31216212

Nur für den Dienstgebrauch.

646699-A

des Kaukasus

Erklärung:

☐ = Christen
☐ = Mohammedaner

Казимаромет Алиев

— = Eisenbahnen
— = Straßen

В ЗОНЕ «ЭДЕЛЬВЕЙСА»

IN THE «EDELWEISS» ZONE

Kartellig. Druck in Auftr. des Reichsministeriums für Volksaufklärung und Propaganda.

ГРУППА АРМИЙ „А“

17А
Ростов-на-Дону

1ТА

4ТА

Цимлянская

Верхне-Курмолярская

СТАЛИНГРАДСКИЙ ФРОНТ

Ростовский фронт

ДЕПОЗИТАРИЙ

25.04.13

Сальск

ЮЖНЫЙ ФРОНТ

Астрахань

Ставрополь

Кубань

Минеральные Воды

пер. Санчаро

пер. Няхорский

Кизляр

Хуми

Нальчик

Грозный

Орджоникидзе

Махачкала

Поти

Кутаиси

ЗАКАВКАЗСКИЙ ФРОНТ

Батуми

Тбилиси

Куба

А30

Кей

У

Р

Карачаево-Черкесский
историко-культурный
и природный музей-заповедник

Karachai-Circussia
historical, cultural
and natural museum-reserve

Кази-Магомет Алиев

Kazi-Mahomed Aliyev

**В ЗОНЕ
«ЭДЕЛЬВЕЙСА»**

**IN THE
«EDELWEISS» ZONE**

Москва
Илекса
Ставрополь
«Сервисшкола»
2005

Moscow
Ileksa
Stavropol
«Service school»
2005

ББК 63.3(2)622.1
А 50

Ответственные редакторы:

Доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН, полковник

Х. М. Ибрагимбеги

Кандидат исторических наук, профессор, академик МТА

И. М. Шаманов

Консультанты:

Герой России *Д. Узденов*

Адмирал *С. С. Кашурко*

Редакционный совет:

Кандидат исторических наук, профессор, академик МТА

К. Т. Лайпанов

Кандидат исторических наук *Ф. А. Борлакова*

Р. Х.-М. Узденов

Координатор Западно-Кавказского аналитического центра

А. А. Эбзеев

Алиев К.-М. И.

А 50 В зоне «Эдельвейса». — М.: Илекса; Ставрополь: Сервисшкола, 2005. — 368 с.

ISBN 5-93078-334-9

Вторая книга об истории битвы за Кавказ в 1942–43 гг. является продолжением исследования «Свет и тени партизанской войны». В данной книге автор на обширном документальном материале в полемической и увлекательной форме рассматривает наиболее неразработанные аспекты событий высокогорной войны на Кавказе, международных отношений, наполненных драматическими коллизиями в 1942–43 гг.

Книга предназначена для политиков, историков, учащихся высших и средних учебных заведений, а также для самого широкого круга читателей, интересующихся проблемами Великой Отечественной войны.

ББК 63.3(2)622.1

Иллюстративный материал:

Фонды Карачаево-Черкесского государственного музея-заповедника (КЧМЗ).

Энциклопедия Третьего рейха.

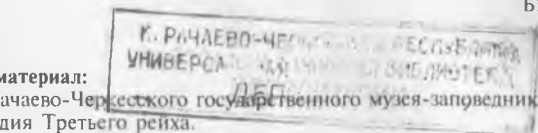
Joachim Hoffman. Kaukasien 1942/43.

Das deutsche Heer und die Orientvolker die Sowietunion.

Roland Kaltenecker. Gebirgsjagger im Kaukasus.

Alex Buchner. Der Bergkrieg im Kaukasus.

ISBN 5-93078-334-9

© К.-М. И. Алиев, 2005
© Сервисшкола, 2005

BBC 63.3(2)622.1

A 50

Editor-in-Chief:

Doctor of Historical Science,
Professor, Academician of RAEN (RAES - Russian Academy of Science),
Colonel Kh. M. Ibragimbeili

Candidate of Historical Sciences, Professor, Academician ITA (International
Technical Academy) *I.M. Shamanov*

Consultants:

Hero of Russian *D. Uzdenov*
Admiral *S.S. Kashurko*

Editorial Board:

Candidate of Historical Sciences, Professor, Academician ITA
K.T. Zyipanov

Candidate of Historical Sciences
F.A. Borlakova
R.Kh.-M. Uzdenov

Coordinator of the West Caucasian Analytical Centre
A.A. Ebzeyev

Aliyev K.-M. I.

A50 In the «Edelweiss» Zone. – Moscow: Ileksa; Stavropol: Service School, 2005. –
368 p.

ISBN 5-93078-334-9

The second book on the history of the battle for Caucasus in 1942-1943 is a continuation of the investigation of "Lights and Darks in the partisan guerrilla warfare". On the basis of the extensive documentary materials the author of the book in a polemical and captivating way examines the aspects of the mountain war events in Caucasus in 1942-43, and international relations full of dramatic conflicts which were insufficiently depicted.

The book is dedicated not only for politicians, historians, students and pupils of higher and secondary schools, but also for the widest circles of readers interested in the problems of the Great Patriotic War.

BBC 63.3(2)622.1

Illustrative Material:

Funds of the Karachai-Circassia State Museum-Reserve
Encyclopedia of the Third Reich
Joachim Hoffman. Kaukasien 1942/43
Das deutsche Heer und die Orientvolker die Sowietunion
Roland Kaltenecker. Gebirgsjagger im Kaukasus
Alex Buchner. Der Bergkreis im Kaukasus

ISBN 5-93078-334-9

© K.M.I. Aliyev, 2005

© Service School, 2005

*Светлой памяти отца моего
Ибрагима Бараковича Алиева,
офицера,
ветерана Великой Отечественной войны*

Введение

В общей картине Великой Отечественной войны битва за Кавказ является одной из самых ярких страниц, а в истории битвы за Кавказ самыми драматическими, безусловно, можно назвать бои на перевалах Главного Кавказского хребта осенью и зимой 1942 года, по характеру своему стоящие особняком в истории Второй мировой войны. Это события, на которые наложили свой отпечаток как ландшафт, так и характер сражавшихся там людей, события, происходившие в условиях экстремальных или близких к ним, события, с которыми связано большое количество легенд, стихов и песен.

«... А до войны вот этот склон
Немецкий парень брал с тобою,
Он падал вниз, но был спасен,
А вот сейчас, быть может, он
Свой автомат готовит к бою.
... Ты снова тут, ты собран весь,
Ты ждешь заветного сигнала,
И парень тот, он тоже здесь,
Среди стрелков из «Эдельвейс».
Их надо сбросить с перевала», —

пел замечательный российский бард Владимир Высоцкий в полном соответствии с легендой о том, что на одном из перевалов встретились давние друзья-альпинисты, но теперь уже не на традиционном восхождении, а в жестокой схватке в составе армейских частей.

То там, то здесь появлялись слухи и сообщения о том, что в горах на Кавказе «во льду нашли девушку, убитую во время войны, и когда вырубили лед, она была как живая»; что группа немецких туристов на Эльбрусе извлекла изо льда замороженного своего товарища и увезла его в Германию; что на Марухском перевале в

лунные ночи по ледникам движутся тени погибших солдат, переговаривающиеся между собой, и т. д.

Все это закономерно, ибо война в горах никого из соприкоснувшихся с ними не оставляет равнодушным. И доля истины в этих легендах есть, только должен сказать: вырубая изо льда останки человека, погибшего тридцать-сорок лет назад, испытываешь не самые приятные чувства, зрелище это не для слабых, хотя это наш долг. А утверждать, что извлеченный изо льда был «как живой» может только человек, никогда этим не занимавшийся.

Да, Кавказ легендарен, и издавна легендарен. Седые его вершины испокон веков манили писателей, поэтов, художников, композиторов, этнографов, историков, естествоиспытателей, просто любителей путешествий и праздных туристов. Но началось это не с Великой Отечественной войны, а много ранее.

Для россиян и жителей бывшего Советского Союза Кавказ долгое время традиционно воспринимался сквозь призму творений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. И. Бестужева-Марлинского, Л. Н. Толстого, а позднее — многочисленных советских писателей, поэтов, художников и композиторов и ими же был романтизирован. По большей части все это было связано с войной, которую вела царская Россия в свете своих стратегических и экономических интересов на юге, а затем и с гражданской войной и ее последствиями. Романтику и чистоту гор и народов, их населяющих, не испортили так называемые восстания против советской власти, поскольку обошлось без традиционных для этого понятия виселиц, топоров и рек крови. Появляющиеся в конце 90-х годов XX века в прессе и околонаучных трудах инсинуации о «мощном повстанческом движении против советской власти в 30–40-е годы» не в счет.

В период, когда создавалась эта книга, я не предполагал, что на Северном Кавказе легенды уступят место жестоким реалиям и он снова окажется ареной кровопролитных, беспощадных схваток, на этот раз в Чечне, ставшей кровоточащей раной России. Характеристика этой войны, названной почему-то «чеченской», не входит в задачу автора. Но эта война подтвердила один из главных выводов предлагаемой вниманию читателя работы: война в горах, по большому счету, — это война без побед. Нельзя воевать в горах. В свое время об этом предупреждал Фридрих Энгельс, о котором сейчас

предпочитают не вспоминать. А зря, ибо написанное им о горной войне не потеряло актуальности и сейчас.

Когда-нибудь на Кавказе наступит долгожданный мир. Но обретет ли то, что происходило в Чечне и исподволь продолжается сейчас, своего Льва Николаевича Толстого, своего беспристрастного, честного и объективного исследователя, сумеющего дойти до истины, назвать подлинных виновников этой бойни и показать гибельность решения внутренних вопросов военным путем?

Что же касается боев на перевалах Главного Кавказского хребта в годы Великой Отечественной войны, то это — особая тема, связанная не с внутренними проблемами государства, а с отражением внешней агрессии. Это был первый и единственный в истории человечества высокогорный фронт в масштабах мировой войны. Экстремальные условия, как отмечалось, наложили свой отпечаток на характер боевых действий, и этим объясняется жгучий интерес многочисленных авторов к высокогорному фронту.

В отличие от других участков фронтов Великой Отечественной войны, о перевалах активно заговорили и стали писать сравнительно поздно — начиная с 60-х годов XX столетия. До этого в печати появлялись скудные сообщения, а в мемуарах советских военачальников эта тема либо не затрагивалась, либо освещалась весьма скупно. Очевидно, это было связано с тем, что в целом оборона Кавказа в войне с фашистской Германией на начальном этапе складывалась весьма неудачно для СССР и вся ответственность неимоверно тяжким бременем легла на плечи командующего Закавказским фронтом генерала армии И. В. Тюленева, ибо командующие Северо-Кавказским и Южным фронтами (С. М. Буденный и Р. Я. Малиновский, находившиеся в фаворе советских вождей до конца жизни), в сущности, свои фронты в июле-августе 1942 года растеряли, а выходить из положения пришлось Тюленеву — человеку, не любимому ни Сталиным, ни Берией, ни Хрушевым. Иван Владимирович Тюленев начал войну и закончил ее в чине генерала армии. Кавказ он отстоял, свою задачу выполнил, но Героем Советского Союза не стал. Правда, это звание ему присвоили, словно бы спохватившись, в 1978 году, за полгода до смерти, вслед за очередным геройским званием «доблестному малоземельцу» Л. И. Брежневу, Генеральному секретарю ЦК КПСС,

К. Н. Леселидзе — военачальнику, командовавшему армией на Кавказе и погибшему на Украине в 1944 году, а также городу Новороссийску.

В январе 1943 года бои за перевалы Главного Кавказского хребта прекратились полностью. Немцы сняли с перевалов свои части ввиду отступления, советские же подразделения убыли на другие направления, и к перевалам больше не возвращался никто. Правда, здесь оставались горнострелковые отряды, занимавшиеся после боев похоронами останков солдат, сбором оружия и боеприпасов, но эту работу в полном объеме они не выполнили, так как их перебросили на другие участки фронтов весной 1943 года. В 1943 году были депортированы карачаевцы, пасшие свои стада на высокогорных лугах, а колонистам, занявшим их места, там было нечего делать. На местах боев остались огневые точки, неиспользованные боеприпасы, трупы советских солдат. Год за годом их укрывали большие снега, а летом снег сходил, и там распускались сиреневые подснежники и перламутровые камнеломки, в начале осени ярко цвел безвременник, и снова шли дожди, омывая останки солдат между скалами и трупы, наполовину вмёрзшие в лед. Так прошло двадцать лет.

В начале шестидесятых годов XX века вернувшиеся из четырнадцатилетней ссылки карачаевцы стали поднимать вопрос о ликвидации боеприпасов в районах, прилегавших к перевалам, и о захоронении останков, но все оставалось на своих местах. В 1962 году чабан колхоза «Знамя коммунизма» Мурадин Кочкаров из Зеленчукского района Карачаево-Черкесской автономной области обнаружил на Северо-Каракайском леднике близ Марухского перевала большое количество останков красноармейцев. В связи с этим Карачаево-Черкесский обком КПСС и облисполком образовали комиссию для изучения района боев и захоронения останков погибших солдат. Комиссия, куда входили работники обкомов КПСС и ВЛКСМ, облисполкома, сотрудников милиции и КГБ, военкоматов и горные спасатели, поднялась на Северо-Марухский и Северо-Каракайские ледники и обнаружила не только большое количество солдатских останков, но и россыпи боеприпасов, которые вызывали потенциальную опасность. На следующий год останки солдат (это были останки советских солдат, ибо, как оказалось, немцы, будучи в более выгодных условиях, сносили трупы своих

товарищей и хоронили их) были собраны, вывезены в станицу Зеленчукскую и там погребены в братской могиле при огромном стечении народа. Боеприпасы же были взорваны в Марухской долине. Аналогичная акция была проведена и в Клухорском ущелье. В горах спустя двадцать лет прозвучало трагическое эхо войны, и оно перекинулось на всю страну. С этого периода и стала создаваться летопись боев на перевалах Главного Кавказского хребта.

Справедливости ради надо отметить, что огромное количество публикаций в периодической печати и воспоминания ветеранов не столько внесли ясность, сколько в значительной степени исказили и внесли путаницу в картину событий 1942–43 годов. Поскольку тема эта сохраняет актуальность, переплетение реалий и вымыслов часто встречается и поныне. К примеру, «Независимая газета» от 14 февраля 2002 года дает глазами журналиста Юрия Макунина свое видение событий 1942 г. на Эльбрусе под рубрикой «стиль жизни». Это статья «Война на Эльбрусе». Автор, сообщая читателю о том, что в 1-й и 4-й немецких горнострелковых дивизиях «альпинистами были все — от рядового до генерала», заставляет читателя ломать голову над тем, где Гитлер набрал около 30 тысяч альпинистов для двух дивизий? Кто тогда воевал в других горнострелковых дивизиях вермахта, равно как и о том, какой такой устойчивой краской и зачем немецким альпинистам нужно было «выкрашивать лошадей и мулов в белый цвет»? Но это — к слову, к тому, что в этой теме много путаницы и по сей день.

В 60-е годы XX столетия начались походы ветеранов и молодежи по местам боев. Как правило, организацией их занимались энтузиасты, для которых понятия патриотизм и память о Великой Отечественной войне не были пустым звуком. В скором времени ЦК ВЛКСМ принял Постановление «Об организации походов по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа». В процессе работы над этой книгой, имея на руках данные различных комсомольских организаций, я подсчитал, что только с 1969 по 1985 годы по местам боев на перевалах прошло около полутора миллионов человек! То есть такое количество человек испытало на себе все «прелести» восхождения на высокогорные перевалы в совершенно безопасных условиях и хотя бы теоретически осознало разницу между обеспеченным прохождением по маршруту и тем же самым в условиях боев. Массовые слеты-восхождения соверша-

лись молодежью Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Краснодарского и Ставропольского краев, Абхазии, Украины. Походы-восхождения молодежи из Новосибирска, Ростова, Москвы, Ленинграда, Тулы, Горького, Волгограда, Ульяновска, Костромы, Свердловска и многих других больших и малых городов были традиционными. Эти места жестоких боев собирали сотни и тысячи благодарных потомков, в восхождении на перевалы совершавших духовное восхождение к бессмертному подвигу отцов.

На участках, где шли бои, от Эльбруса, от перевала Бечо до Белореченского перевала было установлено свыше пятисот обелисков и около тысячи мемориальных досок, принесенных сюда со всех концов СССР. Работа по военно-патриотическому воспитанию и энтузиазм молодежи были настолько огромны, что в конце концов понятие «перевал» вне зависимости от того, были там бои или нет, становилось местом для поклонения и установки мемориальных знаков. Так, молодежью Армавира, Ростова, Одессы, Москвы и Киева были поставлены обелиски на перевале Хотю-Тау, где боев не было вообще: в августе 1942 года немцы заняли этот проход без боя и без боя же оставили в январе 1943 года. Обелиски с надписями «Доблестным защитникам перевала Хотю-Тау в 1942–43 гг.», «Вам, ставшим бессмертными в боях за Кавказ» и др. оказались безадресными. Аналогично обстояло дело и на целом ряде других перевалов.

Разумеется, происходило это от незнания фактического материала, обусловленного путаницей в огромном объеме публикаций. И упрекать молодых людей было не за что — их интерес был неподдельный, к тому же многие из них в горах оказались впервые и вряд ли рассчитывали на дальнейшее постоянное общение с теми же перевалами.

Зачастую не узнавали места боев ветераны, сражавшиеся здесь в свое время. Во время войны бойцам порой не сообщали, за какой перевал им придется сражаться. Наименование общего направления (например, «санчарское направление») принималось за сам перевал. Люди сражались в районе перевала, скажем, Адзапш, но пребывали в убеждении, что перед ними Санчарский перевал. Ветеран 808-го стрелкового полка Владимир Петрович Латышев не узнал Санчарский перевал, под которым он был

ранен. Он доказывал, что «тот Санчарский перевал был «другой», и на перевальной седловине «было маленькое озеро». Пришлось мне вести его на перевал Цегеркер поодаль от Санчарского перевала. Понятно, ветеран за всю свою жизнь в горах был однажды — в августе 1942 года. Потому и ошибался.

Запутанность темы вызвана еще и тем, что подавляющее большинство исследователей не было на местах боев и ограничивалось мемуарами и архивными данными, в лучшем случае заглядывая время от времени в географические атласы или даже без этого. А между тем, архивные данные также противоречивы и не полны, хотя бы потому, что часть операций разрабатывалась в зависимости от быстро менявшейся ситуации в батальонах, штабах полков и в документы штабов дивизий, корпусов и армий не попадала. Так, к примеру, в документах 394-й стрелковой дивизии в Центральном Архиве Министерства Обороны нет упоминаний о боях за перевал Западный Аксаут, хотя там сражались бойцы подразделений, приданных именно этой дивизии. Отчасти это объясняется еще и тем, что направления носили наименования ключевых перевалов (Эльбрусское, Клухорское, Марухское и т. д.), а остальные (Мырды, Гондарай, Гондарай-Клыч, Северо-Каракайский и др.) в архивах, да и на картах, не отражены, хотя в ходе боев эти, последние, перевалы играли весьма важную роль.

Кроме того, ряд мероприятий предпринимался Оперативной группой по обороне перевалов, созданной Л. Берия, и документы по ним в армейские архивы не попали.

Нужно иметь в виду и то обстоятельство, что на Главном Кавказском хребте и его отрогах войска как с одной, так и с другой стороны действовали большей частью разрозненно, небольшими группами сразу на нескольких направлениях. Радио- или проволочная связь была затруднена, а порою невозможна, большинство командиров плохо ориентировалось в незнакомых горах, и тут уже было не до письменных приказов.

Словом, слабость освещения хода и характера войны в горах объясняется, как видно, комплексом проблем.

Немецкие источники в этом плане более точны и в значительной степени реальнее отражают положение на «заоблачном фронте». Это касается целого ряда аспектов, но только в той части, участни-

ками и свидетелями чего они были. В остальном проблемы у них те же самые, что и в нашей отечественной историографии.

Комплекс обозначенных проблем привел меня к необходимости как кропотливой работы в архивах, библиотеках, музейных и других фондах, так и тщательной исследовательской работы на местах боев, тем более что там сохранялось очень много того, что могло бы внести существенные дополнения и коррективы: остатки блиндажей, огневых точек, использованные и неиспользованные боеприпасы, остатки обмундирования, и, конечно, останки солдат. Исследования проводились мною на Эльбрусе (восточная вершина и седловина, ледовые поля на южных и юго-западных склонах), на перевалах Кырдык-Ауш, Хотю-Тау, Чипер-Азау, Чипер, Мырды, Гондарай, Гондарай-Клыч, Клухор, Махар (на картах «Нахар» — обозначено ошибочно, в дальнейшем мы будем употреблять этот топоним в реальном его наименовании), Чаул-Чат, Гитче-Муруджу, Алибек, Аксаут, Западный Аксаут, Северо-Каракайский, Южно-Каракайский, Восточный Марух (в некоторых картах — Западно-Каракайский), Халег-Ауш (перевал Халега), Марух, Наур, Нарзан (перевал Кызгыч), Лаба, Цегеркер, Санчар, Аллаштрах, Дамхурц, Пхия, Умпырский. В ходе этих исследований мне в значительной мере удалось то, что не встречалось ни в одной из известных мне работ: привязать события к тем или иным горным местностям, поскольку армейские наименования, к примеру высота 1216, сейчас ни о чем не говорят.

В связи с этим хотелось бы отметить, что эта работа была бы крайне затруднена без помощи моих друзей — альпинистов Ибрагима Кипкеева, Хусея Холамиева, Магомед Байрамкулова, сотрудников не существующей уже Аксаутской геологической партии Азрета Эльканова, Умара Байрамукова, Бориса Лепшокова и многих других, за что выражаю им сердечную благодарность.

Кроме того, я выражаю признательность Союзу Ветеранов Горных Войск Германии, лично господину Хельмуту Вагнеру за бескорыстную помощь в снабжении мемуарной, справочной и иллюстративной литературой, а также Людмиле Баряевой — за помощь в организации связи с немецкими ветеранами и замечательные переводы на русский язык и Ольге Айдиновой — переводчице. В процессе работы неоценимую помощь оказывал мой друг и единомышленник Ислам Бурлаков.

Работа эта не претендует на фундаментальное и всеохватное исследование ни в целом битвы за Кавказ, ни всех событий, касающихся предгорий, Главного Кавказского хребта, Закавказья в суровые военные годы. Это попытка осветить наиболее неразработанные моменты битвы за Кавказ в той части гор, где шли жестокие бои, и на тех перевалах, которые немецкие войска выбрали в качестве возможных проходов в Закавказье.

Кроме того, выявилась необходимость проведения анализа международных отношений в свете битвы за Кавказ, мероприятий гитлеровской Германии по выполнению плана «Эдельвейс», предусматривавшего захват Кавказа. Взаимоотношения политиков и вождей СССР и Германии, Германии и Турции, Турции и СССР, Великобритании и Турции, совокупность проблем, связывавших эти отношения в ходе битвы за Кавказ в сложный, порой противоречивый и трудно объяснимый клубок, и сегодня порождают большое количество вопросов не только у исследователей-историков, но и у современных политиков. Утверждения советских историков об агрессивных планах ближайшего соседа СССР — Турции по захвату Закавказья в критические месяцы 1942 года, о концентрации на советско-турецкой границе миллионного войска и его «агрессивные» планы в отечественной истории всерьез не рассматривались, а то, что опубликовано, не удовлетворяет меня ни в коей мере, ибо оно является результатом политического заказа. Рассчитываю на то, что читатель сможет получить более или менее внятный ответ на вопрос, почему такое государство как Турция оказалось «врагом» Советского Союза, будучи в то же время «другом», о чем ясно сказал И. Сталин на Тегеранской конференции: «Турция является союзником Великобритании и находится в дружественных отношениях с СССР и США». Эти вопросы рассматриваются в данной работе в связи с немецким планом по захвату Кавказа «Эдельвейс». Поскольку название плана идентично наименованию немецкой горнострелковой дивизии, начавшей бои на «заоблачном фронте», представляется логичным и название книги: «В зоне «Эдельвейса».

Сегодня «советского народа» нет, как и нет государства с названием Союз Советских Социалистических Республик. Волею судьбы и политиков те республики, которые послали в 1942–43 годах сво-

их сынов на смертный бой среди камня и льда — самостоятельные государства. Зарубежье. Места далеких теперь от нас боев разделены государственной границей. Потомки тех, кто погиб на перевалах от пуль, осколков, камнепадов, болезней, и тех, кто попросту замерз, не смогут, как прежде, подняться туда и захоронить высушенные солнцем и вымытые дождями кости солдат: там стоят погранзаставы.

Нынче деятельность партийных и комсомольских организаций, занимавшихся этой проблемой, принято огульно характеризовать в негативном или, в лучшем случае, ироничном свете. Между тем, мы забываем о той огромной позитивной военно-патриотической работе, проведенной ими; о всенародном подъеме как искреннем и закономерном символе уважения к действительно великому подвигу, совершенному народами в годы войны, название которой из-за природной российской лени уместилось теперь в постыдную аббревиатуру — ВОВ.

Главный Кавказский хребет с его вершинами и ледниками, остатками боевых сооружений, непогребенными солдатскими останками, бывший символом объединения отцов и детей в духовном восхождении к бессмертному подвигу на протяжении полувека, исподволь перестает быть таковым. И трудно сказать, когда вернут ему погрязшее в беспамятстве политики его объединяющее значение, продиктованное совокупностью ландшафта, истории и памяти миллионов людей. К великому сожалению, наряду с номенклатурной идеологией оказались девальвированными в 80-е, и особенно в 90-е годы, подлинные духовные ценности, на которые опиралось общество.

Объявление государственной идеологией идеологии русской православной церкви фактически не привело к заполнению истинным содержанием того вакуума, который образовался в надстройке общества после развала СССР и поспешной утилизации коммунистических ценностей. Невозможно в одночасье страну воинствующего атеизма превратить в государство с фактически государственной же религией. Для этого нужно время. Не была готова к такому повороту сама церковь. Мы стали свидетелями того, что проповеди преосвященных особ на экранах телевидения перемежались с лживой, циничной рекламой, сценами насилия,

убийств, секса, против чего, собственно, выступает христианская мораль, да и сама церковь в период рыночных отношений не устояла от соблазна, прибрав к рукам табачные и спиртовые акцизы. Естественно, все это никоим образом не могло воспитывать в подрастающем поколении беззаветную любовь к Родине — то основополагающее качество, которое сыграло огромную роль в исходе страшной за всю историю человечества войны. А героиня прошлого, чистая, не оболганная, лишенная пропагандистской тины, не оскверненная несостоявшимися подвигами и событиями — лучший катализатор воспитания нравственно полноценного поколения.

Нет сомнения в том, что это — одно из стратегически важных направлений в создании всеобъемлющей общероссийской духовности.

Более того, если учесть политические реалии, сложившиеся в последнее десятилетие, надо признать, что проблема эта переходит в плоскость международных отношений, ибо Украина, Грузия, Армения и Азербайджан, кровью чьих сынов также омыты перевалы, сейчас для россиян являются зарубежьем, неуклонно теряющим значение «ближнего».

Что же касается Германии, то там память горных стрелков, погибших на фронтах Второй мировой войны, чтят, издается прекрасно оформленная литература, ведутся работы по организации солдатских мемориалов в Норвегии, Греции, Югославии, в России. Хотя там, как и в России, сознают, что без соответствующей государственной программы эта работа в скором времени пойдет на убыль.

Хотелось бы надеяться на то, что данная работа будет иметь не только познавательное, но и прикладное значение как для сохранения отечественной истории, так и в возвращении духовных ориентиров в военно-патриотическом воспитании подрастающих поколений.

Кроме того, эта работа является попыткой отделить историю как науку от пропаганды, призванной обслуживать те или иные политические институты.

Сделать это оказалось делом сложным по той причине, что в ряде архивных документов, которые большинство исследователей почему-то считают истиной в последней инстанции, те или иные

события или их характер в угоду пропагандистским задачам искажаются и приобретают совершенно иной смысл. К примеру, существует архивный документ, в соответствии с которым «советские войска в зимних условиях с боем ворвались на вершины Эльбруса и сбросили фашистские знамена. Фашисты в районе Эльбруса были отброшены к «Приюту Одиннадцати», где и отсиживались до зимы». Эта «утка» из архива запущена в научный оборот. Но верить ей нельзя.

И не только потому, что такого события не было вообще. Ясно, что так мог писать человек, даже близко не подходивший к Эльбрусу и не имеющий понятия об условиях горной войны. Немецкие штандарты были сняты с вершин в феврале 1943 года группой альпинистов, когда немцы были очень далеко от Эльбруса, и залп из табельного оружия в честь установления флагов СССР даже отдаленно не напоминал «бой», в результате которого советские войска «ворвались на вершины».

Другой пример. В №1 за 2003 год журнала «Научная мысль Кавказа» (Северо-Кавказский научный центр высшей школы) опубликована статья кандидата исторических наук Г. В. Марченко «Разгром партизанских отрядов в Карачае и Черкесии в 1942 году: правда и домыслы». Причины гибели партизанских отрядов в этих автономиях исследователь в целом определил верно. Им поднят большой архивный материал. Но с ним Г. В. Марченко обошелся небрежно: «Начальником штаба западной группы (*партизанских отрядов — авт.*) был назначен М. П. Храмков, секретарь крайкома ВКП (б)», — сообщает Марченко. Однако в других архивных документах Храмков значится командиром, а И. Е. Редькин — начальником штаба этой группы. «Лишь в Учкуланском отряде командиром был карачаевец, начальник райотдела НКВД А. Салпагов», — читаем далее в названной статье. Но упомянутый человек не был ни начальником райотдела НКВД, ни командиром этого отряда по той причине, что такого человека не существовало никогда.

Мне неизвестна реакция ныне живущих ветеранов — бойцов Микоян-Шахарского отряда «Мститель» на статью Г. Марченко. Едва ли их порадовало сообщение о том, что их отряд «спустя несколько недель после немецкой оккупации был расформирован, фактически не приняв участия в каких-либо серьезных опе-

рациях. В отряде не было погибших, партизаны просто разошлись по домам». Между тем, это не так. Отряд сражался, как мог, и там были погибшие. Но их вины в том, что исследователь не удосужился (!) посмотреть комплекс документов об этом отряде в том же архиве (!!), в том же фонде (!!!), нет.

Вопреки утверждению Г. Марченко, никогда не был заместителем старшины Учкулана М. Коркмазов — коммунист с 1932 года, директор школы и подпольщик. После оккупации необоснованно привлекался к ответственности как немецкий пособник, тогда же, в 1943 году, был оправдан. Исследователь мог в том же архиве получить его дело, как, впрочем, и остальных.

«Центром сопротивления (*против советской власти — авт.*) стал Учкуланский район, где повстанцев возглавили начальник полиции аула Нижний Карачай Д. Лайпанов, личный секретарь Кады Байрамукова Ю. Узденов, заместитель старшины Учкулана М. Коркмазов, Х. Сарыев, А. Бегеулов и другие». Тут надо сказать, что в Карачае никогда не было и нет аула с названием «Нижний Карачай». Поселок же Новый Карачай, если его имеет в виду Г. Марченко, никогда не входил в состав Учкуланского района; ни Д. Лайпанов, ни Х. Сарыев, ни Ю. Узденов, ни А. Бегеулов ко времени, когда Учкуланский район стал так называемым «центром сопротивления», судя по данным того же архива, там не находились. Подобных ошибок в статье много. Эти примеры приведены для того, чтобы показать, к чему ведет поверхностное знакомство с первичными архивными документами и бездумная их публикация.

И последнее. Работа над этой книгой продолжалась с перерывами двадцать лет. В те дни, когда мы поднимались на перевалы и определяли места боев, собирали солдатские останки и хоронили в могилах, сооружаемых из камня, шли жестокие бои на перевалах многострадального Афганистана. Там тоже гибли наши солдаты, и мы всерьез надеялись, что скоро эта война закончится и страна никогда больше не будет воевать. Надежды оказались напрасными. Едва ли в отечественной истории XX века мы найдем десяток-другой лет без войны. Раньше, отдавая дань памяти павшим в той далекой теперь Великой Отечественной войне на открытиях величественных мемориалов и массовых митингах по случаю погребения останков погибших, мы считали, что мир — это когда наша

страна не воюет, когда солдаты не стреляют и не возвращаются домой в цинковых гробах. Мы ошибались.

По данным газеты «Известия» от 17 июля 1996 года, в 1990 году рождаемость в России превышала смертность на 2,2% (13,4 против 12,2%). Через четыре года эти цифры составили соответственно 9,6 против 15,7, то есть смертность превысила рождаемость в полтора раза! Чем не война? И смертность эта — не на полях сражений, а от отравления алкоголем, инфекционных болезней, болезней органов пищеварения, голода и т. д.

Оказывается, МИР — ЭТО НЕ ТОЛЬКО ТОГДА, КОГДА НЕ СТРЕЛЯЮТ. МИР — ЭТО КОГДА РОЖДАЕМОСТЬ ПРЕВЫШАЕТ СМЕРТНОСТЬ, И ПРИ ЭТОМ ЛЮДИ ЖИВУТ В ДОСТАТКЕ И БЕЗ ВОЙН.

И в связи с тем что «В зоне «Эдельвейса» — все-таки книга о войне в традиционном понимании и проблемах, связанных с ней, я искренне хочу пожелать читателям мира. В полном смысле этого слова.

Храни Вас Бог!

Новый Карачай, 2005 год

Г л а в а 1

ИСТОРИОГРАФИЯ

Всестороннее изучение борьбы народов СССР против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны занимает большое место в исторической литературе. Созданы фундаментальные коллективные труды по истории второй мировой войны¹, истории Великой Отечественной войны². Коллективам авторов удалось в должной мере осветить все основные события войны, крупнейшие операции, приведшие гитлеровскую Германию к закономерному краху. В необходимой мере в этих трудах изложены причины неудач и побед советских войск на Кавказе, хотя там налицо идеологическая и политическая окраска, характерная для соответствующей эпохи. Коммунистическая пропаганда свойственна для всей исторической литературы, созданной во временных и пространственных границах СССР, и с этим исследователям необходимо считаться, что, безусловно, затрудняет работу, вынуждая раз за разом обращаться к параллельным или архивным источникам.

Серьезный вклад в разработку темы битвы за Кавказ внесли полководцы и военачальники Великой Отечественной войны. В их работах, наравне со всеми событиями, показаны наиболее крупные операции битвы за Кавказ³. Заслуга Г. К. Жукова, А. М. Василевско-го, С. М. Штеменко как авторов в том, что они показали военно-стратегическое значение крупнейших операций Северо-Кавказского, Южного и Закавказского фронтов.

В книге А. А. Гречко «Битва за Кавказ»⁴ дается анализ всех этапов боевых действий на Кавказе. В конце 80-х — начале 90-х годов XX столетия в историографии встречаются замечания о том, что Андрей Антонович эту книгу не писал, что это сделали за него другие.

Полемика по этому поводу не входит в наши планы и, очевидно, проку от нее нет. Но никто не может отрицать того, что А. А. Гречко был участником битвы за Кавказ на всех ее этапах, и многое изложенное в этом труде отвечает историческим реалиям и едва ли может быть подвергнуто сомнению. А что касается известной политизированности, то полководец был на вершине военно-партийной пирамиды — министром обороны СССР. В самых общих чертах изложен ход боев на «заоблачном фронте». Очевидно, автор не ставил перед собой задачи подробно анализировать события на Главном Кавказском хребте.

Говоря об исторической литературе, нельзя обойти вниманием труд доктора исторических наук Хаджи Мурата Ибрагимбейли — «Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток»⁵. В книге дан анализ этапов битвы за Кавказ; показаны намерения и действия союзников СССР (США, Великобритании) в комплексе с событиями на южном крыле советско-германского фронта; их политика в отношении государств Ближнего и Среднего Востока; изложен ход боевых действий в Северной Африке, показано значение их в срыве гитлеровского плана по захвату Кавказа «Эдельвейс». Недостатком этой работы является путаное изложение событий на высокогорном фронте, тенденциозное освещение политики Турции по отношению к СССР в годы второй мировой войны. Сам автор в личных беседах признавал, что этот раздел книги, выполненный под соответствующим давлением, требует серьезной доработки (осуществить эту работу Х. М. Ибрагимбейли не успел). Несмотря на политический заказ, на мой взгляд, «Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток» остается одним из лучших исследований, посвященных битве за Кавказ.

Для осознания происходивших на Эльбрусе событий весьма значимыми являются работы О. Л. Опрышко — одного из самых честных и объективных исследователей. Его книги «На Эльбрусском направлении» и «Заоблачный фронт Приэльбрусья» до сих пор не теряют своей актуальности.

В целом, проблемы битвы за Кавказ в 1942–43 годах в исторической литературе достаточно разработаны и получили солидное отражение в статье А. А. Анিকেева, Т. М. Баликоева, С. В. Януша и Н. В. Селивановой в издании Северо-Кавказского научного центра высшей школы «Научная мысль Северного Кавказа»⁶, и дублировать ее

здесь нет необходимости. Одно из главных достоинств данной статьи — это четкое объяснение того, почему события на юге России до сих пор являются предметами споров: «Каждое сражение Великой Отечественной войны имеет свои особенности и специфику, стратегическую и тактическую значимость, историческое место. По-видимому, внимание многих именитых исследователей было приковано к таким поворотным и знаковым событиям, как битва за Москву, победа под Сталинградом, оборона Ленинграда, сражение на Курской дуге, Берлинская операция и другим, в результате которых на советско-германском фронте во Второй мировой войне в целом кардинально менялась обстановка. В череде военных сражений битва за Кавказ не оказалась ярким хрестоматийным образцом полководческого мастерства и глубокого стратегического замысла. Может быть, это обстоятельство сыграло определенную роль в выборе учеными предмета исследования, внимательного и вдумчивого анализа существа сражений. Между тем, оборона Кавказа является ключевым событием во всенародном процессе разгрома агрессоров.

Следует отметить, что внимание историков чаще привлекают выигрышные темы, наполненные позитивной фактурой, яркими событиями, нарастающими успехами и блистательной развязкой. Это влечение в течение нескольких десятилетий совпадало с соответствующими политическими установками. Не секрет, что деятельность историков была и остается под пристальным вниманием политиков, и современная правящая элита не является исключением... Содержание общественнознания не должно изменяться всякий раз на следующий день после очередного высказывания крупного государственного сановника или принятия решения определенным управленческим форумом, органом, даже фактом смены общественного строя. Для объективного осмысления происшедших перемен, событий и вновь открывающихся перспектив развития исторической науки исследователю требуются многие десятилетия»⁷.

Сказано точно. Едва ли характер событий на том или ином участке фронта может быть мерилем их ценности в исторической науке, как и то, что история как наука в общем не может быть позитивной или негативной, положительной или отрицательной. Можно как угодно прятать те или иные явления, к которым у политиков нет симпатий, но суть этих явлений проявится в лю-

бом случае, ибо пробел в исторической науке, образованный по прихоти того же сановника, рано или поздно проявит себя клубком трудноразрешимых вопросов, становящимся болевой точкой в развитии общества.

В научных трудах, посвященных боям на «заоблачном фронте», фактически нет сведений о том, как же жили народы на северных склонах Главного Кавказского хребта и как бои на перевалах отразились на их дальнейшей судьбе. Из истории северокавказцев фактически вычеркнут период оккупации. Нет серьезного анализа ситуации, сложившейся в северокавказских автономиях накануне оккупации и после нее.

Мы ограничимся кратким анализом тех работ, которые не попали в поле зрения авторов вышеупомянутой статьи (тем более, что некоторые из них появились как у нас в стране, так и за рубежом недавно), определив приоритеты по темам, которым, собственно, и посвящена эта книга.

Оборона перевалов Главного Кавказского хребта

Из большого числа работ, посвященных этой проблеме, особо отметим труд грузинского историка Карло Цкитишвили «442 огненных дня»⁸. В нем автор по дням прослеживает ход битвы за Кавказ. Последовательно, в хронологическом порядке обозначены основные события каждого дня битвы за Кавказ, начиная с 25 июля 1942 года по 9 октября 1943 года. Привлечен огромный документальный материал для дифференцированного показа всех этапов битвы за Кавказ. Причем эта дифференциация не нарушает целостности картины. Цитируются немецкие источники. Работа представляет для историков и всех заинтересованных читателей большой интерес. Но и здесь главный недостаток — освещение боев на перевалах Кавказа. Не будем голословны и процитируем, сохраняя авторскую стилистику во всех случаях:

«22 день битвы за Кавказ. 15 августа 1942 года... На северных склонах Клухорского перевала появились части противника, с которыми вступили в бой подразделения 1-го батальона 815-го полка 394-й грузинской стрелковой дивизии. Бойцы батальона ценой больших потерь сдержали натиск противника. Батальон почти це-

ликом погиб, но врага не пропустил. За это время командование подтянуло свежие части, которые не позволили немцам, захватившим перевал, спуститься на южный склон. К 18 августа остатки батальона в количестве 17 человек были отведены в район Южного Приюта»⁹.

В действительности указанный батальон сражался 15–16 августа без подкреплений и погиб весь. В живых, К. Цкитишвили прав, от батальона осталось 17 человек. Но немцы не только взяли перевал 15 августа, но к исходу 17 августа заняли и указанный в цитате Южный Приют. В штабе 394-й стрелковой дивизии (кстати, эта дивизия в архивных источниках не имеет наименования «грузинской», хотя и комплектовалась в Грузии) о потере Клухорского перевала узнали только лишь 18 августа, когда «эдельвейсы» находились в Южном Приюте. Поэтому гибнущему на перевале батальону помощи никто не оказал.

«16 августа 1942 года... Объединенные силы Черкесского городского и районного партизанских отрядов остановили батальон немецкой горнострелковой дивизии «Эдельвейс» перед Архизом на пути к Санчарскому и Марухскому перевалам»¹⁰. Между тем батальоны указанной дивизии «Эдельвейс» в Архызское ущелье не направлялись. Названный в цитате партизанский отряд движение немцев не остановил и в тот же день был разгромлен. Ранее об этом мы сообщали¹¹.

«20 августа 1942 года... 121-й горнострелковый полк 9-й горнострелковой дивизии, совершив за два дня 70 км, с ходу атаковал горнострелковые части противника и после ожесточенного боя полностью разгромил его группировку, уничтожив в районе с. Гвандра до батальона пехоты противника. За эту операцию командир полка майор Н. И. Аршава был награжден Орденом Ленина, а 121-й горнострелковый полк получил Орден Красного Знамени»¹². Но в районе селения Гвандра не было никогда немцев численностью до батальона пехоты. Туда просочилась группа автоматчиков численностью менее роты. Эту группу и атаковал с марша 121-й полк. В результате боя штаб 394-й дивизии, оказавшийся совершенно неприкрытым, понес серьезные потери, прежде чем немцы были оттеснены выше по ущелью. Ни командир полка Иван Иванович Аршава, ни его полк за этот бой не награждались орденами. Автор приведенной цитаты ссылается на источник — Центральный Ар-

хив Министерства обороны СССР. Фонд 9-го горнострелковой дивизии. Но в этом фонде как раз и значится, что награждение полка состоялось позже, а сам командир полка был награжден Орденом Ленина посмертно. В связи с этим процитируем еще одну запись: «26 августа 1942 года. 33 день битвы за Кавказ. 121-й полк 9-й горнострелковой дивизии и подразделения 810-го полка 394-й грузинской стрелковой дивизии под командованием генерала Леселидзе К. Н. окружили в районе деревни Клыдж горнострелковый полк противника. Оставив на поле боя более двухсот убитых солдат и офицеров, гитлеровцы ночью с боем вырвались из окружения»¹³.

Вопреки утверждениям К. Цкитишвили, 26 августа 1942 года генерал-майор К. Н. Леселидзе не командовал боем в Клухорском ущелье в районе деревни Клыдж. Он находился в это время в штабе 3-го стрелкового корпуса, которым командовал. Именно этому корпусу изначально ставилась задача закрыть перевалы Главного Кавказского хребта, с чем Леселидзе не справился. Это во-первых.

Во-вторых, деревни с названием «Клыдж» не существовало никогда. Здесь имеются в виду селение Генцвиши и пастуший хуторок Клыч в одноименном ущелье (топоним с карачаевского языка переводится как «меч» и образован от главенствующей вершины Клыч-Кара-Кая — «меч черной скалы»), и поскольку топоним «Клыдж» лишен всякого смысла, вне зависимости от ошибочной военной топонимии, мы будем пользоваться истинными названиями: Клыч, Махар, Мырды и т. д.

В-третьих, в записях от 20 августа 1942 года и 26 августа того же года сообщается фактически об одном и том же событии — ликвидации группы немецких альпинистов-автоматчиков в районе селения Генцвиши. Разница в том, что в последней записи упоминаются Леселидзе, не руководивший этим боем, и подразделения 810-го стрелкового полка, на этом участке не воевавшие никогда. Ну и, конечно, окружение горнострелкового полка противника в этом ущелье — это миф.

«28 августа 1942 года. Противник начал бои с Клухорского перевала в южном направлении с тем, чтобы по долине реки Кодор выйти к Сухуми»¹⁴. Но на этом направлении бои начались с 15 августа и не прекращались до глубокой осени. Поэтому еще более стран-

ным становится утверждение о том, что на следующий день бои были прекращены¹⁵. Тем более, что автор в дальнейшем неоднократно упоминает о боях на этом направлении.

Едва ли можно всерьез рассматривать факт освобождения селения Псху в изложении К. Цкитишвили: «Обходными маневрами войск 46-й армии немецкие горнострелковые части в районе абхазского села Псху были окружены. В ожесточенном бою противник потерял до 5 тысяч солдат и офицеров и вынужден был отойти. Село Псху было освобождено»¹⁶. Уточним, что общее количество немецких солдат, задействованных в боях за Псху, было меньше приведенного в цитате числа потерь. В этой связи вспоминается великий русский полководец А. В. Суворов, ответивший на вопрос о понесенных турками потерях: «Пиши их поболее, чего их, супостатов, жалеть!».

Невозможно объяснить появление в книге следующей информации: «20 сентября 1942 года. 58 день битвы за Кавказ. Завершилась оборонительная операция войск 46-й армии (командующий генерал-лейтенант К. Н. Леселидзе) Закавказского фронта на перевалах центральной части Главного Кавказского хребта. В многочисленных боях противнику были нанесены большие потери, а остатки его разбитых частей отброшены на северные склоны по всей центральной части Главного Кавказского хребта. Немецко-фашистскому командованию не удалось выполнить свой план прорыва в район Сухуми и перехвата наших черноморских коммуникаций.

Войска 46-й армии, отряды Тбилисского пехотного училища и сводный полк НКВД, разгромив части 1-й горнострелковой дивизии «Эдельвейс» и другие егерские части 49-го горнострелкового корпуса, овладели группой высокогорных перевалов Санчаро»¹⁷. Это бодрое сообщение встречается не только в работах грузинских авторов. Есть оно и у А. А. Гречко, Х. М. Ибрагимбеили, у А. Завьялова и Т. Калядина и др.

Между тем, оборонительная операция войск 46-й армии вовсе не была завершена. Немцы не оставляли попыток прорваться к морю на протяжении всего сентября и первой половины октября. Соответственно, их части не были разбиты и отброшены на северные склоны Главного Кавказского хребта. Войска 46-й армии не громили здесь части 1-й горнострелковой дивизии «Эдельвейс» по той причине, что на этом участке за все время боев не было ни

одного подразделения этой дивизии. Группа Санчарских перевалов не была взята частями 46-й армии. Вообще же надо прямо сказать, что ни один высокогорный перевал, захваченный немцами в августе-сентябре 1942 года, советским частям не удалось освободить и закрепиться на них. Кроме тех, которые немцами не были взяты, например, перевалы Кызгыч (Нарзан), Наур, Доу и др. Именно поэтому запись от 17 октября 1942 года в книге К. Цкитишвили сообщает, что «начались ожесточенные бои Санчарской группы войск 46-й армии за группу Санчарских перевалов». Что полностью перечеркивает ранее сообщенную информацию об «овладении группой перевалов Санчаро». Очевидно, что пассажи, вроде овладения группой Санчарских перевалов, необходимы были в целях создания хотя бы одной позитивной фактуры, не столько для характеристики трагических для обеих воюющих сторон событий, сколько грустной попыткой показа полководческого «таланта» советских военачальников, «проспавших» перевалы. Едва ли в этом была необходимость.

Мы столь подробно остановились на работе Карло Цкитишвили по той причине, что ошибки, вроде приведенных выше, характерны в той или иной мере для всех работ, посвященных как в целом битве за Кавказ, так и боям на перевалах в частности. Большинство этих ошибок аккумулировано в указанной книге «442 огненных дня». Здесь уместно предположить, что исследования, посвященные другим участкам фронтов Великой Отечественной войны, в силу изученности, свободны от подобных пассажей, «свидетельствующих» о героизме и мужестве советских солдат.

К сожалению, оказалось, что некоторые авторы — ветераны частей, воевавших на высокогорном фронте, тоже знают о событиях на перевалах понаслышке. К примеру, В. М. Харитонов — бывший начальник штаба 815-го стрелкового полка, воевавшего на Клухорском перевале, в очерке «На горных перевалах Кавказа» вполне серьезно сообщает о том, что немцы, в порядке разведки тропы на перевал, пустили сначала отару овец, которые и пошли к нему по известным им тропинкам¹⁸. Автор, судя по всему, не знал о том, что еще во второй половине XIX века был в скалах прорублен до перевальной седловины колесный путь — высокогорный отрезок *Военно-Сухумской дороги*, а довоенными туристами набиты тропы, выводящие к перевалу в обход Клухорского

озера. Так что «эдельвейсам» не было необходимости гнать перед собой отару овец.

Большую работу сделали в 60-е годы XX столетия ставропольские журналисты В. Гнеушев и А. Попутько¹⁹. В отличие от подавляющего большинства авторов, они были на Марухском и Клухорском перевалах, встречались с живыми участниками боев и поднимались вместе с ними на перевалы, записывали их рассказы, легшие в основу их книг. Они провели определенную работу в архивах. Их книги — это сборники очерков о боевых действиях на перевалах Главного Кавказского хребта. Вместе с тем, по этим очеркам трудно представить себе целостную последовательную картину боев. Книга «Тайна Марухского ледника» в какой-то мере повествует о последней попытке немецких горных стрелков прорваться к морю в центральной части хребта. Фрагментарными остаются сведения о боях на перевалах Санчарского, Клухорского, Эльбрусского направлений. К тому же в книгах сообщается о «событиях», которых на самом деле не было. К примеру, установлено, что не было никаких «черноморцев среди скал», не поднимались черноморские моряки-десантники ни на Марухский, ни на Клухорский перевалы, и вообще западнее Эльбруса на оборону перевалов не было отвлечено ни одно военно-морское подразделение. Моряки-черноморцы участвовали в боях севернее Мамисонского перевала по Военно-Осетинской дороге в совершенно иных условиях. Едва ли это дает авторам право говорить о дерзких рейдах черноморцев по немецким тылам на направлениях, где моряки не были никогда.

Почти во всех работах отсутствует характеристика районов и условий, в которых происходили боевые действия. А без этого сложно понять суть происходивших там событий. Там же, где они есть, трудно понять, о чем идет речь. Чаще всего исследователи ограничивались самыми общими сведениями, весьма далекими от реальности: «Стремительно несут свои холодные воды Маруха и Аксаут, Тиберда (так в тексте — авт.) и Чхальта. А чуть в стороне прячет вершину в дымящихся облаках (!) Кара-Кай поблизости от Марухского перевала. От него на восток — перевал Клухор, на запад — Наур Сенчор...»²⁰. К сожалению, автор приведенных строк в процессе работы даже не заглядывал в географический атлас. Нет на Кавказе перевала под названием «Наур Сенчор». Есть перевалы Наур и Санчар, но между ними около десятка горных проходов. Ледники

вершины Кара-Кая питают реки Маруха и Аксаут, но ничего общего с этой вершиной не имеют ни Теберда, ни Чхалта.

Между тем, подобно тому как знание местности в 1942 году во многом предопределяло успех или поражение тех или иных воинских частей в условиях гор (в отличие от равнин, здесь ход событий зачастую предопределялся рельефом), так и характеристика местности необходима в анализе тех или иных событий. Ландшафт иногда может стать ключом к разгадке тайн. К сожалению, этого нет ни в одной из известных нам работ, как и нет мотивации того, чем была обусловлена гибель советских солдат на Эльбрусском, Махарском и Марухском участках. А между тем, указанные события во многом тоже были предопределены своеобразием рельефа местности как фактором объективным, и неподготовленностью и незнанием горных условий со стороны командования — в качестве фактора субъективного.

Горная война и народы гор

Едва ли по этой теме можно найти сотую долю объема исторической литературы, посвященной собственно боям на перевалах. Выше мы отмечали о создающемся впечатлении, что горные ущелья были пустынями и там никто не жил. Но между тем, в предгорьях и в горах, ставших аренами ожесточенных боев, жили народы, о судьбах которых историки «вспомнили» в расчете на лидерство в освещении некогда запретной темы о депортации, в погоне за сенсацией и сохранением собственного имиджа в быстроменяющихся условиях исподволь проваливавшейся перестройки на исходе XX века и установления криминально-монархического режима в начале XXI века. Вспомнили в связи с депортацией и указали, что в качестве причины последней были «коллорабационизм», «бандловстанческое движение», «партизанская война» против Советов и прочие «экзотические», «мусульманско-националистические» коллизии. Тема оказалась выигрышной, поскольку предоставляла неограниченный простор для мифотворчества

Хотя, впрочем, и до перестройки были книги, авторы которых в ходе осуществления той же колониальной политики в условиях «развитого социализма», следовали принципам «разделяй и властвуй», противопоставляя одни народы другим, а внутри народа —

конкретных деятелей всему народу. Безусловно, авторы выполняли политические установки, получали гонорары и не умирали от стыда.

При этом принципы колониальной политики 70–80-х годов XX века преподносились принципами пролетарского интернационализма. Горький урожай от обильно посеянных «пролетарским интернационализмом» зерен на юге Россия пожинает и по сей день.

Начало третьего тысячелетия. Государства, не претендующие на звание *великих*, преодолели барьеры отчуждения и открыли друг другу границы. Наша Родина, *великая Россия*, бьется в тисках межнациональных и конфессиональных проблем, возводя на границах субъектов Федерации блокпосты, напоминающие таковые на рубежах враждебных государств.

Но беда в том, что блокпосты на границах как возводятся, так и убираются, а заведомая ложь, возведенная в ранг исторических реалий, в дальнейшем не подвергается сомнению. Авторы, между тем, еще ни разу не снизошли до публичных извинений за свои, мягко говоря, ошибки. Хотя при этом надо признать, что часть из них, например Н. Бугай, провели титаническую работу, выявив и опубликовав огромное количество ранее закрытой информации. Но проблема в том, что он пошел на поводу материалов НКВД, нисколько не заботясь о том, что эти материалы требуют самого тщательного анализа.

Эти авторы – А. Попутько, В. Гнеушев, А. Авксентьев, Х. Лайпанов, Н. Бугай и другие – в 70–90-е годы XX столетия активно вносили свой вклад в дело фальсификации и политизированной деформации новейшей истории, и, думается, их вклад как в развитие исторической науки, так и в создание напряженности на Северном Кавказе значителен. Работы их мы попытались проанализировать и механизм фальсификации вскрыть²¹.

После выхода книги «Свет и тени партизанской войны» автор получил много упреков в излишней жесткости по отношению к вышеупомянутым ученым. Однако мне приходилось учитывать тот факт, что последние имели большую переписку с общественными организациями и движениями, приглашавшими их на различные конференции, предупреждавшими, что зачастую тиражируется ложь (надо ли объяснять, что нет и не может быть ничего хуже лжи по отношению к целым народам, исходящей как от регионального

журналиста — опричника номенклатуры, так и от государственного сановника). И был особый цинизм в том, что все это публиковалось под благовидным предлогом восстановления исторической справедливости, с определенной долей «сострадания» к депортированным народам, в ходе законодательного оформления реабилитационных процессов. Эта эстафета подхвачена новыми авторами.

Вот книга Б. В. Соколова «Оккупация. Правда и мифы», изданная в Москве в 2002 году²². Правда, в отличие от вышеупомянутых авторов, Б. В. Соколов может не знать сути подлинных событий, переписки с ним не было, на конференции он не приглашался. Но является ли это незнанием основанием для создания околонуточных анекдотов? Гораздо проще, на наш взгляд, совершенно не писать о том, о чем знаешь только понаслышке. Думается, не каждый заинтересованный читатель найдет книги Соколова и познакомится с его концепцией. Поэтому придется цитировать его по возможности полно и, поскольку сейчас для нас важен не столько характер событий, сколько принцип «было или не было» (очевидно, если события не было как такового, так и о характере говорить не приходится), сразу же и внесем соответствующие комментарии.

«Разумеется, коллаборационизм на оккупированных территориях не сводился к действиям РОА или РОНА. Не надо забывать, что Российская империя была колониальной державой. Многие ее народы ощущали себя такими же угнетенными и бесправными, как и народы английских и французских колоний в Азии и Африке. Народы Кавказа и Средней Азии, видя в советской власти наследницу империи, не прекращали борьбу с ней в основном под исламскими и сепаратистскими лозунгами и в 20-е, и в 30-е годы. Закономерно, что кавказские горцы встретили германские войска как своих освободителей. Справедливости ради необходимо заметить, что о преступлениях Гитлера те же карачаевцы или балкарцы, преподнесшие ему золотую сбрую, не имели ни малейшего понятия. Издававшаяся в Берлине газета выходила под лозунгом «Аллах над нами — Hitler с нами», который отражал реальные чувства кавказских народов. Аналогичным образом в Италии и Франции партизаны-коммунисты боролись и умирали с именем Сталина на устах, не ведая о его злодеяниях. Для многих северокавказских народов вспыхнувшая после начала войны партизанская борьба стала естественным продолжением восстания 1930 года, жестоко подавленного советскими войсками»²³.

Мы не знаем, как себя ощущали народы английских и французских колоний в Азии и Африке. Но народы Северного Кавказа, их история, их развитие едва ли имеют сходство с народами Азии и, тем более, Африки. Вероятно, Б. Соколов — большой специалист по европейским колониям в Азии и Африке; но в таком случае логичнее было бы анализировать именно эту тему и не касаться проблем, о которых обнаруживается весьма смутное представление. Поскольку в основе своей характеристика колониальной политики европейских стран в азиатских и африканских странах — это тема весьма далекая от предмета нашего исследования и, несомненно, сама по себе важная, есть резон ее здесь не рассматривать вообще, а заинтересованному читателю вернуться для начала вместе с Б. Соколовым к учебникам истории для средней школы.

Далее. Автор не уточняет, какие народы Кавказа, не прекращали борьбу с советской властью. Он игнорирует тот факт, что карачаевцы, балкарцы, осетины не имели своей государственности как таковой на момент завоевания их Российской империей, хотя, будучи потомками первого централизованного, раннесредневекового Аланского государства на территории нынешней Российской Федерации, разгромленного и разоренного до основания Тимуром в конце XIV века, сохранили в значительной мере черты государственности, в том числе неприятие сепаратизма в любых его проявлениях. И в том, что та же Карачаево-Черкесия в период пресловутого «парада суверенитетов» обрела статус республики последней, есть своя, историческая закономерность. В начале 90-х годов XX века она проявила себя. Подавляющее большинство карачаевцев отказалось от раскола Карачаево-Черкесии на Карачаевскую, Зеленчукско-Урупскую и прочие карликовые республики. Подсознательное чувство государственников сохранило республику от страшного кровопролития в 1999 году, когда, казалось, некоторыми политиками из центра и из-за рубежа были приняты все меры для устройства межнациональной бойни, дальнейшего расширения кровопролитных действий на Кавказе.

Что же касается «исламских лозунгов», то уместно напомнить, что осетины в подавляющем большинстве своем суть христиане, а балкарцы и карачаевцы приняли ислам, пожалуй, позже всех, так как официальной религией того же Аланского государства было христианство. Памятники христианства до сих пор высются

в самом сердце гор, демонстрируя миру не только жемчужины раннесредневекового культового зодчества первой четверти X века, но и уважение к памяти предков, конфессиональную терпимость карачаевского народа. Именно из него в начале XXI века российские авантюристы от политики при поддержке ученых-дилетантов пытались сотворить «гнездо ваххабизма», используя для этого государственные и иные средства массовой информации. Народы Центрального и Западного Кавказа, принявшие ислам на исходе XVIII века, и сегодня далеки от исламского фундаментализма. В повседневной жизни этих народов еще ощутимы как черты язычества, так и культ христианских святых (*Гюрге-кюн* — день св. Георгия, *Элия-ай* — месяц святого Илии Пророка, *Абустол-ай* — месяц св. Апостолов и др.). Общеизвестно, что внедрение ислама не носило здесь активного и напряженного характера и происходило под постоянным и неусыпным контролем государя Российского, по его же инициативе строились мечети в крупных городах (например, в Ставрополе, Владикавказе), издавались книги для верующих и т. д. Затем все это было приостановлено советской властью почти на столетие. Естественно, многое оказалось утрачено, а оставшееся деформировано до такой степени, что к началу XXI века грамотных, свободно читающих и толкующих священный Коран людей оказалось ничтожно мало. Какой уж тут «ваххабизм» или «сепаратизм под исламскими лозунгами»? Тем более в 30-е годы XX столетия, в условиях воинствующего атеизма, при И. Сталине.

Отметим также, что о преступлениях Гитлера, вопреки утверждению Б. Соколова, горцы знали достаточно хорошо. Почти во всех аулах было радио, люди получали как местную, так и краевую, центральную прессу; она же публиковала многочисленные письма фронтовиков-горцев. В Карачае, например, институт партработников-пропагандистов работал с небывалым размахом. Об этом свидетельствует как местная пресса, так и очерки, опубликованные в центральной печати тех времен, отчеты о пленумах обкомов и впечатляющие статистические данные о помощи населения фронту и т. д.

Теперь о встрече кавказскими горцами германских войск «как освободителей». Едва ли историческая наука является благоприятным полем для гипотетических или лингвистических упражнений.

Какие «кавказские горцы» тут имеются в виду? «Освободителей» от кого? От чего?

Собственно Чечня не была оккупирована немцами, так что чеченцам «встречать как освободителей» было некого. Немцам удалось занять лишь молодой ингушский город Малгобек, но между населением и немцами стояли войска Северной группы войск Закавказского фронта (44-я, 58-я, 9-я, 37-я армии, 5-й и 4-й гвардейские кавалерийские казачьи корпуса). Они никак не позволили бы детям гор встретить агрессоров хлебом-солью, даже при условии, что у горцев было бы к тому гжучее желание.

В связи с этим отмечу еще одного «новейшего» историка Николая Гродненского, недавно сообщившего миру о том, что с «осени 1942 года по январь 1943 года, во время фашистской оккупации Чечни (выделено нами — авт.), чеченцы активно сотрудничали с гитлеровцами». Если этот пассаж (Чечня, как было отмечено выше, не была оккупирована немцами) можно отнести к незнанию элементарных, общеизвестных фактов, то последующие заявления Н. Гродненского иначе как измышлениями (да простит меня читатель!) не назовешь. Налицо эксплуатация принципа «чем чудовищнее ложь, тем быстрее в нее поверят»: «В то время, когда практически все народы Кавказа (например, все осетинское население было мобилизовано практически поголовно) воевали с фашизмом, эти чеченские группировки, достигавшие 40 тысяч человек, наносили удары в тыл Красной Армии. Кроме стрелкового оружия, чеченские части были вооружены артиллерией и минометами, полученными от немецких «друзей», а обучением их занимались заброшенные немецкие инструктора»²⁴.

А зачем забрасывать инструкторов, если Чечня, как утверждает по неведению Н. Гродненский, была оккупирована, — в недоумении спросит вдумчивый читатель. А каков был численный состав чеченцев, если только в тылу Красной Армии против нее сражались два полнокровных армейских корпуса (40 тыс. человек!), — снова спросит читатель и никакого ответа не найдет. Потому что там, помимо этих «сорока тысяч», проживали люди, которые никак не могли воевать (младенцы, например, женщины, почтенные старцы и др.). Как представляет себе Гродненский «почти поголовную мобилизацию осетин»? Такого, насколько мы знаем, не было.

А еще вспомнит читатель о том, что в числе героических защитников Брестской крепости было много чеченцев и ингушей, что в

Чечено-Ингушетии в начале 1942 года была сформирована 114-я Чечено-Ингушская кавалерийская дивизия (командир — полковник Х. Мамсуров), укомплектованная в основном чеченцами и ингушами, а затем на ее базе 255-й отдельный Чечено-Ингушский кавалерийский полк (командир — Я. Абадиев, затем майор М. Висаитов) и отдельный кавалерийский дивизион (командир — майор С. Висаитов); о том, что на территории республики были сформированы 242-я горнострелковая и 317-я стрелковая дивизии, активно участвовавшие в битве за Кавказ²⁵. Между прочим, все эти полки и дивизии не баклуши били, а сражались с немцами на фронтах в полной мере, и в этих боях полегла большая часть бойцов. Не вина погибших, что их бросили фактически безоружных, с шашками наголо, против моторизованных и танковых немецких частей. Нет их вины и в том, что российское руководство Бориса Ельцина в конце XX века подготовило благодатную почву для войны и спровоцировало в той же Чечне такую бойню, что весь цивилизованный мир пришел в ужас. Как нет в том вины десятков тысяч российских парней, погибших ни за что, мирных жителей, оказавшихся под бомбами, детей, оставшихся сиротами, не умеющих читать и писать, но справляющихся теперь с огнестрельным оружием лучше иных взрослых.

Вне сомнения, книга Гродненского — это заказ, целевая установка для смещения акцентов, окончательного оформления чеченского народа во внутреннего, непримиримого врага Российской Федерации. В этой книге еще много всяких «прелестных» доводов вроде: «В мае 1990 года председателем Верховного Совета РСФСР стал Б. Ельцин. Человек, внесший огромный вклад в развал СССР и приведший на грань уничтожения Россию. Его победа на выборах была обеспечена голосами депутатов из Чечено-Ингушетии».

Из чего следует вывод, что большинство этих самых депутатов Верховного Совета РСФСР были чеченцами.

Надо полагать, что и в выборах Президента Российской Федерации победу Ельцину обеспечили чеченцы с ингушами, и в благодарность за две эти великие заслуги Борис Николаевич начал планомерно стирать в порошок своих верных избирателей в Чечне, параллельно поставив на грань гуманитарной катастрофы соседнюю с ней Ингушетию.

Ну и само собой разумеется, если верно то, что сообщает Гродненский, виновниками развала СССР в конечном итоге являются чеченцы.

Нам представляется, что любой автор имеет право любить тех или иных людей, равно как и относиться с симпатией или антипатией к тому или иному народу (хотя кажется, что это уже явление клиническое). Но при этом необходимо помнить о совести или хотя бы сохранять видимость приличия. Тем более, что Н. Гродненский дает в целом объективную и убедительную картину событий последнего десятилетия (1994–2003 гг.) на территории Чеченской Республики и проявлений различных установок из Кремля.

Но вернемся к книге Б. Соколова.

Может быть, Б. Соколов говорит об осетинах, встречавших немцев как освободителей? Но их в этом как будто никто не обвинял. И потом, была оккупирована только часть Северной Осетии.

Но не будем томить читателя, Соколов говорит о карачаевцах и балкарцах, преподнесшие Гитлеру золотую сбрую. Правда, никому не ведомо, как горцы «преподнесли» ее фюреру, если тот ни в Карачай, ни в Балкарию ногой не ступал и никаких карачаево-балкарских делегаций не принимал, равно как и о том, носил ли сбрую Гитлер лично или использовал для каких-либо иных целей.

Но вот что касается встреч, то лучше всего посмотреть, что сообщают об этом сами немцы: «В ночь с 13 на 14 августа 125-я пехотная дивизия на штурмовых и резиновых лодках с трудом переправляется через реку (*Кубань — авт.*)... Поддержанные огнем немецкой артиллерии и зенитных установок немецкие части быстро форсируют Кубань и сооружают через нее понтонные мосты. 5-й корпус следует маршем по «стране черкесов». Мусульманское население вывешивает над крышами домов флаги с полумесяцем и приветливо встречает немцев как освободителей от ига коммунистов-атеистов»²⁶. Автор — Пауль Карелл — говорит здесь о переправе 5-го армейского корпуса генерала Ветцеля через Кубань западнее Краснодара и дальнейшем марше на Майкоп.

Другое свидетельство: «Утром из Черкесска увидел я на горизонте заледеневшие вершины Эльбруса. Теперь впереди виднелся заснеженный горный массив, куда нам предстояло идти, и до него было около 50 км. Население в основном встречает нас приветливо на нашем маршруте, приносит яблоки и абрикосы, продает уп-

ряжь, лошадей и ослов, сообщает сведения о противнике — войсках и партизанах. Мужчины в широкополых шляпах, в бурках, меховых шапках огромных размеров и в изношенной старой одежде. Кинжалы, ножи, сабли и пистолеты были почти у всех, и верхом (эти люди) имели дьявольский вид», — писал лейтенант из 1-й горнострелковой дивизии «Эдельвейс» Вернер Якоби²⁷. Можно привести несколько аналогичных цитат о подобных встречах и «готовности горцев служить германскому рейху, энтузиазме народов, превзошедшем все ожидания» и т. д. Получается, вроде прав Б. Соколов.

Но ведь так немцев встречали везде. Характер этих «встреч» был одинаков и объяснялся как естественным страхом перед сильным и жестоким завоевателем, так и наивными надеждами на разрушение сталинского режима и освобождение от него — закономерный синдром гражданской войны, войны не менее неистовой и жестокой, чему очевидцами были сами встречающие. Никаких митингов, торжественных встреч не было ни в Карачае, ни в Балкарии, ни в Северной Осетии, ни тем более в Чечне с Ингушетией. За весь период оккупации Северного Кавказа немцы провели лишь одно мероприятие с привлечением делегаций из сталинских автономий — празднование Ураза-байрама 16–17 ноября 1942 года в городе Кисловодске. Выбор места был обусловлен тем, что железнодорожные пути к Нальчику, где первоначально планировалось это мероприятие, были разрушены. Кроме того, неподалеку от столицы Кабардино-Балкарии, в соседней Северной Осетии, в районе Ардона — Чиколы шли упорные бои, к тому же сам командующий первой танковой армией генерал Эвальд фон Клейст со своим штабом находился в это время рядом. Этот комплекс причин и привел к тому, что встреча с Клейстом состоялась именно в Кисловодске, а не в Нальчике. Вместе с тем, «всенародной» эту встречу не назовешь, так как количество участников было предварительно ограничено, к тому же это мероприятие особого энтузиазма у населения, подсознательно чувствовавшего недоброе, не вызвало. Генералу Клейсту тоже не с чего было радоваться. Местные «лидеры» оккупированных северокавказских автономий, хотя и клялись в верности фюреру, как оказалось, реальной силы не имели и серьезной помощи застрявшей в излучине Терека его 1-й танковой армии оказать не могли. Грабежом, как в центральной полосе, и реквизициями немцы не

занимались. Клейст, вопреки предписаниям Кейтеля, такие вещи пресекал. Добровольно же население, кроме мелочи, ничего не приносило. На дефицит продовольствия и вьючного транспорта жаловался в своих мемуарах упомянутый Пауль Карелл²⁸, отмечавший ранее «острое желание целых общин коренных кавказцев записаться в добровольцы и даже против желания высшего немецкого командования готовых участвовать в борьбе против Красной Армии». Сражавшимся на высокогорном фронте немецким горным стрелкам, как сообщает тот же Карелл, «стало вдруг постоянно недоставать какого-нибудь десятка-двух истребителей или пикирующих бомбардировщиков, половины батальона пехотинцев, парочки сотен вьючных животных». Не знаю, как насчет истребителей и пикирующих бомбардировщиков, но половину батальона и сотни две вьючных животных в оккупированной зоне немцы набрать бы смогли. Но не набрали.

Ничего не получилось с комплектованием воинских частей для вермахта из жителей Адыгеи и Карачаево-Черкесии у героя Первой мировой и гражданской войн генерала Султан Гирея-Клыча, прибывшего в эти районы в сентябре 1942 году, о чем репатриированный в СССР генерал прямо сказал на суде в 1946 году: «Я убедился, что никакой вражды к коммунистам и партизанам у местного населения нет, и поэтому призывать к расправе с ними было рискованно. Окончательно я убедился в неприемлемости такого способа действий, когда узнал, что в августе 1942 года во время наступления на мой родной аул Уляп немцы расстреляли 22 парламентаря, в том числе и 2 подростков, из жителей аула».

Так где же тот самый пресловутый «переход горцев на сторону немцев» и в чем он выразался, если немцам так не хватало людей и вьючных животных, бывших у них тут же, что называется, под рукой?! Об инертности местных жителей в ходе боев на высокогорном фронте упоминал командир 49-го корпуса генерал Конрад²⁹. Мы еще вернемся к этому вопросу, поскольку он актуален в современной исторической литературе.

Что касается встречи немцев и «борьбы под исламскими и сепаратистскими лозунгами», то, видимо, аспект этот надо брать шире, не только в масштабах Карачая и Балкарии. По той причине, что война, как и враг, была одна на всех. При таком подходе концепция Б. Соколова рассыпается в прах.

При рассмотрении этого вопроса, очевидно, надо брать в качестве отправной точки 22 июня 1941 года — день вторжения вермахта в СССР. С этого трагического дня началось наступление немецко-фашистских войск, да такое, что уже в ноябре немец стоял под Москвой, на севере — под Ленинградом, на юге взял Ростов. Немецкая кампания 1941 года в Советском Союзе отмечена небывалыми потерями со стороны Советов: в котле под Уманью 8 августа оказались значительные силы 6-й и 12-й армий с семью корпусными штабами. В плен к немцам попало свыше 103 тысяч человек, кроме того, агрессор получил исправных 317 танков и 858 орудий.

В этот же период под Смоленском немцы пленили 310 тысяч красноармейцев при 3 тысячах танков и примерно таком же количестве орудий.

К концу августа под Киевом 1-я и 2-я немецкие танковые группы окружили 7 армий, и в плен к ним попало около 665 тысяч человек. Немцами было захвачено 3718 орудий и 884 танка. Таких потерь в войне мир еще не видел. Горьким был для нашей страны тот первый год войны. Это бесспорно.

Но как вело себя население в оккупированных зонах?

Встречало ли немцев как освободителей? Оказывало ли им всевозможную помощь?

Или нужно считать, что столь впечатляющих успехов немцы достигли, ломая яростное сопротивление местных жителей?

Нет, фактов такого сопротивления жителей исследователи не находят. Наоборот, большей частью немцев встречали либо как освободителей, либо с показным равнодушием, за которым, опять же, скрывались ненависть и страх. На этом фоне редкими очагами сопротивления были окруженцы, пытавшиеся из глубокого немецкого тыла выйти на соединение к своим, но не сумевшие этого сделать и вынужденные поэтому собираться в отряды. Подлинная, масштабная партизанская борьба и организованное сопротивление агрессору только начинались. В основном превалировали растерянность, паника и страх. Это общеизвестно.

Если судить по логике современных исследователей, считающих, что такое поведение местных жителей по отношению к немецким агрессорам предосудительно и достойно депортации, то депортации подлежали все народы, попавшие в немецкую оккупационную зону,

начиная от Бреста и кончая Подмосковьем и Ростовом-на-Дону. Правда, остается открытым вопрос о колониях.

В самом деле, можно ли считать, что жители, к примеру, Орловской, Брянской или Смоленской областей Советской России «ощущали себя такими же угнетенными и несправными, как и народы английских или французских колоний в Азии или Африке»? Довлели ли над ними «исламские и сепаратистские лозунги»? Очевидно, нет.

Но между тем, было много случаев, когда тамошние жители встречали немцев не только хлебом-солью — с иконами и хоругвями. Возобновились крестные ходы, правда, с участием немецких офицеров. Создавались различные партии и институты фашистского толка.

Уже к ноябрю 1941 года фактически во всех оккупированных территориях оформлялись политические и «национал-политические» партии России. *Национал-социалистическая партия всей России* издала огромным тиражом и распространила свой «Манифест», призывавший к уничтожению коммунистов, евреев, Советов и колхозного строя³⁰.

Не страдали «исламским сепаратизмом» и святые отцы (их, перешедших на обслуживание Русской Освободительной Армии Власова и казачьих соединений, оказалось тысячи человек), активно проповедовавшие беспощадную борьбу против коммунистов и евреев на Смоленщине, Орловщине, Брянщине, да и в Ростовской области, на Кубани и Ставрополье. Подпольщики-коммунисты общались в центр о том, что паства активно поддержала «святых отцов», погрязших, вопреки евангельским канонам, в политических и идеологических баталиях. Евангельская заповедь «не убий!» откровенно сменилась заповедью «убей еврея, большевика» и т. д. Тем более, что немцы в первые дни оккупации в одном только городе Карачеве открыли сразу четыре церкви, а в Суроже — две³¹. Поэтому и провожали местные жители уходящих все дальше на восток, к Москве, немцев с цветами и под колокольный звон. Вместе с немцами уходило брать Москву большое количество славян — выходцев из той же центральной полосы.

Южнее, на Дону и Кубани дело обстояло аналогичным образом, с той лишь разницей, что казачество более активно сражалось против большевистского режима. Вот сухой, объективный, лишенный всякой пропагандистской риторики рассказ казачьего полковника

М. М. Ротова (стилистика источника сохранена) из недавно вышедшей книги документальных материалов казачьего генерала В. Г. Науменко «Великое предательство»: «Будучи посланным генералом П. Н. Красновым доверенным его лицом в штаб Южного немецкого фронта, я был участником и свидетелем организации и жизни Казачьего Стана, а позже как Окружной атаман Донских станиц находился в составе Главного Казачьего управления.

При вступлении немцев на родную землю казаки воспрями духом — так рассказывал первый Походный атаман генерал С. В. Павлов. Уже нельзя было видеть тех пришибленных казаков, которые стали втихомолку организовываться. Коммунистические чиновники не могли этого не видеть, но они, не имея охраны НКВД, как-то притихли и стали повсюду, как это было в городах, постепенно куда-то скрываться. Началась расплата кое с кем из них за содеянное.

А когда разбитые красные части стали бежать в беспорядке от наступающих немцев, казаки, откопав спрятанное оружие времен Белой борьбы (*гражданской войны — авт.*) и вооружившись, чем попало, стали нападать на мелкие группы красных и на их обозы, забирая оружие.

С приближением же фронта непосредственно к станицам и хуторам, некоторые из них организовывали небольшие вооруженные отряды, делали по ночам засады и вносили панику в дезорганизованные красные части. Если удавалось захватить активных партийных работников, их ликвидировали немедленно, а красноармейцев, отобрав у них оружие, отпускали. Все эти отряды действовали самостоятельно, связи между ними не было.

Однако, со взятием Новочеркаска, когда фронт продвинулся дальше, зашевелился Дон, стал постепенно организовываться, как это было в 1918 году. Аналогичные движения происходили на Кубани и на Тереке.

Казаки, как говорил Павлов, не были так сильны, как четверть века назад. Истребление их физическое и моральное подорвало былую мощь казаков. Но все же, и остатки казаков представляли собой еще большую силу.

Сам Павлов, организовав довольно крупный отряд, сражался с красными. В освобожденном Новочеркасске восставшими казаками он был выбран Походным атаманом донских казаков³². При этом, добавим мы, казаки, естественно, не страдали «исламским сепаратизмом».

Приведенный выше рассказ — тоже «взгляд с той стороны». Ничего подобного, за исключением единичных случаев, не было ни в Карачае, ни в Балкарии, ни в Ингушетии, ни в Адыгее. На то были свои причины. Казаки же имели все основания ненавидеть советскую власть. Но об этом отдельный разговор.

Что же касается газеты «Газават», которую цитирует Б. Соколов, то она издавалась не в оккупированной немцами зоне. Эта газета была основана эмигрантами из Северного Кавказа, перешедшими на службу к немцам, и издавалась в Германии. Производство этой газеты финансировалось ведомством Геббельса. И она, естественно, выполняла все установки заказчика. Этим продиктован далекий от реальности, чисто пропагандистский материал о «национальном герое Карачая» Кады Байрамукове. Это материал, с которым реальный Кады Байрамуков имел очень мало общего. Так, в этой статье нет ничего о том, с 1940 по 1941 год этот человек, отбыв наказание за участие в мартовском 1930 года «восстании» (срок наказания был короток ввиду того, что «повстанец» не вышел возрастом), работал в одном из колхозов Учкуланского района и был победителем в социалистическом соревновании. Но ему не давали работать, припоминая неблагонадежность уничтоженных чекистами трех братьев и двух сестер. Время от времени приходилось ему переходить на нелегальное положение и скитаться вместе со своей семьей. Соответственно, власти делали из него бандита. В 1940 году семью Байрамукова приютила супруга секретаря Учкуланского РК ВКП (б) Р. А. Эльканова. В его доме родилась дочь Кады Байрамукова. По имени хозяйки дома ее нарекли Супият. Сам секретарь вызвал изгоя в Учкулан и вновь дал ему возможность вернуться в колхоз. Там Байрамуков работал добросовестно и ударно. Но в феврале 1941 года Р. А. Эльканова забрали в Москву на Высшие партийные курсы. В Карачай он не вернулся — в сентябре секретарь райкома героически погиб на Волховском фронте. Лишенный человеческой опеки, вновь преследуемый и травимый, колхозник опять перешел на нелегальное положение. Борьба с советской властью у него не было ни сил, ни возможности. Разумеется, с приходом немцев этот незаурядный, прямо скажем, человек перешел к ним и во второй половине октября 1942 года возглавил Областной Карачаевский Национальный Комитет — структуру, призванную обеспечивать оккупационный режим в области.

Деятельность комитета и ее руководителя — предмет особого, отдельного исследования, пока же отметим, что пропагандистский образ К. Байрамукова и реальный человек — два совершенно разных явления. Пропагандистские штампы, возведенные в ранг символа, знамени борьбы с большевизмом, необходимы были по ту сторону линии фронта, как и по эту были нужны знамена и символы борьбы с фашизмом. Война шла! А соответствовала ли эта пропаганда действительности, никого не волновало. Пропаганда такого характера, как правило, является определенной попыткой идеализации в мере, необходимой для достижения политических результатов. В данном случае — для поднятия «морального» духа горцев Северного Кавказа, которым эта газета предназначалась. Это была газета для всех северокавказцев. Тираж ее был небольшой, так как на стороне Германии выходцев из Северного Кавказа служило относительно немного. Различные источники называют от 10 до 15 тысяч человек (кабардинцы, адыгейцы, черкесы, карачаевцы, балкарцы, осетины, ингуши, чеченцы, дагестанцы). Редактировал газету чеченец-эмигрант А. Автурханов. В сущности, это был печатный орган политической организации «Северо-Кавказский национальный комитет», преобразованной из объявленного в конце июня 1943 года в Германии «Союза единения народов Северного Кавказа». Соответственно, отдельные печатные органы, вроде газеты-листовки «Горец Кавказа», в связи с этим были упразднены.

Помимо «Газавата», министр народного просвещения и пропаганды Третьего рейха доктор Геббельс издавал большое количество газет для оккупированных территорий, военнопленных, коллаборационистов, власовцев, казаков: крупноформатные многополосные «Deutsche Zeitung im Ostland» и «Слово». Эти и другие газеты издавались в Берлине для оккупированных территорий.

Кроме них, коллаборационисты и жители оккупированных территорий получали: «Новый путь» (издавался в Калуге), «Новый путь» (издавался в Курске), «Новый путь» (Борисов), «Новый путь» (Витебск), «Новый путь» (Гомель), «Новый путь» (Орша), «Посев и жатва» (Орша), «Посев и жатва» (Курск), «Новое слово» (Таганрог), «Новая станица» (станция Крымская), «Новочеркасский вестник», «Одесса» и «Одесская газета», в Одессе же издавалась ежедневная информационная газета «Молва», в Смоленске — «Колокол», там же в течение трех лет выходил в свет сатирический

антисоветский журнал «Бич» и др. Из различных «голосов» можно отметить следующие: «Голос Донбасса», «Голос Крыма», «Голос Кубани», «Голос народа», «Голос Ростова». Не забыты были железнодорожники: «Вестник дирекции путей сообщения» и др.; шахтеры: «Шахтинский вестник» и др.; крестьяне: «Земледелец Тавриды», «Свободный пахарь», «Сельскохозяйственный листок» и др.; дети: «Школьник», «Юному читателю» и др.; священники: «Церковный благовест», «Православный христианин» и др.

Для бывших советских граждан, теперь доблестно сражавшихся в составе вермахта, выпускалось огромное количество газет, форматом, периодичностью и тиражом аналогичных советским, с характерными же советскими названиями: «Правда» (аналог ленинской газеты!), огромное количество газет с названием «За Родину!», а также газеты «Боевой путь», «Голос война», «Доброволец», «Заря», «За свободу», «На страже Родины», журнал «Родина» и т. д. и т. п.

Женщины, служившие в вермахте или попавшие под оккупацию, утешались приложением к газете «Голос Крыма» под названием «Мир женщины» или газетой «Для женщин». На худой конец, были такие малопопулярные в силу формата и периодичности, как «Женские листки» и проч.

Характерно, что почти все газеты и журналы, созданные немцами и направленные на соответствующие цели, редактировались и издавались бывшими гражданами СССР: политработниками, журналистами, священниками, комсомольскими активистами, кадровыми военными и комиссарами. Так, известно, что газеты «Доброволец» и «Родина» для власовцев издавал бывший бригадный комиссар и член военного Совета 32-й армии Г. Н. Жиленков. Журналистские наклонности обнаружились и у бывшего генерал-майора береговой службы И. А. Благовещенского, перешедшего на службу к немцам. Он сотрудничал с антисоветской газетой «За Родину!». Затем стал редактировать газету «Клич», впоследствии переименованную по предложению Власова в «Зарю».

Большое количество газет издавалось немцами и перешедшими к ним на службу «товарищами» в зоне действия немецко-фашистского плана «Эдельвейс». «Азовский вестник», «Возрождение Кубани» (издавался в г. Кропоткине), «Вольный казак» (Славянск-на-Кубани), «Голос Кубани» (Армавир), «Ейские новости» (Ейск), «Заря Кавказа» (Георгиевск), «Кавказ» (Пятигорск), «Кавказский казак»

(Майкоп), «Кубань» (Краснодар), «Майкопская жизнь» (Майкоп), «Новое время» (станция Кавказская), «Новая Кубань» (ст. Лабинская), «Новая станица» (ст. Крымская), «Новая жизнь» (ст. Егорлыцкая), «Пятигорское эхо» (Пятигорск), «Свободное казачество» (ст. Великокняжеская), «Свободная Калмыкия» (Элиста), «Свободный Терек» (г. Прикумск — ныне Буденновск), «Станичник» (ст. Славянская) «Утро Кавказа» (Ставрополь). Характерно, что краевая газета «Ставропольское слово», №№ 15 и 17 за 1942 год, посвятила восхвалению немецких горных стрелков и покорению ими Эльбруса огромный материал, в котором авторы совершенно утрачивают чувство меры.

Другая газета, «Пятигорское эхо» от 12 сентября 1942 г., опубликовала обращение к горцам Северного Кавказа: «... Горец! У тебя теперь есть своя власть. Твои права охраняет доблестная германская армия. Люби эту власть, люби германского воина, который, как орел, перелетел через снеговые горы, чтобы освободить тебя и твоих братьев!

Живи счастливо, хозяин гор! Пусть благословен будет твой труд и твоя гостеприимная сакля!». Это были краевые газеты.

Что касается областных, то учитывалась их подведомственность краевому руководству и фактически листовочным форматом выпускались «Новая Жизнь» — для Черкесской автономной области; «Свободный Карачай» — для Карачаевской автономной области и др.

Характерно, что почти все члены редколлегий этих газет были в прошлом большевистскими журналистами или преподавателями. Так, в газете «Казачий клинок» сотрудничали профессиональные ставропольские журналисты Михаил Бойко и Евтихий Коваленко — бывшие сотрудники ставропольской краевой молодежной газеты «Молодой ленинец»³³.

В 1942–43 годах выходили в свет, помимо вышеперечисленных, газеты «Казак», «Казачий вестник», «Казачье дело», «Казачий клич», «Казачий смех», «Кубанец» и другие.

Для творческой интеллигенции с января 1943 года стал издаваться литературный журнал «Казачьи ведомости».

Само собой разумеется, что в число мероприятий агрессоров входило создание различных «партий» и организаций фашистского толка. Об этих партиях и организациях уже было сказано в первой части исследования³⁴, подробный же анализ их деятельности — вопрос от-

дельный. Пока же отметим, что все эти институты типа «Карачаевский областной национальный комитет», «Черкесская управа» и прочие, созданные по инициативе немцев, довольно скоро лишились иллюзий относительно политических и административно-территориальных устройств и довольствовались вопросами хозяйственного или, в лучшем случае, полицейского порядка. Ни одному из этих институтов ни в оккупированной России в целом, ни на Северном Кавказе в частности, немцы не доверяли в полной мере.

Впрочем, Б. Соколов не первый использует понятие «партизанская война против Советской власти». Этот термин появился гораздо раньше — в книге Махмуда Асланбека (Дудова) «Судьба карачаевского и балкарского народов», изданной в 1952 году в Анкаре³⁵. Автор эмигрировал из Карачая в 20-е годы. Это был весьма образованный для своего времени человек. Но, порвав с родиной, он в своей работе использовал информацию на уровне слухов, порожденных той же геббельсовской пропагандой. Ничем иным не объяснить различные инсинуации о довоенном положении Карачая и Балкарии, о массовом голоде, о поголовных репрессиях и т. д. Ситуация в горных районах в период немецкой оккупации практически списана с газет типа «Газават». Вместе с тем, автор верно определяет численность ушедших на фронты Великой Отечественной войны воевать с немцами людей — 70% мужского населения и количество покинувших Карачай и Балкарию вместе с немцами — в общей сложности около 1000 человек (половина из них — женщины и дети). Эти данные отражены в других, не зависимых от этих авторов источниках³⁶.

В остальном, конечно, сочинение Асланбека у сведущего человека вызывает улыбку: «В конце 1942 года положение на войне претерпело большие изменения. С вмешательством в войну Англии и Америки, с открытием второго фронта, Германия вынуждена была покинуть Кавказ»³⁷. Как видно, автор не знал о том, что Англия вступила в войну с Германией в сентябре 1939 года, а Америка — с декабря 1941 года, как не знал и о том, что второй фронт был открыт в июне 1944 года. Однако цитируем дальше: «Карачай вновь был брошен в неопределенном положении. Видя отступление войск, народ (*какой народ? — авт.*) обратился к немецкому командованию, на что был получен ответ: «Это маневр, мы скоро вернемся». Получив этот неопределенный, уклончивый ответ, народ, не зная-

ший действительного положения дел, оказался в состоянии поисков выхода из сложившегося положения. Он пытался предотвратить грядущее бедствие. Попавший в трудное положение народ, как в старые добрые времена, хотел податься в Турцию. Но страшная зима, а также то, что в руках красных находились Закавказье и Черное море, лишили его этой возможности. Агенты большевиков, чтобы предотвратить массовое переселение, развили агитацию о том, что Северный Кавказ Красная Армия оккупировать не собирается, что Кавказ будет отдан английским войскам, находящимся на данный момент в Иране, в качестве подарка за помощь в войне. *(Безусловно, ничего подобного не происходило — авт.)* В результате этих слухов вместе с немцами вышло в путь всего лишь 1000 карачаевцев и других горцев (половина их состояла из женщин и детей). Остальные же остались на родине. Мужчины, которые были решительно против Советов, пытались скрыться в горах до прихода немцев. Тысячи карачаевцев, балкарцев и примкнувших к ним черкесов и абазин в горах Теберды и Учкулана, в труднодоступных ущельях, заняли оборону».

Едва ли нужно комментировать приведенную выше цитату, ибо даже неспециалисту понятна пропагандистская направленность, далекая от реальности. Но далее картина, нарисованная Асланбеком, напоминает сцены «страшного суда» над народами Северного Кавказа. И ничего общего с тем, что происходило в действительности, не имеет: «Стоило только немцам отступить, как красные войска со стороны Терека совместно с партизанами-коммунистами 15 января оккупировали Карачай. С этого началась трагедия Карачая.

Используя самолеты, танки и пушки Советская армия, ведя борьбу с партизанами, заодно принялась уничтожать население, которое хоть как-то входило в контакт с немцами. Русские с помощью местных коммунистов вновь начали организовывать колхозы.

Однако сопротивление партизан, казалось, будет длиться еще долго. Умеющие с детства обращаться с оружием, знающие горы как свои пять пальцев, горцы продолжали наносить урон силам противника. В узких ущельях использование самолетов, танков и пушек не приносило желаемого результата. И красное командование бросилось искать новые выходы из сложившегося положения. Советы стали самолетами выжигать ту местность и те селения, которые были в руках партизан. Большинство населе-

ния было перебито при бомбежке, остальные бежали в леса. Карт-Джурт, Учкулан, Хурзук и другие села достались Красной Армии почти полностью разрушенными»³⁸. Как известно, ничего подобного не было. Не было ни танков, ни самолетов, ни героически «сопротивлявшихся Красной Армии» партизан, ни многочисленных жертв, ни тем более выжженных местностей и разрушенных селений.

Цель автора ясна: ему хотелось показать Западу, находившемуся тогда с СССР в состоянии «холодной войны», что народы гор стали символами доблести, мужества, олицетворением героической национально-освободительной войны против колониального ига и власти большевиков. Кредо таких авторов — история народа должна быть героической (обязательный численный перевес противника, обязательно с шашками против пушек, танков, самолетов и т. д. и т. п.). В период «холодной войны» — вдвойне героической, ибо приходилось воевать как с колониальной политикой, оставшейся от времен императора, так и с «засильем жидо-большевиков». Как видим, почти по Б. В. Соколову.

Может быть, теперь это заманчиво и, в духе современных «демократических» веяний, престижно. Но такого не было. Карачаевцы, как и балкарцы, в подавляющем большинстве своем были преданы советской власти, защищали и эту власть, и Родину (не разделяя эти понятия) на фронтах Великой Отечественной войны, поддерживали ее и после оккупации работали с огромным воодушевлением. И на то были свои веские причины.

Наряду со сказанным выше надо отметить, что в остальном книга Б. Соколова довольно объективно отражает состояние общества во временно оккупированной зоне. Очевидно, это лучшее исследование, посвященное страданиям и бедам народов России в период Второй мировой войны, апогею раскола, происшедшего в 1918–20 годах, трагическому расчленению единого общества под лозунгом *все развивающейся классовой борьбы*. Оккупация, наряду с проявлениями истинной доблести, героизма и самопожертвования, вызвала к жизни низменные инстинкты и качества людей в масштабах, адекватных первым. Это, видимо, свойственно человеческой природе вообще, без деления по национальному признаку, и характерно для всех войн. Вместе с тем, на разных территориях многое происходило с заметными отклонениями от выработанной совре-

менными историками универсальной схемы сопротивления сталинскому режиму.

Очевидно, на нынешнем этапе пересмотра событий прошлого понятия «партизанское движение против Советской власти», «национально-освободительное движение» и др. обретают для кого-то определенный «позитивный» смысл, и за ними стоят реальные факты (например, события в Прибалтике или в Западной Украине в годы войны и политическая реабилитация эстонских эсэсовцев, украинских националистов).

В противном случае операции с такими понятиями — это то же самое, что пришивать заплатку к несуществующей одежде, как в случае с карачаевцами и балкарцами.

Уточним: борьба против Советов совместно с чужеземными захватчиками (в данном случае на стороне германского фашизма) воспринимается и подается некоторыми авторами как оправданная борьба с деспотией, с режимом И. Сталина. Вероятно, это проблемы нравственности, ибо такой подход фактически оправдывает смену одного режима другим, более жестоким и бесчеловечным, по принципу «цель оправдывает средства». Надо прямо сказать, что ряду исследователей фашизм Адольфа Гитлера милее режима Иосифа Сталина. Хотя, на мой взгляд, это уже проблемы больше медицинского характера, нежели исторического. Тем не менее, такая точка зрения в российской исторической науке существует. Значит, вполне закономерно, что семена фашизма из страны побежденной находят благодатную почву в стране победившей. Наличие фашистских организаций в «обновленной России» — факт, как известно, общепризнанный. Досадно, что в начале третьего тысячелетия в России проявляются симптомы столетней давности.

Возвращаясь же к теме, надо отметить, что действия населения, связанные с неизбежной немецко-фашистской оккупацией на Северном Кавказе и ее последствиями, в основном не отличались от действий на остальных оккупированных территориях России. Попытки современных авторов придать событиям в Карачае, Балкарии и ряде других республик масштабный и «экзотический» характер (т. е. свойственное только этим регионам «бандповстанческое» или «партизанское» движение против советской власти, «национально-освободительная борьба под исламскими и сепаратистскими лозунгами», пресловутый «восточный колорит» и проч.) есть либо

осознанное искажение исторических фактов в соответствии с политическими установками, либо расчет на оригинальность и дешевую сенсацию, либо элементарное мифотворчество от незнания истинного положения дел. И то, и другое, и третье для исторической науки губительно, а потому и неприемлемо.

«Мухинизм» как болезнь российской аналитики

В 2004 году в Москве издательством «ЯУЗА» выпущена книга «Отцы-командиры». Это книга в форме исторического повествования с параллельными комментариями военного, этического, политического и т. д. характера. Повествованием занялся кадровый офицер, ветеран Великой Отечественной войны А. З. Лебединцев. Нам представляется, что его мемуары — это подробный, честный рассказ о войне, такой, какой она была. Кроме того, это воспоминания о первых годах Советской власти на Кубани, о коллективизации, о голоде, об учебе в военно-пехотном училище, о первых боях и горьком, сравнимом с бегством отступлении, об обороне Кавказа, об освобождении его, о яростных боях в донских степях и т. д. А. З. Лебединцев называет вещи своими именами и рассказывает о том, чему свидетелем он был и о чем знал. Это замечательные воспоминания.

Жаль только, что они стали основой для анализа «ответственности советских офицеров за чрезмерные потери войск Красной Армии в той войне». Анализ этот пытается совершить «известный исследователь» Ю. И. Мухин. Говорю жаль, потому что воспоминания офицера-фронтовика, в сущности, не нуждаются ни в «анализе», ни в комментариях. Они и без этого обладают глубокой повествовательной и эмоциональной силой и изложены таким образом, что комментарии и всякие прочие «анализы» становятся лишними. Тем более этот «анализ» пытается провести человек, ни одного дня не служивший в армии, бывший руководителем на производстве, т. е. «штатский офицер», Ю. Мухин. «Аналитик», и это видно сразу, ставит себя над фронтовиком; его товарищами, давно покинувшими этот мир; над событиями, свидетелем которых он не был; над трупами, усеявшими поля безжалостной жатвы. По отдельным, единичным поступкам тех или иных людей дает свою оценку,

определяет, кто из офицеров герой, а кто трус; какие офицеры нужны стране, какие нет. «Зачем мы на вычеты из своих доходов их (офицеров — авт.) одеваем, обуваем, тратим огромные деньги на их обучение», — разглагольствует он, как будто погибшие на фронтах той далекой войны до своей гибели содержались на вычеты из зарплаты Мухина³⁹. Что касается погибших не на фронтах, репрессированных и депортированных людей и народов, то у Мухина свой, «оригинальный» взгляд, свидетельствующий о набирающем силу фашизме и болезни общества. О чем речь?

А. З. Лебединцев вспоминает, что во время следования на Дальний Восток в 1945 году в Казахстане он встретился со своей землячкой-карачаевкой (сам Александр Захарович из станицы Исправной, что в Карачаево-Черкесии): *«Ехали мы в товарном вагоне. У вагонов проходили местные жители и предлагали на продажу ведрами очень дешевую соль... Среди попрошайек я увидел одну молодую женщину, совсем не похожую на раскосых аборигенок. На руках ее был грудной ребенок. Она была истощенной, одета в сильно потрепанную, когда-то модную шерстяную кофту... Она просила хлеба или сухарей для грудного малыша. Я велел Юрке дать ей несколько сухарей и спросил, откуда она. Так как ее красивая внешность выдавала, скорее всего, горянку с Кавказа, о чем я ей и сказал прямо. Она ответила утвердительно, что она карачаевка с Кавказа. В эти края их всех выселили поголовно на вымирание.*

Я назвал ее земляком, она спросила, какой я станицы, я назвал, и она заплакала, так как она не раз в ней бывала в довоенное время. Мне стало жаль ее и ребенка. Она сообщила о том, что здесь похоронила отца, умершего от голода, и мать находится при смерти. Глядя на нее, вполне можно было поверить ее словам. Я попросил ее подождать, а ординарца Юрия послал в вагон с продовольствием, чтобы помощник командира полка по снабжению отпустил круп, муки и сухарей по объему солдатского вещевого мешка. Я попросил Юру помочь отнести этот мешок до их стоянки в конце кишлака. Она много раз оглядывалась, глазами, полными слез, благодарила и даже не находила слов, какими можно было высказать благодарность за такую неожиданную помощь.

Примерно часом позднее к нашему вагону подбежал капитан, замполит второго батальона, и начал меня умолять, чтобы я отпустил его на несколько дней разыскать и навестить здесь умирающих ро-

дителей и после догнать эшелон скорым поездом. Я догадался, что он тоже мой земляк, в свете не вскрытый соответствующими органами и не отстраненный от должности. Я выдал ему отпускной билет на неделю и хотел написать записку об отпуске продуктов, но он ответил, что возьмет из батальонных продуктовых трофейных запасов.

Догнал он эшелон уже на Турксибе и рассказал о трагедии их народа, подвергшегося стопроцентной депортации, и о высылке чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков, крымских татар, немцев Поволжья и других народностей якобы за сотрудничество с оккупантами. Я по опыту понимал, что отдельные личности могли пойти на это, но чтобы карать полностью всю нацию — это мне казалось невероятным и несправедливым. Мой земляк сказал, что с прибытием на место выгрузки и ему уготовлена такая участь»⁴⁰.

Эта часть воспоминаний А. З. Лебединцева вызвала у «аналитика» Мухина ярость. По той причине, что все реабилитационные процессы, восстановление справедливости по отношению ко всем репрессированным народам, по Мухину, — это «бодяга про несчастные выселенные народы, которые якобы сотнями тысяч вдруг начали умирать в тылу от голода, хотя рядом с ними почему-то не умирали несколько миллионов тех же русских, украинцев и белорусов, в ходе эвакуации выселенных в те же места».

Странные все-таки «аналитики» у нас появляются. Почему-то воспоминания Лебединцева о помощи тех же карачаевцев в 1933 году голодающему населению Ставрополя и Черкесии не вызвали у Мухина эмоций. Он вообще не заметил этой части повествования. Но ответный благородный поступок офицера-фронтовика по отношению к депортированной женщине приводит его в бешенство. Механическое же смешение понятий «депортированный» и «эвакуированный», видимо, является особенностью «аналитического мышления штатского офицера».

О смертности эвакуированных сказать ничего не могу, нет у меня таких данных. Но эвакуированные есть эвакуированные — это рабочие и инженерно-технический состав фабрик и заводов, коллективы научно-исследовательских институтов и т. д., не попавшие в зону немецкой оккупации. Но и там, в эвакуации, смертность была высока, несмотря на то что покупали хлеб, надо полагать, на вычеты из той же «мухинской зарплаты».

О смертности среди депортированных могу сказать определенно, так как эта статистика весьма тщательно фиксировалась соответствующими органами и особых расхождений в этих фактах нет. В конце концов, численность народов, в частности, карачаевцев — объекта особой ненависти Мухина — была невысока, так что при желании можно проследить судьбу каждого человека. К примеру, того капитана, которого отмечает в своих воспоминаниях А. З. Лебединцев, звали Магомет-Али Зулкарнаевич Лайпанов. Он прошел всю войну, как и многие его соотечественники. На фронт с 1941 по 1943 годы из 82 тысяч карачаевцев было мобилизовано 15 587 человек, плюс свыше 6000 человек было мобилизовано в трудармии. То есть каждый пятый карачаевец воевал. Из них 9078 погибли на фронтах⁴¹. Лайпанов штурмовал Кенигсберг, в ходе войны четырежды был ранен, награжден орденами, воевал на Дальнем Востоке с японцами и только после завершения боев был демобилизован и сослан в Казахстан. К тому времени его родители умерли. Всего на Дальнем Востоке воевали с японцами 7 карачаевцев. Капитаном был один — М. Лайпанов.

Привожу эти данные для заинтересованного читателя, а не в плане полемики с незадачливым и наглым «аналитиком и штатским офицером», которому статистика не нужна, ибо любая демагогия дается несравнимо легче, чем изнурительная, кропотливая работа в архивах. Ограничусь констатацией того, что Мухин не один такой автор, «мухины» есть также в политике, и «мухинизм» — крайне радикальное направление фашистского толка в современной отечественной истории, исподволь набирается как политическая сила, выплескиваясь не только на страницы книг, но и во все виды средств массовой информации. Он все чаще и чаще проявляется в повседневной жизни дискриминацией в различных формах и откровенным насилием по отношению к «черным», «лицам кавказской национальности» и т. д.

«Мухинизм», в нашем понимании, — это внедрение бытовой, антинаучной болтовни великодержавно-шовинистского толка в историческую науку; девальвация нравственных ценностей всеми доступными средствами, ревизия исторического прошлого и навязывание собственной точки зрения обществу, новый способ получения имени и веса в обществе по принципу прилипал, основанный на эксплуатации чужого имени и чужого труда.

Дадим возможность читателю судить самому: «Ю. И. Мухин. Вообще-то в этой части книги я не хотел комментировать Александра Захаровича, но в данном случае хорошо видно, как он в своих воспоминаниях прогибается под «демократическую общественность» — хочет ей понравиться. Этой общественности, чтобы развалить СССР, нужно было вызвать ненависть всех народов к государствообразующей нации — к русским. Вот эта общественность и завела бодягу про несчастные выселенные народы, которые якобы сотнями тысяч вдруг начали умирать в тылу от голода, хотя рядом с ними не умирали несколько миллионов тех же русских, украинцев и белорусов, в ходе эвакуации выселенных в эти же места. Даже с евреями ничего не случилось, хотя им, в отличие от немцев и горских народов, приходилось убегать налегке, а не 200 кг на человека домашних вещей, как это разрешалось при переселении поволжских немцев или чеченцев»⁴². И так далее в таком же духе. Эти и другие инсинуации по поводу «готовности горцев помочь немцам», сомнений «известного исследователя» в правдивости воспоминаний Александра Захаровича Лебединцева, о том, что «он (*Лебединцев — авт.*) теряет логику» — проявления клинического характера. На это ему прямо указал другой ветеран — офицер, прошедший всю войну, В. В. Золотарь: «Пожелание Вам — займите свое место, руководитель. Сравнить свою работу в должности начальника цеха (или кого там) с боевой деятельностью дивизии в годы войны может только пациент (потенциальный) психиатрической лечебницы... Пост главного редактора скандальной газеты не дает Вам права судить офицеров-фронтовиков, гадя им в души, издеваясь над памятью погибших офицеров Красной, Советской Армий»⁴³.

Наряду с этим замечу, что декларация Мухина о всемерной поддержке немцев карачаевцами, равно как и другими народами Северного Кавказа, — это демагогия, почерпнутая из пропагандистских источников и бытовой болтовни. В противном случае, не писать бы Мухину своих «изысков». Лишь человек с большим воображением может утверждать о поддержке народами Северного Кавказа немецких оккупантов. При всем том, что горцы послали на фронт всех, кого можно послать, поддержка немцев оставшимся народом в той степени, в какой имеют в виду Гродненские, Мухины и им подобные, немедленно привела бы немцев к вожделенной нефти — Грозному и Баку.

И никто не знает, как дальше развивалась бы эта война.

Но в исторической науке не может быть сослагательного наклонения. Поэтому господам-авторам, вроде Мухина, придется довольствоваться только тем, что происходило на самом деле, а не тем, чего бы им хотелось для удовлетворения своих имперских амбиций.

Однако мы говорили о статистике.

Немного статистики

В связи с тем что ни один из перечисленных авторов не оперирует статистическими данными, то придется это сделать, иначе какое исследование без нее. Есть архивы, в них документы. В документах отслеживается движение по всем контингентам спецпереселенцев, начиная с корейцев, депортированных в 1937 году, и кончая «кулацкими семьями», изгнанными из западных областей Украины и Белоруссии в 1951–52 годах. Поскольку работа по введению в научный оборот статистических данных уже выполнена доктором исторических наук Н. Ф. Бугае⁴⁴, мы ограничимся анализом той части, которая непосредственно касается темы настоящей работы. То есть судьбы карачаевцев и балкарцев, чьи «зловредность», «коллаборационизм» и «борьба за независимость» в годы Великой Отечественной войны не дают покоя нынешним авторам. Статистика эта такова:

- с Северного Кавказа было депортировано и к концу 1944 года состояло на учете 608 749 спецпоселенцев (карачаевцы, балкарцы, ингуши, чеченцы). К 1 октября 1948 года их численность составила 452 737 человек с учетом смертности и рождаемости⁴⁵. То есть умирало в среднем 39 000 человек в год. Это больше, чем численность депортированного балкарского народа, или больше половины депортированного карачаевского народа;
- по состоянию на день депортации 2 ноября 1943 г. численность карачаевцев составила 69 267 человек с учетом 283 человек, находившихся под следствием как по военным, политическим, так и по уголовным делам. Сюда же входит число фронтовиков, вернувшихся домой по ранению. Количество семей — 15 981, в том числе мужчин, демобилизованных с фронта на этот момент, не призванных по состоянию здоро-

вья, и престарелых — 12 500, женщин — 19 444, детей до 16 лет — 36 670⁴⁶. Общее количество фронтовиков, возвращавшихся к семьям, с начала войны (деобилизованных по ранению, отправленных на излечение, деобилизованных в связи с депортацией) по 1949 год составило 6509 человек. По состоянию на 1 января 1949 года общее количество карачаевцев составило 57 491 человек;

- из 15 981 семьи на момент расселения осталось 15 551, то есть 430 семей погибли в пути, в том числе смертность составила: мужчин — 858, женщин — 1166, детей до 16 лет — 9199. Реальная смертность была намного выше, так как в этих цифрах учтены родившиеся и выжившие с 1944 по 1949 годы. Общая же детская смертность младенцев и детей до 16 лет в период с ноября 1943 по декабрь 1949 гг. составила около 22 000⁴⁷.
- в места лишения свободы из 283 привлеченных к ответственности (бандитизм, пособничество немцам, уголовные неполитические преступления) были направлены на 1 января 1944 года 244 карачаевца. На 1 января 1949 года их насчитывалось 215⁴⁸. 39 человек были либо расстреляны, либо отпущено по отбытии срока, либо реабилитированы. В числе этих заключенных были и те, которые к ответственности привлекались необоснованно, такие как политрук-разведчик Мудалиф Батчаев и его брат Рамазан, старший лейтенант, летчик-истребитель Добай Хапаев, командир словацкого партизанского отряда «Свобода» Харун Чочуев, группа карачаевцев, осужденных за «убийство» никогда не существовавших детей, и другие. Все они, кто при жизни, кто посмертно, были реабилитированы. Д. Хапаеву после отбытия срока вернули все пять орденов, полученных на фронтах, а Х. Чочуеву присвоено звание Героя России (СССР уже не было) спустя год после его смерти;
- в январе 1943 года вместе с немцами ушли 32 карачаевские семьи во главе с людьми старшего поколения, не призванными на фронт по возрасту. Кроме них, ушли с немцами около 200 человек-одиночек. По данным карачаевцев, проживавших в Турции и США, их численность во время отхода с немцами составляла не более 500 человек (в том числе женщины и дети) собственно карачаевцев.

Сведение воедино этих данных, возможность отследить движение людей с точностью до десятка, а иногда и до единицы приводит к неизбежному выводу о необоснованности и надуманности выводов о «широкой партизанской войне против советской власти».

В самом деле, что же это за «повстанцы», «бандиты» и прочие «партизаны», которых вместо полагаемой в таких случаях меры наказания (напомним, что по действовавшему тогда Уголовному кодексу им должна была инкриминироваться ст. 58–1-«а») ссылают вместе с семьями и при этом оказывают государственную помощь в местах расселения? А ведь эта статья заключала в себе следующее: «Измена Родине, т. е. действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу — караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок десять лет с конфискацией всего имущества». Слов нет, народ был сослан навечно, без права возвращения в родные места, да и конфискация имущества была налицо, масштабнее некуда.

Но в Уголовном кодексе речь идет не о народе, а об отдельных людях и группах людей. Если бандиты, партизаны и прочие бойцы против советской власти были, оказывали помощь немцам, сражались против Советов в той мере, в которой декларируется в современной исторической науке, то кто они, где их численный и списочный состав? Ответа нет. И не может быть, так как простое арифметическое действие с вышеприведенными статистическими данными все расставляет на свои места. Возможно, рассматривая судьбу того или иного многомиллионного народа, иной исследователь доведет число изменников до «необходимого» ему масштаба, оперируя такими понятиями, как «около тысячи», «десятки тысяч убежденных врагов советской власти». А как быть в данном случае, когда численность народа такова, что не требуется особого труда для составления ясной и полной картины? В случае с карачаевцами, равно как и с балкарцами, сопоставление количества осужденных, бежавших с немцами, и других врагов советской власти практически исключает возможность для инсинуаций на темы «повстанческого», «парти-

занского», «бандитского», «бандповстанческого» и других движений. То же самое по персоналиям.

К примеру, возьмем человека из круга наиболее «махровых», как говорят, изменников. Это Муратбий Лайпанов. Несведущим поясним, что Муратбий Мурзабекович Лайпанов был членом Областного Карачаевского национального комитета, образованного немцами в Карачаевской автономной области в конце октября 1942 года. Того самого комитета, который в 70–80-е годы XX столетия партийные функционеры и их летописцы в целях придания большего колорита переименовали в «Карачаевский национальный комитет». Муратбий Лайпанов, до оккупации — лейтенант Красной Армии, был не только членом этого комитета, но и возглавлял при немцах областную полицию, и руки его, по заверениям журналистов, обслуживавших политических и партийных функционеров эпохи строительства «развитого социализма», были по локоть в крови. Сообщалось, что этот бывший офицер Красной Армии, дезертир, бандит, пролил реки крови в Карачае, ушел с немцами, являлся заместителем начальника Бешуйской разведшколы в Крыму, организованной немцами для обучения агентуры из числа людей, бежавших с Кавказа. Организовывал выброски этой агентуры и диверсантов на территорию Карачаево-Черкесии.

Как видим, перед нами вроде бы предатель и лютый враг советской власти. Согласно УК РСФСР, каждое отдельное обвинение Лайпанову грозило расстрелом, и этого человека должны были расстрелять, как минимум, трижды. Но его не расстреляли. В 1945 году бывший советский офицер, бывший начальник полиции области, бывший зам. начальника немецкой разведшколы Муратбий Лайпанов был осужден на десять лет. То есть у него должно было быть столько смягчающих обстоятельств, совокупность которых позволила ему отбыть положенный срок (он работал на шахтах Караганды, оказавшись фактически на поселении, а не в тюрьме), обзавестись там же второй семьей и умереть на свободе. Судьба Лайпанова напоминает нам участь сотрудников НКВД, внедренных в систему немецкого оккупационного режима и не выполнивших тех или иных заданий, но вовсе не военных и политических преступников, которых вешали или расстреливали, придавая этим акциям самую широкую огласку. Вот один из примеров того, когда обвинение (или пропаганда) не соответствовало мере наказания. И это при режиме Сталина и его судопроизводстве!

Зачастую авторы, к примеру Б. В. Соколов, сами свидетельствуют о том, что депортация была неизбежна в любом случае: «Что же касается обвинений, будто Берия с вредительскими намерениями не давал на фронт находившиеся в его ведении дивизии НКВД, то на процессе в декабре 1953-го сам Лаврентий Павлович (или человек, на него похожий) так ответил на вопрос председательствующего маршала И. С. Конева: «Почему вы, имея в своем распоряжении 120 тысяч человек войск НКВД, не дали их для обороны Кавказа?» — «Я утверждаю, что недостатка в войсках там не было. Перевалы были закрыты... Я раньше не говорил, почему я не давал войск НКВД для обороны Кавказа. Дело в том, что предполагалось выселение чеченцев и ингушей»⁴⁹.

Как видим, здесь речь шла об обороне перевалов. Но бои на перевалах развернулись в августе 1942 года, то есть тогда, когда войска НКВД в Закавказье уже находились и предназначались для проведения депортации народов. В этой связи уместно привести слова очевидца — ветерана 394-й стрелковой дивизии полковника Ф. З. Коваленко: «Наша 394-я стрелковая дивизия в конце декабря 1941 года была передислоцирована и к 5 января 1942 года сосредоточена на Черноморском побережье, имея задачу оборонять его. Штаб дивизии, ее 810 полк, ОСБ, ОБС и ряд служб и подразделений находились в районе Сухуми — Келасури. Мне приходилось ездить для выполнения штабных работ также в Очамчири и Зугдиди, где стояли артполк, 815 и 808 стрелковые полки. Войск на побережье было много, особенно с мая 1942 года там было несколько дивизий НКВД. Для чего их туда собрали, что они должны были оборонять, мне неизвестно, так как в контакты с ними мы не вступали, и их офицеры вели себя по отношению к нам нагло и вызывающе»⁵⁰.

В январе 1943 года немцы ушли с перевалов, а вопрос о депортации карачаевцев снова был поставлен на Секретариате ЦК ВКП (б) в феврале 1943 года.

Заявление Л. Берии весьма близко к истине. Ведь опыт депортаций уже был накоплен, война с немецко-фашистскими захватчиками фактически дала новый импульс этой политике, а временная оккупация территорий фактически явилась индульгенцией для продолжения репрессивных мер по отношению к целым народам. Заодно были выселены народы, которых война не коснулась, — турки-

месхетинцы, курды, хемшины, часть армян и др. Именно поэтому мы говорим, что депортация народов Северного Кавказа была неминуема, а война и оккупация территорий проживания, в сущности, стали поводом для этих акций и сделали «лицо» сталинских репрессивных мер «благообразным». Мировое сообщество, очевидно, восприняло эти меры как вынужденные.

В связи с этим, возникает вопрос о причинах депортаций.

Причина причин

В современной исторической литературе довольно популярны тезисы о том, что депортация народов Северного Кавказа была вызвана следующими причинами:

- а) заинтересованностью Сталина и Берии в территориальном расширении Грузии за счет северных склонов Главного Кавказского хребта;
- б) стремлением партийных функционеров достичь ликвидацией автономий собственных корыстных целей. М. А. Суслов — первый секретарь Ставропольского крайкома партии — спасал как собственную репутацию партизанского вожака, свалив провал партизанского движения на карачаевцев, так и свою жизнь; партийный лидер Кабардино-Балкарии кабардинец З. Д. Кумехов письменно обратился к Берии с предложением переселить балкарцев за пределы КБАССР и т. д.
- в) оснащение восточных пространств дешевой рабочей силой.

Надо сказать, что эти выводы не голословны и подкрепляются источниковым материалом. Возражать против этих выводов не приходится.

Но нам представляется, что за тенью документального материала, подтверждающего правоту авторов, скрываются проблемы более масштабные, нежели письма тех или иных функционеров на местах. Безусловно, трагедия собственного народа накладывает, и это вполне естественно, горький отпечаток на восприятие и анализ ее, и в этом плане попытки объяснить причины депортации своего народа носят субъективный характер. То есть определение причин депортации только карачаевского, балкарского или немецкого народа мало что даст.

В случае с карачаевцами утверждение авторов о том, что депортация была связана с вопросами расширения Грузии, фактически подменяет причины следствиями. Вопрос передачи части территорий Карачаевской автономной области, равно как и части Балкарии, Грузии решался после депортации народов. Часть территорий была передана Грузии тогда, когда исконных народов, кому эти земли принадлежали, там не было. Административно-территориальные границы республик и краев были изменены только после переселения народов. Но ведь власть, которой обладал Сталин, позволяла ему передать ту же Карачаевскую автономную область Грузии и без депортационных мер. Если бы понадобилось обоснование для такого решения, то «вождь всех народов» его нашел так же, как было найдено «оправдание» для изгнания из родных мест целых народов. Кроме того, Грузии была передана лишь небольшая часть бывшей Карачаевской автономной области — междуречье Кубани и Теберды. Остальная, основная часть земель отошла к Ставропольскому и Краснодарскому краям. В то же время, Сталину ничего не мешало отдать Грузии если не всю область, то хотя бы ее большую часть.

Между тем, ответ на вопрос, как нам кажется, лежит на поверхности. Речь идет о решении национального вопроса в СССР путем ассимиляционных процессов, «хирургическим» путем. Именно постепенное и поэтапное распыление «малых» и «малочисленных» народов на восточных пространствах давало, по мнению Сталина, возможность создания новой «социалистической нации СССР» — советского народа. «Отец всех народов» никогда не делал из этого секрета и говорил об этом неоднократно. Достаточно полистать сборник его сочинений.

Сталин не считал национальное единство постоянной величиной, он был убежден в том, что «единство нации падает не только благодаря расселению. Оно падает еще изнутри, благодаря обострению классовой борьбы»⁵¹.

Для Сталина характерно то, что все проблемы, связанные с социалистическим строительством, он пропускал сквозь призму классовой борьбы, борьбы, которая, по его логике, должна была усиливаться по мере строительства нового общества. Именно такая догма развязывала ему руки в деле усиления собственной власти, доведения ее до состояния неограниченной монархии, основанной на таком

репрессивном аппарате, которого мир еще не знал. Разумеется, никакой самодеятельности со стороны лидеров республик и автономий по национальному самоопределению допустить Сталин не мог, да и сам социализм в том виде, в котором вождь всех народов представлял, не мог быть построен на базе истинных федеративных или конфедеративных отношений. А автономий в СССР было много, и они начинали доставлять вождю немало хлопот. Ликвидация автономий и этническая унификация представлялись ему единственно верным выходом из ситуаций, когда подъем национального самосознания, помимо всего прочего, вызывал к жизни местных авторитетных общественно-политических деятелей, дерзких и самобытных, таких как Курман Курджиев, Магомет Энеев, не говоря уже о деятелях всероссийского масштаба, таких как Умар Алиев, увязших в подлинной социал-демократии и понимавших, что понятия «социализм» вообще и «социализм Сталина» — это две противоположности. Не случайно, что лучшие представители политической элиты окраин и интеллигенции были истреблены фактически накануне депортации.

К началу Второй мировой войны никто не мог мешать Сталину в решении давно задуманных акций по созданию новой общности — советского народа, идеи, которую он вынашивал долгое время и ни от кого не скрывал: «Советская власть построена так, что она интернациональна по своей внутренней сущности, всячески культивирует в массах идею объединения (различных народов) в одну социалистическую семью»⁵². Единая социалистическая семья должна была иметь все свойства таковой семьи (мы знаем только одну форму такой «семьи» — казарма, где одна еда на всех, одна форма, один язык и т. д.), и дальнейшее теоретическое развитие формы общения было озвучено Сталиным на XVI съезде ВКП (б): «...в период победы социализма в **МИРОВОМ МАСШТАБЕ**, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым»⁵³.

Достижение этих целей могло быть только на путях ассимиляционных процессов. Сначала малые этносы ассимилировались в более крупные, затем последние поглощались народами-гигантами и т. д. Теоретически это было выработано и изложено в работе И. Сталина «О политических задачах Университета народов Востока»: «*процесс ассимиляции одних национальностей не исключает, а предполагает*

процесс усиления и развития целого ряда живых и развивающихся наций, ибо частичный процесс ассимиляции отдельных национальностей является результатом общего развития наций»⁵⁴ (курсив мой — авт.). Безусловно, в первую очередь «нации», предназначенные для ассимиляции, должны были утратить язык, полностью перейти на язык доминирующего народа, а за языком должна была следовать и культура. Участь ее Сталин определил в той же статье: «Пролетарская культура не отменяет национальной культуры, а дает ей содержание. И наоборот, национальная культура не отменяет пролетарской культуры, а дает ей форму»⁵⁵.

Утрированно это должно было выглядеть так — мужчина, одетый в папаху, бешмет, черкеску, то есть в традиционном горском наряде, пританцовывая лезгинку и придерживая кинжал, должен был петь: «Наш паровоз, вперед лети. В коммуне — остановка», а где-то на Ямале, к примеру, ненец, набрасывая аркан на оленье рога, должен был напевать: «На Дону и в Замостье тлеют белые кости. Над костями шумят ветерки», понятия не имея о том, где этот Дон и почему там должны тлеть человеческие кости. Таковой предполагалась быть «общечеловеческая культура, к которой идет социализм. Пролетарская по содержанию и национальная по форме». Важно было положить начало.

Начало было положено в 30-е годы. Но во время депортации корейцев с Дальнего Востока сохранялись хотя бы видимые приличия. Депортация же народов Северного Кавказа была циничной и безжалостной.

В сталинской программе создания унифицированной единой общности «советского народа» и надо искать причины депортации народов СССР, а не в проблемах, связанных с военными процессами. Те же карачаевцы, к примеру, были бы депортированы, если даже на фронтах со словами «За Сталина!» погибла половина населения.

После войны меры по дальнейшей ассимиляции народов, не подпавших под депортацию, продолжались в форме административно-территориального переустройства и кадровой дифференциации. Выражались они в ликвидации отдельных национальных районов, слиянии их с другими районами с преимущественно русским населением. Например, к 1953 году в Черкесской автономной области были упразднены: Черкесский, Кувинский, Хабезский районы, вошедшие в состав Черкесского областного Совета. Уже после смерти Ста-

лина по инерции сюда же вошел Икон-Халкский район. На высшие партийные и советские посты в области представители местных народов не назначались. Так, уже в 1945 году первым секретарем Черкесского обкома ВКП (б) был П. Дзарагазов, назначенный на эту должность в 1943 году, председателем облисполкома — М. Дорохов. Наметилась тенденция замены районных руководителей партийных и советских организаций. В том же 1945 году из 10 секретарей райкомов и председателей райисполкомов лишь трое являлись представителями черкесов и абазин. Эта тенденция в дальнейшем продолжалась вплоть до возвращения карачаевцев в 1957 году. Так воплощалась в жизнь сталинская национальная политика, основанная на ассимиляционных процессах.

Своим оппонентам, имеющим мне возразить по этому вопросу, могу сказать: читайте товарища Сталина. Он в свое время ответил на все вопросы. И если все-таки историки ищут причины депортаций в Великой Отечественной войне, то необходимо еще раз сделать акцент на «причину причин» — это сталинская селекционная работа по выведению единого зомбированного народа в масштабах всей планеты. Что касается 1943 года, то Сталин понимал: война повернула на Запад, и немцы не в состоянии помешать ему дойти до Атлантики. Людских «ресурсов» у «отца народов» было вполне достаточно. Этот год позволил вождю вернуться к продолжению прерванной работы по выведению единой социалистической семьи. К тому же условия войны оправдывали все.

Именно это обстоятельство и попытка решения глобальных вопросов сыграли ключевую роль в судьбе, к примеру, карачаевского народа, а не два десятка полуграмотных скотоводов, обстрелявших неорганизованный особый отряд НКВД в Учкуланском ущелье в феврале 1943 года. И не только карачаевского, но и всех народов, подвергшихся депортации.

В контексте изложенного представляется, что оперирование данными, подготовленными и запущенными в оборот сотрудниками НКВД, о «бандитском», «бандповстанческом», «коллораборационистском», «партизанском движении против Советской власти» и т. д. — применительно к депортированным народам — есть не что иное, как попытки оправдать сталинскую программу геноцида, спрятанную под благозвучной вывеской о создании «одной социалистической семьи, единой общности — советского народа».

Г л а в а 2

МОСКВА, «ГЕРТРУДА», «ВЕЛЬВЕТ» И «ЭДЕЛЬВЕЙС»

Даже беглое знакомство с литературой, посвященной советско-турецким отношениям накануне начала Великой Отечественной войны, порождает ряд вопросов, на которые внятного ответа нет. Известно, что перед войной и в ходе ее Турция сохраняла нейтралитет. Но это не мешало туркам оказывать содействие фашистской Германии, выражавшееся в поставках сырья стратегического значения, пропуске через проливы Босфор и Дарданеллы немецких и итальянских кораблей и т. д. Концепцию советско-турецких отношений в годы Великой Отечественной войны в отечественной исторической науке можно свести к следующему: «В 1938 году Турция поддержала позорный мюнхенский сговор, а в 1939 году подписала соглашение с Англией и Францией о взаимной помощи, а спустя некоторое время подписала договор о дружбе и ненападении с фашистской Германией.

Нарушив конвенцию о проливах, Турция пропускала в Черное море немецкие и итальянские корабли, которые затем активно участвовали в битве за Кавказ.

В Турции была создана и активно действовала широко разветвленная шпионская и диверсионно-террористическая сеть, которую с 1939 года возглавлял матерый шпион и диверсант, бывший канцлер, проложивший путь к власти Гитлеру, Франц фон Папен.

В самые тяжелые дни боев за Кавказ советское командование было вынуждено держать на советско-турецкой границе большое количество войск, поскольку Турция вывела к границе 26 из своих 45 кадровых дивизий, под командованием престарелого фельдмаршала Февзи Чакмака. Сигналом для выступления турецкой армии против СССР должен был послужить выход войск вермахта в доли-

ны Закавказья и захват Сталинграда. Ввиду этого СССР вынужден был держать на турецкой границе крупные контингенты войск»¹.

Как видно из вышеприведенного текста, руководство Советского Союза вроде бы не давало никаких поводов для враждебных проявлений со стороны своего южного соседа, ставшего фактически союзником агрессора и лелеявшего мечту отхватить все Закавказье с благодатными долинами и нефтяными запасами. В той или иной форме эти или подобные сведения можно встретить почти во всех работах советских историков, посвященных битве за Кавказ. Но более широкое знакомство с литературой неизбежно приводит к выводу о неоднозначности этого вопроса, о том, что советские историки несколько однобоко и упрощенно трактовали суть советско-турецких отношений, фактически отбросив турецкие интересы в сверхсложной ситуации и сосредоточив внимание на собственно советских интересах, замалчивая интересы сталинского руководства по отношению к самой Турции. В связи с этим, возникает необходимость анализа доступных материалов для более или менее объективного вывода.

О советско-турецких отношениях. 1939–1945 гг.

Как известно, Турция одной из первых признала Советскую Россию. Результатом этого признания стал ряд договоров, подписанных правительствами Турции и Советского Союза. Стороны исходили из того, что между двумя государствами проходила как сухопутная, так и морская граница. В этом контексте регламентировались отношения между Турцией и всеми советскими республиками, граничащими с ней. Так, в качестве пункта в действие договора о дружественных отношениях между РСФСР и Турцией 1921 года, по мере оформления СССР, была внесена статья, по которой Турция признавала Украинскую Советскую Социалистическую Республику «независимым и суверенным государством, созданным волею украинских рабочих и крестьян». Декларировалось, что обе стороны в качестве прибрежных государств Черного моря констатируют, что «никакой режим на международных реках, впадающих в него, не может быть ни применяем, ни установлен без их действительного участия»².

Поначалу отношения СССР и Турции не омрачало ничего. 17 декабря 1925 года в Париже народный комиссар иностранных дел Советского Союза Г. В. Чичерин и министр иностранных дел Турции Тевфик Рушти-бей подписали Договор «О ненападении и нейтралитете» сроком на три года. Официальная советская история признает, что турецкая сторона подписала этот договор в качестве продолжения развития дружественных отношений между двумя странами. Договор был подписан в период обострения англо-турецких отношений и фактически ограждал Турцию от посягательств Соединенного Королевства, возглавившего единый антисоветский фронт западных государств.

Договаривающиеся стороны обязались: соблюдать нейтралитет по отношению друг к другу в случае выступления против одной из них со стороны третьих держав; воздерживаться от всякого нападения на «другую сторону»; не принимать участия в союзах или соглашениях политического характера с третьими державами, направленных против одной из сторон, ее «военной или морской безопасности», причем под соглашениями политического характера понимались также все финансовые и экономические соглашения; не участвовать во враждебных актах третьих держав, направленных против одной из договаривающихся сторон.

Договор 1925 года был дополнен Анкарским протоколом от 17 декабря 1929 года, по которому обе стороны обязались не начинать без уведомления другой стороны никаких переговоров, «имеющих целью заключение политических соглашений с государствами, находящимися в непосредственном соседстве, сухопутном или морском», с этой стороной, и заключать подобные соглашения лишь с согласия последней. Срок действия Договора 1925 года и Анкарского протокола продлевался дважды — 30 октября 1931 года и 7 ноября 1935 года³.

Развивались и экономические отношения. Турция поставляла Советскому Союзу сырье, в котором нуждалась советская сторона, взявшая курс на строительство промышленных гигантов, турецкая же — получала долгосрочные кредиты и техническую помощь для сооружения текстильных комбинатов в Кейсери и Назилли.

В Советском Союзе считали, что именно после смерти отца-основателя Республики Кемаля Ататюрка в 1938 году турки взяли курс на сближение с «империалистами», то есть со странами Запада.

Безусловно, доля истины в этом есть. Но решающими в охлаждении советско-турецких отношений накануне Второй мировой войны были другие факторы. Так, турки, пребывавшие в СССР в деловых командировках, исподволь наблюдали за укреплением режима Сталина; за политическими процессами, происходившими в стране; за тем, какой ценой создавалась тяжелая промышленность страны; за коллективизацией и начавшимся с 1937 года (а фактически с 1932 года) масштабными репрессиями. Турецкие дипломаты и представители деловых кругов начинали сознавать, что социализм, «построенный в общем к 1939 году», является казарменным, что, наряду с оказанием «экономической» помощи, Сталин не прочь «пристегнуть» Турцию к Союзу социалистических республик, вовлечь ее в круг государств, на которые распространялись бы интересы советского руководства. Осмысление процессов, происходивших в СССР, привело к тому, что с 1939 года активность советско-турецких отношений пошла на убыль.

С другой стороны, это объяснялось тем, что на Западе возникла более мощная и влиятельная сила, могущая стать опосредованным инструментом давления СССР на Турцию — гитлеровская Германия. В этом плане «Договор о ненападении», подписанный 23 августа 1939 года в Москве председателем Совета народных комиссаров В. М. Молотовым и министром иностранных дел фашистской Германии И. фон Риббентропом, явился полной неожиданностью для турков. В Анкаре были встревожены тем, что отныне будут подвергаться давлению нового альянса «Берлин — Москва».

Советская сторона при заключении этого пакта исходила исключительно из собственных интересов, констатируя о том, что СССР фактически находится в кольце врагов-империалистов. Начало войны в Европе создавало благоприятную ситуацию, в которой советское руководство не только благословляло Гитлера на уничтожение Польши и последующий ее раздел, но и стремилось направить войну на Запад. Тут уже было не до соблюдения каких-то там советско-турецких договоров, тем более перспектива войны между буржуазными государствами в Европе давала прекрасную возможность если не оккупации Турции, то по крайней мере такого нажима, при котором несговорчивый президент Исмет Иненю предоставил бы наконец контроль над вождеденными проливами Босфор и Дарданеллы СССР. Заключив с Германией пакт о ненападении,

советская сторона проигнорировала интересы турецкой стороны и в одностороннем порядке нарушила действовавший «Договор о дружбе и нейтралитете» от 1925 г. В свете того что этот пакт после раздела Польши создавал фактически новые непосредственные границы СССР и Германии, нарушались положения также и Анкарского протокола. После того как Германия с СССР установили общие границы, советская сторона опять сделала вид, что Турции не существует.

О соседнем государстве Сталин вспомнил в октябре 1939 года. Тогда был оказан первый нажим, лишенный всяких дипломатических эпитетов, на турецкое руководство во главе с президентом Исметом Иненю. Сталин требовал от турков места для строительства базы на Босфоре. Турки ответили резким, категорическим отказом. На что Иосиф Виссарионович без околичностей отреагировал: «Турцию надо поколотить»⁴. В том, что слова у Сталина не расходятся с делами, турки убедились на примере вторжения Красной Армии в Западную Белоруссию и Украину в том же году, а на следующий год «вождь всех народов» продемонстрировал это в Прибалтике и Бессарабии.

Захват черноморских проливов в стремительно меняющемся мире стал для советского руководства необходимой и неотложной задачей. Известный российский историк А. И. Уткин сообщает: «Американский журналист У. Ширер записал в своем дневнике 12 ноября 1940 года: «Темный дождливый день, прибыл Молотов, его принимают крайне сухо и формально. Проезжая по Унтер-ден-Линден к советскому посольству, он казался мне скованным провинциальным школьным учителем... Немцы развязно говорят о том, что можно позволить Москве осуществить старую русскую мечту завладеть Босфором и Дарданеллами (курсив мой — авт.), в то время, как они овладеют всеми Балканами: Румынией, Югославией и Болгарией»⁵.

Здесь речь идет о визите Председателя Совнаркома и одновременно народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова в Германию в ноябре 1940 года. В ходе этого визита Гитлер и Риббентроп неоднократно пытались оказать нажим на наркома иностранных дел с тем, чтобы отвлечь интересы Советского Союза от Балкан, Турции и черноморских проливов. Молотов был непреклонен. Он прямо заявил нацистским лидерам, что «его интересует

выяснение вопросов, касающихся балканских и черноморских интересов России в отношении Болгарии, Румынии и Турции»⁶. Попытка немцев переориентировать интересы Советского Союза на юг, в направлении азиатских государств Персидского залива и Арабского моря, потерпела фиаско.

«Менее чем через две недели после отъезда Молотова из Берлина Сталин сделал последнюю прямую попытку договориться с германским руководством. Молотов уверил германского посла в Москве, что СССР готов присоединиться к трехстороннему пакту (*ось «Рим — Берлин — Токио» — авт.*), но выдвигает предварительные условия:

1. Германские войска выводятся из Финляндии.
2. В течение ближайших нескольких месяцев безопасность Советского Союза в черноморских проливах закрепляется заключением пакта о взаимной помощи между СССР и Болгарией и созданием базы для наземных и военно-морских сил Советского Союза в районе Босфора и Дарданелл на основе долгосрочной аренды.
3. Территория к югу от Батуми в направлении Персидского залива (*т. е. Турция и страны Ближнего Востока — авт.*) признается центром интересов Советского Союза. Япония отказывается от своих прав на угольные и нефтяные концессии на Северном Сахалине»⁷.

Фюрер объявил на это, что Сталин сошел с ума, а позже обозвал вождя всех народов «хладнокровным шантажистом». С этого периода Гитлер утратил интерес к дальнейшему сближению с СССР. Наоборот, именно настойчивость Сталина в его притязаниях на часть Европы, а конкретно Балкан и Турции, вынудила фюрера заняться вплотную вопросами решения германских проблем за счет «восточного пространства», к которым он хотел обратиться после разгрома Англии. План «Барбаросса», составной частью которого позднее станет план по захвату Кавказа «Эдельвейс», теперь стал главным планом Германии.

Советский Союз же на деле показал, что декларации о партнерских взаимоотношениях с южным соседом в борьбе большевиков за передел мира не стоят выеденного яйца.

Помимо решений политического характера, Москва нанесла весьма ощутимый удар по турецкой экономике, подписав с немцами До-

говор от 7 января 1940 года. В соответствии с договором, «немцы обязывались передать прототипы всех новейших немецких самолетов, военных судов, технических и химических новшеств. СССР поставлял миллион тонн фуражного зерна, почти миллион тонн нефти, полмиллиона тонн фосфата, 100 тысяч тонн хромовых руд, а также право закупать сырье в Румынии, Иране, Афганистане, на Дальнем Востоке. На следующий, 1941 год планировались еще более масштабные поставки. И, как известно, они осуществлялись. Сталин оказал помощь Германии в самый сложный час — весной 1940 года, когда немцы бросились в Скандинавию и готовились начать наступление на Западе»⁸.

Очевидно, что с политической и экономической точек зрения такая комплексная помощь для Германии, лихорадочно наращивающей военную мощь, была гораздо выгоднее, чем торговые поставки хрома и других руд из Турции, в техническом и технологическом плане отстававшей от своего северного соседа.

С началом Великой Отечественной войны, потерей большей части Европейской территории страны советское руководство несколько отошло от проблемы приобретения баз на черноморских проливах и фактически отказалось от давления на руководство Турции. Разумеется, СССР было не до черноморских проливов. Но еще раньше, 25 марта 1941 года, осознавая неизбежность войны с Германией, посол СССР в Турции С. В. Виноградов довел до сведения турецкого руководства позицию Советского государства: «СССР не имеет никаких притязаний на территорию Турции. Турция может рассчитывать на полный нейтралитет Советского Союза, если СССР окажется вынужденным вступить в войну против Германии»⁹. В сущности, это была позиция советской стороны, изложенная в ответ на немецко-турецкие переговоры в феврале-марте 1941 года. На этих переговорах обсуждалась, помимо других вопросов, позиция СССР по отношению к Турции. Гитлер сообщил турецкому послу Хюсреву Герече, что Россия осталась в стороне от Тройственного пакта, так как он (фюрер) не дал своего согласия на приобретение Россией опорных пунктов в проливах¹⁰. Это оказало соответствующее воздействие на руководство Турции, всерьез опасавшейся вторжения войск Красной Армии и агрессивных планов Третьего рейха. В дальнейшем отношения СССР и Турции стали прохладными.

В ходе войны, в конце июля 1941 года, на базе 32-го стрелкового корпуса была сформирована 45-я армия Закавказского военного округа (командующий армией — генерал-майор К. Ф. Баронов). Эта армия, усиленная 15-м кавалерийским корпусом, была развернута на турецкой границе. Особо отметим, что в этот период никакой концентрации турецких войск на советско-турецкой границе не наблюдалось, хотя реваншистские и пантюркистские настроения в Турции были сильны. Это было вызвано амнистией 1937 года, в соответствии с ней были прощены противники Ата-тюрка, сторонники политики восстановления колониальных владений, пантюркисты и т. д. К слову сказать, помимо пантюркистов и общественно-политических групп, явно прогерманских, весьма активны были и просоветски настроенные группы, равно как проанглийские и проамериканские. Руководству государства было крайне сложно в такой ситуации выбрать один, единственно верный путь развития. Международная обстановка, особенно после 1939 года, когда в воздухе витала война, не оставляла туркам времени для разработки долговременной и планомерной концепции сохранения и дальнейшего развития страны в мирных условиях.

Лидеры различных партий, политических групп, общин стали появляться в разных странах, встречаться с дипломатами. Так, например, в сентябре 1941 года в Берлине, в Министерстве иностранных дел был принят один из лидеров пантюркистского движения Нури Паша. Из письма Л. Берия на имя И. Сталина и В. Молотова видно, что он «ездил в Берлин для обсуждения вопросов о притязании Турции на районы Крыма, Кавказа, Средней Азии и другие районы Советского Союза, а также на территории Ирана, Ирака и Сирии»¹¹. Суть предложений этого турецкого фабриканта в изложении сотрудника МИД Германии подполковника Вейцеккера выглядела так: «В случае, если немецкие войска продвинулись на Кавказском направлении за Ростов и выйдут на важную железнодорожную магистраль примерно у Армавира, судьба советских войск, обороняющих Кавказ, будет решена». Далее Нури Паша обещал, что он сможет дать для восстания на Кавказе минимум 100 000 человек¹².

Этот пример свидетельствует о том, что ни Нури Паша, ни генерал Эркилет — глава пантюркистского движения, принятый в

1942 году Гитлером, не знали истинных планов главарей «третьего рейха». Они не знали, что уже готов план вторжения немецких и болгарских войск в Турцию с целью дальнейшего продвижения именно туда, куда планировал Нури Паша. То есть в Закавказье, в Иран, в Ирак, в Сирию и далее на восток. Едва ли заявления турецких эмиссаров, представлявших различные группировки, всерьез рассматривались немцами. К тому же, и это главное, их действия, равно как и их заверения, ни в коей мере не отражали позиции президента и правительства Турции.

Кстати сказать, турецкие спецслужбы чаще всего оказывались на высоте, предупреждая любые устремления эмигрантов и их агентуры в СССР и Германии, могущие дестабилизировать обстановку в стране или нанести вред ее нейтральной позиции. Так, в 1942 году в результате успехов немцев на южном крыле советско-германского фронта «известные контрразведке лица из черкесов в преддверии ожидаемого продвижения вермахта на Кавказе намерены выставить свои претензии на независимую Черкесию. Состоялось совещание, на котором выступили эмигрант Пшемахов и другие, подчеркивая необходимость установления связей с единомышленниками в европейских странах, Сирии и Египте, где имеются черкесские колонии, в целях продвижения идеи государственной независимости черкесского народа...».

Реакция Центрального управления МАХ (Милли Амниет Хизмети — Служба национальной безопасности Турции) была оперативной и резкой. Цитируем перевод на русский язык:

«Турецкая Республика МАХ

Отдел «Б», отделение 2

№10656 2. 6. 1942

Анкара

Начальнику Стамбульского центра.

На №2325

Как следствие активизации тюркских народностей таковая стала проявляться и черкесами. Мы не сомневаемся, что это дело рук немцев, как мы это видели на примере азербайджанцев, живущих в нашей стране.

Это может открыть путь для антиправительственных выступлений путем оказания влияния на лиц в соответствующем настроении и положении. Черкесы расселены у нас в различных районах, но

живут компактными группами. По этой причине полезно будет найти противоядие этому движению в самом зародыше.

Полагаем, что следует вызвать Пшемахова и спросить его, что он предлагает делать, и предупредить его и других, что если они станут продолжать деятельность в этом направлении, то будут незамедлительно выдворены за пределы нашего государства.

Прошу Вас, если согласны с моим мнением, принять соответствующие меры.

Начальник Национальной службы безопасности Наджи Перкел.¹³

Разумеется, устремления черкесских эмигрантов предполагали создание независимой Черкесии под эгидой Германии на территории Турции и Кавказа.

Это было сродни мечте пантюркистов, негласно поддерживаемых в начале войны различными по влиянию кругами Англии, Турции и, в первую очередь, Германии. Они разрабатывали различные модели будущего обустройства тюркских этносов. Однако лидеры пантюркистов — Джафар Сейдахметов, Якуб Мехтиев, Нури Паша и примкнувший к ним внук знаменитого имама Саид Шамиль — особых волнений у служб Турции не вызвали: притязания этих лидеров на единые тюркские пространства дробились между моделями отдельных государственных образований в Крыму, на Волге, в Туркестане и на Северном Кавказе. Что касается последнего, то, кроме Шамиля, здесь значимых лидеров не было. Эмигранты первой волны типа Гайдара Баммата, хотя и входили в контакт с различными эмиссарами, перспектив государственного строительства под эгидой Германии не видели. Попытки пантюркистских вождей больше напоминали декларативную возню, нежели подготовку к практическим действиям, могущим нанести вред безопасности Турции.

Что же касается положения на советско-турецкой границе, то турки, имея в то время вооружение образца Первой мировой войны, на границе таких войск не держали. У них не было ни танков, ни самолетов, на что, кстати, неоднократно обращал внимание И. Сталина и Ф. Рузвельта премьер Великобритании Уинстон Черчилль. Лишь через год, летом 1942 года, турки развернули на границе с СССР свои дивизии с тем же устаревшим вооружением. Это был ответ на размещение советских войск непосредственно на границе. Однако в 1942 году, когда судьба Кавказа висела на волоске, когда немцы вышли к Волге и Новороссийску, установили на

вершинах Эльбруса гитлеровские штандарты и флаги Германии, подошли вплотную к Грозному, перешли Главный Кавказский хребет и оказались в двух десятках километров от Сухуми, на советско-турецкой границе не было сколько-нибудь серьезных нарушений, могущих вылиться в военный конфликт. Официальная Анкара строго соблюдала нейтралитет.

Уже в те дни, и позднее, выяснилось, что турки вовсе не собирались воевать с СССР. В 1943 году, после освобождения Кавказа, война повернула на Запад. Всем было ясно, что переломить ход войны, уничтожив Советскую армию, Германия была уже не в состоянии. Ее разгром был делом времени.

Советский Союз вновь поставил вопрос о проливах, но уже перед новыми своими союзниками — США и Великобританией.

Подобно СССР, мечтавшему прибрать к рукам черноморские проливы и, таким образом, превратить Черное море во внутреннее, Англия стремилась установить в северо-восточной части Турции свои базы. Из них британская авиация могла, при необходимости, наносить бомбовые удары по главным центрам нефтедобычи и переработки на Кавказе, естественно, сохраняя за собой проливы. План по вторжению англо-американских войск в Турцию с последующей оккупацией Закавказья, как известно, был разработан У. Черчиллем и носил кодовое наименование «Вельвет». В 1941–42 годах Англия неоднократно пыталась получить возможность вторжения в Закавказье через Турцию с организацией сферы влияния на Северный Кавказ под весьма благовидными предлогами. Эти вопросы Черчилль обсуждал со Сталиным. Эти же вопросы были в центре внимания советских и английских военных чинов.

Но Сталин был непреклонен. Он требовал у Черчилля не решения вопросов обороны Кавказа и Закавказья, а выполнения своих прямых союзнических обязательств по поставкам вооружения и открытию второго фронта.

Зондаж состояния обороноспособности Закавказского фронта и попытки английских эмиссаров на своем уровне подготовить высший офицерский состав Красной Армии к поддержке устремлений Англии ни к чему не приводили. С началом освобождения Северного Кавказа от немецко-фашистских захватчиков настойчивость англичан в вопросах вторжения на Кавказ через Анатолию (Турцию) пошла на убыль и фактически сошла на нет.

Но Советский Союз вовсе не отказался от своих притязаний на черноморские проливы, точно так же, как и Англия продолжала считать их и всю Турцию зоной собственных интересов. «Мы, англичане, являемся союзниками Турции, — говорил на Тегеранской конференции 29 ноября 1943 года Уинстон Черчилль, — и мы приняли на себя ответственность постараться убедить или заставить Турцию вступить в войну (*против Германии — авт.*) до Рождества... От имени британского правительства я могу сказать, что оно готово предупредить Турцию о том, что если Турция не примет предложения о вступлении в войну, то это может иметь серьезные политические последствия и отразиться на ее правах в отношении Босфора и Дарданелл ... но проблема Турции — это скорее политическая, чем военная проблема. Мы думаем выделить не более 2–3 дивизий для операций в районе Турции в случае вступления ее в войну, не считая военно-воздушных сил, которые мы также выделяем при этом»¹⁴.

Сталин, в принципе, соглашался с доводами британского премьер-министра. Но он прекрасно понимал, что при подобном раскладе Советскому Союзу не вовлечь Турцию в орбиту своих интересов по созданию мировой коммунистической системы и, соответственно, не видать проливов как своих ушей. Поэтому он вынужден был осаживать зарвавшегося Черчилля холодной репликой: «Что касается двух дивизий, которые г-н Черчилль хочет выделить для помощи Турции и партизанам (*Югославии — авт.*), то у нас нет разногласия в этом вопросе. Но если мы здесь призваны обсудить военные вопросы, то основным и решающим вопросом мы считаем «Оверлорд»¹⁵. То есть Сталин фактически сказал Черчиллю следующее: нечего Вам, г-н Премьер, ловить в черноморских портах и проливах. Поэтому займитесь делом, ради которого мы здесь собрались — открывайте, наконец, второй фронт, но не на юге — на Балканах, а на севере Франции (операция «Оверлорд»), как и было условлено.

Вопрос участия Турции в войне против Германии обсуждался в Тегеране не раз. Однако Сталин оказался провидцем, когда уже на первом заседании сумрачно произнес: «Что же касается Турции, то я сомневаюсь, что Турция вступит в войну. Она не вступит в войну, какое бы давление мы на нее не оказывали»¹⁶.

В сущности, все вопросы, связанные с Тегеранской конференцией руководителей СССР, США и Великобритании, достаточно хорошо разработаны и прямого отношения к предмету нашего ис-

следования не имеют. Но мы остановились на них для того, чтобы показать, что в ходе и после битвы за Кавказ Советский Союз не имел оснований считать Турцию своим врагом. Что и было признано Сталиным в Тегеране: «Турция является союзником Великобритании и находится в дружественных отношениях с СССР и США. Надо, чтобы Турция не играла между нами и Германией»¹⁷.

Несмотря на массивное давление, Турция не вступила в войну. В этой связи необходимо отметить, что Турция не являлась союзницей ни Германии, ни стран антигитлеровской коалиции. Она соблюдала нейтралитет, так же как, скажем, Швеция. В силу этого, ни одно турецкое подразделение не воевало на фронтах Второй мировой войны. Испытывая неимоверное давление со стороны Англии и СССР, а также Германии, она не пошла в русле политики ни той, ни другой стороны.

Турция избрала иной путь послевоенного политического и экономического развития. Горький опыт социалистического строительства в Болгарии, Румынии и других странах ее миновал. Курс Турции, определенный после Каирской встречи 1 декабря 1943 года Президента США Франклина Рузвельта и Президента Турции Исмета Иненю¹⁸, вывел республику, сохранявшую нейтралитет на протяжении всей Второй мировой войны, из-под влияния СССР и Соединенного Королевства. Сталин остался без баз на Босфоре и Дарданеллах и довольствовался приобретением румынских и болгарских портов, фактически превратив Болгарию в союзную республику.

В конце войны пути союзников разошлись, и Сталин был очень зол на Турцию, особенно после того как в проливы в 1946 году вошел американский авианосец «Миссури». Предлог для появления американцев на Босфоре был подходящий — на «Миссури» доставили тело покойного посла Турции в Соединенных Штатах. При этом, как вспоминал бывший заместитель начальника Генерального штаба Турции генерал-полковник Азим Гюндуз, авианосец появился на Босфоре вопреки воле руководства страны¹⁹. Это была демонстрация силы и военной мощи США Советскому Союзу. Началась «холодная война».

Президент Турции полностью переориентировался на Соединенные Штаты Америки, считая их надежным гарантом от всяких посягательств как на проливы, так и на территорию своего государства в целом: «Президент Иненю не скрывал своей радости. При-

близительно такую же радость испытывал турецкий султан Османской империи, когда во время 1-й мировой войны армия царской России вторглась на Балканы, и англичане заявили, что Стамбул и Босфор ни за что не попадут в руки русских, и высадили свой десант в районе Эгейского и Мраморного морей.

В результате взвешенные, объективные оценки позиции этой малоазиатской страны в советской историографии теперь сменились иными. Турки, перешедшие под влияние НАТО, попали в число врагов, «готовивших нападение на СССР в годы Великой Отечественной войны в самый критический ее момент: в дни Сталинградской битвы и битвы за Кавказ».

Советским политикам и историкам больше ответить было нечем.

«Гертруда» и «Эдельвейс»

Начало XX века для Турции — это время потрясений и потерь. Втянувшись в Первую мировую войну на стороне Германии и Австро-Венгрии, Турция потеряла все свои колонии на Балканах, Ближнем Востоке и в Северной Африке. Это был крах империи. Как следствие, внутреннее положение государства стало неустойчивым. В конечном итоге, внутривнутриполитические противоречия привели к тому, что страна пошла по пути неизбежных демократических реформ. Новое руководство во главе с основателем республики Кемалем Ататюрком реально оценивало ситуацию, и именно этой оценкой был вызван комплекс демократических реформ и либеральных мер, фактически спасших страну от дальнейшего распада и гражданской войны. Сложность проведения этих реформ обуславливалась тем, что султанская Турция вышла из войны вконец обнищавшей, утратив даже ту ненадежную экономическую базу, на которую опиралась.

При жизни Ататюрка и после его смерти Турция не высказывала никаких территориальных притязаний и всецело была занята решением внутренних проблем. Разумеется, с привлечением иностранных инвестиций, в том числе и советских. Руководство республики заключало договоры с теми государствами, которые могли реально и позитивно влиять на развитие экономики. В числе этих государств в 30-е годы оказались СССР, Великобритания, Франция, Германия.

До 1939 года Германия являлась крупнейшим экономическим партнером Турции. Почти половина всех торговых оборотов обеспечивала гитлеровская Германия²⁰. Турки, лишенные перерабатывающей промышленности, поставляли Третьему рейху ценное стратегическое сырье, в первую очередь хром.

Вместе с тем, посольства различных государств фактически превратились в центры, где плелись агентурные и шпионские сети. Таковыми были посольства СССР, Германии, Англии. Они были усилены в период болезни первого президента республики Кемаля Ататюрка и, после его кончины в 1938 году, действовали фактически легально. Новый президент Иненю об этом знал, однако обострение дипломатических отношений в период, когда в воздухе пахло грозой, в его планы, видимо, не входило. Что же касается турецкой разведки, то она весьма эффективно действовала как в СССР, так и в Болгарии, Германии, Великобритании. Сравнивая эффективность работы этой разведки с другими, поневоле приходишь к выводу, что она оказалась не слабее Абвера.

Уже тогда туркам пришлось лавировать между государствами Европы, втягивавшимися в вооруженные конфликты. На конференции в Монтрё в 1936 году им пришлось тяжело в решении вопросов о режиме черноморских проливов, так как было серьезное давление со стороны Англии и Франции — с одной стороны, Германии и Италии — с другой, СССР — с третьей. В дальнейшем, вплоть до окончания Второй мировой войны, Турция находилась под перманентным давлением этих государств. Направление политики европейских государств во многом определяли проливы, и в этом плане давление на Турцию и ее президента является почти точным слепком политики Германии, Италии, Великобритании и США в отношении Испании, когда Франко пришлось ценой невероятных усилий отстаивать свои права на Гибралтар и нейтралитет страны.

Выше уже сообщалось о том, что СССР интересовали базы на черноморских проливах, а Англия, в свою очередь, разработала план по оккупации Малой Азии под кодовым наименованием «Вельвет», с тем чтобы взять под контроль Закавказье и, в частности, нефтепромыслы Баку. Затем в ходе войны англичане в союзе с американцами разработали очередной план «Сатурн» по вводу союзных войск в Турцию в начале 1943 года. Накануне войны посол Великобритании в Анкаре сэр Натчбальи-Хьюджессен получил те-

леграмму из Лондона о том, что «рассматривается возможность нападения на Баку, что означало бы вступление Англии в войну против СССР»²¹. При этом именно территория Турции должна была стать базой для этой агрессии. Документов, подтверждающих устремления Великобритании и СССР относительно воздействия, включая и решение территориальных вопросов за счет Турции, много, и с этим невозможно не считаться. Но это отдельная тема, требующая специальной разработки.

Был план оккупации Турции и у Гитлера. Он носил кодовое название «Гертруда».

Возможность вовлечения Турции в сферу собственных интересов всерьез рассматривалась в Германии и раньше, но уже к 1940 году был разработан план непосредственной и полной ее оккупации. В числе сухопутных войск, предназначенных для оккупации различных стран (группы дивизий «Испания — Марокко», «Северная Африка — Египет», «Афганистан»), была сформирована группа «Анатолия» («Турция») в составе 14 дивизий²². Активность шпионской сети на базе турецкого посольства в Берлине и проницательность самого посла Хюсрева Гереди, которой довел до сведения своего руководства истинные цели немцев, подвинула турков принять в 1940 году «Закон о национальной защите», предполагавший всеобщую воинскую мобилизацию. Турция готовилась к войне. Но не к агрессивной. У нее для этого не было сил. «Турция не собиралась участвовать ни в каких военных действиях, так как ни военное, ни экономическое положение ее не способствовало этому. Да и сама турецкая армия не была оснащена современным вооружением... Для современной войны нужны были деньги, так как все европейские армии оснащались современным вооружением. Могли ли мы с лошадьми и быками остановить немецкие или советские танки, которые могли бы вторгнуться на нашу территорию?» — писал в своих мемуарах военный и политический деятель Метин Токер²³.

С 1939 года послом рейха в Турции был назначен бывший канцлер Германии, при Гитлере — вице-канцлер, затем посол в Австрии Франц фон Папен. Именно при нем усилилась немецкая агентурная сеть, и период его посольства характеризуется противоборством немецкой и советской разведок на территории нейтральной Турции. Папен был опытным и активным дипломатом.

Готовясь к встрече с президентом Турции, он подготовил детальную схему вовлечения турков в войну на стороне Германии. Суть этой схемы раскрыл российский исследователь Лев Соцков: «Европа стала самодостаточной и без неконтинентального государства, то есть Англии, а ее окончательное поражение предрешено. Победа над СССР положит начало распаду этого государства, что создает новую ситуацию для Германии и поддерживающих ее стран. На Кавказе уже ведется энергичная подготовка к всеобщему восстанию, которое произойдет весной 1942 года. Берлин хотел бы видеть Турцию заинтересованным участником этих процессов. Уже сейчас можно договориться о компенсациях, имея в виду принцип включения всех кавказских территорий с мусульманским населением в состав турецкого государства.

Более детальная схема, которая, судя по полученному в Москве сообщению, была доведена Папеном до сведения турецкого правительства, в интерпретации источника выглядела так. Турецкое меньшинство на Кавказе провозглашает свою независимость и обращается к Анкаре с просьбой о помощи. Турецкое правительство в ответ заявляет, что в целях обеспечения безопасности и поддержания порядка оно вынуждено ввести войска на территории с тюркоязычным населением. Германия и ее союзники поддерживают действия Турции и окажут ей необходимую помощь. Она в свою очередь заверяет США и Англию, что не собирается объявлять войну Советскому Союзу, а речь идет лишь о временной мере по защите турецкого населения Кавказа. Турки вежливо выслушивали посла, но воспользоваться его рекомендациями не спешили»²⁴.

Между тем, к этому времени немцы потопили на Черном море турецкие торговые суда. Было это случайностью? Скорее всего, нет. Зная об отношениях между СССР и Турцией, немецкие источники стали доводить до сведения руководства турецкого государства, что это дело рук московских провокаторов. Турция потребовала объяснений у Москвы. Советский посол С. В. Виноградов дал твердые заверения турецкой стороне о явно провокационном характере как этих домыслов, так и самого факта уничтожения турецких торговых кораблей и желании советского руководства поддерживать с Турцией дружественные отношения²⁵, подтвердив еще раз, что СССР действует в духе заявления, сделанного им турецкому руководству в марте того же 1941 года. В скором времени турецкие источники в

Германии и Румынии прояснили картину и сообщили в Анкару, что турецкие суда уничтожены немецкими подводными лодками.

В Анкаре сделали соответствующий вывод об очередной попытке Германии вовлечь Турцию в войну, как, впрочем, и о том, что план фон Папена, основанный на неизбежном «восстании народов Кавказа» против Советов — блеф, построенный на попытках российских эмигрантов выдать желаемое за действительное. Кроме того, турецкие разведчики исподволь сообщали о том, что в Третьем рейхе не отказались от плана вторжения в Турцию, разработанного в генеральном штабе вермахта к исходу 1940 года. План этот, как указывалось выше, носивший первоначально название «Турция», к этому времени был переименован в «Гертруду».

Согласно этому плану, 14 немецких дивизий (в составе четырех легкопехотных, четырех пехотных и шести танковых), при поддержке болгарских дивизий, должны были нанести удар по Стамбулу. В «Военном дневнике» Ф. Гальдера 10 февраля 1941 года записано: «Операция против Турции во Фракии должна проводиться подвижными войсками вдоль Стамбульского шоссе и иметь своей целью разрыв линии фронта, чтобы не допустить отхода турецких войск к Босфору. Танковая ударная группировка, прорвавшись к Стамбулу, найдет достаточное количество переправочных средств, с помощью которых она сможет, используя первое замешательство противника, немедленно переправиться на восточный берег... Если не добиться полного морального краха турок, они окажут упорное сопротивление, даже если это будут отдельные группы. Трудности перехода через Тавр, южнее Тавра, — еще один серьезный барьер. И только потом открываются более удобные пути продвижения в Сирии»²⁶. Осуществление этого плана гитлеровскими стратегами напрямую увязывалось с действиями армии Роммеля в Северной Африке и с планом «Барбаросса», причем в случае вторжения немцев в СССР оккупация Турции откладывалась на неопределенный срок. Но Гитлер не отказывался от воплощения в жизнь «Гертруды» и считал, что после оккупации Турции основную часть войск необходимо направить на юг — в Сирию и далее к Суэцкому каналу и Ираку, часть же — к Баку²⁷. Правда, план этот был перенесен им на конец 1942 года, то есть ко времени, когда будет покончено с Кавказом. План же по захвату Кавказа «Эдельвейс» еще не был разработан, но становится очевидной их логическая связь в перспективе: одна из главных целей

Гитлера, предусмотренная планом «Барбаросса» — захват Кавказа, без нефти которой ведение войны становилось проблематичным.

Осознанием грозящей опасности и были продиктованы действия турецкого руководства. Разведка довольно оперативно распознала о плане «Эдельвейс» и его содержании. В Анкаре понимали, что заверения немцев относительно перспектив территориального расширения республики лишь декларация. Турция как суверенное, независимое государство нисколько не устраивала Гитлера и его окружение. Осенью 1942 года турецкое правительство и военное командование приняли меры по укреплению зон проливов: там были усилены контингент войск и численность артиллерии, введено патрулирование Босфора и Дарданелл. По мере продвижения немецких войск на восток, выхода их к Сталинграду и Главному Кавказскому хребту опасность вторжения войск вермахта в Турцию становилась реальной. Падение Сталинграда и захват вермахтом Кавказа должны были быть действительно сигналом к войне. Но не агрессивной, как принято считать в советской исторической литературе. А к войне по отражению немецкой агрессии как со стороны Балкан, так и со стороны Кавказа. Анкара приняла срочные меры: в вилайетах, граничащих с Болгарией, было объявлено чрезвычайное положение, на границе с СССР — военное. Численность турецких войск была доведена до миллиона человек²⁸. При всем при этом, в вооруженных силах маршала Чакмака не было ни одной авиационной эскадрильи, ни одного танкового звена. Основу вооруженных сил Турции по-прежнему составляли пехотные и кавалерийские соединения. Главным видом транспорта оставался гужевой. Турки готовы были оборонять свою страну всеми имеющимися силами, хотя прекрасно сознавали, что агрессия со стороны Германии для нее может стать смертельной. Выступивший 30 октября 1942 года на открытии сессии Народного Собрания Турции президент Исмет Иненю, давая характеристику международному положению, вновь ясно и определенно заявил о том, что Турция и впредь будет проводить политику нейтралитета и военные приготовления Турции рассчитаны только на отражение внешней агрессии, откуда бы такая не исходила. Для Советского Союза это было самое тяжелое время, и тогда в Москве выступление турецкого президента было встречено с пониманием.

Как видно из изложенного, турки были осведомлены о действительных планах Германии, и никаких иллюзий по поводу передачи

им в случае вступления в войну закавказских территорий не имели. В Анкаре понимали, что фюрер, планируя захват Кавказа с помощью Турции или без таковой, не отдал бы туркам ни пяди кавказской земли, тем более нефтеносный район Баку, несмотря на его тюркоязычное мусульманское население. При любом раскладе, действуя в русле германской политики, Турция была обречена на полную или же частичную потерю суверенитета и независимости.

И если Сталина интересовали только проливы (во всяком случае, он никогда и нигде не высказывался о своей заинтересованности в территории Турции в целом), то Гитлеру Малая Азия целиком была необходима как плацдарм для дальнейшего расширения агрессии как в южном направлении, так и в восточном. Президенту республики и кабинету министров важно было в сверхсложной ситуации спасти собственную страну, с чем они и справились. Отчасти благодаря урокам Первой мировой войны. «Было понятно, — сообщает турецкий источник, — что если наша армия вступит в боевые действия, то через несколько недель от нее ничего не останется. Бесполезно и опасно было нашей стране открывать какой-либо фронт. Было ясно, что если Турция ввяжется в войну, то перед ней встанут огромные, неразрешимые проблемы. Таким образом, перед турецким правительством и президентом Иненю встала задача: не допустить участия Турции в войне, тем более на ее территории»²⁹.

В этой связи важно отметить, что, в отличие от славянских государств — Чехии, Словакии и особенно Болгарии, в мирные времена декларировавшей о прочных братских узах, — ни одно турецкое подразделение не воевало против СССР. Этого было достаточно для уважения позиции Турецкой Республики, что, собственно, и было отмечено И. Сталиным в ходе Тегеранской конференции.

Что же касается различных заявлений пантюркистского толка, территориальных притязаний к СССР, звучавших, как свидетельствуют советские историки, из уст различных лидеров общественно-политических организаций, то уместно сказать следующее. На исходе XX века некоторые российские политики прямо заявляли о том, что в скором времени российские солдаты будут «мыть сапоги в Индийском океане». Но никто из руководства южных соседей России не проявил нервозности по этому поводу. Видимо, там отличают демагогию от государственной политики.

Г л а в а 3

«ЭДЕЛЬВЕЙС». НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Гитлеровский план по захвату Кавказа «Эдельвейс» достаточно подробно раскрыт в советской исторической литературе, и заинтересованный читатель легко сможет найти ее и познакомиться с деталями этого плана¹. Поэтому ограничимся здесь изложением основных положений «Эдельвейса» и попытаемся раскрыть наиболее неразработанный аспект — попытки решения национальных вопросов в ходе осуществления этого плана.

Именно этот аспект является наиболее проблематичным и, соответственно, актуальным, так как советская историография однозначно утверждает о неудавшемся «кавказском эксперименте», а в современной отечественной литературе приводятся факты обратного характера. Утверждается о том, что народы Кавказа тяготели к национальному, «мусульманско-националистическому сепаратизму», лелеяли надежду создать независимые национально-территориальные образования под эгидой рейха, увязывая это с появлением «мусульманских» и других восточных легионов и т. д.² ...

«Блау» — «Брауншвейг» — «Эдельвейс»

Известно, что по мере продвижения немецко-фашистских войск на восток в план по захвату СССР Гитлером вносились соответствующие коррективы. Так, в апреле 1942 года был разработан «Блау» — план наступления немцев на южном крыле советско-германского фронта. В связи с наметившимися успехами на этом участке, верховное главнокомандование разрабатывает директиву №45 от 23 июля 1942 года «О продолжении операции Брауншвейг», сам

план под названием «Брауншвейг» был принят ранее — 30 июня того же года в развитие первоначального плана.

Все это явилось следствием того, что в июне 1942 года немцам удалось нанести серьезное поражение войскам Красной Армии на юго-западном направлении. Советские войска вынуждены были отступить, фактически открыв немцам путь на Северный Кавказ. Гитлер пребывал в уверенности, что у СССР не осталось ресурсов для дальнейшего сопротивления и продолжения войны.

В этой ситуации был разработан «Эдельвейс» — план по захвату Кавказа.

В соответствии с этим планом предусматривалось:

- 1) захват Кавказа с его нефтеносными районами (Майкоп, Грозный, Баку);
- 2) нарушение связи СССР с внешним миром через Кавказ и Иран (Персидский залив) путем захвата Кавказа;
- 3) ослабление Советского Союза из-за утраты кавказских нефтяных районов;
- 4) получение вермахтом источников горючего, в котором он остро нуждался;
- 5) втягивание в войну против СССР Турции;
- 6) полное уничтожение Черноморского флота СССР, ликвидация его баз и превращение Черного моря во внутреннее море рейха;
- 7) создание благоприятных условий после прорыва в Закавказье для последующего вторжения на Ближний Восток с целью установления там своего господства. Удар по Англии путем захвата ее колоний (Индии и др.)³.

Для решения этих задач на Кавказ направлялась группа армий «А» генерал-фельдмаршала Вильгельма Листа в составе 17-й полевой армии генерала Руоффа, 1-й танковой армии генерала фон Клейста, 49-го горного корпуса генерала Конрада. Действия наземных войск с воздуха прикрывал один из корпусов 4-го воздушного флота генерала Рихтгофена. Второй корпус был задействован в группе армий «Б», шедшей на Сталинград.

Группе армий «А» ставилась задача силами 17-й полевой армии захватить Кубань, занять Майкоп с его нефтепромыслами, выйти к Черноморскому побережью, овладеть во взаимодействии с германским флотом портами с целью дальнейшего прорыва к Батуми

и Тбилиси. 1-я танковая армия должна была нанести удар на Грозному и выйти к Баку. В центре этих фактически расходящихся на начальном этапе направлений должен был действовать 49-й горный корпус. Соединения корпуса должны были форсировать Главный Кавказский хребет и выйти к Сухуми и Туапсе. Очевидно, для создания наиболее благоприятных условий для дальнейшего продвижения соединений 17-й полевой армии. Говорим «очевидно», так как истинные цели и значение этого прорыва через горы не могут ясно сформулировать ни немецкие ветераны — участники горной войны, ни современные немецкие исследователи. Скорее всего, это была наиболее авантюрная часть в целом авантюрного же плана «Эдельвейс». Но тогда, в 1942 году, фашистский генералитет так не думал, и фашистские войска двинулись на Кавказ.

Хаджи Мурат Ибрагимбеили писал: «Гитлеровское руководство прекрасно знало, что Кавказ, занимая важное географическое положение на юге СССР, имеет огромное политическое, экономическое и военно-стратегическое значение, ибо через его территорию проходят магистрали, играющие важнейшую стратегическую роль в системе международных коммуникаций»⁴. Это объективно, и разночтений тут нет, тем более, что таковым Кавказ остается и сегодня. Нас же интересует «национальная политика» Третьего рейха на оккупированных пространствах.

Фюрер и «кавказские арийцы»

Современные ученые, определяя цели и задачи «национальной политики» Германии на Востоке, находят компетентность Гитлера в этнических проблемах и характерных особенностях многочисленных народов, населяющих Северный Кавказ. Сообщается также о принципах «лояльной политики» по отношению к горцам и казачеству, автором которых, якобы, является фюрер. Н. Ф. Бугай, в частности, приводит в одной из своих работ расхожую фразу, взятую из советских газет военного времени, без колебаний приписывая ее Гитлеру: «На Кавказе, как нигде в другом месте России, адаты, мусульманские законы, шариат еще крепко держат в руках большую часть горского населения в по-

виновении. И это облегчает задуманную акцию. Горцы по натуре очень наивны и легкомысленны. С ними работать легче, чем с другими национальностями»⁵.

Едва ли фюрер говорил такое. Во всяком случае, ни один из известных нам немецких источников (К. Типпельскирх, Ф. Гальдер, В. Кейтель, Э. Манштейн, Р. Конрад, Й. Хоффман и многие другие) не сообщает об этом. Более того, приходится слышать о том, что Гитлер признавал за горскими народами определенные черты арийской расы, и это обстоятельство сыграло свою роль в судьбе народов Северного Кавказа, временно попавших под немецкую оккупацию.

Едва ли Гитлер занимался проблемами кавказских народов, хотя какие-то общие познания в этнополитических вопросах у него, очевидно, были. Но ни один источник не подтверждает тезисы о том, что фюрер занимался проблемами изучения и государственного устройства народов Кавказа.

Гитлер прямо говорил о том, что его цель не освобождение от большевизма, а завоевание СССР с целью организации восточных пространств для нужд рейха, получения сырья и дешевой рабочей силы. Более того, одобряя идею Бормана и других главарей рейха о доведении положения народов СССР до состояния «рабочего скота», Гитлер весьма скептически относился даже к идее создания боеспособных восточных легионов. Ниже приводится стенограмма полемики, инициированной Кейтелем по поводу создания и использования «русского национального комитета» и восточных военных формирований:

«Кейтель. Я позволю себе заявить, что мы будем рассматривать этого инициатора пропагандистских листовок, подписанных Власовым, то есть национальный комитет, как чисто пропагандистское средство.

Цейтлер. Необходимо провести резкую черту. Там, где дело касается противника, там можно все делать, а что происходит внутри, там дело обстоит иначе. Здесь должна быть ясная граница.

Кейтель. Я этот вопрос еще раз поставил перед Розенбергом совершенно четко. Я задал ему вопрос: каковы их собственные намерения в отношении национального комитета? Что касается нас, то мы предполагаем использовать их в целях пропаганды для возможно более широкого привлечения перебежчиков.

Его ответ: сведение всех добровольных помощников (так он их называет) и русских, украинских, кавказских, татарских боевых соединений в единую русско-украинскую освободительную армию, а также, добавлю я, использование этого предприятия с пропагандистскими целями.

Здесь мы имеем дело не только с использованием в целях пропаганды, но и особого рода сосредоточением. А это есть именно то, чего фюрер не желает.

Цейтлер. Этого мы совсем не делаем. *Можно было выдавать вознаграждение людям, которые у нас служат*, чтобы привязать их к нам, — какую-нибудь реальную ценность, будь то деньги или *обещание, что они потом что-нибудь получают.*

Сосредоточение я считаю совершенно неправильной мерой, и уж ни в коем случае в *форме дивизий*. Батальоны еще допустимы, их легко держать в руках. Но соединения выше этого *не должны допускаться*, за исключением казачьей дивизии. Эта последняя будет вести себя вполне порядочно.

Фюрер. Я сказал бы, что если бы мы успешно удержались на Кавказе, мы могли бы наверняка получить соединения не у грузин, а у мелких тюркских народов.

Кейтель. Они будут составлять исключение из вышеуказанного правила, так как они являются сильнейшими врагами большевизма. Они стоят вне дискуссии. Это — тюркские легионы. Это чисто туземные соединения. Я еще раз могу указать на то, что мы говорили в прошлом году, в начале сентября, они особо отличившиеся в борьбе с бандитами туземные соединения.

Фюрер. Они тогда уже существовали.

Кейтель. Эти роты, поскольку они состоят из безусловно надежных элементов на добровольной основе, могут быть оставлены и дальше, а также могут создаваться заново. Так мы и тогда договорились.

Фюрер. Создание еще новых формирований является уже опасным»⁶.

Из приведенного отрывка стенограммы совещания в Бергхофе 3 июня 1943 года, на котором присутствовали Гитлер, генерал-фельдмаршал Кейтель — начальник штаба Верховного главнокомандования вооруженными силами Германии (ОКВ), генерал-лейтенант Шмундт — адъютант Гитлера по сухопутным силам,

по совместительству начальник управления сухопутных войск по кадрам, генерал Цейтцлер — начальник генерального штаба сухопутных войск (ОКХ) на восточном фронте и полковник Шерф, видно, что взгляды фюрера и его генералов на проблемы комплектования и использования восточных легионов далеко не совпадают.

Первое, что бросается в глаза даже при беглом знакомстве с этим документом, приведенным здесь не полностью, это попытки Кейтеля оправдать необходимость создания и использования на фронтах различных легионов и даже сведение их в армейские соединения. Что не находит поддержки у Гитлера и Цейтцлера, умеющего предугадать настроение и реакцию своего фюрера.

Гитлер на этом совещании прямо заявляет, что необходимо четко различать «право пропаганды, которую я направляю на ту сторону, и то, что в конечном счете мы делаем на самом деле»⁷. Он недоволен политикой рейхсминистра по делам Востока Альфреда Розенберга, имеющего свой взгляд на эти проблемы. Гитлер категорически против создания как русской армии («Мне не нужна русской армии, которую придется целиком пронизывать чисто немецким скелетом»), так и любых государственных образований, даже под эгидой рейха. И хотя на совещании речь шла об Украине, очевидно: отказывая украинцам в создании своего государства, фюрер тем более отвергал мысль о государственности кавказских и других народов, хотя о них здесь он ничего не говорит: «Одного нам решительно надо избегать — чтобы у нас неожиданно не возникла мысль: может быть, наступит день, когда дела у нас пойдут плохо, — и нам нужно только создать украинское государство, тогда все будет в порядке, тогда мы получим один миллион солдат.

Мы ничего не получим, ни одного человека! Это такая же фантазия, как и тогда. Мы совершили бы величайшую глупость»⁸.

В этой же беседе Гитлер дает косвенную оценку действиям своих войск на Кавказе («если бы мы успешно удержались на Кавказе»). Правда, дальше он развивает свою мысль весьма иллюзорного, гипотетического характера: «...мы могли бы наверняка получить соединения не у грузин, а у мелких тюркских народов». Но вот дальнейший его вывод об организации «тюркских легионов» идет в разрез с его же гипотезой: «создание новых формирований уже становится опасным». Его поддерживает Цейтцлер: «Это, пожалуй, было бы слиш-

ком неосмотрительно». Вероятно, Гитлер посчитал, что для решения пропагандистских вопросов на этом этапе уже сформированных батальонов достаточно, а для решения чисто военных задач они либо ненадежны, либо не пригодны.

Высказывания фюрера подобного характера встречаются и в других источниках.

Таким образом, Гитлер нигде не выделяет арийское происхождение и какие-либо преимущества тех или иных тюркских или северокавказских народов перед другими. Не говорит он и о каком-то лояльном отношении к ним. Он не признает право на суверенитет ни за одним народом, более того, фактически против даже комплектации войсковых соединений из этих народов. Он всерьез опасается того, что восточные легионеры «внесут с собой яд совершенно беспримерного действия».

Гитлер ставит четкую грань между пропагандой, где все средства хороши, и реальными действиями, даже если они в перспективе.

Планы Альфреда Розенберга по колонизации восточных пространных и особой политике на Кавказе, как видно из вышеизложенного, вызывали у Гитлера раздражение. И это при том, что первоначальный план Розенберга о разделении и освоении территорий, подлежащих захвату и установлению оккупационного режима, в целом был одобрен фюрером.

Чего же хотел Розенберг?

Розенберг

Альфред Розенберг — главный идеолог нацизма, заместитель Гитлера по вопросам «духовной и идеологической подготовки членов нацистской партии, рейхсминистр по делам оккупированных восточных территорий. Родился в 1893 году в Ревеле, учился в Риге, затем в Москве, где закончил в 1918 году Высшее техническое училище по специальности инженер-строитель. В том же году бежал в Германию. Свободно владел русским языком. Как яркий антисемит, явился главным организатором и пропагандистом масштабного преследования евреев. В журнале «Мировая борьба», в №2 за июль 1924 года, опубликовал статью «Советская Иудея», где, в частности, писал: «В течение 1918 г. все более или менее

зрячие увидели, как спала маска большевистского сфинкса, и выяснилось, что большевизм не был и не является борьбой за социальную идею. Это политическая борьба евреев всех стран против национальной интеллигенции всех народов, чтобы с помощью натравленных против нее низших слоев народа уничтожить ее и на ее место поставить евреев или зависимые от них сословия»⁹. Он тесно сотрудничал с Гитлером, которому привил враждебное представление о России и идею «еврейского большевизма». Именно с его подачи Гитлер в своей книге «Майн Кампф» исповедовал борьбу против евреев и большевизма: «В русском большевизме мы должны видеть предпринятую в двадцатом столетии попытку евреев завоевать мировое господство... Германия является сегодня ближайшей крупной целью большевизма. Потребуется все силы молодой миссионерской идеи, чтобы поднять наш народ на освобождение от пут этой международной змеи и остановить внутреннее заражение нашей крови, чтобы направить освобождающиеся силы нации на сохранение нашего национального духа, что могло бы и в самом отдаленном будущем предотвратить повторение последних катастроф»¹⁰.

С 1933 года Розенберг — начальник Управления внешней политики НСДАП. В рамках этого управления в апреле 1941 года был создан специальный центр по проблемам восточных территорий. 20 апреля 1941 года Гитлер объявил Розенбергу о своем решении назначить его министром по делам оккупированных восточных территорий.

9 мая 1941 года Розенберг представил фюреру проект директив по вопросам политики на территориях, которые должны были быть оккупированы в результате агрессии против СССР¹¹.

Главный идеолог нацизма предлагал расчленить территорию Советского Союза, в зависимости от глубины проникновения вермахта, на семь территориальных комплексов: «Великороссия» (или «Московия»), «Белоруссия», «Украина», «Крым», «Прибалтика», «Кавказ» и «Туркестан»¹². Он называл их губернаторствами. Гитлер внес коррективы: не «губернаторства», а «рейхскомиссариаты». И никаких автономий.

Первоначально на пост рейхсминистра Кавказа Розенберг выдвигал кандидатуру статс-секретаря Имперского министерства продовольственного снабжения Герберта Баке, уроженца Батуми. Баке

был известен особым указанием окружным руководителям сельского хозяйства от 1.06.1941 г. о поведении по отношению к русским на оккупированной территории. Указание это называлось «12 требований к поведению немцев на Востоке и обращению с русскими». В нем он в частности требовал: «Не говорите, а действуйте! Русских вам никогда не переговорить и не переубедить речами. Говорить он может лучше вас, так как он прирожденный диалектик и унаследовал «философствование». При разговорах и дебатах вы останетесь в проигрыше. Вам следует действовать. Русскому импонирует только действие, потому что он сам женоподобен и сентиментален...

... Русские хотят быть только управляемой массой. Такое действие на них и окажет приход немцев, ибо тем самым исполнится их собственное желание: «Придите и господствуйте над нами». Поэтому у русского не должно складываться впечатления, что вы колеблетесь... Нужда, голод, довольствование малым — удел русского человека на протяжении столетий. Его желудок растяжим, поэтому никакого ложного сочувствия. Не пытайтесь навязать немецкий стандарт жизни и изменить русский образ жизни... Помогите себе сам, и да поможет тебе Бог!»¹³. Что же, надо признать, «женоподобность и сентиментальность» русских Герберт Баке сполна почувствовал в 1945 году в разрушенном Берлине, и судьба отпустила ему ровно столько времени, чтобы осознать гибельность своих заблуждений. Он повесился в Нюрнбергской тюрьме в ходе знаменитого процесса.

Но в 1941 году его кандидатура по какой-то причине не прошла, и рейхскомиссаром был назначен журналист Арно Шикеданц. Специально созданный штаб «К» спешно занялся теоретическим территориальным устройством Кавказа. Ссылаясь на материалы Нюрнбергского процесса, Х. М. Ибрагимбеили сообщает: «В целях сохранения национальной разрозненности вся территория Кавказа по утвержденной Гитлером структуре делилась на пять больших и два малых окружных управления. Большие соответствовали «Генеральным комиссариатам остальных оккупированных областей Востока», а малые — учреждались впервые на Кавказе и должны были соответствовать самостоятельным «главным комиссариатам».

Все «окружные управления» создавались по национальному и географическому признакам. «Большими управлениями» должны были

стать Грузия, Азербайджан, Горная страна (или Горный Кавказ), Кубань, Терек. «Малыми» — Армения, Калмыкия»¹⁴.

В отличие от Гитлера и главарей рейха, Розенберг планировал проводить на Кавказе более гибкую политику. «Как и на Урале, так и на Кавказе существует много народностей и языков. Будет невозможно, а политически, пожалуй, и неправильно, основным языком на Урале делать татарский или мордовский, а на Кавказе, скажем, грузинский. Это могло бы вызвать раздражение у других народов этой области. Поэтому следует подумать о введении немецкого языка в качестве языка, связующего эти народы... Не следует отвергать мысль о преобразовании этого района в будущем в великогерманский колониальный район, так как его население в еще большей степени обладает признаками нордической расы... Но, важно, чтобы население в своем большинстве состояло из людей примитивного полуевропейского типа. Оно не доставит много забот германскому руководству».

Однако этот план, несмотря на то что Розенберг и его ведомство планировали «подрыв биологической силы народов» и «доведение рождаемости до более низкого уровня» на Кавказе, так же как и в остальных районах оккупации, Гитлером был отвергнут как слишком мягкий. Вызвано это было еще и тем, что Розенберг планировал или, во всяком случае, декларировал необходимость автономизации национальных образований на Кавказе. А Гитлер настойчиво требовал идти напролом в колонизации «восточного пространства» немцами и не делать скидок и снисхождения никакому народу. Аналогичных взглядов придерживались Геринг, Гиммлер, Борман и другие нацистские главари¹⁵.

Развязав войну против СССР, гитлеровцы переходят от мемурандумов, планов, директив, от всякого прочего словоблудия к делу. С первых же дней войны спешно строятся концлагеря для военнопленных и мирного населения, тысячи людей были сожжены. Начинаются чудовищные эксперименты над людьми. Политика геноцида приобретает невиданные за свою историю человечества размеры. Один из «отцов» фашистской доктрины чело- векоуничтожения доктор Ветцель не только развязывал врачам руки для всяких преступлений, но и требовал проведения геноцида в жизнь. «Ничто не должно считаться нарушением врачебной этики, — разглагольствовал он, — следует не допускать борьбы

за снижение смертности младенцев, не разрешать обучения матерей по уходу за грудными детьми и профилактическим мерам против детских болезней. Следует сократить до минимума подготовку русских врачей по этим специальностям, не оказывать никакой поддержки детским садам и другим подобным учреждениям... Целью немецкой политики по отношению к населению на русской территории будет являться доведение рождаемости русских до более низкого уровня, чем у немцев. То же самое относится, между прочим, к чрезвычайно плодовитым народам Кавказа... В этих областях мы должны сознательно проводить политику на сокращение населения»¹⁶.

Все это находило поддержку у бонз Третьего рейха. Эта поддержка приводила Розенберга в замешательство. Он пытался выправить складывавшееся положение, довести до сознания фюрера и его окружения необходимость проведения новой, отличной от оккупированных восточных территорий, политики. У Гитлера это вызвало очередной приступ раздражения. Разговаривать с Розенбергом фюрер не стал, поручив Борману разъяснить непонятливому рейхскомиссару восточных пространств, что от него требуется. В период, когда уже шли бои на Северном Кавказе, Борман в письме Розенбергу писал:

«Многоуважаемый партайгеноссе Розенберг!

Фюрер желает, и я сообщаю Вам по его поручению, чтобы Вы позаботились о соблюдении и проведении следующих принципов в оккупированных восточных областях:

- 1. Если женщины и девушки в занятых восточных областях делают аборт, то это для нас только к лучшему; немецкие юристы ни в коем случае не должны возражать против этого. По мнению фюрера, следует даже допустить торговлю противозачаточными средствами в занятых восточных областях, так как мы совершенно не заинтересованы в росте немецкого населения.*
- 2. Опасность того, что немецкое население в восточных областях начнет расти сильнее, чем до сих пор, очень велика, так как все жизненные условия для немецкого населения становятся, само собой разумеется, намного лучше. Именно поэтому мы должны принять необходимые меры против роста немецкого населения.*

3. *Для ненемецкого населения в занятых восточных областях ни в коем случае не должно вводиться немецкое медицинское обслуживание. Не может быть и речи, например, о прививках и подобных профилактических мерах для ненемецкого населения.*
4. *Ненемецкое население ни в коем случае не должно допускаться к высшему образованию. Если мы совершим эту ошибку, то сами вырастим грядущее сопротивление. По мнению фюрера, совершенно достаточно, чтобы ненемецкое население, в том числе так называемые украинцы, умело читать и писать.*
5. *Ни в коем случае не следует проводить какие-либо меры по воспитанию в ненемецком населении чувства хозяина! Необходимо действовать прямо противоположно!*
6. *Вместо нынешних письменных знаков (имеется в виду кириллица — авт.) в будущем следует обучать в школах нормальному шрифту...*

Хайль Гитлер!

Ваш Борман»¹⁷.

Разумеется, это шло в разрез с планами рейскомиссара восточных пространств на Кавказе, народов которого он побаивался. Известно опасение Розенберга о том, что свободолюбивые народы Кавказа, «несмотря на известную ненависть к Советам», могут повернуть оружие и против германских войск.

Таким образом, очевидно, что ни один из германских вождей, в том числе сам Гитлер, не предлагал никаких скидок на оккупированных пространствах ни одному народу в зависимости от «арийского» или «неарийского» происхождения.

Доктрину Розенберга в определенной мере поддержал генерал Эвальд фон Клейст, знавший историю народов Кавказа в той мере, в какой его ознакомили советники по «кавказским вопросам» генералы фон Нидермайер, Кестринг, Султан-Гирей Клыч и другие. Именно его предписание войскам: «Помните, что вы на Кавказе, а не в России или на Украине. Действовать здесь надо осторожно, не затрагивать национальных чувств казаков и горцев, особенно кавказской женщины», — по неведению вкладывают иные историки в уста фюрера, из чего складывается ложное представление о принципах национальной политики Третьего рейха.

Несогласованность во взглядах, убеждениях и определении политики на Кавказе между гитлеровскими бонзами и рейхскомиссаром Розенбергом, а так же менталитет народов Кавказа, вполне понимавших истинные цели и задачи этой политики, привели так называемый «кавказский эксперимент рейха» к его закономерному краху.

С осени 1943 года, когда план по захвату Кавказа потерпел полный провал, Гитлер все реже и реже вспоминает Розенберга, и если вспоминает, то большей частью с определенной долей раздражения. Оно и понятно: к слабой работе рейхсминистра оккупированных восточных территорий присовокупилась проблема постоянных потерь ранее захваченных пространств. Однако основным принципам нацизма Розенберг оставался верен. Вполне закономерно, что он был повешен по приговору Международного военного трибунала в Нюрнберге 16 октября 1946 года.

Что же касается Клейста, то его «лояльная политика» по отношению к народам оккупированных территорий в числе других его «заслуг» была принята во внимание фюрером. После того как 1 февраля 1943 года он возвел Клейста в генерал-фельдмаршалы, Гитлер летом того же года выразился о нем и Манштейне следующим образом: «Я не могу доверять ни Клейсту, ни Манштейну. Они умны, но они не национал-социалисты»¹⁸. Что и предопределило закат военной карьеры нового генерал-фельдмаршала. Будучи не у дел, Эвальд фон Клейст был пленен в 1945 году англичанами, затем передан югославам, препроводившим генерала через два года в Москву. Клейст был осужден и содержался в заключении во Владимире. Условия его содержания в тюрьме не были суровыми, он мог совершать прогулки по городу, переписывался с родными. В возрасте 73 лет он умер в тюрьме и во Владимире же был похоронен.

Г л а в а 4

НАЗЕМНЫЕ ВОЙСКА ВЕРМАХТА. КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Горнострелковые войска

С целью выполнения плана «Эдельвейс» на Кавказ направлялась группа армий «А», общая численность которой была доведена к началу августа до 467 434 человек. Здесь имеются в виду собственно немецкие войска и соединения их союзников: румын, словаков и др. В состав группы армий «А», которой командовал генерал-фельдмаршал В. Лист, входили 1-я танковая армия (состав — 11 дивизий), 17 полевая армия (15 дивизий), пехотная и кавалерийская бригады, 4-я танковая армия (3 — танковые дивизии), 3-я румынская армия и находившаяся в Крыму 11-я армия. Наступление группы армий «А» сверху прикрывал 4-й воздушный флот (до 1 тыс. боевых самолетов)¹.

Ввиду того что основные силы вермахта достаточно хорошо изучены и получили отражение в обширной литературе, остановимся на наименее изученных соединениях, по которым наблюдаются различия («парашютные дивизии», «дивизии, целиком укомплектованные альпинистами» и проч.)

Для ведения боев в условиях высокогорья группе армий «А» был придан 49-й горный корпус генерала Рудольфа Конрада, в состав корпуса входили: 1-я горнострелковая дивизия «Эдельвейс», 4-я горнострелковая дивизия «Enzian» («Горечавка»), которую советские историки ошибочно называют «Тирольцы». Необходимо в этой связи отметить, что немцы не дифференцировали при комплектации своих частей и соединений по таким признакам, как-то: отдельно саксонцы, баварцы, тирольцы и т. д.

97-я и 101-я легкопехотные дивизии со второй половины сентября 1942 года сменили убывшую на Туапсинское направление дивизионную группу генерала Ланца. Легкопехотные дивизии с августа 1942 года стали именоваться егерскими². Ввиду того, что в дальнейшем в основном будет упоминаться 49-й горный корпус в боях за перевалы, есть смысл подробнее остановиться на организации дивизий, вошедших в состав корпуса, и сопоставить их с организацией дивизий Закавказского фронта, 3-го стрелкового корпуса в частности.

Горнострелковая дивизия вермахта, помимо штаба с мотоциклетным взводом и картографическим пунктом, как правило, имела по 2 горнострелковых полка. В горнострелковой дивизии «Эдельвейс» — 3 полка: 98-й, 99-й и 100-й, последний полк еще в 1940 году был придан 5-й горнострелковой дивизии и в битве за Кавказ не участвовал; общая численность полка 3300–3500 человек. В дивизию, помимо горнострелковых полков, входили следующие подразделения и службы:

- самокатный батальон из 3 рот, по 9 ручных, 4 станковых пулемета и по 3 легких миномета в каждой роте;
- легкая горная колонна снабжения;
- моторизованная рота тяжелого оружия (12 средних минометов, 3 противотанковых орудия);
- разведывательный батальон из кавалерийского и самокатного эскадронов (по 9 ручных и по 2 станковых пулемета в каждом).

В «Эдельвейсе» вместо разведывательного батальона была мотоциклетно-стрелковая рота.

Горный артиллерийский полк в составе двух горных артиллерийских дивизионов двухбатарейного состава имел:

- по 4 горных орудия в каждой батарее;
- легкий артиллерийский дивизион трехбатарейного состава (по 5 орудий в батарее);
- моторизованный тяжелый дивизион двухбатарейного состава по 4 орудия в каждой батарее, тяжелые гаубицы калибра 150 мм;
- моторизованный истребительно-противотанковый дивизион двухбатарейного состава по 12 противотанковых ружей в каждой;

- один горный отдельный саперный батальон, до 30 ручных пулеметов;
- отдельные запасные горнострелковые батальоны;
- горный батальон связи;
- горная рота снабжения;
- горная колонна снабжения (грузоподъемностью до 15 тонн);
- административно-хозяйственные службы;
- санитарная служба;
- почта;
- ветеринарная служба;
- служба поддержания порядка (полевая жандармерия)³.

Таким образом, в горнострелковой дивизии вермахта по штатному расписанию насчитывалось около 18 тысяч солдат⁴.

На вооружении горнострелковая дивизия вермахта имела:

- ручных пулеметов — 275,
- станковых пулеметов — 72,
- 50-мм минометов — 66,
- 81-мм минометов — 36,
- 75-мм пушек — 12,
- 37-мм пушек — 48,
- 105-мм пушек (горные) — 16,
- 150-мм тяжелые гаубицы — 8⁵.

Говоря о вооружении горных стрелков, необходимо отметить, что в основе своей оно не сильно отличалось от вооружения других соединений вермахта и СС. Но в силу специфики условий, в которых предстояло воевать горным стрелкам, были внесены соответствующие коррективы. Так например, 75-мм легкие пехотные пушки по штату стрелковой пехотной дивизии составляли двадцать единиц при шести тяжелых пехотных орудиях⁶.

Горнострелковые же дивизии имели, как видим, 12 пушек вместо двадцати. Но они были модернизированы и приспособлены для горных условий. Вес снаряда составлял 6 кг против обычных 5,5 кг, наибольший угол возвышения составлял 40 градусов против обычных 73⁷. Но наибольшая дальность стрельбы почти достигала дальности стрельбы легкой полевой гаубицы — 9250 метров (у гаубицы — 10 675 м). При этом дальность эффективной стрельбы превышала возможности той же пушки, принятой на вооружение в других частях вермахта. Вес орудия в боевом положении составлял около

440 кг, что позволяло без особого труда переставлять и вообще снимать хобот и перекачивать орудие на поле боя⁸.

Весьма эффективными оказались в условиях гор 50-мм минометы. «Это было легко транспортируемое и точно стреляющее оружие, с помощью которого пехота могла воздействовать на противника из-за любого укрытия», — сообщает специалист по видам вооружения Третьего рейха В. В. Шунков⁹.

Что касается 81-мм минометов, то, помимо обычных типов мин, в горах использовались прыгающие осколочные мины, основным назначением которых было истребление живой силы, находившейся за различными укрытиями: скалами, складками местности, окопами и т. д.

Горные стрелки имели на вооружении карабины системы Маузера (калибр 7,92 мм). В большинстве случаев они были снабжены оптическими прицелами и, имея прицельную дальность более 2000 метров, являлись грозным оружием в руках горных стрелков. Карабинов других систем у них было сравнительно немного. Для ближнего боя немцы использовали автоматы MP-40 — «ЭРМА» с прицельной дальностью стрельбы в 200 метров и практической скорострельностью 80-90 выстрелов в минуту.

Основным видом стрелкового оружия в горнострелковых дивизиях были единые 7,92-мм пулеметы MG-34 и MG-42. Причем последний пулемет стал поступать на вооружение горных стрелков фактически с 1943 года. Вес пулеметов с сошкой составлял 12 кг, а со станком — 33 кг. Практическая прицельная дальность стрельбы составляла 2000 метров, максимальная — 3500 метров. Темп стрельбы — 700-800 выстрелов в минуту. Это были лучшие пулеметы Второй мировой войны¹⁰.

1-й горнострелковой дивизией, как упоминалось, командовал генерал-майор Губерт Ланц, 98-м горнострелковым полком — майор Залмингер, 99-м — полковник Кресс. Это были опытные, закаленные в боях офицеры. В октябре 1942 года Кресс получил генеральское звание и сменил командира 4-й горнострелковой дивизии Карла Эгельзеера, ушедшего командовать другой дивизией, а затем — корпусом. Отдельными высокогорными батальонами командовали капитаны Грот, Хиршфельд и майор Бауэр. Последнего прозвали «гималайским тигром», так как имя Пауля Бауэра было внесено в список альпинистов, осваивавших Гималаи. Он участвовал в гималайских

экспедициях 1929, 1931 годов, в 1938-39 годах был руководителем экспедиций на Канченджангу и Нанга-Парбат. В ходе боев создавались группы горных стрелков, и общее командование на различных участках осуществляли отдельные офицеры. Так, группой Эльбрусского и Махарского участков командовал Кресс, Марухского — майор Айсгрубер, Санчарского — полковник Штеттнер и др.

4-й горнострелковой дивизией командовал генерал-майор Карл Эгельзеер. Командиром 13-го горнострелкового полка был майор Отт, 91-го — майор Шульце. В зависимости от ситуации подразделения этих полков, как отмечалось выше, объединялись в сводную группу полковника фон Штеттнера. И здесь весь офицерский состав имел огромный опыт боевой работы, в том числе и в горных условиях.

Для немецких частей характерна мобильность, оперативность, отсутствие жестких границ подчинения в пределах соединений и подразделений. В зависимости от обстоятельств оперативно комплектовались мобильные группы, группы быстрого реагирования, отдельные отряды особого назначения и перебрасывались на те или иные участки. Горные стрелки имели серьезную подготовку к боевым действиям в горах, они были снабжены ледорубами, веревками, горной обувью, соответствующей одеждой, металлическими кошками, крюками, спиртовками для приготовления пищи и многим другим. Наиболее хорошо были оснащены ударные, высокогорные подразделения, составленные из скалолазов и альпинистов.

Связь в большинстве случаев осуществлялась радиопередатчиками, рацией. Немцы почти не использовали в горах проводную связь. В ясную погоду на коротких дистанциях работали сигнальными флажками.

Легкопехотные дивизии, получившие с 28 июня 1942 года наименование егерских, несколько отличались по структуре и вооружению от горнострелковых. Во-первых, численность егерских дивизий была меньше, чем горнострелковых. Ниже приводится численный состав егерских и горнострелковых дивизий вермахта (без учета отдельных высокогорных батальонов):

	<i>Легкопехотная (егерская) дивизия:</i>	<i>Горнострелковая дивизия:</i>
офицеры	332	459
чиновники	105	85

унтер-офицеры	1616,	2128,
рядовые	8719	14 516.
Итого	10 772	17 188

Вооружение легкопехотных (егерских) дивизий:

ручные пулеметы — 404,
 станковые пулеметы — 62,
 50-мм минометы — 42,
 80-мм минометы — 24,
 75-мм пушки — 12,
 37-мм противотанковые ружья — 54,
 105-мм гаубицы — 24,
 бронев автомобили — 70-130,
 танки — 86,
 20-мм зенитки — 12¹¹.

Необходимо отметить, что немцы использовали переносные канатные средства доставки грузов и эвакуации раненых. Они знали по опыту, что самый медленный способ доставки продовольствия и боеприпасов к местам высокогорных боев — это доставка людьми. Поэтому горные стрелки для этих целей использовали мулов, изредка — лошадей. В качестве носильщиков использовались и пленные, взятые здесь в боях. Как правило, немцы оставляли в расположении частей наиболее крепких пленных. Слабых, раненых либо расстреливали, либо отправляли в близлежащие населенные пункты. Известны случаи, когда раненые советские военнопленные направлялись горными стрелками в близлежащие населенные пункты для лечения в госпиталях, равно как и просто отдавались на содержание населению. Хотя подобное проявление рыцарства было скорее явлением частным и характеризовало далеко не всех немецких офицеров — вершителей судеб советских военнопленных.

Но и здесь, на «заоблачном фронте», как и в предгорьях, немцы, с ходу взяв ключевые горные проходы, ушли настолько далеко, что колонны снабжения не успевали за ними. Перебои в подвозе боеприпасов и продовольствия стали хроническими, что не замедлило сказаться на ходе наступления 1-й и 4-й горнострелковых дивизий. Боевые группы, оторванные от своих баз, вынуждены были в глубоких ущельях отражать яростные атаки все усиливавшихся советских час-

тей. Они несли большие потери, сэкономили последние патроны, давно забыв вкус горячей пищи. Чужие, незнакомые горы, поначалу вызывавшие у горных стрелков неподдельный восторг, навевали теперь страх и становились западней, из которой выхода не было.

Выше приведена краткая характеристика лучших немецких соединений, участвовавших в битве за Кавказ в самой высокогорной части фронта. Кроме немцев, воевали и обеспечивали оккупационный режим словацкие и румынские соединения, характеристика которых не входит в задачу настоящего исследования, отчасти потому, что боеспособность их была низка, отчасти потому, что характеру немецко-фашистского оккупационного режима будет посвящена соответствующая специальная работа.

Вместе с тем, необходимо отметить наличие в составе германских войск подразделений и частей из бывших граждан СССР — так называемых «восточных легионов», участвовавших в битве за Кавказ. Отечественные и зарубежные историки (О. В. Романько, Й. Хоффман и др.) отмечают наличие следующих легионов, воевавших, несших охранные функции, участвовавших в строительных работах на Северном Кавказе.

450-й туркестанский пехотный батальон в составе 934 «туркестанцев» и 27 немцев. Батальон входил в состав 3-го танкового корпуса 1-й танковой армии и действовал в калмыцких степях. Батальоном командовали с 1942 по 1943 годы включительно майор А. Майер-Мадер, майор Берген, капитан Кобб¹².

Кроме этого батальона, на Астраханском направлении действовали 782-й, 811-й туркестанские батальоны.

На Туапсинском направлении на различных работах использовались 452-й и 781-й туркестанские батальоны. В районе Нальчика и Моздока располагался 1/307-й туркестанский батальон. Здесь и далее наименования батальонов типа 1/307 означают номер части (1-й батальон), приданной немецкой дивизии (307-й дивизии)¹³.

Говоря о северокавказцах на южном крыле советско-германского фронта, немецкий исследователь Й. Хоффман называет три батальона: «800-й (черкесы), 801-й (дагестанцы), 802-й (осетины)». Это подтверждается и другими источниками.

800-й северокавказский батальон обер-лейтенанта Ф. Курпанека численностью в 900 северокавказцев и 40 немцев был направлен в составе 125-й пехотной дивизии 17-й полевой армии Руоффа в

район Туапсе. Несмотря на то что ряд северокавказцев командовали ротами, взводами и отделениями (командир первой роты Гагуа, командиры взводов Возба, Кошубаев, Саманов, Сижажев, Караду-ров, Туганов, Хобжоков), немцы им не доверяли, хотя Хобжоков («Черим», по данным журнала NBI) дослужился к концу войны до звания штандартенфюрера СС и работал после войны в ЦРУ. Доверие пришлось легионерам заслуживать в боях против частей Красной Армии. В одном бою в районе Горячего Ключа этот батальон потерял 247 человек. Начальник штаба группы армий «А» генерал Г. фон Грайффенберг после доклада командира Курпанека отметил «стойкость и храбрость» легионеров¹⁴.

801-й северокавказский батальон капитана Эверлинга (его сменил капитан Буркхард) действовал в составе 370-й пехотной дивизии 1-й танковой армии в районе Нальчика — Моздока. Численный состав этого батальона — 920 северокавказцев и 27 немцев. На том же направлении в составе той же дивизии находился 802-й северокавказский пехотный батальон капитана Р. Капа численностью в 900 северокавказцев (в основном осетин) и 37 немцев. После того как в 801-м батальоне были обнаружены и ликвидированы советские агитаторы (группа Мордвеладзе), он больше занимался строительными и вспомогательными работами. Аналогичная группа была вскрыта немецкой полевой жандармерией и в 802-м батальоне. Там были арестованы «идейно непригодные легионеры» Гарданов, Ботоев, Гутнов и еще пятеро. Тем не менее, в боях на Тереке в декабре 1942 года батальон вел бои против частей Красной Армии, в бою 19 декабря легионеры подбили 3 советских танка, взяли 46 пленных¹⁵.

Активно воевали против советских войск и партизан Кубани формирования из Закавказья. Именно «заслуги» батальонов «Аслан», «Зейтун», «Шалва Маглакелидзе» и др. впоследствии советскими историками и журналистами были приписаны батальону «Бергманн» («Горец») из Абвера. Всего в районы боевых действий немцами было направлено 11 батальонов, укомплектованных азербайджанцами, грузинами и армянами.

804-й азербайджанский батальон входил в 49-й горный корпус генерала Конрада. Батальоном, в составе которого было 963 азербайджанца и 40 немцев, последовательно командовали майор Глогер и майор А. Фаталибеков (Або Фаталибейли). Этот батальон принимал участие в боях на Белореченском направлении. Особо отличился в

боях против 40-й и 119-й стрелковых бригад Красной Армии и за боевые отличия получил название «Аслан» («Лев»)¹⁶.

В состав 52-го армейского корпуса 1-й танковой армии фон Клейста входили и воевали в районе Нальчика – Моздока 805-й, 1/111-й пехотные азербайджанские батальоны (последний известен также под названием «Дёнмек») и 806-й азербайджанский батальон «Игит». В этих батальонах соответственно служили 919, 929, 911 азербайджанцев, но командирами были немцы — капитаны Хох, Шарренберг, Оттендорф. В 1/73 азербайджанском батальоне (численность 917 азербайджанцев и 42 немца) командиром был капитан Франке, батальон сражался в составе 73-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса 17-й полевой армии Руоффа против красноармейцев в районе Анапы — Новороссийска и снискал благодарность за активные действия¹⁷.

В 1942 году был сформирован и принял участие в боях на Нальчикско-Моздокском направлении 795-й грузинский батальон «Шалва Маглакелидзе». В его составе было 934 грузина и 41 немец. Командовали батальоном обер-лейтенант Ширр и сам организатор Ш. Маглакелидзе.

796-й грузинский батальон капитана Эйсманна в составе 912 грузин и 37 немцев входил в состав 1-й горнострелковой дивизии и вместе с «эдельвейсами» особо отличился в боях на Туапсинском направлении. Правда, ранее он воевал в районе Майской — Новоивановской — Докшукино (Нарткала), где ему противостояли красноармейские части 392-й грузинской дивизии полковника И. А. Силагадзе. «Немецкие» грузины так воздействовали на своих земляков по ту сторону фронта, что в течение месяца и десяти дней на сторону немцев перебежали более 2 тысяч грузин-красноармейцев. Только за два дня — 26 и 27 сентября 1942 года — к немцам из 392-й стрелковой дивизии в полном составе перешли два батальона 790-го стрелкового полка. Это послужило причиной того, что командир дивизии полковник И. Силагадзе советским командованием был снят и заменен более жестким человеком Л. Берии — генерал-майором Г. И. Купарадзе. Кстати, аналогичную агитационную акцию провел и абверовский батальон «Бергманн», но об этом позже¹⁸.

1/9-й грузинский пехотный батальон обер-лейтенанта Страка воевал в составе 9-й пехотной дивизии вермахта 17-й полевой армии в районе Новороссийска. В батальоне было 927 грузин и 38 немцев.

2/4-й грузинский батальон капитана Бартшта в составе 929 грузин и осетин, а также 36 немцев был придан 4-й горнострелковой дивизии Эгельзеера и отличился в районе Белореченской, а затем Темрюка и Анапы¹⁹.

Помимо перечисленных батальонов, на стороне немцев сражались на Кавказе и два армянских пехотных батальона.

808-й батальон в составе 916 армян и 41 немца под командованием майора Кучера в октябре 1942 года был придан 1-й горнострелковой дивизии «Эдельвейс» в районе Туапсе и там особо отличился.

809-й армянский пехотный батальон «Зейтун» (913 армян и 45 немцев) под командованием капитана Беккера воевал в районе Нальчика — Моздока. За «мужество и храбрость» батальон заслужил благодарность генерал-фельдмаршала Э. фон Клейста и генерала Кестринга как «мужественное формирование, достойное воинских традиций своих героических предков». Многие «зейтуновцы» были награждены Железными Крестами и особыми медалями для восточных легионеров²⁰.

Таким образом, численное представительство кавказских народов, сражавшихся в зоне операции «Эдельвейс» в 1942-43 гг., составляет 12 890 человек.

Из них:

северокавказцев — 2720,

азербайджанцев — 3722,

грузин — 3702,

армян — 1829.

Кроме кавказских батальонов, на стороне фашистской Германии в зоне «Эдельвейса» действовали казачьи формирования.

Летом 1942 года из разрозненных казачьих групп приказом по 17-й полевой армии генерала Руоффа был сформирован казачий кавалерийский полк «Платов». Полк численностью в 2000 человек из донских, терских, кубанских и уральских казаков, оснащенный орудиями, минометами и пулеметами, первоначально охранял восстанавливаемые немцами нефтепромыслы Майкопа и отличался исключительной жестокостью по отношению к населению, особенно «иногороднему», то есть неказакам. «Платовцы» особо проявили себя в боях в районе Новороссийска, Анапы и на Тамани, стойко обороняли Кубанское предместное укрепление. Командиром полка был «батько» майор Э. Томсен²¹.

Казачий кавалерийский полк «Фон Юнгшульц», названный так по имени командира подполковника И. фон Юнгшульца, особо проявил себя в зоне действия 1-й танковой армии Клейста в районе Ачикулака – Буденновска, где нанес значительный урон 5-му гвардейскому кавалерийскому казачьему корпусу генерал-майора А. Г. Селиванова, почти наголову разгромив один из его полков²².

Совместно с казачьим полком «Фон Юнгшульц» против частей Красной Армии сражался 82-й казачий кавалерийский эскадрон в составе 340 человек под командованием бывшего кадрового военнослужащего РККА М. Загородного²³.

444-й немецкой охранной дивизии были приданы 1-й и 2-й казачьи конные дивизионы, причем последний был сформирован в районе Ставрополя. Общая численность этих дивизионов — 1500 человек²⁴.

454-й немецкой охранной дивизии тоже были приданы два таких же дивизиона, с такой же нумерацией и такой же численностью. Все четыре казачьих конных дивизиона, помимо охранных функций, занимались вылавливанием и уничтожением различных разрозненных партизанских и армейских групп в бескрайних полынных ставропольских степях²⁵.

В районе Прохладного вел бои с частями Красной Армии отдельный моторизованный казачий эскадрон в составе 350 человек²⁶.

В августе 1942 года в районе Армавира, на Кубани, из казаков, освобожденных из лагерей НКВД, был сформирован 209-й отдельный батальон СС, активно участвовавший в боях на Северном Кавказе²⁷.

Еще западнее, в районе Кропоткина и Павловской, действовали соответственно Отдельный казачий кавалерийский и Синегорский Атаманский казачий кавалерийский полки общей численностью более 3000 всадников²⁸.

Германский исследователь Й. Хоффман отмечает еще семь батальонов под номерами 64, 109, 112, 131, 221 и 305, размещая их в треугольнике Ставрополь – Буденновск – Минеральные Воды. Автор называет их «украинскими». На самом деле, эти батальоны формировались из донских, терских, кубанских и украинских казаков на Украине (в Виннице, Славуте и Шепетовке). В каждом батальоне насчитывалось от 500 до 800 человек, но боеспособность «украинс-

ких» батальонов была, в отличие от вышеперечисленных, весьма низкой. К тому же они были слабо вооружены. Поэтому использовались они либо в жандармских целях, либо для несения охранной службы²⁹.

Таким образом, численность казачьих формирований, носящих регулярный характер, задействованных немцами для осуществления плана по захвату Кавказа «Эдельвейс», составила более 15 000. Численность же казаков и представителей республик Закавказья и автономий Северного Кавказа, таким образом, суммарно определяется числом около 29 000 человек, так или иначе принимавших участие в битве за Кавказ. В этот краткий перечень не вошли различные «сотни», «отряды», «эскадроны» и т. д., носящие иррегулярный характер. Как правило, такие группы создавались на местах фактически без участия представителей немецкого командования. Например, казачий карательный отряд, взаимодействовавший с 4-й немецкой горнострелковой дивизией, под командованием Пономаренко (он же Пономарев, он же Вандин). Именно этот отряд при поддержке немцев положил конец существованию Западной группы партизанских отрядов Ставрополя и в дальнейшем действовал на Кубани.

Кроме того, в зоне «Эдельвейса» действовали войска СС в составе различных «Айнзацкоманд» под командованием члена штаба Рейхсфюрера СС и полиции рейхскомиссариата «Кавказ» Арведа Тоерманна. Поскольку они обеспечивали полицейский режим, рассказ о деятельности этих частей не входит в задачи настоящего исследования.

Все данные о «восточных батальонах», изложенные выше, взяты нами из исследований отечественных и зарубежных авторов (С. Чувев, В. Шунков, О. Романько, О. Смыслов, Й. Хоффман, Р. Кальтенеггер и др.). В их работах читатель найдет более подробные сведения о причинах и масштабах такого явления, которое называется *коллаборационизм*.

Необходимо также уточнить, что советские исследователи, определяя численность немецких войск группы армий «А», направленных Гитлером на Кавказ, как правило, эти легионы не учитывали. Между тем, речь идет о «восточных» *регулярных* формированиях, с которыми советским войскам пришлось воевать. К тому же, здесь не учтено количество коллаборационистов в составе различ-

ных диверсионных и иных частей Абвера. Все перечисленные полки и батальоны в дальнейшем продолжали воевать. К примеру, к 1945 году все кавказские батальоны были сведены в следующие боевые группы: «Азербайджан» под командованием штандартенфюрера СС Магомеда Наби-оглы Исрафилова; «Армения» — командир штандартенфюрер СС Вардан Саркисян; «Грузия» — штандартенфюрер СС Михаил Цулукидзе; «Северный Кавказ» — штандартенфюрер СС Кучук Улагай³⁰.

Что касается казачьих формирований, то здесь обширная тема, вполне достойная отдельного исследования. Отметим лишь, что по состоянию на 1945 год, то есть на момент выдачи их англичанами Сталину, численность офицеров-казаков составляла 2756 человек. Журнал «Часовой», издававшийся за рубежом, в №275/6 от 1 июля 1948 г. дает следующую картину: «Офицерский состав, переданный Советам, состоял из: казаков Всевеликого Войска Донского — 870, Кубанского Войска — 550, Терского Войска — 233, других Войск — 203, русских — 176, украинцев — 63, белорусов — пятеро, «фольксдойче» — трое, поляков — двое, калмыков — трое, армян — двое, грузин — трое, цыган — один, осетин — семеро, татар — трое, азербайджанцев — трое, кабардинцев — шестеро, карачаевцев — трое, черкесов — четверо, прочих национальностей — восемь»³¹. Уточним, что это — офицеры, общее же число рядового и младшего офицерского состава, погибшего в боях, эмигрировавшего и выданного СССР, пока, насколько нам известно, никто не подсчитал.

Г л а в а 5

«БЕРГМАНН»

О «Бергманне» («Горец») в 60-е — 80-е годы XX века ходило большое количество легенд как о наиболее опасном, коварном, преданном фашистской Германии батальоне. Считается, что этот батальон был карательным, главным предназначением которого являлся террор по отношению к мирному населению. Так, отечественный исследователь О. В. Романько сообщает, что это подразделение предполагалось использовать по прямому назначению в диверсионных целях. «Но после прибытия последнего на Кавказ в сентябре 1942 г. планы по его использованию были изменены. Вначале оно действовало против советских партизан в районе Моздок — Нальчик — Минеральные Воды (где прославилось своей жестокостью по отношению к мирному населению и массовыми убийствами), а 29 октября было отправлено на передовую в качестве обычной фронтовой части»¹. Едва ли это так.

Во-первых, на указанной линии Моздок — Нальчик — Минеральные Воды в сентябре 1942 года партизанских отрядов фактически не было. Отряды попросту не собрались. Об этом прямо сообщали руководители партизанского движения Ставрополя².

Во-вторых, конкретных фактов террора и массовых убийств со стороны «Бергманна» мы не находим даже в «Акте о чудовишных злодеяниях Оберлендера», обнародованном в 1960 году в Москве специальной комиссией под руководством Н. М. Шверника³. В основном документ отражает факты выселения раненых красноармейцев из госпиталя и разграбление дачи Ф. Шалапина в Кисловодске, упоминаются конкретные факты мародерства и т. д. Необходимо, вместе с тем, особо отметить, что действия «Бергманна» от действий немецких войск по отношению к населению ничем не отличались.

В-третьих, пребывание батальона в городах Кавказских Минеральных Вод отмечены вялостью, если не сказать больше — бездействием. Именно этим объясняется тот разнос, который устроил генерал Э. фон Клейст командиру батальона «Бергманн» Т. Оберлендеру, вызвав последнего в Ставрополь в октябре 1942 года⁴. Тем не менее, в отечественной прессе его до сих пор именуют батальоном СС. Хотя к СС «Бергманн» никакого отношения не имел. В указанные годы батальон рассматривался как символ предательства, своего рода квинтэссенция коллаборационизма, и нехорошая его «слава» фактически оставляла в тени многочисленные советские соединения, перешедшие на сторону фашистской Германии вместе со своими генералами.

В-четвертых, в 1960 году, в соответствии с указанным Актом, советские руководители потребовали выдачи бывшего командира «Бергманна» Теодора Оберлендера и суда над ним. Оберлендер в то время работал в правительстве К. Адэнауэра в ФРГ. После изучения поставленных вопросов, в том числе и в ГДР, в конце 1960 года обвинения против Оберлендера были сняты. После ухода правительства К. Адэнауэра в отставку Оберлендер был отправлен на пенсию, и в дальнейшем вопросы о нем не поднимались⁵.

Так что он из себя представлял, «Бергманн», и чем он «прославился»?

Об истории создания батальона «Бергманн» подробно сообщал сам командир Теодор Оберлендер в своих воспоминаниях. Хотя завесу таинственности над батальоном приоткрыли бывшие помощники Оберлендера К. Алескеров и Ш. Окропиридзе, выступившие после освобождения из заключения, на той же пресс-конференции 5 апреля 1960 года. Но картина оказалась неполной. Так что есть резон привести воспоминания о «Бергманне» его создателя и командира.

Теодор Оберлендер родился в Майнинге в 1905 году в семье высокопоставленного чиновника. Будучи мальчишкой, участвовал в знаменитом гитлеровском «пивном путче». Затем уехал за границу, жил в США, затем в Турции. Некоторое время находился в СССР. В 1933 году вступил в ряды НСДАП. В 1934 году стал профессором сельскохозяйственного факультета Технологического института в Данциге (Гданьск). Одновременно возглавлял ВДО («Федеральный немецкий восток») — организацию, занимавшуюся изучением восточных стран.

В 1937 году он переходит на работу в Кенигсбергский университет, где возглавляет Институт восточноевропейских стран. После захвата Чехии ведет преподавательскую работу в Пражском университете. В 1939 году профессор зачислен в вермахт и определен в Абвер. По поручению шефа Абвера адмирала В. Канариса в марте 1941 года принимает участие в подготовке Дружин Украинских Националистов «Роланд» и «Соловей» (по-немецки «Rolland» и «Nachtigal»). Однако ни первой, ни второй дружинами, вопреки утверждениям ряда отечественных и зарубежных авторов, Оберлендер не командовал. В качестве консультанта профессор выступал в ходе обсуждения плана нападения на СССР «Барбаросса». Авторитет Оберлендера как профессора и офицера Абвера был в Германии высок. Именно поэтому ему была отведена роль консультанта по экономическим и политическим вопросам Восточной Европы, СССР и Кавказа в частности. Его способности оказались востребованными во время вербовки советских военнопленных в «восточные легионы».

«14 октября 1941 года я находился в Полтаве, — сообщал Оберлендер. — Меня вызвали в штаб и спросили, готов ли я принять командование одним из кавказских спецподразделений. Еще у меня спросили о моих впечатлениях от поездок по Кавказу. Мне было объявлено о том, что адмирал Канарис возлагает на меня большие надежды, как на знатока восточных народов. Я ответил в том плане, что кавказцы — это особый народ, отличный от всех других. Это народ свободолюбивый, не терпящий никакого унижения над собой, что ни партия, ни правительство *(имеются в виду ВКП (б) и советское правительство — авт.)* не проявляло и не проявляет особой заботы о них. Возможно, они могут создать свои национальные отряды. Полковник Винтер, на которого было возложено руководство психологической обработкой в Абвере, заявил, что ему мое мнение уже знакомо, и успех нашего плана на Кавказе видит в идеологической обработке населения. Опыт идеологической борьбы «Абвер-2» показал, что хорошее отношение к пленным, к покоренным народам, способствует привлечению их на свою сторону. В итоге, пришли к выводу: комплектовать подразделение из кавказцев с целью его направления по Военно-Грузинской дороге на Тифлис»⁶.

Сознавая важность прорыва по этой дороге, в Абвере пришли к тому, что это спецподразделение должно на маршруте заниматься не только диверсионной, но и идеологической работой. Необходимо

было показать как грузинскому, так и русскому населению, в том числе и встречным северо-кавказским народам, что немцы несут свободу: русским — от большевизма, грузинам — от засилия русских и т. д. Национальный состав батальона был predetermined национальным составом населения по пути следования. Было решено набирать грузин, азербайджанцев, осетин и, памятуя о дальнейшем продвижении в Закавказье, армян.

«Никто не может сказать, что в вермахте все было безупречно, — вспоминал Т. Оберлендер, — но почти вся пропагандистская работа в 1941–42 гг. строилась на том, чтобы показать покоренным народам, что немцы несут им свободу и идеальный порядок. В первую очередь это нужно было доказать военнопленным. Нам нужен был совершенно другой тип людей. Нам нужны были люди, которые свободу ставят превыше всего. Нам нужно было делать ставку на известных в своем народе людей, не питавших симпатий к большевикам...»⁷.

Из этого высказывания профессора становится ясно, что немцы плохо владели ситуацией. Они не учли того, что наиболее известные в свое время люди эмигрировали в ходе гражданской войны, и народы Кавказа, лишенные всяких связей с ними, позабыли их. Теперь же имена Шамиля-внука, Вассангирея Джабаги, Султан-Гирея Клыча и других положительных эмоций у кавказцев, ставших советскими, не вызывали. Это вполне ощутил и признал, как указывалось выше, на суде генерал Султан-Гирей, прибывший в сентябре 1942 года в Ставрополь с целью набора рекрутов в немецкую армию.

Немцы также не учли того, что за двадцать лет советской власти изменилась психология людей. Они, эти люди, становились уже советскими. Теперь идеалами для них были не знатные и знаменитые соотечественники, покинувшие свою родину и свой народ, и даже не борцы за советскую власть, казненные Сталиным в 1937 и последующих годах, а шахтер Стаханов, пилот Чкалов, маршалы Ворошилов, Буденный и др. Вообще же, можно сказать, что преданность народов гор Советам была искренней, доходящей иногда до фанатизма. И это закономерно. Это был отклик на то, что в 20–30-е годы горцам была возвращена часть земель, изъятых в XIX веке и переданных казакам. Возвращение этих земель народы гор (ингуши, карачаевцы, балкарцы) восприняли как восстановление справедливости, а не как милость со стороны большевиков к изнывавшим от безземелья народам. Порой преданность советской власти, ведущей политику милитариза-

ции накануне войны, приводила к наивной милитаризации духа. Эталоном мужчины в горах считался военный. В хромовых сапогах, в галифе, с шашкой на боку, пистолетом и португееми, в каракулевой папахе с красной звездой. «Мой милый ушел на военную службу и вернется ко мне командиром...» — слагали свои задушевные песни девушки-горянки. В высшей степени престижным считалось попасть в летные училища. Доходило до курьезов. Мало того, что новорожденных здесь называли Владимирами (в честь В. И. Ленина), Климами (в честь первого маршала Ворошилова), Семенами (в честь Буденного), Чкалами (в честь В. Чкалова). Юсуфов записывали, правда, несколько побаиваясь, Иосифами (в честь Сталина, разумеется). Но многие малыши получали такие имена, о которых десять-двадцать лет назад родители и думать не могли: Армия, Майор, Командир и т. д. Такая вера, подкрепленная целым рядом мероприятий большевиков, выполненных в духе чаяний горцев, отчасти и объясняет столь незначительное реальное количество представителей народов Северного Кавказа, перешедших на службу к немцам.

Поскольку акция по возвращению горцам их земель непосредственно затрагивала интересы казачества, уже обжившего эти места и считавшего их своими, доставшимися по наследству от дедов и прадедов, начался конфликт казаков с советской властью. Выдавливание казаков из своих станиц, массовая их депортация (так называемое «расказачивание»), сопровождавшиеся физическим истреблением, сложились в последнюю черту, отвратившую казаков от новой власти. Именно здесь кроются истинные причины перехода значительной части казаков на сторону немцев. Впрочем, это отдельная и большая тема. Отметим лишь, что депортация отдельных горских семей («раскулачивание») коснулась всех без исключения народов и особого авторитета Советам не прибавила. Народы боялись власти, хотя этот страх сочетался с искренним уважением. «Если у этой власти усы на месте, с ней лучше не шутить» — поговаривали горцы.

«Среди пленных мы узнавали, кто из семей пострадал от большевиков и использовали это в разговорах и беседах с ними. Конечно, в лагерях для пленных у нас были свои люди, выяснявшие это. Каждый из пленных подвергался такой обработке. Когда мы видели, что пленный идет на контакт, и ненависть к большевизму у него велика, мы предлагали ему перейти к нам. Успех нашей пропа-

ганды зависел от правильно подобранных слов с упором на главное слово — «свобода». Необходимо было внушить мысль о том, что немцы стремятся к созданию нового человеческого общества»⁸.

Как видим, в этой пропаганде немцы пошли по уже проторенной дорожке «отца всех народов», одержимого идеей создания нового человеческого общества — советского народа. С той лишь разницей, что, эксплуатируя идею Иосифа Виссарионовича, немцы стыдливо опустили понятие «советское», что, в свою очередь, превращало идею в демагогию. *Очевидно, и это подтверждается всем ходом истории, у агрессора не может быть позитивных, созидательных идей и концепций. Идеологическая надстройка любой агрессии есть демагогия и только демагогия. Перефразируя советского классика, скажем, что любовь и заботу к любому народу нельзя нести на кончиках штыков.*

К слову сказать, отмечает Теодор Оберлендер и несогласованность во взглядах на работу с военнопленными и населением в оккупированных территориях на момент комплектации батальона «Бергманн». «Были разногласия, — сообщает он, — одни придерживались концепции Гитлера (*т. е. никаких скидок никому и никаких автономий — авт.*), другие выступали за лояльное отношение к покоренным народам, особенно на Кавказе. День 14 октября 1941 года стал днем рождения спецчасти «Бергманн» (Sonderverband Bergmann)... Мы выступили перед кавказцами и сказали, что именно мы несем свободу и порядок, что не будем трогать мирное население деревень, что не хотим кровопролития, что мы знаем свободолюбивый характер кавказцев. Таким образом, около 800 кавказцев различной национальности (грузины, армяне и азербайджанцы) и незначительное количество малочисленных народов (осетины, чеченцы, ингуши, карачаевцы и др.) добровольно создали отряд по уборке урожая в октябре 1941 года». Справедливости ради, надо отметить, что в этой спецчасти численность чеченцев, ингушей, карачаевцев была настолько мала, что из них не удалось создать даже роты. К примеру, тех же карачаевцев за весь период существования «Бергманна» не набралось даже десятка, хотя общее их количество в рядах вермахта и СС, как известно, составляло 283 человека⁹, аналогично обстояло дело и с ингушами. Многие из северо-кавказцев не владели русским языком вообще или владели плохо, что создавало определенные трудности для немецких офицеров.

Все легионеры проходили соответствующую психологическую и идеологическую обработку. «В Германии к ним проявили заботу и внимание, к чему легионеры оказались не готовы. Они увидели, что такой же заботой были окружены и немецкие солдаты. Многие обучающиеся вначале были напуганы и удивлены таким обращением и поначалу ко всему относились с недоверием. Но, послушав ряд лекций об истории Кавказа, о борьбе кавказцев против царизма, против ассимиляционной политики, о большевизме, об антирелигиозной политике на Кавказе и в России, они благодарили немецких преподавателей за то, что они открыли им глаза»¹⁰.

10 марта 1942 года в Нойхаммере (Бавария) батальон был приведен к присяге. К этому времени удалось укомплектовать 2 грузинские, 1 азербайджанскую, 1 армянскую, 1 северокавказскую роты. Командовал батальоном Т. Оберлендер. Заместителем был оберлейтенант барон фон Кученбах — уроженец Грузии, эмигрант, владевший грузинским и азербайджанским языками. Бывший легионер Шалва Окропиридзе свидетельствовал: «Когда «Бергманн» закончил свою подготовку в Лютензее под Миттевальдом в Баварии, туда прибыли Канарис, генерал фон Кестринг, Арно Шикеданц и Эрнст Цуайкен. Они провели смотр батальона, приняли присягу, парад. С речью перед батальоном выступил Кестринг. В офицерском казино мы, кавказские офицеры, были официально представлены Канарису, генералу фон Кестрингу и Шикеданцу»¹¹. Поясним, что особую значимость этому действу должно было придать присутствие шефа Абвера Вильгельма Канариса и генерала Эрнста Кестринга. Генерал от кавалерии Кестринг с 1935 по 1941 годы был военным атташе при посольстве Германии в Москве, а с 1942 года — политическим советником по кавказским вопросам при генерале Клейсте. Он прожил долгую жизнь и умер в 1953 году в возрасте 87 лет. Об Арно Шикеданце известно, что он был журналистом и знатоком Кавказа, владевшим несколькими языками, и работал заместителем А. Розенберга по кавказским вопросам. Имя последнего, Эрнста Цуайкена, упоминается в связи с «Бергманном» и более особо не встречается.

20 марта 1942 года был устроен смотр батальона для японских эмиссаров. Военная миссия из Страны Восходящего Солнца в составе полковников Ямамото, Шибути и их свиты получила впечатление от выучки и дисциплины легионеров. В мае того же года состо-

ялся заключительный смотр батальона, после чего ему предстояло отправиться на фронт.

Однако ряд высших немецких офицеров, в частности генерал фон Нидермайер, посчитал, что численный состав «Бергманна», особенно из мусульман, невелик, и огорченный Оберлендер получил приказ выехать в Миргород для набора мусульман-добровольцев. Командир был против этой затеи, так как считал батальон, сформированный из эмигрантов и военнопленных, получивших соответствующую идеологическую и психологическую обработку, самодостаточным для решения поставленных задач¹².

Набрать в Миргороде необходимое количество мусульман-добровольцев из Северного Кавказа ему не удалось. Оберлендер был рад этому и помчался обратно в Лютензее. Но здесь его ожидала серьезная неприятность. В его отсутствие вскрылось, что один из офицеров «Бергманна», бывший советский капитан А. Циклаури, создал подпольную группу, готовившуюся при первом удобном случае перейти на советскую сторону. А. Циклаури ранее возглавлял группу грузинских диверсантов под кодовым названием «Тамара-2», влившую в состав «Бергманна». Грузинский патриот и его товарищи были казнены¹³.

«7 и 8 июля нас еще раз посетил шеф Абвера адмирал Канарис, — вспоминал Оберлендер. — Он лично убедился в том, что представляет собой «Бергманн». Мы показали ему все, чему легионеры научились и как они будут действовать на Кавказе». Батальон был направлен на Восточный фронт, на Кавказ, и 25 августа 1942 года прибыл в Пятигорск. Там батальон пробыл три дня, и к 28 августа он оказался на стыке немецких 52-го и 40-го корпусов в направлении Кизляра, южнее Ачикулака. По свидетельству Оберлендера, «Бергманну» предстояло прорваться к Каспийскому морю¹⁴.

Однако в дальнейшем батальон смещается еще южнее, к Моздоку, и действует на левом берегу Терека. Характерно, что знания и навыки, предназначенные для активной диверсионной работы, которыми гордились командиры батальона, оказались не востребованными. «Бергманн» на Северном Кавказе превратился в заурядную общевойсковую единицу, то и дело вступая в бои и неся серьезные потери.

Совершенно неожиданно решился вопрос о пополнении, поскольку резервы на базе в Лютензее были исчерпаны. Рассказывает Тео-

дор Оберлендер: «Наши окопы находились в подсолнухах и были прикрыты упавшими деревьями. Русские находились в двух километрах от нас. Позади находились предгорья. В ясную погоду можно было видеть Казбек, который, казалось, находился недалеко от нас... Когда наши грузины по вечерам распевали свои песни, то их земляки из русской дивизии слышали их пение и по громкоговорителю отдавали команды на грузинском языке. Политкомиссаром этой дивизии был Суслов, ставший позже великим идеологом Советского Союза (*ошибка: Суслов был не политкомиссаром дивизии, а членом Военного Совета Северной группы войск — авт.*). Мне вспоминается один из тихих вечеров, в который я как-то задумался: «Вот две дивизии, солдаты которых понимают друг друга, говорят на одном и том же языке, возможно ходили в одну и ту же школу, по одной и той же дороге, но одни из них теперь офицеры и унтер-офицеры немецкой армии и одеты в немецкую форму, а другие — в русскую, и сейчас сражаются друг с другом». Грузины, одетые в немецкую форму, два года назад и думать не могли об этом. За несколько дней из грузинской дивизии, стоявшей напротив нас, на нашу сторону перешло около 800 перебежчиков, в том числе артиллерийская батарея вместе со своим командиром и его женой. Это было очень рискованно, так как они переходили ночью, под обстрелом. Однажды в полдень мы увидели столб пыли за расположением советской части. Вначале мы ничего не могли понять. После обеда стало ясно. Русские произвели замену: грузинскую дивизию, потерявшую доверие, заменили на азербайджанскую»¹⁵.

Действительно, в результате планомерной и эмоциональной пропагандистской работы «бергманновцев» из грузинского батальона 3-й стрелковый батальон 1375-го стрелкового полка 414-й грузинской стрелковой дивизии и личный состав одной из артиллерийских батарей почти полным составом перешли к немцам как раз в день 25-й годовщины Великого Октября. В результате командование Северной группы войск Закавказского фронта 9 ноября 1942 года вынуждено было отстранить командира дивизии полковника И. Ф. Иоскевича от командования, а дивизию отвести от греха подальше, на пополнение. Новый командир дивизии подполковник И. П. Бабаляшвили командовал этой дивизией ровно месяц. Вместо проштрафившейся 414-й грузинской стрелковой дивизии на передний край обороны перебросили азербайджанскую дивизию. «Бергманн» стал

вести пропаганду на азербайджанском языке силами азербайджанского батальона, но напрасно: перебежчиков не было. Выше уже отмечалось о том, что аналогичного «успеха» в результате агитационной работы добился 796-й грузинский батальон в районе Чегема, правда, там к немцам перебежало сразу два батальона.

17 декабря к немцам перешел и бывший командир 389-й дивизии, осужденный в сентябре 1942 года военным трибуналом, боевой полковник С. К. Буняченко, хотя к «Бергманну» это едва ли имело отношение.

Говоря о пополнении в спецчасти «Бергманн», Оберлендер сообщает: «Из 1100 человек личного состава 900 вышли из строя. Под Терекком пришло пополнение — 2883 человека со своим обмундированием, вооружением, снаряжением — все получено от противника... У нас появилась возможность укомплектовать 12 рот и 2 эскадрона (*кабардино-балкарский Касыма Бештокова и грузинский князя Дадвани — авт.*), к тому же несколько подразделений находилось в Нальчике»¹⁶. Вполне возможно, что данные Т. Оберлендера несколько завышены. Впрочем, теперь это сложно проверить.

Характерно, что командир батальона ни разу не упоминает о пребывании «Бергманна» в Кисловодске. Вероятно, там была какая-то часть его. Но Оберлендер сообщает о любопытном факте — появлении «псевдо-Бергманна», нанесшего в Нальчике вред престижу батальона: «23 декабря было получено донесение, что недалеко от Нальчика расположился какой-то батальон, одетый в немецкую форму и с такими же знаками отличия, которые носил «Бергманн». Некоторые из них так разгуливали по Нальчику, компрометировали себя и нас, тем более, что их никто не знал. Те же «бергманны», наши, находившиеся в Нальчике, знали друг друга в лицо. Эти смельчаки были схвачены и арестованы»¹⁷. Так ли это было на самом деле или нет, сказать трудно.

Остается непонятным еще вопрос о расположении «Бергманна» в районах боевых действий. Так, отечественные исследователи (С. Чувев, О. Романько) дают следующую картину: «После прибытия в Таганрог подразделения были распределены следующим образом:

1-я и 3-я роты были приданы 23-й танковой дивизии и действовали в районе Моздока;

2-я рота — 13-й танковой дивизии в районе Майкопа;

4-я рота оперировала в районе горы Эльбрус;

перед 5-й ротой была поставлена задача захватить Военно-Грузинскую дорогу.

Кавалеристы действовали в районе реки Баксан»¹⁸.

Но немецкие источники (Й. Хоффман, Р. Кальтенеггер и др.) ничего об этом не говорят. Да и сам командир батальона «Бергманн» ничего не сообщает о таком распылении сил спецподразделения, несущего, к тому же, в боях серьезные потери. Очевидно, линия действий батальона в период наибольшего продвижения немцев вглубь Кавказа выглядит следующим образом: районы Ачикулака — Ищерской — Беной-Юрта — Моздока — Нальчика. А уж в ходе отступления, в январе 1943 года, «Бергманн» отошел в сторону Майкопа. Об этом сообщает и сам Теодор Оберлендер: «В эти дни в районе Грозного стоял густой туман, и русские самолеты не смогли разрушить мосты над Тереком и Малкой. В ходе отступления, в Зольской мы еще раз увидели вершины Эльбруса, утро было ясное, но немного морозное. Наш батальон долго шел по открытой местности. Население дружелюбно относилось к нам, наблюдали наш поход. Я вспоминаю многочисленные беседы с представителями разных национальностей, казаками и черкесами (*речь идет о Кубани и Адыгее, так как «Бергманн» на территорию Черкесской АО не заходил — авт.*), которые охотно вступали в беседы с нами. Противник, конечно, знал о нашем марше, но пока никаких действий не предпринимал. Весь январь мы шли от берегов Терека и наконец добрались до Тамани. 6.02.42 г. мы разбили лагерь на Тамани. Часть «Бергманна» 8.02.42 г. расквартировалась в Коржевской. Пришлось размещать и 1000 советских военнопленных, которые шли с нами. Около 50 человек больных и ослабевших пришлось оставить местным жителям. Я должен сказать, что наше отношение к пленным было весьма человеческим, поэтому многие из них стали нашими союзниками и вошли в состав «Бергманна». Тут необходимо признать, что количество военнопленных (1000 человек) почти соответствовало численному составу батальона, что маловероятно.

«22.02.42 г. наш отряд в полном боевом снаряжении покинул лагерь. В этот же день началась переправа на Крымский полуостров»¹⁹.

Из числа офицеров кавказского происхождения исследователь Й. Хоффман приводит следующих: офицер Абвера лейтенант Габлиани, грузинские офицеры — лейтенанты Алимбарашвили, Окропидзе, Дадиани, Чавчавадзе, Вачнадзе, командир отделения Гоги-

тидзе; азербайджанские офицеры: лейтенанты Алиев, Алескеров, Керимов; армянский лейтенант Саркисян; черкесские лейтенанты Бештоков, Ногаев; карачевец — лейтенант Каракетов²⁰. Некоторые из этих офицеров были до войны эмигрантами, другие перешли на сторону немцев непосредственно в ходе войны. Сколько офицеров погибло в боях, Оберлендер не сообщает. Между тем «Бергманн» нес потери и в ходе боев, и в ходе отступления, да и во время переправы в Крым.

В Крыму, как известно, «Бергманн» был преобразован в полк. Но к этому времени за меморандум «Как обращаться с восточными народами» Теодор Оберлендер был отстранен от командования спецподразделением. Дальнейшие деяния «Бергманна» выходят за рамки нашего исследования, хотя надо признать, что и они почти не исследованы, что в свою очередь дает простор для мифотворчества. Нам же хотелось остановиться на двух моментах.

Первое. Судя по изложению организации и действий «Бергманна» Теодором Оберлендером, батальон стал одним из элитных подразделений Абвера, хотя на Кавказе он выступал в качестве обычной общевойсковой части. Сам командир, безусловно, радел за свой батальон, стремился сохранить его, оберегая от излишнего увеличения штата, и, судя по тону повествования, любил. Закономерно, что «бергманны» в повествовании Оберлендера и соответственно в его памяти стали «рыцарями без страха и упрека», солдатами в белых перчатках, до конца преданными идее освобождения своих народов от большевизма. Только едва ли это было так.

И отсюда — второе. На передовой азербайджанцы из «Бергманна» убивали в боях азербайджанцев из азербайджанских дивизий. Грузины убивали грузин и т. д. У бойцов спецподразделения Оберлендера едва ли было чувство Родины, ибо они должны были знать и, скорее всего, знали, что они выполняют определенные установки рейха, а не грузинского или, скажем, армянского народов.

Они предали свои народы и пришли на Кавказ не ублажать красноармейцев песнями, не школы строить и не детские сады. Они были присланы убивать. А это, как известно, не делается в белых перчатках.

Другое дело, что советская пропаганда сделала из «Бергманна» карательный батальон, наделив его функциями «Ейнзацкоманды СД», призванной осуществлять массовый террор на оккупированных территориях. Но массовыми убийствами мирного населения, как выясняется, на Кавказе «Бергманн» не занимался.

Г л а в а 6

СОЕДИНЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ

Наземные войска

В плане оперативности, советские стрелковые и кавалерийские части были более консервативны, соответственно, малоподвижны, в мобильности и активности первоначально уступали противнику. На начальном этапе боев за перевалы лишь один батальон 808-го стрелкового полка был передан 810-му полку на Марухском направлении. Остальные части оставались на своих местах, не имея возможности делиться на более мелкие мобильные группы для фланговых проходов и иных действий. Для получения соответствующего разрешения нужно было связываться со штабом дивизии, а дивизия, в свою очередь, со штабом корпуса, а то и армии, на что уходило драгоценное время. Большинство приказов приходило с опозданием, когда уже было поздно. Отчасти этим объясняются сдача перевалов в августе 1942 года и разгром советских частей на них.

Выше была приведена краткая характеристика состава и действий немецких частей.

Что касается частей Красной Армии, сражавшихся на высокогорном фронте, остановимся на 394-й стрелковой дивизии, принявшей всю тяжесть удара горных стрелков. Личный состав дивизии на 1 августа 1942 года, то есть ко времени активного противостояния двум упомянутым немецким дивизиям, исчислялся 11 758 солдатами и офицерами¹.

Со дня укомплектования дивизии и до 26.10.1942 года ею командовал подполковник И. Г. Кантария. Его сменил полковник П. И. Селехов. Оба командира не являлись специалистами горной войны, впрочем, как и командиры полков.

Полками на начальном этапе командовали: 808-м — майор Ш. Н. Телия, 810-м — майор В. А. Смирнов, 815-м — майор А. Ф. Коробов. Дивизия была укомплектована уроженцами Грузии, Азербайджана, Армении, Украины, Белоруссии, Центральной России, Кубани, Северного Кавказа. Помимо этой дивизии, в состав 3-го стрелкового корпуса (генерал-майор К. Н. Леселидзе) входила 20-я горнострелковая дивизия (генерал-майор А. П. Турчинский).

Вооружение 394-й стрелковой дивизии на этот же период (дивизия в боях еще не участвовала):

- станковых пулеметов — 65,
- крупнокалиберных — 2,
- ручных — 160,
- автоматов ППШ и ППД — 655,
- минометов 107/120—3,
- минометов 82-мм — 87
- минометов 50-мм — 76².

При этом уточним, что станковые пулеметы системы «Максим» были малоэффективны в условиях высокогорья. Мало того что их было тяжело транспортировать, водяная система охлаждения ствола не была рассчитана на высокогорье. Характерно, что немцы в горах редко использовали эти пулеметы, взятые в качестве трофеев. За полтора месяца боев из 65 пулеметов остался лишь 21, из них исправных — 8. Из 160 ручных пулеметов за тот же срок в наличии оказалось 67, из них исправных — 32. Из 655 автоматов системы ППШ и ППД осталось 104. Утрачены были и минометы: из 76 ротных минометов уцелела половина, из 82-мм минометов 31 был утрачен, полковые — утрачены все³.

Сведений о пушках нет. Но в состав дивизии входил полностью укомплектованный 956-й артиллерийский полк (правда, с полевыми орудиями, без горных пушек), а также состав полковых школ. Как видно, в начале боев преимущество противника перед советскими дивизиями в живой силе было более чем 1,7 раза, почти в два раза в ручных пулеметах и т. д. У стрелковых и кавалерийских подразделений на первом этапе не было ни специального обмундирования, ни оснащения, необходимого для войны в горных условиях, ни соответствующей кухни, ни вооружения, предназначенного для этой войны. Самая большая проблема советских солдат — обувь. Почти все бойцы были обуты в ботинки, поставляемые по ленд-лизу

союзниками. Но они предназначались для солдат, воевавших в Северной Африке. В первые же дни походов по ледникам они распознались, приходили в негодность, а об отечественных армейских сапогах бойцам оставалось лишь мечтать.

Особо следует отметить совершенную неэффективность кавалерийских частей в условиях высокогорья. Кавалеристам 214-го полка в районе Эльбруса приходилось большей частью воевать пешими, оставляя лошадей в укрытиях, к тому же ненадежных, ибо те условия, в которых конники оказались, ничего общего не имели с теми условиями, для которых кавалерийские части создавались. Мало того что кавалеристы сами испытывали острую нужду в питании, медикаментах, теплом обмундировании, им необходимо было заботиться и о своих лошадях. Это было непросто, так как необходимого фуража завезено в достаточных количествах не было. Перебои с подвозом из Грузии через перевалы Бечо и Донгуз-Орун были явлением обычным, тем более, что знаменитые «ишачьи караваны» из Закавказья необходимого объема поставок не обеспечивали. Тем не менее, кавалеристы на Эльбрусе, на самом высокогорном участке «заоблачного фронта», воевали исключительно мужественно, перенося все тяготы и лишения, связанные как с условиями высокогорья, так и со слабым обеспечением.

При всем при этом считается, что группа войск на Эльбрусе снабжалась лучше, чем на остальных участках высокогорного фронта.

Основным видом связи, в отличие от немцев, была проводная, совершенно неэффективная в условиях гор. Едва проходимые горные склоны, отвесные скалы, ледники с их трещинами и каскадами ледопадов, бесконечные спуски и подъемы превращали работу связистов в настоящий ад. Эти маршруты в целях восстановления связи бойцам приходилось преодолевать по несколько раз в день: обрывы кабеля из-за камнепадов или иных причин становились в горах хроническими. Связисты рисковали жизнью ежеминутно и ежедневно.

Очевидные просчеты в подготовке войск для ведения войны в горах были учтены командованием и Военным Советом Закавказского фронта при реформировании 242-й стрелковой дивизии в горнострелковую. В плане перевооружения полевые орудия были заменены на легкие горные пушки, бойцы получили новое соответ-

ствующее стрелковое оружие, теплое обмундирование, обувь, продовольствие, горное снаряжение.

В организационном плане части дивизии получали большую самостоятельность и, соответственно, возможность действовать в зависимости от быстро меняющейся ситуации. Полкам дивизии в качестве инструкторов придавались опытные альпинисты, собранные со всей страны. Появление в частях заслуженных мастеров спорта СССР по альпинизму Л. Кельса, А. Гусева, Н. Персиянинова, А. Грязнова, Л. Коротаевой, А. Сидоренко, братьев Б. и Г. Хергиани, Г. Одноблюдова, А. Малеинова и других благотворно сказалось на горной подготовке бойцов. Эти замечательные спортсмены не только обучали солдат альпинистским приемам, но и учили, как преодолевать главного противника в горах, имя которому — страх.

Осенью 1942 года в Грузии, в Бакуриани, была сформирована школа НКВД по подготовке альпинистов — горных стрелков. Руководили ею заслуженные мастера спорта СССР по альпинизму братья Евгений и Виталий Абалаковы. В этой школе были обучены и подготовлены в сжатые сроки 12 ОГСО — отдельных горнострелковых отрядов численностью по 1000 человек в каждом. По мастерству горной войны они не уступали немецким отдельным высокогорным батальонам Грота и Бауэра. В октябре 1942 года ОГСО ушли на заоблачный фронт. Отрядами командовали офицеры госбезопасности. Так, например, 1-м ОГСО командовал лейтенант госбезопасности М. Запрейко, 2-м ОГСО — лейтенант госбезопасности П. Долгополов, 3-м ОГСО — лейтенант госбезопасности П. Кортунов и др. И хотя к этому времени высокогорный фронт стабилизировался, немецкие горные стрелки, находившиеся в обороне, их появление почувствовали сразу. Так, на Клухорское направление ушел 1-й ОГСО, на Марухское — 12-й ОГСО и т. д. Позже все эти отряды были объединены в ОГСБОН — отдельную горнострелковую бригаду особого назначения, подчинявшуюся непосредственно штабу Закавказского фронта⁴.

Авиация

Рассказ о соотношении частей был бы неполным без учета сил авиации обеих сторон, тем более что вклад советских летчиков в дело победы над врагом был более чем весомым.

Непосредственно накануне битвы за Кавказ на Южном фронте была завершена реорганизация военно-воздушных сил, в результате которой вся авиация объединялась под руководством одной фронтовой инстанции (Воздушной Армии), взамен ранее существовавшей организационной структуры, по которой воздушные части входили в состав наземных армий⁵. Эта реорганизация положила конец дроблению и распылению сил авиации и позволила наносить массированные удары авиации на решающих направлениях.

На юге все силы авиации были объединены в 4-ю Воздушную Армию генерал-майора К. А. Вершинина. В составе 4-й Воздушной Армии после многочисленных поражений на южном крыле советско-германского фронта на 25 июля 1942 г. было лишь 130 исправных самолетов. Ей же оперативно подчинялась 5-я Воздушная Армия и морская авиация Черноморского флота. В связи с тем, что приказом Ставки ВГК от 28 июля 1942 года Южный фронт был влит в состав Северо-Кавказского фронта, 4-я Воздушная Армия тоже вошла в состав Северо-Кавказского фронта (в составе фронта уже находилась 5-я Воздушная Армия)⁶.

7 августа 1942 года 4-я Воздушная Армия была подчинена командующему ВВС Закавказского фронта и вошла в состав ее Северной группы войск, перебазировавшись на базы Эльхотово, Архонская, Нестеровская, Грозный⁷.

Части же 5-й Воздушной Армии (командующий — генерал-полковник С. К. Горюнов) после захвата гитлеровцами Краснодара, Крымской, Горячего Ключа к 15 августа тоже вынуждены были перебазироваться на аэродромы Черноморского побережья: в Анапу, Кабардинку, Неберджаевское, Лазаревское, Туапсе, Адлер, Кутаиси. 5-я Воздушная Армия вошла в состав Черноморской группы войск Закавказского фронта⁸.

Теперь летчикам пришлось сражаться в новых, непривычных условиях. Действия летчиков сковывали горный рельеф, быстро меняющаяся метеобстановка и ограниченная сеть аэродромов. И если первый фактор отрицательно сказывался на первых порах, когда летный состав осваивал опыт полетов в горных условиях в ходе непосредственно боевых действий, то два остальных фактора (погодные условия и ограниченная сеть аэродромов) отрицательно сказывались на всем протяжении битвы за Кавказ⁹.

Так, 4-я Воздушная Армия в районе Грозный — Орджоникидзе могла использовать 65 аэродромов, из них только один — с оборудованной взлетно-посадочной полосой¹⁰.

На территории базирования 5-й Воздушной Армии находилось 37 аэродромов, из них 6 с оборудованными взлетно-посадочными площадками¹¹. Но эти аэродромы были растянуты по побережью на расстоянии 450 км, причем большинство находилось на удалении 140—200 км от линии фронта¹².

Такое расположение аэродромной сети по побережью Черного моря нисколько не соответствовало интересам дислокации и существенно ограничивало возможность маневра. Некоторые аэродромы были перегружены. К примеру, на аэродром Адлер, где уже базировались части ВВС Черноморского флота, командующий Воздушной Армией вынужден был посадить еще четыре полка 5-й Воздушной Армии¹³. Конечно, в этом был большой риск — перегруженные аэродромы могли стать объектами для налетов вражеской авиации, но другого выхода не было.

Главный Кавказский хребет расчленил 5-ю и 4-ю Воздушные Армии и лишал их действия согласованности; естественная преграда с ее крайне неустойчивой погодой и отсутствием быстрой связи исключала возможность оперативного маневра между участками Северной и Черноморской групп войск Закавказского фронта. Для того чтобы перегнать группы самолетов из 4-й Воздушной Армии в 5-ю или наоборот, приходилось выбирать окружной маршрут через Махачкалу, Баку, Кутаиси, на что уходило несколько дней и много горючего¹⁴.

Боевая работа в период высокогорных наземных боев была возложена на 5-ю Воздушную Армию. В связи с тем, что СССР в тот период испытывал острый недостаток в самолетах, И. В. Сталин вынужден был обратиться за помощью к союзникам. 7 октября 1942 года он передал президенту США Ф. Т. Рузвельту следующее сообщение: «Было бы очень хорошо, если бы США во всяком случае обеспечили бы нам ежемесячно следующие поставки: истребители — 500 штук... У немцев оказался большой резерв самолетов. Немцы имеют на юге минимум двойное превосходство в воздухе, что лишает нас возможности прикрыть свои войска. Практика войны показала, что самые храбрые войска становятся беспомощными, если они не защищены от ударов с воздуха»¹⁵.

Ответ союзников был положительным. Они сообщали о своем согласии выделить СССР 9 истребительных и 5 бомбардировочных эскадрилий из Англии и по одной группе тяжелых бомбардировщиков и транспортных самолетов из США, при условии, что «эти военно-воздушные силы будут действовать на Кавказе под стратегическим командованием» Сталина. Это полностью соответствовало замыслам союзников взять под контроль основные нефтяные ресурсы Советского Союза. Однако такой формы помощи Сталин не хотел, ибо сознавал, что по существу речь идет о создании военных баз союзников в Закавказье. Тем не менее, он выразил признательность союзникам и ответил: «... Быстрая посылка 20 эскадрилий будет очень ценным подспорьем... Положение на нашем Кавказском фронте несколько ухудшилось в сравнении с положением в октябре. Немцам удалось захватить гор. Нальчик и подойти к Владикавказу, где идут сейчас большие бои. Наша слабость здесь в недостатке истребительной авиации»¹⁶.

Однако Черчилль проявил в ходе переписки руководителей государств-союзников определенную суетливость, известив Сталина о том, что «когда Гитлер потеряет надежду взять Баку, он будет пытаться разрушить его путем воздушных атак». В Кремле такое сообщение британского премьер-министра расценили не как проявление искренней тревоги о судьбе советского Закавказья, а как нетерпение по поводу воплощения в жизнь давней и желанной перспективы строительства военных баз союзников на советских нефтеносных территориях. Выше мы упоминали о том, что это была мечта сэра Уинстона Черчилля. Иосиф Виссарионович все прекрасно понимал и без предупреждения англичанина. Его реакция была четкой и холодной. «Благодарю за предупреждение насчет Баку. Нами принимаются меры отпора», — телеграфировал он нетерпеливому союзнику. Больше к этому вопросу советский Верховный Главнокомандующий не возвращался. Вопрос о поставке самолетов завис в воздухе.

Лишь 16 декабря, когда участь Сталинградской группировки врага была решена; когда солдаты фельдмаршала Паулюса, похожие «на трупы или на лунатиков» (определение С. Митчема), доедали последние куски мяса павших лошадей и охотились за собаками; когда бои на Северном Кавказе перешли в стадию боев местного значения; когда появилась реальная возможность окру-

жения и уничтожения немцев на Кавказе, президент США Ф. Рузвельт озабоченно спросил Сталина: «Мне не ясно, что именно произошло в отношении нашего предложения об американской военной помощи на Кавказе. Я вполне готов направить соединения с американскими пилотами и экипажами. Я думаю, что они должны действовать в составе соединений под командованием своих американских начальников». Сталин выразил благодарность за готовность американца помочь советским войскам, но пояснил, что «в настоящий момент отпала необходимость в присылке в Закавказье англо-американских эскадрилий с летным составом». Далее «отец народов» дал понять Ф. Д. Рузвельту, что в Москве прекрасно разбираются в том, кто чего хочет: «Я буду очень Вам благодарен, если Вы ускорите присылку самолетов, особенно истребителей, но без летного состава. Особенность положения советской авиации заключается в том, что у нас летчиков более чем достаточно, но не хватает самолетов»¹⁷. Но в тот год СССР так и не получил истребителей от союзников.

В августе — ноябре 1942 года ввиду критической ситуации советскому командованию пришлось привлечь даже самолеты пассажирской и транспортной авиации. При всех издержках, маленькие тихоходные самолеты Р-5 и ПО-2 оказались весьма полезными на высокогорном фронте.

Авиация противника находилась в лучших условиях. Уже к 5 июля 1942 года противник получил возможность привлечь для действия против Южного и Северо-Кавказского фронтов до 45% всей своей авиации, находившейся на советско-германском фронте, а в дальнейшем в ходе наступления увеличил такое соотношение до 60%¹⁸.

Аэродромы, занятые противником на равнинах Кубани (Краснодар, Кропоткин, Армавир) и Ставрополя (Ставрополь, Минеральные Воды, Черкесск), в своем большинстве были капитально оборудованы, имели большие размеры, удобные воздушные подходы, хорошие взлетно-посадочные площадки и, что немаловажно, были максимально приближены к театрам боевых действий¹⁹.

Поэтому противник имел возможность использовать авиацию с наибольшим эффектом. Кроме того, пользуясь тем, что в силу различных условий, в частности, из-за неустойчивой погоды над Глав-

ным Кавказским хребтом, истребители наших 4-й и 5-й Воздушных Армий не могли достать его, противник зачастую беспрепятственно бомбил наши войска, колонны беженцев в предгорьях и в горных ущельях. Воздействию вражеской авиации подвергались также порядки наших войск как на поле боя, так и в тылу, объекты войскового тыла, базы снабжения, корабли Черноморского флота. В условиях рельефа предгорий немецкая авиация в значительной мере выполняла функции танков и артиллерии, обеспечивая наступление пехоты, проталкивая ее от одного рубежа к другому²⁰.

Разветвленная сеть аэродромов предоставляла противнику возможность самого широкого маневра не только внутри одного фронта, но и между фронтами. К примеру, из района Армавира противник штурмовал не только побережье Черного моря или же фронт Северной группы войск, но и выделял часть сил для налетов на Сталинград. И наоборот, 10 октября, например, авиация противника нанесла бомбовые удары по нефтепромыслам Грозного из района Сталинграда²¹.

Горная война и Фридрих Энгельс

В августе 1942 года начались жестокие бои в горных районах Кабардино-Балкарии, Карачая, Черкесии, Краснодарского края, часть боевых действия переместилась в высокогорные районы Грузии.

До войны специфические горные условия не стали объектом пристального внимания военных специалистов, хотя в 30-е годы Рабоче-Крестьянская Красная Армия (РККА) и проводила альпиниады на Эльбрусе. В ходе этих восхождений выявлялись недостатки в подготовке войск к боям в горных условиях. Но, как правило, о них забывали сразу же после возвращения войск в места постоянной дислокации. Комплектовались горнострелковые соединения, но зачастую единственным отличием их оснащения от стрелковых общевойсковых, обутых в ботинки с обмотками, были кирзовые сапоги. Не было альпинистского снаряжения, рюкзаков, походных спиртовок, столь необходимых в горах, спальных мешков, палаток, теплого шерстяного белья и т. д. В горнострелковые войска на начальном этапе не привлекались инструкторы-альпинисты. Было видно,

что РККА в горах, во всяком случае на Кавказе, воевать не соби-
лась.

Слабо привлекались к работе по изучению горных условий ученые, альпинисты. «Вскоре проявились пробелы в нашем воен-
но-географическом обслуживании фронтов при ведении боевых
действий на своей территории, — писал видный советский уче-
ный Ю. К. Ефремов, — данных, содержащихся на военно-топог-
рафических картах, было достаточно для решения тактических
задач (да и то не всегда). А для оперативно-стратегического пла-
нирования их явно не хватало — тут требовались значительно
глубокие сведения о территориях. Очень отчетливо это прояви-
лось и было осознано, когда боевые действия в 1942–43 годах
переместились на Кавказ»²².

В ряде случаев слабой была не только подготовка к горной вой-
не, но имели место случаи отказа от такой подготовки. Зачастую,
когда речь заходила о войне в горных условиях, как довод, приво-
дилось изречение Горлова из известной пьесы советского драматур-
га А. Корнейчука «Фронт»: «Нам на Эльбрусах не воевать!» Но на
Эльбрусе все же пришлось воевать.

Невостребованным оказалось наследие классиков марксизма-ле-
нинизма, коим всегда бравировало коммунистическое руководство
СССР.

Между тем, еще К. Маркс отмечал, что Фридрих Энгельс сделал
изучение военного дела своей специальностью²³.

В работах Ф. Энгельса развенчан стереотип о том, что высокогор-
ные районы укреплены сами по себе и в особой защите не нужда-
ются. Публика обычно склонна считать Швейцарию неприступной
страной и приравнивать вторгающуюся туда армию к тем римским
гладиаторам, прощальный возглас которых: «Слава тебе, Цезарь,
идущие на смерть приветствуют тебя» (*перевод наш — авт.*), при-
обрел такую широкую известность... Даже военные перечисляют
дюжину названий горных проходов и ущелий, где горстка людей
могла бы легко и с успехом противостоять тысяче-другой лучших
солдат»²⁴.

Ф. Энгельс предостерегал революционные армии от такой бес-
печности и подобных ошибок. Но, похоже, советские генералы и
маршалы классиков марксизма-ленинизма, которых напропалую ци-
тировали, не читали. Сам классик не вызывал симпатий у товарища

Сталина. Сталин не особо почитал Энгельса за то, что тот оценивал боевую подготовку русских армий весьма невысоко.

В конечном счете, эти ошибки проявились в годы битвы за Кавказ в 1942–43 годах и стоили Красной Армии больших потерь. В отличие от сталинских полководцев, в вермахте, похоже, классика марксизма штудировали.

Бои в высокогорных районах Кавказа в 1942 году развивались как бы по сценарию, написанному около сотни лет назад Фридрихом Энгельсом: «В альпийских местностях почти невозможны серьезные бои. Вся война представляет собой непрерывную цепь мелких стычек, попыток наступающей стороны там или тут вклиниться в расположение противника и затем продвинуться вперед. По необходимости обе армии разбросаны; и та, и другая в любой момент могут подвергнуться успешной атаке со стороны своей противницы, обеим приходится полагаться на непредвиденные обстоятельства»²⁵.

Говоря об обороне в горных условиях, Ф. Энгельс признавал преимущества только активной обороны, т. е. обороны, которая состоит из упреждающих рейдов, вылазок, ловушек, в максимальной степени исключающих обходной маневр противника. «Совершенно ясно, что такая оборона требует энергичных, опытных и искусных генералов, в высшей степени дисциплинированных и подвижных войск и в первую очередь очень искусных и надежных командиров бригад, батальонов и даже рот, ибо в этих случаях все зависит от быстрых и осмотрительных действия отдельных частей и подразделений...»²⁶.

К сожалению, опыт всех предыдущих горных войн, хотя они и были не столь частыми, как равнинные, изучен не был или, если был изучен, то слабо. Правоту Ф. Энгельса подтвердила еще раз битва за Кавказ и бои на перевалах Главного Кавказского хребта в частности, самые высокогорные бои в истории человечества.

Кавказ: вершины и перевалы

Главный Кавказский хребет. Огромной грядой, гигантским гребнем протянулся он от Апшерона до Тамани на 1300 км. Условно он делится на три части: от Апшерона до горы Казбек — это Восточ-

ный; от Казбека до Эльбруса — Центральный; от Эльбруса до Анапы — Западный Кавказ. Высочайшая вершина Кавказа — Эльбрус. Высота вершин — 5.633 и 5.642 м над уровнем моря. Эльбрус находится на Боковом, или Передовом, хребте в 15–17 км севернее Главного Кавказского.

Снеговая линия на Кавказе в среднем проходит на высоте 3.200 м над уровнем моря. Боевые действия в годы войны охватили Западный Кавказ полностью, Эльбрус и часть Центрального Кавказа. Ввиду того что в дальнейшем часто будут упоминаться в работе перевалы и вершины, целесообразно вкратце рассказать здесь и о них.

В верховьях Баксана, на подходе к Эльбрусу, влево сворачивают ущелья Адырсу, завершающиеся перевалом Местиа (3.757 — здесь и далее в скобках приводится высота над уровнем моря), и Адылсу, имеющее на Главном хребте перевал Джантуган (3.482). Это наиболее удобные и популярные маршруты из Баксана в Сванетию. Перевалы Кашха-Тау и Аксу в верховьях Шхельды гораздо сложнее и в годы войны не эксплуатировались. Юго-восточнее их ущелье Ёзенги (на картах ошибочно — Юсенги) выводит к перевалу Бечо (3.420), а следующее, более короткое ущелье Донгуз Орун — к перевалу Донгуз-Орун, или в других источниках — Накра (3.302). В непосредственной близости от перевала Донгуз-Орун на гребне бокового, юго-западного, хребта находится перевал Басса (3.034), с которого можно контролировать движение по ущелью Накра и тропу в ущелье Ненскра, а следовательно, южные проходы к перевалу Донгуз-Орун. За вершиной Донгуз-Орун-баши (3.769) к Главному Кавказскому хребту примыкает перемычка, соединяющая Эльбрус с Главным хребтом, создавая, таким образом, громадный ледяной цирк с перевалами Чипер Азау на Главном хребте (3.267), и перевалами Азау (3.588) и Хотю-Тау (3.552) на перемычке. Оба последних перевала выводят в верховья Кубани, к перевалу Чипер-Карачай на Главном хребте, тоже ведущему из долины Кубани (притоки Уллу-Кам и Уллу-Ёзен) в верховья реки Ингури. Весь этот район от перевала Чипер-Карачай в дальнейшем будем называть Эльбрусским направлением.

Для проникновения в долину реки Кодори и для дальнейшего прорыва к морю гитлеровцы использовали ряд перевалов Клухорского направления. Заслоны противником были выставлены на пере-

вале Мырды (3.112); через перевал Гондарай (2938) гитлеровцы пытались проникнуть в долину реки Гвандры для удара в тыл частей Клухорского направления, для этой же цели противник атаковал наши части с перевала Махар (2.880), ожесточенные бои развернулись в районе перевала Клухор (2.800). Эти перевалы также находятся на Главном Кавказском хребте. Для решения своих задач противник использовал здесь боковые перевалы: Клыч (2.407) и Гондарай-Клыч (3.042), перевал Чауллу-Чат (3.000) для выхода на вершину Клухор-баши (3.450).

На Марухском направлении следующие перевалы были охвачены боевыми действиями: перевал Западный Аксаут (3.010) для прорыва в тыл оборонявшейся в долине реки Южный Марух группировки красноармейцев, перевалы Южно-Каракайский (3.880), Марухский (2.770). Для обеспечения успеха противник использовал перевал Халек-ауш (на картах — Халега) (2.727), вблизи которого на хребте Мысты-баши находились базы горных стрелков, бои развернулись на перевалах Северо-Каракайский (3.080) на ледяном плато Северо-Марухского ледника (до 2.850), на перевале Бугой-Чат (2.800) на хребте Ужум, в долине реки Южный Марух.

В непосредственной близости от перевала Марух находятся перевалы Наур и Нарзан (2.868 и 3.510 соответственно), которые тоже логично будет включить в состав перевалов Марухского направления.

Если большинство перевалов Эльбрусского, Клухорского, Марухского направлений находятся на Главном Кавказском хребте, то перевалы Санчарского направления составляют своеобразный замкнутый круг с центром в селении Псху. На главном хребте здесь ряд перевалов: Цегеркер (2.770), Аллаштраху (2.727), Санчар (2.603) и Адзапш (2.492).

На отрогах главного Кавказского хребта перевалы Чамашха (2.230), Цибишха (2.270), Анчхо (2.220). На Бзыбьском хребте перевалы Доу (1.381) и Гудаутский (1.414).

К перевалам Белореченского направления относятся Аишха (2.442), Псеашха (2.010), Белореченский и Умпырский.

Как видно, бои велись в условиях, совершенно отличных от условий равнин. Если в условиях равнин рельеф местности не всегда играл главную роль, то в условиях гор незнание специфи-

ки рельефа, условий и других факторов приводило зачастую к трагедии. Планируя ту или иную операцию, необходимо было продумывать и взвешивать, казалось бы, самые несущественные детали.

А как их продумывать, если эти детали неизвестны? К примеру, при передвижении подразделения по бездорожью в пешем строю на подъемах и спусках крутизной в $6-10^\circ$ в горах, высота которых не превышает 1. 500 м над уровнем моря, средняя скорость составляет 3–4 км в час, на подъемах и спусках крутизной скатов до $30^\circ-1,5-2$ км в час; скорость же марша на высоте более 1. 500 м над уровнем моря, в зависимости от характера местности, бездорожья и метеоусловий, снижается еще на 50%²⁷. Это в среднем.

Кроме того, надо учитывать скорость передвижения человека, идущего налегке, и человека, идущего с нагрузкой. В условиях разреженного воздуха, низкого давления почти двукратно усиливаются физические нагрузки. При быстром подъеме и спуске появляется сонливость, апатия — симптомы горной болезни. Они притупляют внимание, иногда человек теряет над собой контроль. Наступает психологический стресс, часто сопровождаемый галлюцинациями. Бывали случаи, когда солдаты, оказавшись в одиночестве, сходили с ума. Отсюда всевозможные действия, которые в условиях равнин кажутся опрометчивыми. Другие симптомы болезни — кровотечения из горла, носа, ушей. Как правило, в таких случаях, если не производится немедленная эвакуация вниз, человек гибнет. На организм ощутимо влияют также перепады температуры — как правило, в конце августа в ледниковой зоне она колеблется в различное время суток от $+20^\circ$ до -15° . Практически, невозможно предопределить погоду в районах высокогорных перевалов, автору настоящей работы приходилось наблюдать четырехкратное изменение погоды в течение часа.

Трудно неопытному человеку в горах определить на глаз и реальное расстояние, поскольку очень сильно скрадываются расстояния. Отсюда и своеобразная методика стрельбы. В горах при стрельбе под большим углом к горизонту траектория полета пули изменяется, становится более пологой²⁸.

Как видно, для того чтобы воевать в горах, нужно иметь подготовленные части, а в 1942 году в составе Закавказского фронта таких не было. Вернее, были подготовленные и обученные 9-я и

20-я горнострелковые дивизии, однако по вине представителя Ставки ВГК Л. Берии их удалось использовать лишь частично, да и то, когда других сил не осталось.

Характерной особенностью горной войны является и полная невозможность использования наземной техники — танков, танкеток, автомашин и т. д. За всю историю Великой Отечественной войны места боев за перевалы Главного Кавказского хребта были едва ли не единственными участниками, полностью исключавшими применение боевой техники. Солдатам приходилось полагаться только на свой опыт, только на свои физические и моральные силы, только на характер.

Перевалы — специфический участок войны, исключавший применение здесь армейских соединений. Успех здесь зависел от действия «бригад, батальонов и даже рот»²⁹. В горах не было и не могло быть сплошной линии фронта, потому каждый участок обороны был уязвим; бои велись на отдельных участках: в ущельях, на перевалах и в районах, прилегающих к ним.

Безусловно, на войне было трудно: и в Заполярье, и в осажденном Ленинграде, в зимнюю стужу под Москвой, под Сталинградом — везде, но здесь, на «заоблачных рубежах», было неизмеримо труднее советскому солдату. И тем весомее, величественнее подвиг бойцов, грудью отстаивавших перевалы, закрывших горные проходы, массовый героизм советских людей, проявленный здесь, на высокогорных рубежах Кавказа.

Глава 7

НАКАНУНЕ

В тисках коллективизации

30-е годы, накануне войны, для народов Северного Кавказа характеризовались такими же мерами по укреплению тоталитарного режима, что и в целом по России.

Главным из них являлось укрепление партийных рядов, искоренение инакомыслия и, как следствие, продолжение репрессивных мер. Последние приняли самый масштабный характер, ибо на местах изначально были ликвидированы партийные руководители «ленинского призыва». Школа же воспитания партийцев сталинского пошиба только закладывалась, новые партийные принципы на окраинах страны не были еще четко сформулированы и поэтому не вполне овладели сознанием коммунистов-агитаторов новой волны. Такое положение зачастую приводило к тому, что новые партийные лидеры, только начав работу без четких ориентиров, попадали под пресс чисток и репрессий. Само собой разумеется, это касалось как партийных, так и советских руководителей, ибо последние выдвигались на руководящие должности партией и должны были быть коммунистами.

Все это происходило на фоне нарастающей борьбы с «классовым врагом». При этом принципы оформления классового врага, сформулированные еще в 1918 году знаменитым чекистом Лацисом в журнале «Красный Террор» (Казань, 1 ноября 1918 г., №1), существенно не изменились: «Не ищите в деле обвинительных улик о том, восстал ли он против Советов оружием или словом. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какое у него происхождение, какое образование и какова его про-

фессия. Вот эти вопросы должны решить судьбу обвиняемого. В этом смысл и суть Красного Террора».

Более того, в 30-е годы XX столетия, после убийства С. М. Кирова, реестр врагов народа был расширен. К формулировкам «заводчик», «купец», «правый», «инженер», «лесничий», «кулак», «жена кулака», «сын бывшего белогвардейца», «священник» и т. д. прибавились: «оппортунист», «троцкист», «троцкист-зиновьевец», «подкулачник», «нэпман», «сомнительный элемент», «чуждый элемент» и т. д. и т. п. Любого из подобных определений было достаточно для того, чтобы у человека закончилась не только карьера, но и жизнь. Такой репрессивный шаблон, характерный в целом для России и республик Союза, перенесли большевики в 20-е годы и на Северный Кавказ. Для народов Северного Кавказа подобная схема оказалась более губительной, чем для остальных регионов, так как эта репрессивная система ломала не только традиционный уклад хозяйствования, но и сам институт взаимоотношений горцев, обеспечивавших им выживание в сложных условиях.

Колхозное строительство в идее своей серьезных противоречий у большинства населения не вызывало, так как принципы кооперации у горцев существовали и до советской власти, например, в форме «кошевого хозяйства» и т. д. Частная собственность определяла и характер этих хозяйств, делившихся на богатых, середняцких и бедняцких, и исключала принцип обобществления скота в том значении, что привнесла советская власть. Так же обстояло дело и по совместным сельскохозяйственным работам. Поэтому в Карачае, например, появление СОЗов (совместная обработка земли) какого-либо действенного протеста у народа не вызвало. Но подведение под колхозное строительство классовой основы, вернее, активизации классовой борьбы, проводимой партийно-репрессивным аппаратом, губительно сказалось на жизни горских народов.

К примеру, испокон веков существовала у горцев традиция «маматлык». Группа людей — родственников, соседей — бесплатно, в порядке безвозмездной помощи, могла срубить дом, убрать сено и т. д. В знак благодарности хозяин в конце работы угощал работников. Никто никого ни в чем не принуждал. Эта добрая традиция немедленно вгонялась в рамки эксплуатации человека человеком, работники признавались батраками, а хозяин — кулаком. Так, поводом для раскулачивания Муссы Кубанова в ауле

Хурзук в 1933 году явилась помощь его родственников и земляков в выполнении одной из работ. Понятие «маматлык», свидетельствующее о нормальных человеческих взаимоотношениях, теперь приобрело новый смысл — «кулацкий субботник», хотя помощь большей частью оказывалась как раз наименее имущим!

Коллективизация в горах каленым железом выжигала не только традиционные, общепринятые нормы, но и родовые и родственные отношения. Доходило до того, что совместное проживание родственников и проведение совместных работ определялось как батрачество и кулачество. Вот пример того, что происходило в 1933 году, скажем, в Адыгее: «Разоблаченный кулак нашел защиту у своего батрака. Ровно через неделю после исключения из колхоза кулака Чушокова в политотдел и в колхозную ячейку ВКП (б) пришел Деда Мурат, вчерашний батрак, ныне член ВКП (б) и ответственный милицейский работник, который пытался доказать, что Асланбеч не кулак, и он у него не батраковал, «а жил просто как у своего брата».

— Я пришел в аулсовет за справками для представления в паспортный пункт. А в партячейку и к вам, в политотдел, пришел заявить, что я батраком Чушокова Асланбеча не был. Мне передали, что его исключили из колхоза, как кулака и меня считают, будто я был его батраком. Но вот я решил сказать, что я у него батраком не был».

Но не тут-то было. Из политотдела выйти оказалось не просто. Начался допрос в духе типичных сталинских карательных структур. Наивный «ответственный милицейский работник» получил предметный урок на будущее:

«— Кто тебя просил, чтобы ты пришел в партячейку и в политотдел сказать, что не был батраком у Асланбеча? — спросили мы Деда Мурата.

— Никто. Пришел сам, — ответил Мурат. Но стоило задать пару вопросов, как выясняется комбинация кулака Чушокова. Приведем некоторые из заданных вопросов.

Вопрос: Ну, хорошо. Скажи, тов. Деда, когда ты жил у Асланбеча?

Ответ: Я жил два года: 1927 и 1928 годы.

Вопрос: Какое у тебя было хозяйство?

Ответ: У меня никакого хозяйства не было. Даже кур не было.

Вопрос: Зачем ты жил у Асланбеча?

Ответ: Асланбеч — мой родственник. Я жил просто как у своего брата — родственника.

Вопрос: Хорошо... А у Асланбеча какое хозяйство было?

Ответ: Были овцы, табун лошадей, коровы и буйволы.

Вопрос: А у тебя?

Ответ: Я же сказал, что у меня ничего не было.

Вопрос: Что ты делал у него?

Ответ: Помогал по хозяйству. Пахал, косил, ломал кукурузу.

Вопрос: А он что за это платил тебе?

Ответ: Мне ничего не платил, а моей матери помогал продуктами.

Вопрос: Мать твоя помогала Асланбечу?

Ответ: Мать и сестра во время полки и уборки кукурузы помогали Асланбечу не как батраки, а как родственники... Мать моя и мать Асланбеча являются родными сестрами...».

Результат этого допроса таков: «из всего вышеприведенного трудно понять, что Деды Мурат был настоящим батраком Асланбеча. Специфика здесь заключается в том, что все это было под прикрытием черкесского адата, создавшего у батрака иллюзию о своем родстве с кулаком»². Не больше и не меньше. Комментарии излишни. Подобное искусственное расчленение родственных связей, традиционно сильных в этих местах, мерами, привнесенными из средней полосы в регионы с принципиально иными экономическими и социальными отношениями, резали по живому более ощутимо, чем там, где тон задавали пролетариат с деревенской беднотой в отношениях с кулаками.

Проблема борьбы с кулачеством в горской среде осложнялась еще и тем, что практически всех жителей гор без колебаний можно было вписать в реестр кулаков. В Карачае и Балкарии, например, трудно было найти семьи, у которых не было пяти коров, дюжины овец, коз, одной лошади и т. д. По общероссийским меркам — кулаки. В Карачае и Балкарии они относились к категории бедняков. В 1925—26 годах в Карачае на подворьях по данным налоговых списков числилось крупного рогатого скота — 120.084 голов (т. е. по 2 головы на душу населения), овец и коз — 236.180 (более 4 голов на душу населения)³. Здесь приведены данные в годы максимального сокращения поголовья скота после гражданской войны и реквизиций, а также начавшегося обобществления. К

1925 году на нужды Красной Армии и в фонд обобществления было направлено 9263 лошади, убыль крупного рогатого скота из подворий составила 96936 голов, овец — 258 815 голов⁴.

При всем при этом, часть семей, признанных кулацкими, из Адыгеи, Карачая, Черкесии, Кабарды, Балкарии и других регионов вынуждены были осваивать в ссылке Соловецкие острова, Архангельские просторы, Среднеазиатские степи наравне с другими «кулаками» Дона, Кубани, Терека и средней полосы.

Вера

Справедливости ради, необходимо отметить, что в горах большевики не производили реквизиции с применением крайне жестких мер, как на Дону или в Центральной России.

Объяснялось это тем, что горцы отказали в поддержке белогвардейцам, поверив тому, что советская власть вернет им отнятые при царе земли. К примеру, ингушские повстанцы оказали мощное сопротивление белым, вливались в состав Красной Армии и яростно сражались с белогвардейцами, о чем в своих телеграммах восторженно сообщал В. И. Ленину чрезвычайный комиссар юга России С. Орджоникидзе.

В Карачае белогвардейский генерал Хвостиков пребывал в ярости — там население не только бездействовало, а откровенно вредило ему. «Медлительность формирования и инертность в действиях карачаевских частей, — со злостью писал генерал летом 1920 г. полковнику Мырзакулу Крымшамхалову, карачаевскому князю, — свидетельствует о выжидательной позиции, которую горцы избрали. Карачаевцы находят полезным сейчас заниматься ограблением кабардинцев и казаков, открыто днем в тылу у меня нападают и грабят мирных жителей и угоняют скот. Каменноостыцы устроили засаду казакам Боргустанской станицы. Ежедневно происходят грабежи, скот продают в Осетинском поселке или делят на кошах. Все это указывает на грабительский нрав очень многих карачаевцев. О причиненных бедах населению карачаевцами мною донесено Кубанскому правительству и генералу Врангелю. Жители Н. Даута задерживают без причины моих людей, направляемых в Сухум, и на все мои мирные предложения ничего не отвечают. Я просил Вас

о высылке ко мне делегатов Большого Карачая, но и это не выполнено. Комбинируя все происходящее, я прихожу к выводу, что карачаевцы не только не помогают мне, но вредят и мешают работе.

На днях я перехожу в наступление и именем правительства приказываю Вам произвести демонстрацию на Кисловодск. Я изнемогаю в боях, а горцы сидят за моей спиной и только наблюдают. Им нравятся коммунисты. Прошу внушить карачаевцам не чинить препятствий командам донцов и терцев, направляющихся ко мне. Недавно партия донцов заведена карачаевцами в горы и ограблена — пущена в одном белье...»⁵.

Характерно, что осенью того же года И. Сталин, выехавший на Кавказ с целью инспектирования деятельности Кавказского бюро РКП (б) и ее руководителя С. Орджоникидзе, из Владикавказа телеграфировал В. И. Ленину следующее: «Первое, линия на Баку восстановлена уже третий день. Несколько казачьих станиц наказаны примерно. В восстаниях участвовали главным образом терские казаки и незначительная часть осетинских офицеров и кабардинских князей. Горцы показали себя с лучшей стороны: в большинстве случаев с оружием в руках выступали совместно с нашими частями против бандитов. Несомненно, Кавбюро и Орджоникидзе вели нашу линию умело, связали горцев с Советской властью, а сами горцы удовлетворительно выдержали экзамен...»⁶.

Советская власть не обманула надежды горцев. В октябре того же 1920 года на заседании Политбюро РКП (б) в редакции В. И. Ленина было принято постановление «О задачах РКП (б) в местностях, заселенных восточными народами», где в частности говорилось: «По аграрному вопросу признать необходимым возвращение горцам Северного Кавказа земель, отнятых у них великорусами, за счет кулацкой части казачьего населения и поручить СНК немедленно подготовить соответствующие постановления»⁷.

По ходатайству уполномоченного Народного комиссариата по делам национальностей, выдающегося общественно-политического деятеля народов Кавказа Умара Алиева, в соответствии с его докладной запиской на имя В. И. Ленина «О положении в Карачае», горцам последовательно возвращались их исконные земли.

Народ, в исторической памяти которого сохранились жестокие меры царской колониальной политики по выдавливанию горцев в ущелья, воспринял эти акции новой власти как восстановление и

торжество справедливости. В 1922 году к Карачаю отошли земли по долинам рек Большой Зеленчук, Маруха, Аксаут, а также правобережье Кубани. В 1924–26 годах — территория Малокарачаевского района — в связи с выделением из состава Горской Республики Карачаево-Черкесской автономной области, в 1926 году при разделении этой области — земли по Куме, правобережью Кубани, на Аксауте, Марухе, по Большому Зеленчуку и Урупу. Позже этот процесс выделения горцам земель продолжился. Эти меры позволили карачаевцам покинуть ущелья и поселиться на руинах аланских городов — на исторической родине предков. Появились новые населенные пункты: Архыз, Морх, Кызыл Карачай, Даусуз, Кумыш, Сары-Тюз, Терезе, Учкекен, Джага и другие. В 1927 году был заложен и административный центр Карачаевской автономной области — город Микоян-Шахар (ныне Карачаевск). На фоне этих позитивных мер более чем условное деление горцев на «кулаков» и «батраков» с последующим раскулачиванием первых выглядят как превентивные меры к населению горных районов на случай возможной неблагонадежности к советской власти, как демонстрация не только «хорошего» отношения, но и «отеческой» строгости.

«Восстание»

В марте 1930 года «неблагонадежность» была проявлена. Часть карачаевцев, поддавшись агитации бывших белогвардейцев: Попова, Салова и других, работавших в Карачае в качестве плотников, стекольщиков и т. д., подняла восстание против Советов, включившись во всероссийскую акцию протеста против политики Сталина. Собственно, и восстанием это было нельзя назвать. Во всем Учкуланском районе набралось около 80 повстанцев, взявших ружья и оседлавших коней. Лозунгов было два: «Не оставим на Кавказе людей, не говорящих «Нет Бога кроме Аллаха!» и «Взятие Микоян-Шахара венчает падение России».

В Мало-Карачаевском районе из жителей Хасаута, Учкекена, Терезе, Кызыл-Покуна и примкнувших к ним всадников-абазин и черкесов из Кумско-Лоовского, Старо-Абуковского аулов, удалось собрать более солидный отряд, выступивший под оптимистическим лозунгом «Возьмем Кисловодск — и конец России».

Не остались в стороне повстанцы Черкесской автономной области. Из жителей аулов Инжицишхо (Береслановский), Кувинский, Зеюко, Хабез (Касаевский), Калмыковский, Клычевский, Хахандуковский, Абазакт, Жако, Кубина была создана «повстанческая армия» численностью около 350 человек. «Возьмем Черкесск — и конец России!» — как видим, лозунги были однотипными и в полной мере отражали кругозор «начальников штабов» гореповстанцев.

Мероприятия по мобилизации противников советской власти саботировали аулы Нижняя Теберда и Каменноостский — в Карачае, Бесленей и Вако-Жиле — в Черкесии. По большому счету, все эти отряды и «армии» напоминали опереточные или потешные войска. Ну а идейная и стратегическая основы этих акций, выраженные в вышеприведенных лозунгах, не оставляют сомнений в убожестве и темноте тогдашних «полевых командиров».

«Я работала в сельхозотделе Карачаевского обкома партии и в те дни находилась в райцентре, в Учкулане, — вспоминала Вероника Владимировна Муринова, жительница Калуги. — 18 марта 1930 года в Учкулане стали собираться какие-то люди на лошадях. Некоторые держали в руках зеленые флаги. У многих были ружья. Собралось что-то около тридцати-сорока человек. Что-то оживленно обсуждали прямо на улице. Я немного говорила по-карачаевски, и мне стало ясно, что затевается какая-то сумасшедшая акция по овладению городом Микоян-Шахар. Люди, особенно много было женщин, отговаривали этих авантюристов, как могли, причитали, что подобные действия навлекут большую беду на горные селения. Но те не унимались.

Я тоже была в числе женщин и говорила о бесперспективности и глупости этой акции. Вскоре меня заметили, и кто-то дал приказ арестовать. Я была препровождена в полуподвальное помещение районного отдела ГПУ, где уже находилось несколько человек. Насилия никакого не чинили, но из помещения не выпускали никого, только лишь по естественной надобности. Была выставлена охрана. Поначалу к нам никого не пропускали, и в помещении находилось ведро с водой, на полке — кукурузный хлеб. Затем стали проникать сюда женщины, видимо, родственницы охранников, приносили сыр, молоко, айран, чтобы мы особо не голодовали. Меня хорошо знали в Учкулане, да и в других аулах. Я полюбила этот народ за годы

моего пребывания. Поэтому было горько и обидно не столько за то, что меня изолировали, а за группу наивных и темных людей, которые поскакали вниз по ущелью, к Микоян-Шахару. Я представляла, что их там ожидает.

На вторые сутки после полудни открыли двери и нас выпустили. Восстание закончилось. По аулу разъезжали конные патрули красноармейцев. Меня сразу же повели в ГПУ и стали спрашивать, пытали или нет, избивали и как вообще относились. Я ответила, что никаких допросов и никакого насилия ни ко мне, ни к остальным задержанным не было»⁸.

Подготовка «восстания», поход на Микоян-Шахар, бегство и полное разложение повстанцев — все это заняло в общей сложности 5 дней. В результате из карачаевских восставших суд приговорил к смертной казни лишь одного человека, четверо получили по три-четыре года заключения и были высланы на Урал, что тоже говорит о «масштабе» повстанческого движения и полной изолированности восставших от горского общества. Воистину, они были «страшно далеки от народа».

Неудивительно, что в тот же год, фактически без срывов, население приступило к весенне-полевым работам, что позволило в страшные 1930–33 годы спасти сотни тысяч голодающих на юге страны от неминуемой смерти.

В тот же, 1930 год Карачаевской автономной области были переданы земли по Лабе, от прииска Азиатского и до Главного Кавказского хребта, а в последующие годы — районы казачьих станиц от Сторожевой до Усть-Джегутинской, включая селение Койдан.

Аналогичным образом выделялись земли для балкарцев, ингушей, чеченцев, осетин.

Казачий крест

Разумеется, такая политика советской власти была по нраву далеко не всем. Более всех пострадало казачество.

Казачи пришли на Кавказ в ходе продолжительной войны, которую вела Россия с конца XVIII в. и без малого 100 лет. Война эта была жестокой и безжалостной. Аулы опустошались и стирались с лица земли. Российский исследователь Я. Абрамов, посетивший рай-

оны Северо-Западного Кавказа спустя два десятилетия после окончания кавказской войны, с горечью писал: «Богатейший край опустел; казачество оказалось совершенно непригодным для внесения культуры. Огромные пространства земли, занятые прежде горцами, не вызывают ни в ком желания приобретения, так как кажутся совершенно непригодными для культуры.

А между тем, эти пространства были заняты многочисленным горским населением и прекрасно культивированы. Теперь же превосходные нивы и луга, буквально созданные руками человеческими на голых каменных скалах, заросли мелким колючим кустарником и совершенно пропали для культуры»⁹.

В ходе продвижения колониальных войск, по мере выдавливания горского населения, создавались линии станиц. Так появились Отважная, Бесстрашная, Надежная, Передовая, Преградная, Сторожевая, Зеленчукская, Кардоникская, Красногорская, Усть-Джегутинская, Бекешевская, Боргустанская, Ессентукская, Зольская, Старопавловская и др., фактически закрывшие горцам выход из ущелий. Линией станиц царизм отрезал жителей высокогорья от жителей предгорий, сделав проблематичным развитие дальнейших экономических и культурных связей, сложившихся между ними на протяжении веков. При этом насаждалась политика вражды между горцами и казачеством.

Станицы наделялись землей, которой тоже не хватало, ибо со временем они разрастались. Характерный пример: «Станица Зольская постепенно росла и расширялась во все стороны. Число переселенцев то увеличивалось, то уменьшалось в разные годы, в зависимости от политических событий, происходивших в России, от тамошних неурожаев и других причин. Станице уже становилось тесно, и казаки, а также переселенцы начинали осваивать земли, удаленные от станицы на большие расстояния, — пишет известный российский поэт, потомственный казак В. Гнеушев. — Приходилось теснить горцев с их естественных пастбищ вплоть до Малки. Вскоре горцы перешли на правый берег этой многоводной и бурливой в те годы реки, и таким образом, между казаками и горцами установилась естественная преграда, нарушать которую никому не приходило в голову. Конечно, все эти действия не могли благотворно влиять на межнациональные отношения, вражда и взаимно творимые неприятности не прекращались»¹⁰.

При этом само казачье житье было далеко не благодетным. Казакам приходилось отражать не только вылазки горцев, которые никак не могли смириться с потерей своих земель и родных очагов, но и терпеть произвол колонизаторов-начальников. Сохранились воспоминания жительницы станицы Губской, что южнее Мостовской в Краснодарском крае. Ее рассказ весьма характерен для жизни станиц в 60-е годы XIX столетия: «Прислали нас на поселение... Жили тогда в окопах, за крепостными стенами, из одного места в другое ездили при okazji: идет отряд с пушкой, с ними и едут. Начальство было вороватое. «Дальних-то» начальников не допускали сюда наши — пугали азиатами (*т. е. горцами — авт.*), что нет от них проезду. А сами-то подчас с теми азиатами и дружили, взятки с них брали. Бывало, что скот наш угоняли с согласия начальников. А сказать — боже сохрани — сейчас розог. Да уж пороли же. И казаков пороли, а уж солдат пуще того: приведут на двор, разденут, положат на рядно, да с обеих сторон по казенной части и начнут в два пучка прикладывать. «Ваше благородие, отец родной, кормилец», — кричит солдат. А «кормилец» трубку курит и приговаривает: «Покрепче»¹¹.

Отвлекаясь от темы нашего исследования, признаем библейскую истину: «...что будет — то уже было. И нет ничего нового под лунной». Взаимоотношения региональных чиновников и местных «национальных» лидеров в конце XX века по большому счету не претерпели никаких изменений. Правда, вместо публичных пороков были сотни солдатских жизней, сожженных в пекле «чеченской» войны, организованной для обогащения чиновников столицы, Южного Федерального округа и местных «князьков». Субъекты ЮФО, получившие «независимость», на деле оказались в прямой зависимости от столичных олигархов и чиновников — распределителей бюджетных благ.

Но вернемся к нашей теме.

Со временем, в ходе смены поколений, казаки стали воспринимать заселенные в результате колониальной войны территории как исконные, доставшиеся им по наследству от отцов и дедов. Другой земли они не помнили, к тому же утверждение о том, что казаки находятся «на государевой службе», выводило их в разряд особого сословия, исключительность которого диктовалась созданием форпостов российской самодержавной политики на окраинах империи.

Казачи и сознавали себя таковыми, что вызвало к ним ненависть со стороны лидеров советской власти — В. И. Ленина и Я. М. Свердлова. Им удалось расслоить казачество на «белое» и «красное», и борьба между ними в ходе гражданской войны была безжалостной. После поражения значительная часть казачества покинула пределы России. Оставшиеся были подвергнуты дальнейшему искусственному расслоению в процессе коллективизации и раскулачивания, что вызвало очередную вспышку ненависти к Советам у наиболее состоятельных станичников.

В вышеприведенной телеграмме И. Сталин сообщал В. И. Ленину о том, что ряд казачьих станиц «наказан примерно». Но в деле экзекуции происходили и срывы. В числе их крайне неуклюжая попытка уничтожения станицы Кардоникской, где проблема установления советской власти наталкивалась на замкнутую несговорчивость зажиточных кардоничан.

Революционный военный совет 9-й Красной Армии в лице особоуполномоченного Черемухина и председателя ревкома Баталпашинского отдела Метелева сочли необходимым уничтожить станицу. Рейд частей этой армии столкнулся с упорным сопротивлением казаков. Подпалив несколько домов мятежных кардоничан, войска, ввиду нехватки сил, вернулись в Баталпашинскую (ныне — г. Черкесск).

Разъяренный особо-уполномоченный издал приказ, который мы приводим полностью, так как он важен не только для осознания событий, происходивших летом 1920 года, но и для дальнейшей судьбы и поведенческих мотивов казачества в годы Великой Отечественной войны:

ПРИКАЗ-ВОЗЗВАНИЕ №2

Гор. Баталпашинск
9 августа 1920 г.

Особо-уполномоченного
Революционного Военного Совета
9-й Армии и Революционного Комитета
Баталпашинского отдела

В ответ на предательский удар кардоничан в спину трудящихся: содействие белым бандам в борьбе с рабоче-крестьянской Россией, снабжение белых продовольствием, участие с белыми в нападении

на красноармейские части, находящиеся в Баталпашинском отделе, особо-уполномоченный Реввоенсовета 9-й Армии, на основании данных ему чрезвычайных полномочий, п о с т а н о в л я е т:

1. Станицу Кардоникскую, как пособницу белогвардейцам, враждебную советской власти, высказавшую эту враждебность в активном содействии белогвардейцам в их борьбе против советской власти, — у н и ч т о ж и т ь.
2. Населению станицы, сочувствующему советской власти, со своим имуществом немедленно явиться в Баталпашинск, для размещения на бывших частновладельческих экономиях и советских хозяйствах; желающим же остаться — заявить Революционному Комитету.
3. Всем населенным пунктам района ст. Кардоникской, под страхом участи кардоничан, доставить в Баталпашинск, в распоряжение Революционного Комитета, весь скот и имущество, увезенное из станицы и находящееся у них.
4. Всем населенным пунктам Баталпашинского отдела и его района, под страхом строгой ответственности, не давать приюта каинам советской власти — кардоничанам, а последним со всем имуществом немедленно явиться с повинной головой к советской власти. В противном случае они будут беспощадно уничтожаться, где бы они ни были застигнуты войсками.
5. За активное содействие белогвардейским бандам в борьбе против трудящихся, за укрывательство белых, населению Георгиево-Осетинского (ныне с. *Коста Хетагурово* — авт.) в течение 3-х дневного срока со дня получения настоящего приказа-воззвания выдать и доставить в Баталпашинск, Рабочее-Крестьянской власти в лице местного органа — Революционного Комитета отдела:
 - а) всех белогвардейцев, и явных, и скрытых врагов советской власти;
 - б) все огнестрельное и холодное оружие и военное имущество, могущее быть использованным бандитами против советской власти.
6. Невыполнение п. 5-го приказа грозит населению Георгиево-Осетинского селения еще худшими последствиями, чем Кардоникской.

Это — второй ответ советской власти поднимающей голову контрреволюции в Баталпашинском отделе.

Второй ответ направлен исключительно против предателей советской власти, участвующих активно и сочувствующих бандам белых.

Особо-уполномоченный Реввоенсовета 9-й армии и Баталпашинский отдельский Революционный Комитет настоящим воззванием подтверждают ранее опубликованный приказ-воззвание, категорически требуют от ослепленных белогвардейцами граждан Баталпашинского отдела изменения действий по отношению к советской власти.

Решительно и бесповоротно выбросить из опьяненных частичными успехами голов белогвардейцев всякую мысль о возврате прошлого, угнетавшего миллионы трудящихся, и стать определенно на сторону советской власти.

Слишком дорогой ценой, ценой миллионов жизней бедноты, досталась советская власть мозолистым рукам трудящихся, чтобы снова дать себя закабалить на издевательство золотопогонникам-шкуринцам, вешателям покровским-хвостиковым и дворянско-помещичьей клике.

От имени советской власти заявляем:

Середины не может быть! Кто не с нами — тот против нас!

А с противниками советская власть разговаривает огнем и железом.

Власть трудящихся требует от вас, граждане Баталпашинского отдела, скорейшей ликвидации бессмысленной кровавой бойни путем борьбы с бандитами, передачи их в руки советской власти.

Только этот путь даст скорейшую возможность трудящимся Баталпашинского отдела спокойно вздохнуть и приступить к мирному созидательному труду для восстановления хозяйственной жизни Рабоче-Крестьянской республики, разрушаемой в течение 6-ти лет.

От вас зависит прекратить стон и слезы трудящихся и разрушение Баталпашинского отдела.

Так решайте же скорее!

Советская власть зовет в семью трудящихся заблудившихся детей.

Она надеется еще, что завеса слепого безумства спадет с глаз трудящихся Баталпашинского отдела, и они общими усилиями

с рабочими и крестьянами России будут ковать счастье трудящихся, на знамени которых огненно-красными буквами написано: свобода, равенство и братство!

Но горе тем, кто не пойдет на призыв советской власти.

Огонь и железо будут ответом им.

Опомнитесь.

Особо-уполномоченный Революционного Военного Совета 9-й Армии и член Революционного Комитета Баталпашинского отдела **ЧЕРЕМУХИН.**

Управляющий делами **Ф. СЛАДКОВИЧ**¹².

Распространив это воззвание, Черемухин с сотней красноармейцев выехали в Карачай. Цель этой поездки была проста — набрать несколько сотен всадников для расправы с Георгиево-Осетинским селом и станицей Кардоникской. Очевиден расчет особо-уполномоченного — пролить кровь осетин и казаков руками карачаевцев, завязав новый узел сложных межнациональных отношений. Старейшины Карачая выслушали пламенную речь члена Баталпашинского ревкома безо всякого энтузиазма. Они отвечали, что связаны и с теми, и с другими узами куначества, и чинить расправу над осетинами и казаками, даже в расчете на приобретение их земель, обещанных Черемухиным, карачаевцам не к лицу. В припадке раздражения особо-уполномоченный оскорбил старейшин, забыв о том, что в горах к подобным демаршам не привыкли. Отряд Черемухина в ущелье Кубани был разгромлен, а сам незадачливый диктатор бежал. Позже он был осужден революционным трибуналом за «трусость, паникерство и провокацию» и расстрелян.

Действия Черемухина привели к осложнению положения в аулах и станицах, и большевикам с большим трудом удалось прогнать части генерала Хвостикова, раздраженно требовавшего помощи у князя Крымшамхалова, о чем мы сообщали выше, и генерала Покровского, спалившего единственное еврейское село Джегонас.

К исходу 1920 года советская власть в Баталпашинском отделе была восстановлена, и казаки приступили к мирному труду. Но участь их была незавидной.

Их «расказачивали» и ссылали в отдаленные районы страны. При этом, как сообщалось выше, высвободившиеся земли возвращались горцам, а опустевшие казачьи куреня заселялись неимущими выходцами из средней полосы и юга России. Появилось, говоря слова-

ми И. Сталина, «новое казачество». Так торжество справедливости для одних обернулось трагедией для других.

«Новое казачество» стало опорой новой же власти и с энтузиазмом утверждало советскую власть на юге страны, внедряя репрессивную политику не только в станицы, но даже в отдельные семьи. Ненависть к Советам в среде потомственных станичников была загнана вглубь, она не исчезла, она тлела, как горячие угли под слоем золы и пепла. Она, эта затаенная обида на новую власть, и предопределила действия части казачества в годы Великой Отечественной войны.

Любовь и преданность

Вместе с тем, меры советской власти по коллективизации сопровождались укреплением материально-технической базы колхозов, появились трактора, комбайны, косилки и пр., серьезно облегчавшие крестьянский труд. Развернулась невиданная по своим масштабам коммунистическая пропаганда. Советская власть объявила войну безграмотности, горцы и станичники посылали своих детей в новые школы в аулах и станицах, где преподавали словесность, естественные науки, ранее неведомые населению, проводился целый ряд других мероприятий, вызывавших у народов симпатию. В Карачаевской автономной области, например, в 1927 году был заложен и ударными темпами строился новый город — областной центр Микоян-Шахар, названный так по имени инициатора строительства, тогдашнего секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП (б) А. И. Микояна. В этом городе, на слиянии Кубани и Теберды, появились школы, детские сады, больница и поликлиника, учительский институт, областной Дом культуры, позже — Карачаевский областной научно-исследовательский институт, музей. В соответствии с директивами коммунистической партии на окраины России внедрялся пролетариат. Заработали угольные шахты, вполне снабжавшие область топливом. Кроме угля, добывался драгоценный металл — в бассейне реки Большая Лаба возникли городки объединения «Севкавзолото». В верховьях рек начались разработки по добыче шеелита, вольфрама, меди, серы и свинца. Обсуждалась возможность прокладки узкоколейной доро-

ги к курортам Карачая — в первую очередь в Теберду. От перспектив строительства светлого коммунистического будущего захватывало дух. Народ в большинстве своем, особенно горцы, считал эту власть своей и делал все возможное для ее укрепления, несмотря на жесткие меры Советов, скажем, по отношению к религии. Предвоенные годы стали годами воинствующего атеизма и точно так же, как и в России, изводилось духовенство, разрушались мечети и церкви, а в горах распространялась позабытая ныне газета «Безбожник» — орган воинствующих атеистов СССР.

Безусловно, жизнь народов Северного Кавказа в 20–40-е годы (проблемы автономий, экономических программ, строительства новых городов, репрессивной политики и т. д.) — тема для отдельного и серьезного исследования, поэтому здесь дается лишь схематичная картина тех процессов, которые привели народы Северного Кавказа к осознанию новой власти как своей.

Несмотря на все издержки социалистического строительства, народы гор верили советской власти, более того, к началу Великой Отечественной войны воспринимали ее как свою, истинно народную власть, любили ее и ее же боялись. Как видим, горцам было что защищать от опасного и коварного врага, поэтому в вонкоматах стали выстраиваться очереди из добровольцев.

С началом войны на фронт мобилизовали практически все мужское население, способное воевать. Многие карачаевские семьи, например, на фронт отправили по 6–7 человек. Семерых сыновей послал на фронт Д. Блимготов из аула Верхняя Мара, пятеро из них погибли. Шесть сыновей на войну отправил А. Ижаев из аула Учкулан — все шестеро погибли на фронтах, и таких примеров много. Каждый пятый карачаевец сражался в рядах Красной Армии против немецко-фашистских захватчиков на всем протяжении фронтов — от Баренцева моря до Кавказа. Количество дезертиров было ничтожным.

Вместе с этим, лозунг «Все для фронта, все для победы!» стал истинным руководством к действию. Труженики Карачая, например, в развернувшемся движении оказания действенной помощи фронтовикам в пересчете на душу населения оказались на предельной высоте. И. Сталин отвечал благодарственными телеграммами. Воодушевленные вниманием «отца всех народов», трудящиеся Карачаевской автономной области собрали 6 млн 275 тысяч рублей на

формирование Орджоникидзевской (Ставропольской) добровольческой кавалерийской части¹³.

Характерно, что партийные органы едва успевали принять меры для организации и упорядочения всенародного проявления патриотизма. В апреле 1942 года Президиум Верховного Совета СССР опубликовал Указ о размещении облигаций первого военного государственного займа — государству не хватало средств для нужд обороны, и оно занимало деньги у своих граждан, хотя и в «добровольно-принудительном порядке». К концу месяца, т. е. за десять дней, при бюджетном плане 11 млн 820 тыс. рублей, жители Карачая подписались на 12 млн 642 тыс. рублей, при этом, как сообщала пресса, жители Учкуланского района «подписались на военный заем все до единого»¹⁴. Отметим, что из этих денег тем же карачаевцам, депортированным в 1943 году, после войны возвратили мизер.

Кроме того, «за период войны, с 22 июня 1941 г. по 19 июня 1942 г. трудящиеся Карачая отправили на фронт более чем на 3,5 миллиона рублей подарков». ¹⁵ Вышеперечисленное — всего лишь фрагменты той помощи, которую оказало население Карачаевской автономной области фронту. Разумеется, при таком ходе событий, при таком энтузиазме и проявлении искренней любви к советской власти и Родине, что в сознании горцев в принципе было неразрывно, говорить о масштабном «повстанческом движении против Советов» может лишь несведущий человек.

Выводы о поголовной же измене или о «значительной части населения, перешедшего на службу к врагу» появились, как выше отмечалось, накануне принятого решения о депортации и для ее оправдания.

Большую помощь фронту оказывали и соседние области и республики. В Черкесской автономной области сбор средств проходил под контролем местной областной партийной организации. В январе 1942 года газета Черкесского обкома ВКП (б) «Красная Черкесия» сообщала: «В результате высокой активности трудящихся Черкесская автономная область дала для Красной Армии 34.777 разных теплых вещей и белья, в том числе: 1268 полушубков, 574 меховых жилета, 1922 пары валенок, 2811 шапок-ушанок, 793 ватных куртки, 598 ватных шаровар, 3250 пар белья, 5877 перчаток, варежек и рукавиц, 8271 пару носков, 3910 пар портянок, 190 кавалерийских

бурок и большое количество одеял, простыней, полотенец, наволочек и других вещей. Наиболее успешная работа ведется в Кировском районе.

Вместе с тем, обком отметил, что в результате недостаточной работы местных комиссий и партийных организаций области значительная часть трудящихся еще не смогла принять участие в работе по обеспечению Красной Армии теплыми вещами. Особенно это имеет место в Кувинском, Икон-Халковском и Хабезском районах. В последнее время многие партийные организации и местные комиссии совсем прекратили работу по сбору теплых вещей. В Хабезском, Икон-Халковском и Кувинском районах с 25 декабря 1941 года не собрано ни одной вещи»¹⁶.

Областной комитет партии принял ряд мер по разъяснению важности оказания действенной помощи фронту, вернувшись к этому вопросу в марте 1942 г. на 9-м пленуме.¹⁷ После очередной критики в адрес руководителей местных комиссий и руководителей партийных организаций Хабезского, Икон-Халковского и Кувинского районов трудящиеся области активно включились во всенародное движение по поддержке родной Красной Армии, истекавшей кровью на фронтах Великой Отечественной войны. К 23 апреля 1942 года подписка на Государственный военный заем составила 7 млн 206 тысяч рублей. На 1 июля 1942 года Черкесская автономная область на формирование Орджоникидзевской (Ставропольской) кавалерийской части собрала 5 млн 122 тысячи 124 рубля¹⁸.

Огромна была помощь народов Чечено-Ингушской АССР. Помимо сбора средств на помощь фронту, необходимо признать, что без нефти Чечено-Ингушетии победа над врагом была бы невозможна.

Большой вклад тружеников Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Ставрополя, Адыгеи, Краснодарского края хорошо освещен учеными и изложен в обширной литературе.

Таким образом, война застала народы гор за повседневной и масштабной работой по оказанию воюющей Красной Армии всевозможной помощи, переоценить которую нельзя.

Впрочем, тема эта достаточно изучена, и заинтересованный читатель найдет ее в работах профессоров И. И. Алиева, Х. М. Ибрагимбеили, А. И. Козлова и других¹⁹.

Необходимый материал о ратном и трудовом подвиге народов гор изложен в трудах проф. А. Д. Койчуева и других²⁰.

Таким образом, преданность горцев советской власти, при всей репрессивной политике сталинского руководства, была основана на целом ряде мероприятий, проведенных ею на безусловное благо жителей многонационального Северного Кавказа. Для части же казачества эти меры оказались фактором, сохранившим внутреннее сопротивление Советам и предотвратившим продолжение гражданской войны, войны за безусловное возвращение своего традиционного состояния, но уже под германскими знаменами. Трагизм положения заключался в том, что сотни тысяч казаков сражались в составе Красной Армии в казачьих кавалерийских корпусах Л. Доватора, А. Селиванова, Н. Кириченко и других; часть же — на стороне вермахта в казачьих кавалерийских дивизиях и корпусах фон Паннвица и А. Шкуро. К последним, оказавшимся по ту сторону фронта, Сталин и советское руководство после войны приняли безжалостные меры, граничившие с физическим истреблением.

Но ранее аналогичная участь постигла и те народы, которые в ходе войны выказали свою любовь и преданность советской власти. Об истинных причинах этой акции выше мы сообщали.

Г л а в а 8

БОИ В ПРЕДГОРЬЯХ И ВЫХОД ПРОТИВНИКА К ПЕРЕВАЛАМ ГЛАВНОГО КАВКАЗСКОГО ХРЕБТА

Степной марш

Как известно, на первом этапе (Северо-Кавказская оборонительная операция с 25 июля по 17 августа 1942 г.)¹ советские войска вели упорные бои по отражению ударов численно превосходящей немецкой группы армий «А» и под натиском врага вынуждены были отступать к предгорьям Большого Кавказа. Превосходство противника над войсками Южного фронта было весьма ощутимое: в людях — в 1,5 раза, в орудиях и минометах — в 2,1 раза, в танках — в 9,3 раза, в самолетах — в 7,7 раз².

Второй этап битвы за Кавказ (18 августа — 31 декабря 1942 г.) характеризуется напряженной борьбой Красной Армии против попыток фашистов прорваться в Закавказье и срывом плана «Эдельвейс». Нет нужды подробно останавливаться на этапах битвы за Кавказ — все три этапа раскрыты и показаны советскими исследователями.³ Подробнее остановимся на событиях, происходивших в напряженные августовские дни на территории нынешней Карачаево-Черкесской автономной области и районов, граничащих с ней.

Немецкие источники достаточно точно характеризуют не только боевые действия, но и условия, в которых они происходили. Стремительное продвижение на юг для них оказалось несколько неожиданным: «Чем быстрее продвигалось наступление в кавказском направлении, тем яснее становится: русские продолжают отступать без ощутимых потерь в живой силе и технике. Немецкие части осваивают пространства все больше и больше. Но им никак не удастся нанести противнику сокрушительный удар, не говоря о том, чтобы

окончательно уничтожить его. Тут и там парочка опрокинутых телег обоза, пара убитых лошадей — вот, пожалуй, и все успехи этого наступления.

В целях обеспечения прикрытия все сильнее удлинявшегося восточного фланга 52-й армейский корпус генерала Отта, 111-ю и 370-ю пехотные дивизии решено повернуть широким фронтом на восток и направить на фланговую оборону вокруг Каспия. Элиста — единственный населенный пункт, имеющий значение в этой калмыцкой степи — будет взят нами 12 августа.

— Сколько километров прошли за сегодняшний день? — спрашивает своего адъютанта командир 421-го пехотного полка полковник Рейнхардт. Обер-лейтенант Бёлль изучает по карте продвижение 125-й и соседней с ней 198-й пехотных дивизий из 5-го корпуса.

— Шестьдесят километров, господин полковник.

— Шестьдесят километров. Шестьдесят тысяч раз по тысяче километров отшагала в этот день пехота. В палящую жару. Шесть десятков километров по голой, без единого дерева, кубанской степи.

Маршевые колонны окутаны плотными облаками густой жгучей пыли. Видны только головы всадников. Чем дальше продвигаются они на юг, тем слабее становится связь между полками. Только длинные шлейфы пыли говорят о том, что где-то там, далеко справа или слева, маршевые колонны уходят на юг, — так излагает суть происходивших событий бывший немецкий военнослужащий Пауль Карелл в своей книге «Unternehmen Barbarossa». — Как и на этом участке, ситуация в августовские дни 1942 года была, по существу, одинаковой повсюду: в пехотных и горных частях и подразделениях армейской группы Руоффа (*командующий немецкой 17-й полевой армией — авт.*). На некоторое время военные действия на южном участке фронта уподобились войне в пустыне. Преследование отступавших частей Советов в кубанской степи превратилось в броски от одного источника питьевой воды к другому. Привалы были крайне редки. Конечно же, за частями шли автоцистерны с водой, но воду брали лишь в расчете на то, чтобы напоить лошадей.

Тем временем 3-я и 23-я танковые дивизии все дальше уходят на юг. Степь пышет зноем... На фоне сияющей небесной синевы видно далеко-далеко на горизонте куполообразное облако. Это — Эльбрус высотой 5633 метра над уровнем моря с его вечными сне-

гами и сияющими ледниками. Самая высокая вершина Центрального Кавказа.

Русские на правом фланге группы армий «А» с боями ускользали от частей 17 армии так же, как они делали на Среднем Дону. Советы, имея в своем распоряжении сильные арьергарды, постоянно окапывались либо в редких населенных пунктах, или у многочисленных рек и речушек, сначала яростно обороняли их, затем уходили настолько своевременно, что, против обыкновения, некого было даже брать в плен. Таким образом, они выполняли директиву маршала Тимошенко по замедлению продвижения врага. Но в решающий момент они искусно отступали, лишая возможности противника окружить их.

Это было новой гибкой стратегией русских. Красный Генеральный штаб освободился от сталинских пут ведения боев — защищать каждую пядь земли, нести колоссальные потери, оказываясь в окружении»⁴.

Тот факт, что на Северном Кавказе в августе — сентябре 1942 года немцам не удалось окружить и уничтожить ни одно советское соединение, безусловно, говорит о возросшем военном мастерстве оборонявшихся.

В этой связи, уделяя основное внимание таким крупнейшим сражениям, как битва под Москвой, Сталинградская битва и другим, отечественные исследователи не заметили, что на всем пространстве Северного Кавказа, от Дона и до Главного Кавказского хребта, ни одна дивизия не попала в окружение. Советские войска избежали того, что случилось, к примеру, под Харьковом или Киевом, где немцами были окружены группы армий. Говоря о первом этапе битвы за Кавказ, очевидно, надо признать: срыв планов немецкого командования по окружению частей и соединений Красной Армии южнее Дона — главный и позитивный фактор военных действий в июле — сентябре 1942 года. Это обстоятельство, а также распыление сил вермахта на южном крыле советско-германского фронта, позволило советскому командованию произвести перегруппировку, усиление состава и оснащения войск для организации обороны и дальнейшего отпора врагу. В этом главное значение летне-осенних мероприятий советского командования.

Признают это и немцы. «Вследствие того, что Гитлер решил развигивать наступление одновременно на Кавказ и на Сталинград, возникла необходимость обеспечить снабжение обеих группировок. Так как на юге предстояло преодолевать огромные пространства, гене-

рал-квартирмейстер генерального штаба сухопутных войск Вагнер счел приоритетной доставку горючего именно на кавказское направление. Многочисленные моторизованные большегрузные колонны подвоза горючего для 6-й армии были срочно переориентированы на юг.

31 июля Гитлер, наконец, понял, что особых причин для оптимизма у него нет. Ему пришлось признать, что боевая мощь 6-й армии, в значительной степени подорванная острой нехваткой горючего, явно недостаточна для преодоления мощной советской обороны Сталинграда, — сообщает Пауль Карелл. — Поэтому он принял в этот день еще одно изменение своего плана: 4-я танковая армия, хотя и без 40-го корпуса, снималась с кавказского направления, переподчинялась группе армий «Б» и направлялась на северо-восток, на участок южнее Дона для прорыва фронта Советов с фланга перед Сталинградом у Калача.

Идея неплохая, но запоздавая. Ввод в бой 4-й танковой армии был уже не в состоянии изменить существующее распыление сил. То, что Гитлер теперь забирал у группы армий «А», ослабляло ее наступательный порыв для предстоящей операции на кавказском направлении, а того, что он добавлял группе армий «Б», было явно недостаточно, да и прибывали подкрепления со слишком большим опозданием, чтобы способствовать скорому овладению Сталинградом. И две примерно равные по боевой мощи группы армий все дальше и дальше расходились под прямым углом, стремясь к сильно удаленным одна от другой целям. А самая животрепещущая проблема — подвоз и войсковое снабжение — превращалась в абсолютно неразрешимую задачу, поскольку вся операция в целом лишалась единого направления главного удара.

Высшее военное командование вермахта само поставило себя в безвыходное положение, попав в зависимость от воли противника. Теперь именно советское командование в районе Сталинграда определяло место и время предстоящего сражения⁵.

В начале августа 1942 года противнику силами 1-й танковой армии, 49-го горного корпуса, частями 17-й полевой армии удалось оттеснить наши части и соединения к району Кавминвод, прижимая их к Главному Кавказскому хребту. Таким образом, на территории Карачаево-Черкесии оказались 275-я, 295-я и 2-я гвардейская дивизии 37-й армии, испытывавшие острый некомплект личного состава, 19-я дивизия войск НКВД, 74-я и 242-я стрелковые, 30-я

кавалерийская, 40-я и 41-я стрелковые бригады⁶. Характеризуя действия семи дивизий, сражавшихся в предгорьях и вынужденных отступать, надо иметь в виду, что почти во всех дивизиях в этот период насчитывалось менее половины личного состава. Так, в 242-й стрелковой дивизии в этот период было около 6000 человек личного состава, причем большая часть была небооруженной⁷. Что же касается немцев, то таких серьезных потерь на этом этапе битвы за Кавказ они не имели. 5 августа начались первые бои на территории Черкесской автономной области.

Бои в районе Черкесска и Кавминвод

Город Черкесск нужно было нашим частям удерживать как пункт, через который проходили шоссе и проселочные дороги, ведущие к рекам Малка и Баксан в Кабардино-Балкарии, где создавался оборонительный рубеж. Туда через Черкесск отходили воинские части для обороны этих рубежей и переформирования⁸. Кроме того, Черкесск являлся крупным и удобным пунктом для обороны, в нем можно было переформировать отступавшие войска, пополнить их и дать им отдохнуть. Советские и партийные органы, местное население получало возможности эвакуировать ценности, скот, подготовить к ликвидации промышленные предприятия. Но этого не происходило из-за отсутствия времени. Весьма важным негативным фактором послужила и полная оторванность партийного и советского руководства областей от краевого, что в условиях жесткой централизованной системы ставило секретарей обкомов ВКП (б) и председателей исполнительных комитетов в тупиковую ситуацию. Лишенные какой-либо связи с краевым партийным комитетом, располагавшимся в этот период на весьма отдаленном расстоянии, в Кизляре, местные руководители, находившиеся к тому же под жестким контролем органов НКВД, не могли взять всю полноту ответственности на себя. С 1 августа не получали они никаких директив и распоряжений. Присланные же сюда из крайкома партийные функционеры показали полную несостоятельность как в решении проблем эвакуации, так и в развертывании партизанского движения⁹.

На рубеже Черкесска укреплялась и держала оборону 37-я армия генерала П. М. Козлова. 5 августа части 81-го гаубичного полка из

Резерва Главного Командования вступили в соприкосновение с противником восточнее аула Адиль-Халк¹⁰. Бои в течение 5–6 августа были жаркими. В ходе этих боев с частями 40-го корпуса из 1-й танковой армии Клейста почти все артиллеристы погибли.¹¹

После гибели 81-го гаубичного полка противник вышел к хутору Садовый, но развивать дальше наступление не стал. Совершенно неожиданно для частей 37 армии, державшей оборону в полосе севернее Черкесска, немцы нанесли сильный удар западнее — заняли Преградную, Курджиново, Сторожевую, Зеленчукскую, Кардоникскую и оказались в районе Микоян-Шахара. Одновременно соединения немецкой 1-й танковой армии вторглись в города Кавказских Минеральных Вод. Возникла угроза уничтожения советских частей близ Черкесска, тогда как в городе 1171-й стрелковый полк 349-й дивизии полковника А. И. Щагина по решению генерал-майора И. С. Варенникова реформировался в 883-й полк и переходил в подчинение 295-й стрелковой дивизии¹². Происходило доукомплектование личного состава. Положение спас 1159-й стрелковый полк, задержавший наступление немцев в районе нынешнего села Мичуринского. В жесточайшем бою, о котором, кстати, нет упоминаний в опубликованных работах, полк понес большие потери. Они составили 902 человека, более 300 из них погибли. Это позволило частям в Черкесске благополучно и без потерь избежать окружения.

Кроме того, здесь же оказалась 19-я дивизия войск НКВД полковника Н. П. Подоляко, та самая дивизия, которой в 1943 году предстояло депортировать карачаевцев. Факта участия этой дивизии в оборонительных боях в окрестностях Черкесска мы не нашли. Хотя известно, что соединения НКВД в соответствии с приказом командующего Северо-Кавказским фронтом С. М. Буденного еще в июле 1942 года были выведены из районов боевых действий. Очевидно, инициатива шла от Л. П. Берии. Трудно предположить, что Буденный мог отдать такой приказ без ведома наркома. Тем не менее, 19-я стрелковая дивизия войск НКВД, имея, в отличие от других дивизий, полный комплект, вступила в бой с немцами в районе станицы Суворовской. Отбив две атаки противника, дивизия без особых потерь покинула район боев и отошла в сторону Нальчика. Ко времени занятия Черкесска немцами здесь не осталось советских воинских частей. Было ясно, что немцы планировали отсечение разроз-

ненных воинских групп с севера, востока и запада и их окружения, но сделать им этого не удалось.

Но и планомерного, организованного отступления у частей Красной Армии на пространстве Кропоткин — Ставрополь — Пятигорск не получилось. 30-я кавалерийская дивизия, 242-я стрелковая, 74-я стрелковая, батальоны 40-й и 41-й стрелковых бригад вынуждены были отступать по разным направлениям. Часть этих соединений стала уходить на восток, часть — через перевалы на юг. Задыхаясь от летнего зноя в пыльных степях, не имея боеприпасов, связи со штабами дивизий, корпусов и армий, в незнакомых местностях, метались разрозненные полки и батальоны, лишённые возможности закрепиться на определенных рубежах и, получив боеприпасы, перейти к обороне. В этой связи показательна судьба 242-й стрелковой дивизии.

После того как немцы заняли Армавир и Невинномысск, частям дивизии пришлось отходить на новые рубежи. Связи с 9-й армией генерал-майора Ф. А. Пархоменко не было, и штаб дивизии пользовался данными только своей разведки. Но даже она не могла установить, что командующий армией 8.8.1942 года со своей должности снят и его заменил генерал-майор В. Н. Марцинкевич. Началась кадровая перетряска, нанеся советским войскам безусловный вред в деле их обороноспособности. Чем была вызвана необходимость семикратной замены командующих той же армией в течение десяти месяцев, видимо, теперь не сможет объяснить никто. Историки связывают это с появлением на Кавказе Л. П. Берии. При этом почему-то осторожно обходят вниманием, что Членом Военного Совета Северо-Кавказского и Закавказского фронтов был Лазарь Моисеевич Каганович с его предельно жесткими методами идеологической обработки «неразумных и несознательных» офицеров. Пребывание Л. Кагановича на Кавказе, формы и методы его деятельности в советской исторической литературе обойдены стороной, и, вероятно, это отдельная тема для исследования. Пока же приходится констатировать, что кроме «драконовских» мер, характерных для наркома, каких-либо других, отмечающих созидательный и организационный характер, найти не удалось. Вина в кадровой чехарде, вероятно, лежит и на нем. В самом деле, как расценивать то, что в 12-й армии, например, командующего генерал-майора А. А. Гречко 3.9.42 года сменил полковник А. К. Сокольский, а его в свою очередь ровно через десять дней (!) — генерал-лейтенант Н. Я. Кириченко? Генерал-

майор В. Ф. Сергацков командовал 46-й армией Закавказского фронта, 28 августа 1942 г. необоснованно был снят Л. Берией, его сменил К. Н. Леселидзе. 24 января 1943 года генерал-майора К. Н. Леселидзе сменил генерал-майор И. П. Рослый, а 2 марта на смену ему пришел генерал-майор А. И. Рыжов. В 47-й армии за семь месяцев с сентября 1942 по март 1943 годов поменялось пять командующих.

Еще хуже обстояло дело с кадровыми назначениями в дивизиях. В 351-й стрелковой дивизии за семь месяцев семь раз меняли командира: полковников сменяли генералы, вместо генералов приходили полковники. Причем некоторые работали в должности по десять-двенадцать дней. Рекорд побили в 77-й стрелковой дивизии. Там с сентября 1942 по июнь 1943 годов командиров меняли восемь раз! С января по февраль 1943 года ею командовал и полковник А. М. Кашкин, ко времени нашего повествования командир 242-й стрелковой дивизии, к судьбе которой мы и вернемся.

9 августа 1942 года А. М. Кашкин принял решение всех невооруженных солдат (4500 человек, то есть 75% имеющегося на тот момент личного состава) отвести в тыл по маршруту Каменка — Пискуновка — Вознесенское и далее на Подкормное и Спокойное, где бойцы должны были ждать дальнейших приказаний. Заместителю командира по строевой части подполковнику Тихомирову надлежало всеми мерами и средствами добывать по пути оружие, оснащать им бойцов и направлять в вооруженную часть дивизии. Ее маршрут планировался в направлении Белецкий — Калинов — Херсонский — Отрадное — Удобное — Исправное (хутор Фроловский) — Усть-Джегутинское — Черкесск и далее на Нальчик. На походе к Черкесску, выяснилось, что дорогу на Нальчик отсекли немецкие танки.¹³

Дивизии пришлось отходить в сторону Кардоникской — Микоян-Шахара. 11 августа А. М. Кашкин вывел своих измученных бойцов к аулу Новый Карачай. В строю оставалось около 600 солдат, артиллерийский полк, авторота, санитарный батальон, комендантская рота, кавалерийский эскадрон, обозы. Все они расположились на южной окраине аула, на базарной площади. К ним присоединились блуждающие артиллеристы с пятью 76-мм пушками, двумя 45-мм орудиями под командованием старшего лейтенанта Емельянова. Полковник А. М. Кашкин ожидал прибытия невооруженной части дивизии с тем, чтобы с утра выйти через Маринское ущелье в район Кисловодска и продвигаться далее — на Нальчик. Была

выслана разведка в областной центр Микоян-Шахар с целью выяснения возможности ухода через Теберду и Клухорский перевал в Закавказье.

Через аул Новый Карачай, расположенный в долине Кубани, проходила тогда единственная в этом ущелье дорога. Она была построена во второй половине XIX века как дорога стратегического назначения, соединяющая Ставрополь, Баталпашинскую (Черкесск) с Сухуми, и получила название Военно-Сухумской дороги. Проектировал ее русский инженер В. Даль при участии инженера К. Игельстрема. Работы выполняли русские солдаты и карачаевцы, отбывавшие т. н. дорожную повинность. Там, где отроги Скалистого хребта отвесно спускались к реке, дорогу прорубали в скалах. Между двумя такими теснинами на обширной долине правого берега Кубани, у подножья крутых зеленых отрогов Скалистого хребта, находится Новый Карачай. Южнее этого населенного пункта в Кубань впадает ее приток — река Теберда. В верховьях Теберды, у истоков реки Гоначхир — Клухорский перевал. К тому времени, когда дорогу провели до перевальной седловины, необходимость в ней, как и в дальнейшем ее строительстве, отпала. Она потеряла военно-стратегическое значение, так как война с Турцией закончилась. Тем не менее, это был единственный колесный путь в сердце Эльбрусского округа, а при советской власти — в центр Карачаевской автономной области и далее к карачаевскому Приэльбрусью, перевалам Чипер, Гондарай, Махар, Клухор, ведущим в Грузию. То есть к тем перевалам, которые стремились захватить немецкие горные стрелки из «Эдельвейса» в расчете на дальнейший бросок к Черному морю. Но об этих намерениях немцев в 242-й стрелковой дивизии полковника А. М. Кашкина не знали.

Переход

Между тем, разведка все не возвращалась. В дивизии обратили внимание на то, что в ауле почти нет взрослых мужчин — они были на фронте. Те, кого не призвали, ушли на заготовку кормов к зиме, был разгар сенокоса. Как выяснилось, здесь войны не ждали. В дивизию пришли председатель аульского совета и председатель одного из колхозов. Пригнали овец. Женщины несли горячий хлеб, айран,

молоко. Овец забили и стали готовить еду. Местные жители объяснили командирам, по каким путям отходить в сторону Кисловодска. Выяснилось, что машины здесь придется бросить. Полковник Кашкин был в раздумье — как оставлять транспорт? Но все решилось само собой. С противоположного берега Кубани, с высоких круч, по расположению дивизии ударили горные пушки. Это были немцы.

«В долине реки Кубани, где река пробила себе путь в крутых и отвесных скалах, севернее Микоян-Шахара и слияния Теберды с Кубанью, 98-й полк 1-й горнострелковой дивизии встретил сильный советский арьергард», — сообщает немецкий источник, ошибочно считая советскую дивизию арьергардом. «Не растерявшись и искусно завязав бой, немецкие стрелки разгромили этот арьергард. Решающим был огонь из пушек и крупнокалиберных пулеметов. Дорога в Микоян-Шахар и живописную Тебердинскую долину была открыта»¹⁴.

Архивы 242-й стрелковой дивизии дают следующую картину. «Противник разгадал план командования дивизии и перерезал путь из Ново-Карачаевской в Маринское ущелье, а также дорогу на Теберду. Когда части дивизии с наступлением темноты, расстреляв все снаряды и взорвав пушки, пошли по маршруту на Кисловодск, то были встречены сильным пулеметным и минометным огнем. Потеряв до 10 человек убитыми, комдив приказал отойти на исходное положение, уничтожить автомашины и идти в горы по тропинкам в направлении Кисловодска». Небольшим группам полковника А. М. Кашкина удалось, обойдя сильный немецкий десант в районе перевала Гум-баши, что на пути из Микоян-Шахара в Кисловодск, с помощью проводников через высокогорное плато Бийчесын, уйти в Баксанское ущелье, а оттуда через перевал Донгуз-Орун в Грузию. Что же касается остальной части дивизии, то у них маршрут оказался иным, менее изнурительным. Командование дивизией фактически принял на себя комиссар Толкачев.

«Возвращавшийся из разведки комиссар дивизии (*батальонный комиссар Толкачев — авт.*) сообщил, что наткнулся на засаду немцев на правом берегу реки у моста против Микоян-Шахара. Высланная разведка установила, что мост по дороге из Нового Карачая в Микоян-Шахар разобран, таким образом, отход на Маринское ущелье и на Теберду отрезан. Пробуя пробиться к штабу дивизии с

небольшим отрядом и потеряв трех человек убитыми, отошел к ущелью. Здесь нашел автороту, медсанбат, которым приказал двигаться в направлении Нижняя Теберда по маршруту Верхняя Теберда, Курорт Теберда, через Клухорский перевал и далее на Сухуми. Это было в 3 часа ночи 12.8.42 г. Начальник штаба подполковник Пономарев И. К. и капитан Калмыков И. — начальник 3-го отдела штаба дивизии (*ушедшие в разведку накануне — авт.*) из разведки не вернулись. В 2 часа ночи в районе расположения дивизии из Микоян-Шахара наблюдалось большое зарево пожара и ряд глухих взрывов. Как потом выяснилось, горели автомашины, и артиллеристы уничтожали материальную часть. Около 8.00 часов по дороге с правого берега реки появились немецкие автомашины с пехотой, направлявшиеся в Микоян-Шахар. Бойцы, высланные для наблюдения, вернулись в Нижнюю Теберду и присоединились к общей колонне.

В Нижней Теберде по распоряжению местных властей мост был взорван, но усилиями саперного батальона, автороты он был восстановлен и по нему переправлены обозы, после чего мост облили бензином и сожгли.

При подходе к Верхней Теберде заметили, что с гор на веревках спускают лошадей, телеги и сходят бойцы. Оказалось, что это части 242-й дивизии (*остатки невооруженной части — авт.*), ушедшие из Кардоникской в горы. Всего собралось в Верхней Теберде до 1000 человек с 200 лошадьми. Здесь при помощи местного партизанского отряда и жителей удалось организовать отдых, питание и с рассветом, вместе с партизанским отрядом (*Микоян-Шахарский отряд «Мститель» — авт.*) уйти в горы.

Противник догнал части дивизии у базы ЦДКА, но высланный заслон из 22 человек заставил их прекратить преследование. Части дивизии перешли перевал и 18.8 пришли в Сухуми. 28.8.42 г. прибыли остальные части дивизии, перешедшие через Санчарский и Марухский перевалы. Небольшая часть вышла через перевалы Донгуз-Орун, через Хаиши в город Зугдиди.

Всего через Кавказский хребет перешло до 4000 бойцов и командиров, переведено 970 лошадей. 30.8.42 г. получен приказ частям 242-й сд, находившимся в Махарадзе, направиться в Зугдиди для переформирования»¹⁵.

В архивных фондах этой дивизии имеются упоминания о проводниках из местных жителей, сыгравших, может быть, главную

роль в том, что советским частям удалось перейти по горным тропам в Закавказье, так как дорог и троп в дивизии никто не знал. Упоминаются проводники Хубиев, Хачиров, Кипкев (очевидно, Кипкеев), Чотчаев и Алиев. Последние двое попросили справки о том, что являлись проводниками. Справки им были, судя по документам, выданы, но их дальнейшая судьба неизвестна, поскольку эти фамилии в Карачае довольно распространены, а инициалы в этих документах не обозначены.

Особо надо отметить подвиг Шакмана Унуховича Байрамкулова. Этот человек, несмотря на свою инвалидность (до войны ему ампутировали ногу), провел части отступающей 242-й стрелковой дивизии через Клухорский перевал до Сухуми. Причем нес на себе тяжелый рюкзак, при этом еще и помогал на сложных участках тропы беженцам и детям. В Сухуми он был «проверен» инспекторами Закавказского фронта. Как правило, проводников либо оставляли в Закавказье, либо расстреливали. Расстрелу подлежали те, кто не хотел оставаться на побережье и стремился вернуться домой. Мотивировали это тем, что проводники, вернувшись, по своей воле или по принуждению покажут дорогу немцам. Байрамкулов вынужден был остаться, и во избежание недоразумений потребовал справку. Она была выдана и, очевидно, спасла ему жизнь:

«Справка

Дана настоящая Байрамкулову Шакману Унуховичу в том, что при эвакуации, когда К-Теберда была оккупирована немцами, он перешел Клухор и находился в Сухуми. До перевала Клухор он сопровождал войска Красной Армии, после отправился с частями в г. Сухуми.

Помошник инспектора Зак. фронта майор Нефедьев. 2.10.43 г.».

Таким образом, этому благородному и мужественному человеку вместо награды сохранили жизнь, а по возвращении домой объявили выговор по партийной линии¹⁶.

Через Архыз эвакуировали и детей. Непосредственно перед приходом немцев потянулись к перевалам группы из различных детских домов, оказавшихся здесь волею судьбы. В основном это были сироты, еще не осознавшие в полной мере трагизм своего положения. Из района Армавира — Невинномысской шли они в горные ущелья, куда, по различным утверждениям, немцы не собирались войти. В черкесском ауле Бесленей было оставлено 12 детей. Местные

жители — аульчане разобрали их, дали им свои имена. Некоторые из них и до сих пор живут там. Остальные дети стали уходить в направлении Архыза, в расчете перейти в Закавказье.

В верховьях ущелья встретил их карачаевец-пастух Хусейн Лайпанов. Он накормил детей и отдал все из имевшейся одежды. 46 детей он взял с собой и ушел к перевалу. 18 ребятишек и воспитательница Анна Николаевна Одинцова были оставлены на ферме. Им надо было подкрепиться и набраться сил. Первую группу Х. Лайпанов благополучно переправил в Закавказье. К полудню следующего дня он вернулся за оставшимися детьми. Тут пришли немцы. Лайпанов, Одинцова и оставшиеся 18 детей были расстреляны полевой жандармерией 4-й горнострелковой дивизии. К сожалению, этот факт, выявленный и опубликованный ставропольскими журналистами (Швецов В. Ф. Свет погасших звезд. Ставрополь, 1977 г.), не получил соответствующей огласки в 70–80 годы XX века в Карачаево-Черкесии. И не мудрено. Это было в период новой волны шельмования карачаевского народа, дискриминации по национальному признаку, санкционированной ЦК КПСС и активно проводимой областной партийной организацией. На месте гибели Х. Лайпанова, А. Одинцовой и восемнадцати детей нет дажеobelиска.

Огромную помощь оказало население отступавшим воинским частям и беженцам. Исмаил Шаманов, чье детство прошло в высокогорном карачаевском ауле Учкулан, бывшем тогда районным центром, вспоминает: «Мы стояли с двоюродным братом Халитом на улице, когда к нам подошла группа солдат. Было это 12 августа 1942 года в нашем, Шамановском квартале в Верхнем Учкулане. Один из военных, с пистолетом на боку, как я понял, старший сержант, обратился к нам: «Друзья, где у вас тут можно попить?». Халит хорошо владел русским языком. Он сказал: «Сейчас все организуем. И попить, и поесть вам надо». — «Нет, нам некогда, дайте попить, и мы пойдем дальше. Нам сегодня через перевал надо перейти», — сказал военный. С этими словами отошел в тенечек под деревом. Остальные присоединились к нему и расселись в тени же. Двенадцать человек. Шинели скатаны, полинявшие гимнастерки, на спинах вещмешки, на ногах обмотки и ботинки. У семерых винтовки, остальные без оружия. Халит принес воду и айран. Солдаты умылись и попили айрана. Тут прибежала мать Халита: «Не отпускай их никуда. Тесто у меня как раз подошло — я собралась напечь

пышек и хычинов и раздать детворе, чтобы мои сыновья вернулись живыми с фронта. А этих тоже надо покормить. Твои три брата, наверное, в таком же положении где-то». «Я так понимаю, бабушка нас собирается угостить?» — спросил у Халита военный. Тот объяснил ему, что три его брата на фронте, и мать собралась в залог их возвращения домой раздать детворе выпечку. «Тогда мы поедим», — сказал командир и достал из кармана складной ножик. Я впервые видел такой ножик с несколькими лезвиями, и он у меня до сих пор перед глазами. Быстро поставили перед ними столик, подоспели горячие лепешки, хычины, молоко, айран, масло.

Я находился тут же и из их рассказов понял, что их часть ушла через Марухский перевал, а им приходится теперь идти через Махар. Солдаты пообедали и сердечно поблагодарили хозяев. Они шли по дороге вверх по ущелью, а женщины долго смотрели им вслед. Некоторые плакали. У всех их сыновья были в Красной Армии на фронте. Халит стал успокаивать маму, говорил, что все его три брата вернутся с войны, только она все плакала и плакала. Материнское чутье не подвело, и ее сыновья погибли: Юсуф и Сагит — под Сталинградом, Хасан — в Белоруссии.

В тот же день подошло еще семнадцать красноармейцев. К ним навстречу вышли Кечеруковы Зарият и Чорна. Все спрашивали, не встречались ли им на фронтовых дорогах их родные. Конечно, солдаты ничего не могли им ответить. Стояла жара, и военные просили пить. Среди них я заметил двух женщин. Судя по сумкам, женщины были медиками. Зурият и Чорна быстро обошли округу, и через несколько минут прибежали Кечеруковы, Тебуевы, Шайлиевы, Шамановы, Бостановы. Старики и женщины. Все с продуктами и готовой едой. У Кечеруковой Бибы в Красной Армии было три сына: Махти, Шамсудин и Ильяс; у Зарият — муж Мухаммат; у Чорны — три сына: Мухаджир, Курман-Али и Аскер. Биба побежала домой и принесла фотографии сыновей, спросила, не встречались ли? Нет, не встречались. Потом стало известно, что все они погибли на фронтах.

Солдатам объяснили, как идти к Махарскому перевалу, назвали стоянки пастухов, где можно переночевать, и бойцы, сердечно поблагодарив жителей, ушли вверх по ущелью.

На второй и на третий день тоже стали подходить группы отступавших красноармейцев. Были они небольшие, по десять-пятнад-

цать, а то и двадцать человек. Все спрашивали дорогу на Сухуми. Группу в 22 человека, начинавшую плутать в горах, вывел к перевалу Акбаев Хызыр. Еще 20 человек проводил через Махар Шайлиев Тохтар.

В сумерки к Учкулану вышло еще 26 красноармейцев. Их командир спросил председателя колхоза. Но его не было. Командира встретил Алиев Сагит. Он расположил красноармейцев на ночлег в конторе колхоза, куда натаскали соломы, чтобы мягче было спать. Пока солдаты готовились к ночлегу, Сагит распорядился, чтобы перед конторой развели огонь, повесили котлы, чтобы накормить солдат шорпой и бараниной. Из пекарни доставили горячий хлеб. Поужинав, солдаты легли спать, кто в здании конторы, кто под открытым небом. Алиев положил руку мне на плечо и сказал: «Завтра утром возьмешь двух лошадей, дам тебе помощника. Поведете их к перевалу». Утром мы погрузили на лошадей их поклажу: шинели, вещмешки и двинулись в путь. Мы довели солдат до большой поляны на Махаре, показали им дорогу на перевал и стали возвращаться домой.

На обратном пути на противоположном берегу реки мы увидели еще одну группу красноармейцев. Они лежали в траве, разувшись. У многих на ногах волдыри. Обувь разбита. Они обрадовались, когда узнали о нашей готовности проводить их. Часам к пяти вечера мы привели их на поляну Кертмели, к кошу Зекерья-Хаджи Акбашева. Зекерья-Хаджи накормил красноармейцев, а утром отправил нас домой, сказав, что до перевала он их проводит сам. Он погрузил солдатские вещи на лошадей и повел группу к перевалу»¹⁷.

Так или примерно так складывалась судьба большинства воинских частей в августовские дни 1942 года. Советские дивизии и полки в трагической ситуации сохранили свои знамена и честь.

Войска НКВД: «пламенная ложь»?

Фактически закрытыми остаются архивы войск НКВД. Более или менее подробные сведения имеются о пограничных полках. Действия 26-го и 25-го полков, сражавшихся летом и осенью 1942 года на высокогорных фронтах, отмечены печатью мужества и героизма. Пограничники 25-го полка в сложных условиях спасли положение

на Санчарском перевале, и полк был удостоен ордена Красного Знамени. Что же касается 19-й стрелковой дивизии войск НКВД, Сухумской стрелковой дивизии НКВД, Грозненской и Махачкалинской дивизий и 11-й стрелковой дивизии войск НКВД, то их действия в годы битвы за Кавказ не изучены, или изучены не в полной мере, и ждут своего исследователя. Возможно, что чекисты сражались героически, спору нет.

Но известно, что 11-я стрелковая дивизия войск НКВД (командир — полковник Хазов И. Ф.) в ноябре 1942 года решала несколько иные проблемы. Выполняя установки своего командования, сводный отряд капитана Н. Ф. Накина занялся в Балкарии тем, чем занимались эсэсовцы, например в Хатыни. Сводный отряд этого чекиста на исходе ноября 1942 года, еще до прихода немцев, занял ряд аулов в Верхней Балкарии и принялся уничтожать их население, занимавшееся организацией помощи отступающим красноармейцам. Никаких причин для такой расправы не было. Не было и повода, хотя распространено мнение о том, что сводный отряд занимался отловом и нейтрализацией дезертиров. Капитан рапортовал: «Заложников беру, действую беспощадно, население все уничтожаю, а постройки жгу... За период с 27.11.42 по 30.11.42 г. уничтожено пять населенных пунктов — В. Балкария, Сауту, Кунюм, В. Чегет и Глашево. Из них три первых сожжено. Уничтожено до 1500 человек!»¹⁸. Вопрос «за что?», очевидно, напрямую увязывается с выводом о неминувости депортации независимо от немецкой оккупации Северного Кавказа, сделанным нами ранее. Уничтожение ни в чем не повинных местных жителей и сожжение горных аулов, по всей видимости, должны были облегчить действия войск НКВД по выселению народов. Приходится констатировать, что в ходе немецко-фашистской оккупации Северного Кавказа такая участь не постигла ни одно село, несмотря на то что в селах и аулах скрывались коммунисты, евреи, работники прокуратуры, комиссары и др. Это тот случай, когда чекисты в 1942 году «переплюнули» фашистов. Если тотальный террор немецко-фашистских оккупантов по отношению к жителям России, Белоруссии вызывает у нормального человека содрогание, то действия войск НКВД на Северном Кавказе — чувство омерзения. Но это эмоции, а вот фрагмент из «Политдонесения начальнику политотдела 4-й СД (стрелковой дивизии) войск НКВД полковнику

Герасименко от заместителя 40 стрелкового полка по политчасти подполковника Башарина». Этот полк готовил депортацию чеченцев в январе 1944 года, а политдонесение камня на камне не оставляет от установившегося после войны тезиса о поголовной измене чеченцев. «28 января 1944 г. во всех населенных пунктах жители встретили наши войска доброжелательно. Всеми способами стараются помочь нашим гарнизонам. Так, например, мужское население Майстинского сельсовета — аулы Майсты (Цоколой), Поо, Того в порядке добровольной инициативы на своих ишаках и мулах от подножия гор, куда доставлены были наши грузы конным транспортом, подвозят и подносят на себе эти грузы для гарнизонов, расположенных у вершин гор. Все жители этих аулов нашим бойцам преподносят подарки, вкусную пищу и предложили обеспечить все гарнизоны дровами из собственных запасов.

В Хельдихоройском сельсовете, на участке 1-го батальона жители Перой, Пажипорой, Чамги, Тюли из-за невозможности подвозить к гарнизонам продовольствие и грузы ишачным и иным транспортом вместе с бойцами переносят их на своих плечах и спинах.

Аналогичное отношение людей к нашим войскам и в других расположенных высоко в горах гарнизонах.

Всем начальникам войсковых гарнизонов дано указание не пренебрегать искренней добротой местного населения, а поощрять и использовать ее в наших интересах.

Все подразделения полка, согласно приказа комиссара госбезопасности Цертели, заняли населенные пункты района и несут в них гарнизонную службу. Тщательно изучают местность, внедряются в семьи, берут на учет все живое»¹⁹ (курсив мой — авт.).

Из другого донесения: «...очень большие усилия командованию полка и политработникам пришлось приложить для сохранения военной тайны. До последнего дня нам удалось сохранить в строжайшем секрете цель нашего нахождения в чеченских горах. Когда вдруг среди населения стали распространяться слухи о выселении, коммунисты тут же ринулись в народ гасить эти крайне опасные для нас слухи. «Подлые враги, — горячо говорили агитаторы, — распускают слухи о выселении с гнусной целью вызвать к нам, фронтовикам, недоверие. Вдумайтесь, добрые люди, разве можем мы, защитники советской Родины, 4-й год защищающие свой великий народ от фашистских поработителей, поднять оружие против своего братского

народа?! Наша коммунистическая партия не допустит несправедливости. Спите спокойно, вас никто не потревожит!» Таким вот пламенным образом нам удалось перед ответственным днем 23 февраля усыпить бдительность чеченцев. Даже накануне выселения никто из жителей не догадался о нашей истинной цели»²⁰. Правда, здесь, как указано, речь идет о феврале 1944 года, начале депортации чеченцев.

Оккупация

В августе же 1942 года, в дни оккупации Кубани, Ставрополя, предгорий и горных областей, немцы были далеки от «пламенных» способов умиротворения населения, характерных в той или иной мере для войск НКВД. Следуя доктрине рейхскомиссара восточных пространств Альфреда Розенберга о лояльном отношении к горцам и казакам, а также из-за перманентного страха перед тем, что местное население «несмотря на ненависть к Советам в любой момент может повернуть оружие» (А. Розенберг) против агрессоров, немцы старались быть предельно аккуратными. В этой связи воспоминания одного из казаков об оккупационном режиме немцев дают объективную и наглядную картину происходившего. «В 1942 году немецкая армия вошла на Кубань. Наша станица две недели находилась без власти: ни красных, ни немцев.

В станице, которая стояла при устье Лабы, осталось около трех тысяч красноармейцев, которые сложили свои винтовки на площади в кучу.

Приехал один немец, собрал учителей, которые могли писать по-немецки, и начал выдавать всем красноармейцам пропуска домой. Если было два-три и больше из одного села, то выдавал один пропуск на всех.

Наша станица входила в Усть-Лабинский район, откуда получали распоряжения. Была установлена в станице немецкая власть, избран староста и полиция.

Убрали семечки, кукурузу и сахарную свеклу. Все это было роздано колхозникам, и пшеницу, что полагалась от советчиков, дали, остальное увезли с собой. Началась пахота. Немцы привезли машинами зерно и заставили сеять. Откуда его привозили, не знаю.

Прошло две или три недели. Со всех сторон собирались казаки. Пошли разговоры, что староста не годится. Иногороднее население притихло, будто его и не было. Когда казаки ознакомились с положением, то образовалась группа, в которую вошел и я. Пошли в район к немецкому коменданту и доложили, кто мы и зачем пришли. Рассказали ему все подробно. Он выдал нам документы.

Вернулись в станицу и предъявили старосте эти документы с тем, чтобы он передал власть нам. Как было приказано комендантом, мы донесли ему, что приняли власть в станице и приступили к выборам атамана. Всего казаков в возрасте от 17 лет собралось 117 человек.

Власть пришлось принимать из рук коммунистов, так как немцы при своем приходе заявили, чтобы все служащие оставались на своих местах, и пришлось выбирать только председателя совета, так как председатель сбежал.

В сентябре 1942 года появились партизаны. Казаки предложили им убираться, так как немцами было заявлено, что за одного убитого немца будет расстреляно сто жителей станицы. Опасаясь этого и пригрозив партизанам, казаки потребовали, чтобы они ушли из станицы. Требование это партизанами было исполнено.

Жизнь в станице протекала мирно и спокойно. Немцы не делали никаких злоупотреблений. При своем уходе они предложили всему мужскому населению, начиная от 14 лет, эвакуироваться, но насильно никого не выселяли. 31 января 1943 года я оставил свою станицу»²¹.

Примерно так же обстояло дело и в других районах Северного Кавказа, попавших временно под власть немцев. Никакого насилия по отношению к местным жителям, независимо от того, имелись ли среди них коммунисты, комиссары, евреи и т. д., до появления «Айнзацкомманд» не было. Разведка докладывала о том, что в населенных пунктах красноармейских частей или иных вооруженных групп, способных оказать сопротивление, нет, и немцы, занимая станицы и аулы, пытались войти в доверие к местным жителям. Наглядной иллюстрацией этого являются воспоминания Асият Асланбековны Элькановой, работавшей накануне оккупации Карачаевской автономной области ответсекретарем областной газеты «Красный Карачай» (ввиду болезни ее не эвакуировали и оставили на попечение родственницы Нанай):

«Однажды вечером открылись ворота, и во двор заехала бортовая машина, а за ней легковая. Это были фрицы. Нанай растерялась. Немцы остановились посреди двора, из машины спрыгнули восемь солдат с мешками и рюкзаками. Вещи и автоматы сложили в кучу. Из легкового автомобиля вышел водитель, открыл двери и выпрямился. Из машины появился пожилой, очкастый полковник (так я думаю). За ним два телохранителя. Полковник потянулся и начал заниматься зарядкой. Когда дошел до приседаний, помотал головой, что-то говорил и смеялся. Два солдата направились к нам в дом. Они постучались и зашли. Поздоровались и попросили воды умыться. Нанай дала ведро воды и кружку. Немцы сказали «спасибо, мамко» и вышли. Первым умылся полковник, поправил китель и воротник и направился в дом, постучал в двери. Нанай сказала: «Будем вежливы. Аллах, сен джазыкьсын» (*«Аллах, смилуйся над нами» — здесь и далее перевод мой — авт.*). Мы открыли двери, немец вошел и поздоровался: «Здравствуй, добрый вечер». Мы ответили. Он понял, что мы магометане, и улыбнулся: «Я работал в Турции, в посольстве, семь лет. Знаю, ваш язык немного сходится» и добавил: «Иншаллах, колай болур» (*«Хвала Аллаху, все будет хорошо»*). Нанай сказала: «Война — это плохо. Надо мирно жить!» Немец сказал, что его тоже война не радует. Он посмотрел на девочку и сказал, что у него тоже такая внучка, спросил, как звать девчушку. «Рая», — ответила я. «Райхан, — сказал полковник, — если бы она жила в Турции, ее бы звали Райхан. Вы молитесь?». Нанай ответила, что молится, сколько себя помнит. «Яхшы (*хорошо*), — сказал немец, — молитесь, чтобы война скорей закончилась». И рассмеялся. Он вынул из кармана фотографию семьи и показал нам. Затем объявил, что его зовут Альфред, «дядя Альфред, — уточнил он, — почти муслиман». Затем наизусть прочел несколько сур из Корана и спросил, где наши мужчины.

Нанай объяснила, что мужа в 1937 году арестовали, осудили на десять лет и сослали в Сибирь за то, что жили зажиточно, конфисковали дом и имущество. Он там и умер. Два сына после окончания института направлены в Азию, где и работают, дочь живет рядом. С ней же живет сын шестнадцати лет. Помолчав, полковник сказал: «Коммунисты много ошибок делают. Они хотят, чтобы все одинаково жили. Но так никогда не будет. А сажать в тюрьму только за то, что кто-то лучше живет — это грех». Тут ему принесли

пакет, он развернул его и стал ужинать. Попросил кружку кипятка, два яйца и соли. Поужинав, сказал: «Альфред уже поужинал. Спасибо за гостеприимство» и вышел к своим... В это время из города (*Микоян-Шахара – авт.*) вернулась сестра с сыном. Они были бледны и перепуганы. В Каменномосте немцы, как только заехали, сразу пристрелили бычка, сняли шкуру, внутренности вывалили на землю. Часть солдат вошла в дом Герюгова Сарамырзы и начала все ворошить, выпрашивая: «Где ваши мужчины, где партизаны, коммунисты? Куда спрятали евреев?». Но ничего не нашли, бросили тушу забитого бычка в машину и уехали в Учкулан.

В то время, когда родственники переговаривались об этом, тихо открылись двери, и вновь вошел полковник. Он вынул из портфеля плитку шоколада и подал: «Возьми, Райхан, ты моя внучка теперь. Свою внучку я, может, не увижу больше. Хотя меня должны демобилизовать. Я старый уже, год до пенсии остался». Затем обратился ко мне: «А ты учишься?» — «Я учусь в институте на историческом факультете, на третьем курсе». — «Машалла, машалла (*прекрасно, прекрасно*). Историю я тоже люблю — по истории все узнаешь». Он достал из портфеля брошку с камешками и протянул ее мне. Я отказывалась брать, но Нанай сказала, что надо взять. Она сообщила, что я ее самая младшая сестренка, что мои родители умерли и она взяла меня к себе. «Вы хорошие люди, я вижу», — сказал полковник, затем вздохнул и со словами «утром мне надо ехать в Учкулан», поблагодарив нас, вышел. Утром немцы уехали.

Мне тогда казалось, что Гитлер специально направлял таких полковников, вроде ночевавшего у нас, для агитации среди национальных меньшинств, чтобы люди думали: «Вон, какие хорошие люди немцы, совсем не звери мол». Но возможно, этот человек, живший семь лет в Турции, мог быть лояльным к мусульманам. Но факты говорили о том, что немцы по отношению к нам, советским людям, были жестоки и бесчеловечны»²².

Оккупация немцами Карачаевской автономной области дала возможность им действовать на южном, центральном, направлении плана «Эдельвейс». К исходу августа командование и штаб 49-го горного корпуса генерала Конрада переместился в Микоян-Шахар (Карачаевск). Командир и штаб 1-й горнострелковой дивизии «Эдель-

вейс» разместились в Теберде. В Теберде же находился 98-й полк этой дивизии, 99-й полк убыл в Кубанское ущелье, к Учкулану. Командир 4-й горнострелковой дивизии «Энциан» перебазировался из станицы Зеленчукской в селение Псемен. 13-й полк направился в Архыз, а 91-й полк — в ущелье Большой Лабы. Перед горными стрелками теперь простирались речные долины и ущелья, ведущие к ключевым перевалам Западного Кавказа, и путь к ним, как казалось, был открыт. Бои в предгорьях на южном направлении «Эдельвейса» закончились, и битва за Кавказ вступала в новую фазу — бои за высокогорные перевалы.

Запоздалые меры

К тому, что война поднимется на заоблачные высоты, командование Закавказского фронта не было готово. Почему-то считалось, что немецко-фашистские войска не пойдут в высокогорные районы. «Анализируя сейчас причины захвата врагом этих важных перевалов, — писал в своих мемуарах генерал армии И. В. Тюленев, командовавший тогда Закавказским фронтом, — следует сказать, что в этом была немалая доля вины командования и штаба Закавказского фронта, опрометчиво решивших, что перевалы сами по себе недоступны для противника. Некоторые из нас считали главной задачей войск фронта оборону Черноморского побережья, где были развернуты основные силы 46-й армии. А она, в свою очередь, неправильно организовала оборону перевалов и попросту «проспала» их. Врага нужно было встретить на склонах гор, а не ждать, пока он поднимется»²³.

Справедливости ради, надо сказать, что, хотя генерал армии И. В. Тюленев вину за промахи в обороне Главного Кавказского хребта в силу непонятных причин берет на себя, на самом деле все обстояло несколько иначе. Обороной перевалов должен был заниматься Северо-Кавказский фронт, а директивой Ставки 46-й армии вменялась в обязанность оборона Черноморского побережья. Сам командующий фронтом позднее признал: «Серьезный упрек получило командование 46-й армии, которое не использовало всех возможностей для организации обороны перевалов. Кстати сказать, это должны были сделать войска Северо-Кавказского фронта, ко-

торые, отходя к морю, оставили перевалы неприкрытыми. Поэтому войскам Зафронта была поставлена задача: принять срочные, героические меры, чтобы исправить ошибку»²⁴.

Отсюда видно, что крайним в данной ситуации оказалось командование 46-й армии, в то же время, будучи безвинным, оно вынуждено было срочно спасать положение, получив при этом выговор. К тому же этим дело не ограничилось. Как отмечалось выше, сам командующий армией был необоснованно снят.

Предвидя направление ударов немцев через перевалы и осознавая сложное положение 46-й армии, еще 23 июля 1942 года И. В. Тюленев направил командующему армией генерал-майору В. Ф. Сергацкову приказ, где, в частности, предписывалось: «Не исключена возможность наступления противника со стороны Северо-Кавказского фронта через Главный Кавказский хребет по Военно-Осетинской и Военно-Сухумской и другим дорогам на Кутаиси и на Черноморское побережье... Выполняя задачи по обороне Черноморского побережья в соответствии с директивой от 1 мая 1942 г. и по прикрытию советско-турецкой границы — не допустить перехода противника через Главный Кавказский хребет»²⁵. Копии этого приказа командующий фронтом выслал начальнику оперативного управления Генерального штаба Красной Армии и начальнику штаба Северо-Кавказского фронта генерал-майору Г. Ф. Захарову.

Но 46-й армии, растянутой в полосе обороны от Батуми до Лазаревской, эта задача, как уже отмечалось, была не под силу. Первоначально в состав армии входили части сил 392-й и 389-й грузинских стрелковых дивизий и 3-й стрелковый корпус (20-я горнострелковая и 394-я стрелковая дивизии). Кроме побережья Черного моря, эти войска должны были оборонять Сочи, Адлер, Гагры, Сухуми, Очемчири, Зугдиди, Кутаиси, Сталинири (Цхинвали), район Батуми. Теперь же на нее возлагались дополнительные задачи. Учитывая это обстоятельство, 46-ю армию усилили 63-й кавалерийской дивизией, дислоцировавшейся в Зугдиди и Гали, 1232-й и 647-й гаубичными артиллерийскими полками, 155-й и 107-й стрелковыми бригадами и составом Сухумского военно-пехотного училища. Причем части артиллерийских полков и стрелковых бригад были влиты в состав 46-й армии, когда перевалы Приэльбрусья и Клухорский были уже взяты немцами. Но и этого было недостаточно.

Для сравнения отметим, что в то же самое время, то есть в начале августа, на гораздо меньшей территории в районе Темрюка — Краснодара — Армавира советское командование сосредоточило силы отступивших 9-й, 12-й, 18-й, 47-й, 56-й армий. Позднее все эти армии, за исключением 9-й, вошли в Черноморскую группу войск Закавказского фронта и обороняли участок фронта гораздо меньшей протяженности, чем у одной 46-й армии.

20 августа 1942 года директивой Ставки Верховного Главнокомандования И. В. Сталин потребовал у командующего Закавказским фронтом И. В. Тюленева усиления обороны перевалов: «Противник стремится вторгнуться в пределы Закавказья и для достижения этой цели не ограничится действиями крупных сил на основных операционных направлениях.

Враг, имея специально подготовленные горные части, будет использовать для проникновения в Закавказье каждую дорогу и тропу через Кавказский хребет, действуя как крупными силами, так и отдельными группами... Глубоко ошибаются те командиры, которые думают, что Кавказский хребет сам по себе является непроходимой преградой для противника. Надо крепко запомнить вам, что непроходимым является тот рубеж, который умело подготовлен для обороны и упорно защищается. Все остальные преграды, в том числе и перевалы Кавказского хребта, если их прочно не оборонять, легко проходимы, особенно в данное время года.

Исходя из этого, Ставка требует, наряду с созданием прочной обороны на основных операционных направлениях, немедленно усилить оборону Главного Кавказского хребта и особенно Военно-Грузинскую, Военно-Осетинскую и Военно-Сухумскую дороги, исключив всякую возможность проникновения противника на этих направлениях»²⁶.

Командование Закавказского фронта и Военный Совет фронта приняли меры по укреплению первых двух дорог силами Северной группы войск, мобилизовав также население на строительство оборонительных рубежей.

Что же касается Военно-Сухумской дороги, то большую ее часть немцы прошли и ко времени выхода указанной директивы вели бои на территории Грузии, захватив к тому же перевалы Приэльбрусья. Этому предшествовало еще и то, что огромное количество оборонительных рубежей в полосе Армавира — Ворошиловска (Став-

рополя), созданных напряженным трудом жителей Ставрополя, Карачаевской и Черкесской автономных областей весной и летом 1942 года, было оставлено немцам фактически без боев.

«27 августа в связи с создавшейся угрозой вторжения немецко-фашистских войск в Абхазию я прибыл в штаб 46-й армии, который располагался в Сухуми, — вспоминал командующий Закавказским фронтом И. В. Тюленев. — Необходимо было в деталях разобраться в сложившейся обстановке.

Разговор с командующим 46-й армией генерал-майором В. Ф. Сергацковым был не из приятных...

— Как получилось, — спрашиваю я его, — что противник опередил наши части и занял перевалы Клухор и Санчаро?

— Штаб стремился максимально использовать возможности армии, чтобы остановить горных егерей...

— Тогда как же понять, генерал, то, что командование и штаб армии не стремились к активной борьбе за перевалы на северных склонах гор, почему высылались туда небольшие отряды под командой малоопытных командиров?»

Как видно из приведенного диалога, генералу В. Ф. Сергацкову ответить командующему фронтом было нечего, хотя, по утверждению самого же И. В. Тюленева, перед этой армией не ставилась конкретная задача оборонять перевалы всеми наличными силами, не задействованными на решение ранее поставленных проблем. Да таких сил у Сергацкова и не было. Тем более, что директиву Ставки от 1 мая 1942 года никто не отменял. Очевидно, Василий Фаддеевич, руководствуясь принципом «начальник — подчиненный», возражать Тюленеву не стал. Усиление армии В. Ф. Сергацкова, о чем сообщалось выше, произошло уже в ходе боев на южных склонах Главного Кавказского хребта. Каковы же причины потери перевалов в изложении командующего Закавказским фронтом?

«В ходе разбора сложившейся обстановки выяснилось, что в районе боевых действий, — читаем дальше у И. В. Тюленева, — плохо было организовано снабжение войск боеприпасами, продовольствием и обмундированием... Мною были даны конкретные указания по усилению частей, действовавших на основных направлениях, и уточнены боевые задачи». Отсюда напрашивается вывод: *главной ошибкой командующий фронтом называет не отсутствие советских воинских частей на перевалах, а плохое обеспе-*

чение их. Так что же говорить об обеспечении, если войска вышли на перевалы с опозданием, а усиливать их пришлось в ходе боев, когда ключевые перевалы были в руках врага?

В середине сентября командующий фронтом вновь прибывает в Сухуми и с новым командующим 46-й армией генерал-майором К. Н. Леселидзе вновь «долго ищет пути доставки питания, боеприпасов отрядам на перевалы». Но К. Н. Леселидзе такого упрека, как В. Ф. Сергацков, почему-то не получает.

Запоздалым был приказ командующего Закавказским фронтом от 31 августа 1942 года командующему Северной группой войск генерал-лейтенанту И. И. Масленникову: «Противник, используя шоссейную дорогу Микоян-Шахар — Теберда, подбросил свои отряды на Клухор и Санчаро, пытаясь проникнуть через хребет в Закавказье. Ликвидация появившегося на перевалах Клухор и Санчаро противника ведется частями 46-й армии, действующими из района Сухуми — Гагра.

В целях помощи 46-й армии в выполнении этой задачи и выноса борьбы за перевалы на их северные склоны, приказываю:

— силами 37-й армии организовать операцию по уничтожению противника на Санчаро и по захвату коммуникаций противника в долине р. Теберда на перевал Клухор и в долине р. Кубань на перевал Санчар»²⁷.

Этот приказ свидетельствует о том, что в штабе Закавказского фронта не знали истинного положения дел. Задание, полученное И. И. Масленниковым, не было выполнимо. Долина реки Кубань не выводит к перевалу Санчаро. Кроме того, уж слишком велико было расстояние от мест расположения частей 37-й армии, оборонявшейся к тому времени на берегу реки Баксан и перевалами, которые им надлежало освободить. По прямой линии это расстояние составляет 210 километров. Реально же войскам надлежало пройти более 300 километров по горной местности, уже занятой врагом. Тем не менее, во исполнение этого приказа в Нижний Баксан был направлен один полк 2-й гвардейской стрелковой дивизии, а также пять отрядов НКВД общей численностью 1000 человек.²⁸ Большого сделать не удалось.

Вообще же, приходится констатировать, что многие разведанные и последующие приказы командования Закавказским фронтом в августе и начале сентября 1942 года не отражали истинного поло-

жения дел и были противоречивы. Естественно, все это ни в коей мере не способствовало организации обороны перевалов.

В силу бедственного положения, связанного с перегоном самолетов на новые места базирования и централизацией сил авиации, в августе 1942 года плохо работала и авиаразведка. Темпы продвижения немецких войск опережали темпы организации войск Закавказского фронта на новый, самый сложный участок с не характерной для обычных условий ведения войны спецификой. Кроме того, войска Северо-Кавказского фронта маршала С. М. Буденного фактически бросили перевалы Западного Кавказа на произвол судьбы.

Таким образом, меры, принятые Закавказским фронтом по обороне перевалов Западного Кавказа, были запоздалыми. Даже выдвижение частей 394-й стрелковой дивизии на Клухорский перевал, где 815-й стрелковый полк вступил в бой с немецкими горными стрелками, и дальнейшая гибель его частей на перевале — результат несвоевременных мер по организации высокогорного фронта.

При всей той помощи, которую оказало население Карачаевской автономной области отступавшим в Закавказье войскам, не оказалось сил, которые тут же могли организовать рубежи обороны на северных подступах к горным проходам. Это привело к тому, что населенные пункты в ущельях были оставлены без боя и оккупированы немцами.

Советские воинские части, выдвигаемые на высокогорные рубежи, оказались отрезанными от населения на северных склонах Кавказского хребта и необходимой помощи получать уже не могли, за исключением группы войск Баксанского ущелья. Вся тяжесть обеспечения войск на высокогорном фронте легла на плечи жителей Абхазии, да и Закавказья в целом. Этими проблемами занимался член Военного Совета Закавказского фронта А. Н. Саджая.

Положение советских частей накануне боев на высокогорном фронте было таково:

- в верховьях Баксанского ущелья в населенных пунктах Тырнауз, Верхний Баксан, Эльбрус, Тегенекли, Терскол сосредоточились 214-й кавалерийский полк 63-й кавалерийской дивизии, 8-й моторизованный отряд НКВД, части 392-й стрелковой дивизии (805-й стрелковый полк), 28-й отдельный стрелковый батальон и три отряда НКВД особой группы 37-й армии. Часть этих сил была отвлечена на оборону северной

части Баксанского ущелья на линии Каменноостское — Гунделен — Заюково, часть находилась на обороне перевалов в верховьях рек Адыр-суу, Адыл-суу, Ёзенги, Местиа, Бечо, Донгуз-Орун. Перевалы Хотю-Тау, Азау, Чипер-Азау, Чипер-Карачай, Басса, Хасан-Кой-Сюрюлген остались без прикрытия;

- в район перевала Гондарай, в ущелье Сакени с юга выдвигались части 220-го кавалерийского полка;
- к перевалам Махар и Клухор с Черноморского побережья направлялся 815-й полк 394-й стрелковой дивизии;
- перевалы Марух, Кызгыч и Наур к середине августа 1942 года частями Красной Армии не оборонялись, туда только планировалось послать 810-й полк той же 394-й стрелковой дивизии;
- на перевалы Цегеркер, Аллаштраху, Адзапш войска не направлялись. Эти перевалы на картах командования Закавказским фронтом не были обозначены. 808-й полк 394-й дивизии силой одного стрелкового батальона готовился выдвинуться на Санчарский перевал;
- перевалы Аишха и Псеашха были укреплены частями 20-й горнострелковой дивизии на северных подступах. Проход немецким войскам там оказался закрытым.

Здесь упомянуты те войска, которые первыми вступили в бой с немецкими горными стрелками. Уже в ходе боев происходило укрепление сил частей Красной Армии на «заоблачном фронте».

Г л а в а 9

НА ЭЛЬБРУССКОМ НАПРАВЛЕНИИ

«Эдельвейс» на пути к Эльбрусу

Несмотря на то что перспективы выхода из района Эльбруса в Закавказье были не самыми заманчивыми ввиду отдаленности горных проходов от Черноморского побережья, немцы, тем не менее, уделяли операции по овладению этой вершиной и перевалами большое внимание. Немецкий исследователь горной войны доктор Роланд Кальтенеггер, правда, называет выход горных стрелков к Эльбрусу «этапом, следующим за овладением Клухорским перевалом»¹, хотя эти действия происходили одновременно. 14 августа немцы уже были в ауле Хурзук.

При всем том что захват перевалов Приэльбрусья в штабе 49-го горного корпуса считался одной из важных задач, немцы сочли необходимым совершить восхождение на обе вершины Эльбруса и установить там германские флаги. Хотя практического значения эта акция не могла иметь. Климат на вершинах этой горы соответствует климату Антарктиды, человек, поднимаясь туда, проходит почти все климатические пояса планеты, плюс к тому же резкий перепад температур и нехватка кислорода. Разумеется, о решении военных проблем на высоте 5. 642 метров над уровнем моря не могло быть и речи. Акция должна была носить пропагандистский и спортивный характер. К тому же не надо забывать о том, что сам Третий рейх был по природе своей оккультным, а Эльбрус считался в рейхе горой арийцев.

Штурм вершины и установление на ней вымпелов дивизий и флага Германии не были санкционированы в Берлине и, очевидно, явились инициативой командира 49-го корпуса Конрада и командира «Эдельвейсов» Ланца.

«1-я горнострелковая дивизия под командованием генерала Ланца должна была на самых высоких вершинах Кавказского хребта, по его инициативе, для укрепления морального духа немецких солдат, а также в целях пропаганды, водрузить знамена германского рейха. Это было необходимо сделать на высочайшей вершине — Эльбрусе (5633 м). Для покорения Эльбруса были отобраны солдаты-альпинисты, офицеры, унтер-офицеры из 4-й горнострелковой дивизии», — пишет Р. Кальтенеггер.² Дело в том, что обе дивизии, входившие в корпус генерала Р. Конрада, весьма ревниво относились к достижениям друг друга. Поэтому генерал решил, во избежание неприятных эксцессов, послать на вершины объединенную группу. Тем не менее, в своих мемуарах ветераны 4-й горнострелковой дивизии даже сейчас приоритеты в восхождении на Эльбрус все же отдают своим, а не «эдельвейсам».

Извещенный о предстоящей задаче генерал Карл Эгельзеер, командир 4-й горнострелковой дивизии, еще в середине июля 1942 года направил командира 2-й батареи 94-го горноартиллерийского полка капитана Макса Гаммерлера в Мюнхен. «Полетите в Мюнхен, — напутствовал генерал Гаммерлера, — достаньте все карты, литературу о Кавказе, тщательно изучите и быстрее возвращайтесь в свою часть, имея хорошие знания о Кавказе».

Вылетев в Мюнхен, окрыленный артиллерист кинулся в библиотеки и обложился книгами о горном крае, днями напролет изучал карты, штудировал литературу. Через две недели, вооружившись знаниями и «кавказской лексикой», он вернулся в свою 4-ю дивизию «Enzian»³. В дивизии срочно комплектовалась группа, которой предстояло совместно с группой из «Эдельвейса» подняться на Эльбрус. Макс Гаммерлер собрал 10 человек, в том числе к восхождению привлекались фотограф Хофф и кинооператор Рубнер. Кроме необходимого оснащения, группе были предоставлены 12 «лучших мулов». Полковник Шенк, командир 94-го горноартиллерийского полка, передал Гаммерлеру животных с напутственными словами: «Давайте идите, чтобы я вас больше не видел». Как выяснилось, Шенк был раздосадован случившейся накануне пропажей нескольких мулов, и, похоже, пропажа вьючных животных для него была важнее восхождения на Эльбрус. В назначенное время группа прибыла в Хурзук.

Ко времени прихода альпинистской группы части 99-го полка 1-й горнострелковой дивизии «Эдельвейс» заняли древние карачаевские аулы Карт-Джурт, Учкулан и Хурзук. Однако здесь горные стрелки долго не задержались, так как им прежде всего нужно было решать задачу прорыва в Закавказье. Сосредоточившиеся в Учкулане немецкие войска в целях большей маневренности и оперативности были разделены на отдельные группы, получившие названия по фамилиям их командиров. Оставив часть войск в указанных аулах со штабом полка в Учкулане, группа Кресса ушла к перевалу Махар, группе Грота предстояло занять перевалы близ Эльбруса. Вместе с тем, необходимость обеспечения оккупационного режима была очевидной: местное население хотя и отнеслось к незванным гостям нейтрально, однако опасения были. «Мы входим в горные ущелья, где видим совсем другой образ жизни. Мужчины носят усы и широкополые войлочные шляпы, они напоминают нам стариков-тирольцев, только одежда их не тирольская. На них черно-коричневые шерстяные пальто. Их темные лица суровы, шляпы глубоко надвинуты на глаза, смотрят они на нас недружелюбно», — сообщает в своем военном дневнике обер-егерь Альфред Рихтер ⁴. «На карты были нанесены все перевалы, дороги и тропы, так как немецкое командование не надеялось на проводников и не доверяло им», — сообщает другой источник ⁵. Боязнь удара в спину со стороны горцев немцы, несмотря на то что в аулах боеспособного населения не было, ощущали постоянно и действовали с оглядкой. Никаких реквизиций и грабежей позволить немцы себе не могли, и даже солону для своих мулов они покупали у жителей. Впрочем, опасения немцев были напрасными — численность взрослого населения в этих аулах едва ли превышала численность 1-й горнострелковой дивизии «Эдельвейс». Все боеспособные жители гор в 1940-42 годах были мобилизованы в Красную Армию и сражались на фронтах Великой Отечественной войны.

К Эльбрусу 15 августа противник вышел без единого выстрела частью 99-го горнопехотного полка и отдельным высокогорным альпинистским батальоном капитана Грота ⁶. Гитлеровцы достаточно хорошо знали Кавказ и Главный Кавказский хребет в частности, поэтому наивно полагать, что трудные маршруты через перевалы Чипер-Карачай и Донгуз-Орун они выбрали в качестве возможных путей к морю, хотя немецкий исследователь Р. Кальтенеггер

говорит именно об этом. Скорее всего, их соблазняла возможность блокирования перевала Донгуз-Орун и окружения соединений 37-й армии М. П. Козлова, зажатых в Баксанском ущелье. Во всяком случае, противник за весь период не предпринимал попыток занять перевал Донгуз-Орун. Даже после того как он обеспечил себе наблюдение и обстрел тропы на перевал с юга, заняв боковой перевал Басса, он ограничивался прицельной стрельбой по тропе, где шла эвакуация населения, воинских частей, имущества, скота.

К перевалам Чипер-Карачай и Хотю-Тау альпийцы вышли к 15 августа. Ни на том, ни на другом перевале не было в этот период ни одного советского солдата.

Из Хурзука 99-й горнопехотный полк вслед за высокогорным батальоном по проселочной дороге в долине Уллу-Кама вышел к слиянию Уллу-Кама, Уллу-Озен и Кичкине-Кола (вост.). Здесь часть альпийцев двинулась к перевалу Чипер-Карачай, часть — к Хотю-Тау. Через полчаса ходьбы от этой развилки кончается лесная зона. Дальше тропа идет в гору, по дну заваленного камнями, а местами заболоченного ущелья. Часа через три ходьбы видны «бараньи лбы» — отшлифованные сошедшими ледниками крутые скалы. Перед ними расстилается ровная луговина, на которой сейчас разбивают ночевку туристы. Дальше тропа все выше и выше забирает по правому склону, местами теряясь в загромождениях камней и в осыпях. Идти становится подчас очень тяжело, в конце концов, тропа выводит к плоской чистой долине. Отсюда просматривается перевал Чипер-Карачай (высота — 3.292 м). Здесь противник построил свои блиндажи (они сейчас разрушены, но остатки видны и по сей день). Судя по всему, здесь было развернуто до двух рот. Перевал же альпийцы занимают немедленно и контролируют простирающуюся перед перевалом долину Ненскры и южные склоны Главного Кавказского хребта. Но продвигаться дальше противник не стал. Более того, к концу августа он оставил на перевале Чипер-Карачай роту пехоты, усиленную двумя 80-мм минометами, двумя станковыми пулеметами и двумя ручными пулеметами⁷. Альпинистские подразделения отсюда ушли на Эльбрус. Складывается впечатление, что противник просто закрепился на Чипере на случай обходного маневра частей Красной Армии.

Одновременно с продвижением к перевалу Чипер-Карачай 1-й и 2-й батальоны 99-го горнопехотного полка, ведомые отрядом Грота, поднимались по крутому ущелью Уллу-Кама к перевалу Хотю-Тау. За тесниной и каньоном, из которого с ревом вырывается река, за пологим склоном, поросшим высокой травой, в двух часах ходьбы от слияния рек Уллу-Кам и Уллу-Ёзен, противник построил блиндажи в расчете на размещение войск около полка. Сейчас эти блиндажи наполовину разрушены. Отсюда рукой подать до перевала Хотю-Тау.

Перевал представляет собой небольшое плато с остатками немецких блиндажей. С него виден под вершиной Эльбруса «Приют Одиннадцати», а ниже и правее — ледник Азау. Сразу под перевалом расстилается обширное ледяное плато.

16–17 августа, противник, никем пока не потревоженный, судя по всему, строил блиндажи и промежуточные базы, а 18 августа он уже занял «Приют Одиннадцати», турбазу «Кругозор» и частью сил вышел на перевал Чипер-Азау.⁸ Одновременно он высылал разведку и вел наблюдение за передвижением советских частей в верховьях Баксанского ущелья.

В тот же день, 18 августа, противник силами до двух батальонов попытался спуститься в Баксанское ущелье по ледникам Азау и Гарабаш.

Но в районе поляны Азау на подходе к Терсколу, где были сосредоточены советские кавалерийские и стрелковые части, оба батальона противника были атакованы 8-м моторизованным полком НКВД и 214-м полком 63-й кавалерийской дивизии, понесли потери и вынуждены были перейти к обороне.⁹ Весь день шел яростный бой. Немцы предприняли настоящий штурм Терскола, нависая полукругом над этим населенным пунктом. Гремели горные пушки, рвались мины, трещали пулеметы. Но спуститься ниже немцы не смогли. Все их атаки были отражены отрядами кавалеристов и частей НКВД, которым пришлось стрелять снизу вверх.

Утром 19 августа враг снова предпринял попытку прорваться к Терсколу в расчете выйти к слиянию рек Донгуз-Орун и Баксан, но вновь понес потери. Не принесла успеха и попытка альпийцев 20 августа прорваться к Терсколу по леднику и долине реки Терскол, более того, оставшиеся части 1-го и 2-го батальонов 99-го

полка были отброшены с восточных склонов Эльбруса.¹⁰ Мертвых товарищей немцы выносили с поля боя и хоронили. Так появились кладбища под перевалом Хотю-Тау и в Хурзуке.

Советские войска тоже понесли потери на этом участке. Однако план стремительного выхода немецких горных стрелков в Терскол был сорван. Части «Эдельвейса» вынуждены были перейти к нежелательным для них позиционным боям. Это был главный итог первых боев в Приэльбрусье.

Сознавая, что первоначальный план захвата верховьев Баксана дает пробуксовку, «эдельвейсы» и решились на тот самый пропагандистский акт, который, по их мнению, должен был деморализовать дух советских войск — подняться на Эльбрус и установить там флаги рейха.

Флаги на Эльбрусе

В то время, когда горнопехотные части противника безуспешно пытались прорваться в долину Баксана, альпинистский отряд из высокогорного батальона из десяти представителей 4-й горно-стрелковой дивизии (группой названного выше Гаммерлера) под командованием Грота поднимался на Эльбрус. 21 августа 1942 года капитан Грот поднялся на Эльбрус и установил там фашистские флаги и вымпелы. Сохранились воспоминания этого капитана. «Неподготовленных в группе у нас не было. К тому же это не просто подъем на Эльбрус, это был военный поход. Мы приготовились ко всему неожиданному, каждый сознавал опасность мероприятия. С восхищением созерцали мы райский уголок и с тревогой думали о том, что ждет нас там, на вершине. Это была прекрасная земля, чувства переполняли наших солдат — пришедших сюда непрошенных гостей».¹¹

Йозеф Мартин Бауэр, автор известного романа «Ноги несут нас далеко», был участником штурма Эльбруса. Свои впечатления он изложил в книге «Взятие Эльбруса». Вот некоторые выдержки: «Я был покорен мужеством и одержимостью наших солдат. Сегодня подъем сложнее, чем вчера. В группе все те же, кто не раз поднимался на вершины Альп. Но то были Альпы, а это — Кавказ. Красоту эту может оценить только тот, кто бывал в горах.

Подъем опасный. Трое уже сорвались с каната. Дорогу пробираем ледорубами. Снег и непогода усложняют наш путь. Кажется, холод усиливается с каждым метром подъема, который становится все труднее и труднее. Я выбиваюсь из сил. Иду в связке с Гротом по его следам. Разговаривать невозможно. Ветер при подъеме усиливается, бьет по коленям. Устоять, только бы не упасть»¹². Бауэр рассказывает о восхождении на западную вершину. Там подъем очень крут и связан с риском для жизни. Другая же группа штурмовала соседнюю, восточную, вершину Эльбруса.

Капитан Макс Гаммерлер: «Вместе с Фуксом и Беслером я поднялся к вершине Азау, к перевальной седловине в верховьях Баксанского ущелья. Доктор Карл фон Краузе прорвался к юго-западному склону Эльбруса, который на карте был обозначен как «западный приют». На самом деле никакого приюта там не было. План покорения вершины сводился к тому, что, взяв перевал Хотю-тау, можно было с западной стороны взойти на Эльбрус (обращаю внимание читателей на то, что это было не просто альпинистское восхождение, но это был взвод с полной экипировкой и оружием, хотя тащили их животные). Нам нужен был промежуточный перевалочный пункт. Таковым послужил «Дом на Эльбрусе» (*альпинистская гостиница «Приют Одиннадцати» — авт.*), который мы рассматривали в бинокль с ледника Азау, находящегося в 7 километрах по прямой. 17. 8. 42 г. мы достигли «Приюта» на высоте 4. 200 м в 4 часа утра. Казалось, что наши легкие разорвутся. От мысли, что надо идти вперед, кружилась голова. Еще 1200 метров подъема по вертикали. Вьючные животные свою обязанность выполнили. Все. Теперь все пришлось тащить на себе. Мы обязаны отдать должное нашим животным, которые наравне с немецкими солдатами переносили все тяготы войны и вместе с нами поднялись на Эльбрус!

На высоте 4800 м. капитан Грот приказал сделать привал. Сбрасываем рюкзаки. Кружится голова. Итак, еще один рывок и в 7.30 мы на седловине между двумя вершинами. Разреженный воздух и холод заставляют нас двигаться: мы берем примуса и готовим чай. Согреваемся. Последний рывок и мы на вершине. Около 12 часов небо проясняется. Мы счастливы. Наш хроникер расписал подъем и спуск по часам, а фотограф Хофф запечатлел наш поход на пленках. Солдаты из 1-й и 4-й горнострелковых дивизий были очень горды, так как их флаги развевались над Эльбрусом, а мы, достиг-

шие вершины, в едином порыве вскинули руки в гитлеровском приветствии: «Хайль!».

Восхождение на Эльбрус совершили 9 офицеров, 11 унтер-офицеров, 20 рядовых, в том числе 3 офицера, 2 унтер-офицера и 5 рядовых из 4-й горнострелковой дивизии. «Мы покорили Эльбрус!» — с утра и до вечера разносилось по всем подразделениям. «Все альпинистские трудности позади! Если наши солдаты поднялись на Эльбрус, то они возьмут все перевалы», — радостно констатировал командир 4-й горнострелковой дивизии генерал Эгельзеер.¹³ В состоянии эйфории пребывал командир «Эдельвейса» генерал Ланц. В отчете он писал: «восхождение наших солдат на самую высокую вершину Европы говорит о мощи вермахта и мужестве наших солдат, которые своим подвигом вдохновили других солдат в поход на Сухуми, Батуми, Баку. Кавказ прекрасен! Мы возьмем его! Жаль, что фюрер не видел Кавказ». Доволен был командир корпуса генерал Конрад. Но радость оказалась преждевременной.

Николаус фон Белов, адъютант Гитлера, в своих мемуарах «Als Hitlers adjutants: 1937-1945» отмечает, что восхождение горных стрелков на Эльбрус вызвало у фюрера возмущение и раздражение. В таком состоянии он пребывал несколько дней. Об этом восхождении и установлении немецких флагов ему не доложили ни до этого, ни после. Хотя еще накануне он запретил заниматься на Кавказе всякого рода трюкачеством. Фюрер узнал об этом совершенно неожиданно при просмотре еженедельного киножурнала¹⁴.

Более подробно об этом сообщает бывший министр вооружения и военной промышленности фашистской Германии Альберт Шпеер в своей книге «В Третьем рейхе»: «Гитлер узнал о том, что альпинисты горнострелковых дивизий, находившихся на Кавказе, штурмовали самую высокую гору Кавказа — Эльбрус, покрытую вековыми ледниками, установили там военные флаги. Фюрер пришел в бешенство и сказал, что это не солдаты, а авантюристы. Кто дал им разрешение лезть на эту гору?! Целый час бушевал фюрер, говоря о том, что дивизии на Кавказе находятся не для всяких авантур, что всех, кто поднялся на Эльбрус, следует наказать. «Это не солдаты, а группа идиотов!»

Я часто видел Гитлера в гневе, но в таком разъяренном виде он предстал передо мной впервые. Еще несколько дней он ругался, но потом сменил гнев на милость. Но когда ему попытались напо-

нить, что поднявшиеся на Эльбрус были все же альпинистами-спортсменами, он вновь начал кричать: «Эти идиотские горы! Эти идиотские вершины! Кому они нужны?! Посмотрим, как эти солдаты прорвутся к Сухуми!».

Людвиг Кюблер в своих воспоминаниях тоже сообщает, что гнев Гитлера был такой же, как после поражения под Москвой¹⁵.

На самом деле, направление одной из сильнейших дивизий вермахта в верховья Кубани, овладение Эльбрусом и прилегающими к нему перевалами было пустой тратой сил, энергии и времени. Эльбрусское направление на высокогорном фронте — это авантюра. Ясно видно, что при сосредоточении сил всей дивизии на Клухорском участке немцы на плечах отступавших частей Красной Армии неизбежно выходили бы к Сухуми. Тем более, что сил для обороны этого участка у 46-й армии Закавказского фронта на тот момент не хватало. То же самое и по отношению к Санчарскому направлению.

Справедливо отмечает К. Типпельскирх: «...это значительное достижение альпинизма не имело ни тактического, ни, тем более, стратегического значения»¹⁶.

Противник в ходе боев осознал недостаточность сил и наступление временно прекратил. Война здесь приняла позиционный характер. Однако к концу августа, когда враг подтянул еще два батальона 101-й горнопехотной дивизии, легкую артиллерию, ситуация стала для наших частей критической.

Противостояние

Как уже отмечалось, в этих условиях на помощь 214-му кавалерийскому полку на Эльбрусское направление выводилась 242-я горнострелковая дивизия, которая затем сменила части 63-й кавалерийской дивизии полностью¹⁷. Выше уже отмечалось, что появление на Эльбрусе частей 63-й кавалерийской дивизии не поддается логике. Кавалерийские части предназначались для ведения боев в условиях равнин. Действия кавалерийских корпусов в полной мере оправдали себя и в битве под Москвой, и во время освобождения Кавказа в степных районах. Части же, вводимые для высокогорных боев, комплектовались в Средней Азии. Личный состав не имел

соответствующего опыта действий в высокогорных условиях, не были приспособлены к маршрутам на крутых ледниках и скалах лошади, возникала проблема фуража. Единственная порода лошадей, пригодных для этой цели — карачаевская, — была вывезена ранее для корпусов Доватора, Белова и других. Лошади же 63-й дивизии к условиям камня и льда не были подготовлены.

Поэтому директива Военного Совета Закавказского фронта во исполнение указания товарища Сталина о «нецелесообразности использования кавалерийских частей на сванских перевалах» была оправданной, хотя и несколько запоздалой: кавалеристы на Эльбрусе сражались мужественно и понесли серьезные потери. Правда, мотивация этой «нецелесообразности» удивляет. Там значит, что «...лошади требуют особого ухода и обеспечения фуражом»¹⁸.

Еще до введения в бой частей 242-й горнострелковой дивизии командиры частей в верховьях Баксана майор П. И. Ромазов разрабатывает план освобождения Приэльбрусья от противника. Эскадроны 214-го полка, отряд из 8-го полка НКВД, отряд Бакинского пехотного училища должны были выходить с боями вверх по крутому ущелью Терскол, другая группа бойцов — по ущелью Гарабаши и леднику к Ледовой базе, основные же части должны были наступать двумя колоннами по берегам реки Баксан. В результате противник должен был быть отброшен к перевалам Азау и Хотю-Тау, а второе наступление предполагало освобождение и этих перевалов. Однако осуществление этой операции пришлось отложить. И вот почему.

Если противник, заняв перевал Чипер-Карачай силами 8-й роты 99 полка, особой активности здесь не проявлял, то захват перевала Чипер-Азау давал ему возможность контролировать южную тропу на перевал Донгуз-Орун и проявить активность в тылу наших частей. Что он и сделал. Немецкие горные стрелки, заняв перевал Чипер-Карачай без единого выстрела, спустились в урочище Чипер и оттуда, тоже без боя, заняли перевал Басса на хребте Штавлер. Перевал Басса был занят альпийскими стрелками из той же 8-й роты, и отсюда они регулярно обстреливали советские караваны с боеприпасами, медикаментами, продовольствием, беженцев на тропе с перевала Донгуз-Орун.

Ликвидация группы противника на Бассе была поручена отряду мастера спорта СССР по альпинизму Леонида Павловича Кельса,

направленного сюда штабом 46-й армии вместе с другим альпинистом Юрием Губановым.¹⁹

Взять перевал атакой в лоб было невозможно, ибо с перевала хорошо просматривается и ледник, и пути подхода к перевалу. Поэтому было решено поддержать рейд отряда Л. Кельса в обход немецких позиций лобовой атакой кавалеристов. В то время, когда отряд 214-го полка готовился к броску по леднику и через завалы камней, отряд Кельса, прижимаясь к скалам, обходя ледники, выходил на гребень хребта Штавлер, чтобы прижать врага к Главному Кавказскому хребту и замкнуть его на перевале Басса. В результате тяжелейшего перехода, карабкаясь по тройному уступу отвесных скал, стараясь сохранить тишину, отряд вышел в район озера. Обойдя позиции немцев, отряд закрепился севернее на хребте. Этот альпинистский в полном смысле маршрут, пройденный группой Леонида Кельса, вызывает изумление даже у бывалых восходителей.

24 августа спешившиеся кавалеристы стали подниматься из долины Донгуз-Орун в атаку. Альпийцы сосредоточили по ним ружейно-пулеметный огонь, однако сами попали в западню: с севера по хребту атаковал их отряд Леонида Кельса.²⁰ Группа противника на Бассе была почти полностью уничтожена. Незначительная часть вражеских солдат ушла в долину Ненскры, но и они были перебиты истребительными батальонами Сванетии.²¹

26 августа отряд Л. Кельса спустился с перевала Басса и был готов к ведению боя на склонах Эльбруса.

Освобождение перевала Басса создавало хорошие предпосылки для дальнейшего продвижения к перевалу Чипер-Азау и захода в тылы Эльбрусской группировки противника. При благоприятной ситуации, используя отсутствие в долине реки Уллу-Ёзен крупных сил, наши части могли расчлнить боевые порядки противника, полностью преграждая пути отступления немецким подразделениям на склонах Эльбруса, на Хотю-Тау, Азау и Чипер-Азау. Но отряд Леонида Кельса был малочислен для выполнения поставленной задачи, кроме того, когда в штабе корпуса обсуждался этот план, противник подтянул сюда, как говорилось выше, части из 101-й легкопехотной дивизии. Драгоценное время было упущено.

28 августа майор П. И. Ромазов начинает осуществлять свой план. Утром эскадрон 214-го полка атаковал позиции противника и выбил его из Нового Кругозора, несколько продвинулся по хребту

Гарабаши. Отряд советских альпинистов отсюда спустился в Терскол. Эскадрон старшего лейтенанта М. И. Максимова закрепился на этом рубеже.²² В долине Баксана эскадрон кавалеристов совместно с подразделениями полка НКВД выбил противника из района поляны Азау к Старому Кругозору, освободил Старый Кругозор, понес потери и большего добиться не смог — сил было недостаточно.²³

Острая нехватка людей сказывалась на действиях наших войск постоянно, выше сообщалось о снятии командующего 46-й армией В. Ф. Сергацкова, которому была поставлена в вину незащищенность перевалов. Однако, в соответствии с директивой Ставки ВГК, надежная оборона перевалов возлагалась на 3-й стрелковый корпус генерала К. Н. Леселидзе. Так или иначе, вина за потерю перевалов равно ложилась и на него. Смена командующего армией и продвижение К. Н. Леселидзе сами по себе ничего не решали. Полк из 9-й горнострелковой дивизии и батальоны 155-й и 51-й бригад выдвинуты были на перевалы именно В. Ф. Сергацковым,²⁴ и пришли они как нельзя кстати, так что представитель Ставки Л. Берия меры, принятые В. Ф. Сергацковым, попросту приписал себе²⁵. Берия, как уже сообщалось, вывел войска НКВД, кои насчитывали около 100 000 человек, из-под влияния командующего Закавказским фронтом И. В. Тюленева в то время, когда малочисленные гарнизоны стрелковых и кавалерийских частей истекали кровью и гибли на ледниках Главного Кавказского хребта. Имена героически погибших в боях за Чипер-Азау, Новый Кругозор, 105-й пикет комэска Айтбера Бежанова, сержанта Георгия Тотиева, лейтенанта Кравченко, комиссара Иналука Церекова, кавалеристов Евгения Воробьева, Исмета Хусаинова, Сабана Сабанова, Макара Иванова, Ивана Золотарева, Ивана Задомского, Константина Бородюка и других бойцов никогда не забудутся в памяти потомков.

В начале сентября 1942 года часть эскадронов 214-го кавалерийского полка сдали свои позиции 897-му горнострелковому полку 242-й горнострелковой дивизии. Командир новой дивизии полковник Г. Т. Курашвили утвердил новый план обороны.

Дивизия в горах была развернута следующим образом: 900-й полк занял оборону на перевалах Твибер, Местиа, Ак-суу, Цаннер и вел разведывательные рейды в тыл противника²⁶.

897-й горнострелковый полк с приданной артиллерией принимал перевалы Бечо, Донгуз-Орун, Басса и создавал на них узлы

сопротивления²⁷. Оперативная группа штаба дивизии, ОСБ, ОМСБ и другие подразделения и службы располагались в селениях Бечо и Хаиши, остальные части продолжали укомплектовываться в Зугди-ди²⁸. Кроме того, часть наиболее опытных кавалеристов осталась на прежних позициях.

Противник по-прежнему занимал позиции на склонах Эльбруса, удерживая за собой 105-й Пикет, Ледовую базу, «Приют Одиннадцати», нижнюю часть ледника Большой Азау, перевалы Хотю-Тау, Чипер-Азау, Азау и Чипер-Карачай. Для подвоза боеприпасов и продовольствия противник пытался использовать самолеты, сажая их на ледяные поля западных скатов Эльбруса²⁹. Но положение немецких горных стрелков становилось неважным: все реже готовилась горячая пища, альпийцев мучили болезни от плохого питания, появились обмороженные, подвоза продовольствия и боеприпасов фактически не было. У врачей на исходе оказались медикаменты. Поддержки местного населения немцы не имели.

Решительные действия наше командование пытается предпринять в сентябре. Однако два рейда в тылы противника 6 и 18 сентября успеха не имели. Немцы просматривали расположение войск в районе Терскола и концентрацию отрядов для штурма господствующих высот. При продвижении советских частей вверх по ущелью днем начинали немецкие артиллеристы методичный обстрел. Выше же, по склонам, противник построил сложные узлы обороны.

Как правило, оборонительные порядки противник строил в несколько ярусов. Он обычно пропускал мелкие группы наступающих наших солдат в глубину своей обороны, а при появлении основных сил концентрировал по ним трех-, а то и четырехъярусный слой огня. Причем огонь вели по нескольким направлениям, разбивая основные части на мелкие группы, которые, как правило; горные стрелки затем пытались обойти, взять в плен или уничтожить³⁰.

Обстрел наступающих частей альпийцы обычно начинали с дальних рядов наступающих, поэтапно перенося его на ближние ряды. Через головы оборонявшихся солдат массированный огонь открывало коллективное стрелковое оружие.

Наступление же немцы вели, развернувшись в цепи, обычно их число достигало 4-х, а то и 5-ти. Расстояние между цепями постоянно выдерживалось в 120–150 метров, через головы наступающих велся массированный артиллерийский и минометный огонь. Такая

система обороны делала противника практически неуязвимым, а система атаки — неотразимым. К тому же противник в наиболее важные моменты подключал авиацию и при первом же удобном случае использовал фланговые проходы, которые обеспечивали взводы альпинистов, приданные каждой горнострелковой роте. В горах немцы почти полностью отказались от проводной связи и пользовались более эффективной — рациями и радиосвязью.

К сожалению, методикой ведения войны в горах советские командиры еще не владели.

Мы не случайно подробно рассматриваем систему обороны противника. 8 сентября из подразделений 1-го отряда НКВД, 26-го пограничного отряда и 392-й стрелковой дивизии был укомплектован отряд, имевший целью совершить рейд во вражеский тыл — в район Хурзука, в обход Эльбруса с севера. Одновременно с этим отрядом, другой отряд, на другом участке, в районе Маруха, укомплектованный из 810-го и 808-го полков 394-й стрелковой дивизии, должен был через Марухский перевал ударить в тыл немцев на Клухоре, разгромить их, а остатки немецких войск гнать на север. На картах эти горные «клещи» выглядели весьма перспективно и заманчиво. Но только на картах. Ни характер рельефа, ни погодные условия, ни нагрузки на неподготовленных к боям в горах солдат, ни сила и умение врага воевать в экстремальных условиях не стали предметом обсуждения в штабе 46-й армии, которую возглавил К. Н. Леселидзе. Решающим было слово генерала войск НКВД И. А. Петрова — ставленника Л. П. Берии. Оба отряда, сами не ведая того, шли на верную смерть³¹.

Хурзукский разгром

В течение трех дней вышеуказанный особый отряд НКВД из Баксанского ущелья должен был выйти в район Хурзука и нанести удар по живой силе и базам противника. Предполагалось разгромить немцев в Хурзуке, а затем ударить в тыл эльбрусской группе «эдельвейсов», освободив при этом перевалы Хотю-Тау, Азау, Чипер и Чипер-Азау.

Однако наше командование не учло как систему обороны противника, так и сложности рельефа и климатические условия.

9 сентября отряд вышел из Баксанского ущелья и стал подниматься по безжизненным горным кручам. Необходимо отметить, что боевая группа была разделена на два отряда в целях мобильности и большей эффективности. Первый отряд возглавил чекист, батальонный комиссар М. В. Запрейко, второй отряд вел старший лейтенант госбезопасности П. И. Долгополов.

В тот же день у перевала Бурун-таш отряд натолкнулся на конный развед противника, обстрелял его, правда, без особого для немцев ущерба, и выслал вперед разведку под командованием старшего лейтенанта госбезопасности Х. Асанова. Разведка дошла до Хурзука, но на подходе к аулу противник окружил отряд. Не пожелавший сдаться противнику, разведотряд погиб весь. Несколько разведчиков все же попали в плен, цели и задачи, стоявшие перед особым отрядом НКВД, немцам стали ясны. Тяжело раненого Х. Асанова и его товарища подобрали на месте боя пастухи из Хурзука, вылечили их, а затем по его просьбе тайно, рискуя жизнями, перевезли в Кисловодск.³² В Кисловодске он оставлен был на улице Донской, у подпольщика Юсуфа Алиева. Однако, предчувствуя беду, Алиев переправил Асанова в Нальчик, затем был схвачен полицией, передан немцам и после пыток казнен. Это был первый карачаевец, расстрелянный немцами в период оккупации. Позднее схвачен был в Нальчике и Х. Асанов, успевший создать там подпольную группу. Выдала его бывшая сотрудница НКВД. Хасан Абдуллаевич Асанов был расстрелян после пыток в Нальчике. Посмертно награжден орденом Отечественной войны. Тема подполья, характера оккупационного режима — особая, и в данной работе она рассматривается фрагментарно.

Несмотря на то что из разведки не возвратился никто, отряд продолжал продвигаться к Хурзуку. Те же карачаевцы-пастухи предупреждали о большом количестве немцев, засевших ниже по ущелью. Их сообщения сочли за провокацию. В районе горы Кабарты-Дуппур отряд, возглавляемый батальонным комиссаром М. В. Запрейко, вновь столкнулся с противником. После короткой перестрелки к утру следующего дня враг отошел. Было ясно, что он заманивает чекистов в ловушку. Но сотрудники НКВД легкомысленно считали отход немцев за слабость. Отряд в течение дня, отстреливаясь и, как ему казалось, тесня немцев, вышел в долину реки Уллу-Хурзук. За ним спустился и второй отряд под командованием лейтенанта госбезопасности П. И. Долгополова.

13 сентября, утром, передовой отряд прошел ниже минеральных источников и стал выходить, наконец, на плато в виду аула Хурзук. Было тихо. Едва слышен был шум струящейся по скальным полкам реки. Отряд через бревенчатый мост перебрался на солнечную сторону ущелья, на поляну у впадения в Уллу-Хурзук ее правого притока Еникол. Склон порос начинающей желтеть травой, из-за которой не было видно немецких огневых точек. Немецкие пулеметные расчеты находились также по обе стороны ущелья — в сосновом лесу выше поляны. Спуск на плато со дна ущелья казался стеной и фактически разъединял первый и второй отряды. Было решено сделать привал, с тем чтобы подождать подтягивающийся сюда второй отряд.

Таким образом, особый отряд под командованием батальонного комиссара М. В. Запрейко оказался весь на виду у немцев, к тому же не был готов к бою. Фактически оба отряда НКВД оказались в западне: на склонах под соснами сидели немцы, выход из ущелья в западном направлении был ими закрыт, а советские бойцы, попытавшиеся отступить обратно, неизбежно попадали бы под прицельный огонь немецких горных стрелков.

Немцы подпустили отряд на максимально близкое расстояние, и только тогда верхние ярусы обороны горных стрелков с двух сторон открыли перекрестный огонь. Затем поочередно стали подключаться нижние ряды огневых точек противника. Одновременно с ними с фронта ударили минометы. Огонь их перекрыл все пути к отступлению, и немцы методично переносили его с противоположного хребта с тропой, в долину, где пытались укрыться советские солдаты. Немецкие мины буквально выкашивали траву и редкие кусты криволесья, поражая неопытных солдат, спрятавшихся в них. Советские бойцы заматались по дну ущелья. Пытаясь укрыться в завалах камней на склонах, они вплотную подходили к нижним ярусам обороны горных стрелков. Те, что называется, били их в упор. Несмотря на интенсивный огонь немцев, чекистам удалось прорваться на окраину аула Хурзук, но это привело к потерям. У горных стрелков их было меньше, чем у советских бойцов.

Бой продолжался до вечера. Грохот в ущелье стоял невероятный, канонада была слышна даже в Учкулане³³. Советским бойцам, наконец, организовавшимся для отпора врагу, даже удалось

захватить ряд командных высот, но это ничего не давало, так как над ними находился еще ряд пулеметных расчетов немцев. Отряд был разгромлен, большая его часть полегла у северных склонов Эльбруса.

Восточнее этого места вел неравный бой в то же самое время и второй отряд, пробиваясь на помощь первому. Он был окружен и в безнадежной ситуации пытался атаковать противника, засевшего на высотах. Нужно было немедленно организовать прорыв из окружения. Однако днем это было невозможно. В отряде отказались от атак, ведущих к неоправданным потерям, и перешли к круговой обороне. Нужно было дожидаться темноты. Погода портилась, и это было на руку советским бойцам. Вползавшие в ущелье облака густили мрак. Быстро, как обычно бывает в горах, стемнело. Перестрелка стихла.

Утром неожиданно ударил снежный заряд, видимость в горах приближалась к нулевой. Это и спасло остатки особого отряда НКВД. 15 сентября советские бойцы стали пробиваться обратно. Но лишь небольшая часть их, истощенных, раненых и обмороженных, срываясь и падая с круч, спустя три дня сумела вернуться в Баксанское ущелье³⁴.

Двенадцать советских солдат, оказавшихся в плену, немцы заставили собрать трупы убитых товарищей и похоронить в двух могилах на том же поле боя, а затем увели с собой в Учкулан и позже отправили в Микоян-Шахар. Около сорока своих погибших немцы похоронили на поляне выше Хурзука.

Осенью

9 сентября подразделения 897-го полка, 106-го горнострелкового отряда НКВД небольшими группами прошли в тылы противника и в результате яростных боев, временами переходящих в рукопашные, к вечеру освободили 105-й пикет, Ледовую базу, Базу МГУ и Новый Кругозор.³⁵ Но большего добиться здесь не удалось. Положение на этом участке стабилизировалось. Противник активных попыток не проявлял, наши части собирались с силами. В руках противника теперь оставались перевалы Чипер-Карачай, Чипер-Азау, Азау, Хотю-Тау, «Приют Одиннадцати», Старый Кругозор на Эльбрусе.

18 сентября на Эльбрус выступила другая группа, укомплектованная в основном из бойцов 106-го отдельного горнострелкового отряда, приданного 242-й горнострелковой дивизии (командир отряда — капитан И. Леошко, комиссар — В. Карплевский). Отряд имел задачу подняться из района Тегенекли вверх по ущелью Ирик, по одноименному леднику на уровень «Приюта Одиннадцати», атаковать приют, выбить оттуда противника, преследуя его по снежным и ледяным полям, сбить немцев из лагеря Хотю-Тау и освободить перевал.

Отряд И. Леошко вышел в ущелье, прошел полосу лесов, ступил на крутые скаты ледника Ирик, однако снегопад и буран вынудили прекратить дальнейшее продвижение. Буран не прекратился и на следующий день. Появились обмороженные. Отряд, потеряв до четверти состава, но так и не вступив в бой, вынужден был возвратиться 21 сентября в Баксанское ущелье.³⁶ Тут уже Эльбрус показывал свой характер: в верховьях Ирика и Кырдыка бушевал буран, а в районе Терскола светило солнце. Обычное явление в этих местах. Вообще же надо сказать, что осень 1942 года оказалась короткой, в сентябре часто выпадал снег.

В тот период, когда отряд капитана И. Леошко переживал непогоду в районе ледника Ирик на восточном склоне Эльбруса, в соответствии с планом командования, роты 897-го полка совместно с частью 106-го горнострелкового отряда под командованием майора П. С. Сироткина предприняли штурм вражеских позиций в верховьях Баксана. Инструктировали бойцов мастера спорта СССР по альпинизму Л. Коротаева, В. Кухтин, Н. Маринец, Г. Сулаквелидзе. В боях за Старый Кругозор, Гарабаши и подступы к перевалам проходили дни.

Однако, лишённые поддержки со стороны отряда И. Леошко, бойцы группы П. Сироткина вытеснить немцев с их позиций не могли. Бои сменялись затишьем, когда ущелье закрывалось плотной пеленой тумана. Ненастные дни давали долгожданную передышку, и бойцы получали возможность отогреться, перебинтовать раны, утолить голод, получить боеприпасы и похоронить погибших там, где это было возможно. Морально-политический дух бойцов, несмотря на сложные условия (высокогорье, полное отсутствие топлива — скалы здесь совершенно безжизненны, сильные перепады температуры), был высоким.

В политдонесениях, хранящихся ныне в Центральном Архиве Министерства Обороны, отражен боевой и патриотический дух бойцов. Сейчас работа политруков подвергается остракизму, но пропаганда велась, и наряду с проявлениями малодушия, характерными для всех участков фронтов, были признания в верности делу партии, что в конечном итоге совпадало с любовью к Родине. Политкомиссары, наряду со всеми, замерзали и гибли в горах от немецких пуль. И закрывать глаза на проявления высокой воли и преданности Родине нет причин. В 897-м полку, базировавшемся тогда в районе Терскола, в течение двух дней поступило 35 заявлений о приеме в партию.³⁷ В 903-м, который еще не был введен в бой, за три дня поступило 12 заявлений с просьбой принять в ряды ВКП (б) и 18 — в ряды ВЛКСМ.³⁸ Красноармеец А. Котуленко во время приема в партию заявил: «Меня не страшат ни плохая погода, ни перевал, ни трудности — если пойдем уничтожать врага».³⁹

Получая партийный билет, рядовой Кульчецкий сказал: «Я принял присягу на верность Родине, партии, Сталину. В боях с врагом я обещаю честно выполнять свой долг, без страха и жалости истреблять фашистских оккупантов».⁴⁰ Честностью, стремлением выполнить свой долг перед Родиной проникнуты скупые слова немолодого уже красноармейца 897-го полка М. Чароташвили: «Мне хотя уже 43 года, но я заверяю, что оружие, которое вверила партия и правительство, я изучу на «отлично» и буду бить врага без промаха и пощады».⁴¹ Красноречиво и не нуждается в комментариях заявление красноармейца 4-й стрелковой роты 897-го полка Н. Г. Горбуна: «Прошу принять меня кандидатом в члены ВКП (б). Я клянусь, что не жалея своей жизни, буду беспощадно бить фашистов. Если погибну, считайте меня коммунистом».⁴² И таких заявлений было очень много в дни напряженных боев на высокогорных рубежах Приэльбрусья.

Попытку выбить противника с перевалов и «Приюта Одиннадцати» предпринимает наше командование 26 сентября. В сентябре все чаще на помощь наземным войскам приходят летчики. Большею частью на Эльбрус вылетали летчики 23-го авиационного полка 5-й Воздушной Армии; кроме этого полка, 46-й Армии были приданы 718-й армейский авиационный полк, 763-й авиационный специальный полк и 8-й авиатранспортный полк гражданского Воздушного флота.⁴³ Летчикам Е. Тарасенко, П. Савельеву, В. Синайскому

неоднократно приходилось летать на Эльбрус, бомбить позиции противника, выполнять такую сложную задачу, как фотографирование немецких позиций на Эльбрусе. Подавляющее большинство разведданных о расположении противника на перевалах давали авиаторы⁴⁴.

Оперативной директивой 46-й армии 242-я горнострелковая дивизия получила задачу очистить от противника к 20 сентября 1942 года перевалы Чипер-Азау, Чипер, Хотю-Тау и «Приют Одиннадцати». Однако в силу климатических условий операцию пришлось отложить на несколько дней.

Освобождение «Приюта Одиннадцати» возлагалось на командира 1-го эскадрона 214-го кавполка Гургена Григорянца. Григорянец комплектовал свой отряд из наиболее опытных кавалеристов и стрелков 897-го полка. В приказе командира дивизии Г. Г. Курашвили значится: «Командиру 1-го эскадрона 214-го полка 63-й кавдивизии т. Григорянцу выделить тридцать лучших бойцов по его выбору. Красноармейцев вооружить по указанию т. Григорянца... Создать отдельный отряд численностью в 102 человека из числа лучших бойцов 1-го эскадрона 214 кп (30 человек) и остальных из стрелковых рот 897 сп. На вооружении иметь не менее 24 автоматов, 4 ручных пулеметов, двух 50 мм минометов и 5–6 снайперских винтовок.

Командиром отряда назначаю лейтенанта Григорянца, комиссаром — Кириченко.

Задача отряда — наступать из района базы ЦДКА по долине реки Терскол и овладеть «Приютом Одиннадцати». Исходное положение — высота 3268»⁴⁵.

Одновременно с отрядом Г. Григорянца должен был выступить отряд капитана Я. Глуходедова, укомплектованный из бойцов 897-го горнострелкового полка. Он имел задачу выбить противника с перевала Чипер-Азау, откуда противник обстреливал позиции наших бойцов на Бассе⁴⁶. Оба отряда после успешной операции должны были сбросить противника с высот в районе перевалов Чипер-Азау и Хотю-Тау в долину реки Уллу-Ёзен.

26-го сентября Григорянец завязал бой с альпийцами, которые в привычной для них манере втянули его отряд в полосу многоярусной обороны. В жестоком бою практически весь отряд погиб. Заместитель Г. Григорянца — старший лейтенант Максимов — получил

тяжелые раны. По архивным данным, сам Григорянц, тоже тяжело раненый, остался на поле боя. «Группа Григорянца в количестве 102 человек на подступах к Приюту Одиннадцати была встречена ружейно-пулеметным и минометным огнем противника. Понесла большие потери и попала в окружение, из которого вышло 4 человека. Григорянц, раненый в обе ноги, остался на поле боя»⁴⁷.

Однако это не так. Судьба этого отряда и самого Г. Григорянца сложилась иначе. Уцелевшие бойцы из этого отряда в количестве 72 человек в тумане прорвались к «Приюту Одиннадцати». Там в этот момент немцев не было. Раненый командир и оставшиеся в живых бойцы, пользуясь густой облачностью и, очевидно, посчитав, что часть задания выполнена, решили передохнуть в этой гостинице. Но вскоре появились немцы. Их появление было неожиданным, измученный отряд к бою не был готов. Горные стрелки расстреляли тяжело раненых, изъяли у красноармейцев оружие, имевшееся тепловое обмундирование, продовольствие, накормив и оказав первую помощь, отправили их вниз, в район карачаевских аулов Хурзук и Учкулан. Наиболее крепкие были оставлены в горах в качестве носильщиков. Пленные находились в аулах несколько дней. Местным жителям было разрешено брать тяжело раненых и выхаживать их. Первой же немецкой машиной эти люди были отправлены в районный центр Микоян-Шахар, где использовались на различных работах, а затем эвакуировались в немецкий тыл. Раненые были размещены в госпитале. Часть из них, поправившись, ушла с немцами, некоторые умерли. В числе умерших в госпитале и командир отряда комэск Гурген Григорянц, похороненный на городском кладбище Микоян-Шахара.

В штаб полка из отряда, помимо упомянутых в оперативной сводке четырех бойцов, позже вернулись еще двое. Кроме них, из разведки отряда уцелел лишь один человек — сержант М. Фарниев, тоже получивший ранения. Он был подобран жителем аула Учкулан Азретом Бостановым, который вылечил его и прятал дома до ухода противника⁴⁸.

Попытка выбить фашистов из «Приюта Одиннадцати», таким образом, успеха не имела.

В тот же день, 26 сентября, отряд Е. Глуходедова, ведомый опытными инструкторами Алексеем Малеиновым и Григорием Одноблюдовым, вышел в урочище Чипер. 27 сентября завязал бой за

перевал. Тот, кто был в этих местах, знает, что значит штурмовать перевал Чипер-Азау. С юга подступы к перевалу круты и ограничены скальным обрывом и крутыми каменными осыпями. Теперь же здесь лежал довольно глубокий сыпучий снег, мало того что днем было очень холодно, так как в ущелье солнце долго не задерживается, ночью температура падала до -20 градусов. В невероятно сложных условиях, теряя людей, три дня штурмовали перевал советские бойцы. В результате упорных боев 30-го сентября враг был выбит с перевала Чипер-Азау, частью он спустился в долину Ненскры, откуда попытался уйти к перевалу Чипер-Карачай, группа немецких автоматчиков была перебита подразделениями 8-го полка НКВД; но все же основная часть подразделений немцев отошла к перевалу Хотю-Тау. Лишь 3 октября 1942 года в штаб 242-й горнострелковой дивизии поступило сообщение о взятии красноармейцами перевала Чипер-Азау: «... Подразделения дивизии заняли Чипер-Азау и ведут разведку в направлении Чипер и Хотю-Тау. Потери по уточненным данным за период с 27.9 по 2.10.1942 г.: убитых и пропавших без вести 93 человека, раненых 41, обмороженных 18. Потери противника — до 80 человек убитыми». Но этот перевал пришлось советским бойцам оставить. После овладения Чипер-Азау две роты из отряда Е. Глухоедова бросились преследовать противника, однако немцы контратаковали отряд из района Чипер-Карачай и Хотю-Тау одновременно, в результате чего перекрыли пути отхода. Обе роты оказались в окружении и, оставив перевал Чипер-Азау, вынуждены были с боями пробиваться из урочища Чипер к своим. Немцы преследовать остатки отступавшего отряда не стали⁴⁹.

В конце сентября начались снегопады. Бои прекратились. Ущелья погрузились в безмолвие. Солдатам, как с той, так и с другой стороны, приходилось прокладывать ходы, напомилавшие белые извилистые коридоры, стены которых были высотой в человеческий рост, от заваленных снегом блиндажей к постам. Советские войска удерживали перевалы Бечо, Донгуз-Орун, Басса, а также верховья реки Баксан и окрестности Терскола. Положение частей Красной Армии, ввиду подвоза продовольствия, медикаментов и боеприпасов, несколько улучшилось. Правда, ситуация под перевалами Чипер и Чипер-Азау была очень сложной. «Все трудней, а порой и невозможно было доставлять продовольствие и боеприпасы воинам, сражавшимся под перевалами Чипер и Чипер-Азау, — пи-

шет О. Л. Опрышко. — Снегопады, метели и снежные заносы часто прерывали их связь с Бассой. Вечером 17 октября на горы и людей обрушился снежный буран. Четыре дня валил, не переставая, снег, ревел штормовой ветер. Солдаты могли сражаться с врагом, они видели и знали его. Но теперь у них появился еще более коварный и опасный противник — суровая зима. А с ней зачастую было сложнее бороться, чем с гитлеровцами.

Четверо суток оставались под снегом в урочище Чипер советские солдаты, четверо суток голодали и коченели от мороза. И только на пятые сутки смогла прийти помощь. К этому времени 23 бойца погибли замерзшими, 163 обморозились. Среди обмороженных был и ПНШ-2, лейтенант Молчанов, раненый в бою 11 октября».

Резко ухудшилось положение немцев. Запасы кончились. Топлива не было, сухой спирт горных стрелков был на исходе. В промежутках между снегопадами свирепствовал ветер, наметал огромные сугробы, заваливая ходы и леденя душу. Немцы в полной мере ощутили разницу между снегопадами у себя на родине, где сознание близости собственного жилья, до которого рукой подать, не позволяет поселиться в сознании тревоге и страхе. А тут безжалостные снежные гигантские наносы в чужом, холодном и злом краю, где нет ничего: ни заветной чашки привычного горячего кофе, ни уютного шале, где можно обсушить одежду и расслабиться перед камином. Безысходность, апатия, ужас — теперь это были главные враги немецких горных стрелков. Противник уже осознал беспочвенность своих замыслов на Эльбрусском направлении и беспокоился только об одном — удержать за собой перевалы, чтобы не допустить прорыва частей Красной Армии в свои тылы. 99-й полк из дивизии «Эдельвейс» 13 сентября, за исключением двух горнострелковых батальонов, полностью отвел свои подразделения из Приэльбрусья и покинул Карачай.

Никаких решительных действий германские войска на этом высокогорном участке уже не предпринимали, да и сил для этого у них не было.

Вместо убывших немецких частей остались подразделения легкопехотных дивизий: на перевале Чипер-Карачай — рота пехоты, усиленная двумя станковыми и двумя ручными пулеметами, а также двумя 81-мм минометами; на Чипер-Азау остаются два взвода стрелков, пять станковых пулеметов, два 81-мм миномета и одно легкое

орудие; на «Приюте Одиннадцати» — рота стрелков, пять станковых и восемь ручных пулеметов, два 81-мм миномета, кроме того, взвод пехоты с одним станковым, двумя ручными пулеметами и одним ротным минометом остается на высоте 3414 (в двух километрах севернее Старого Кругозора)⁵⁰.

Советская 242-я горнострелковая дивизия же в октябре вела в основном разведку в районе Старого Кругозора, перевалов Чипер-Азау и Чипер-Карачай. Усовершенствовались в инженерном отношении районы обороны на перевалах Бечо, Донгуз-Орун, Басса, Цаннер, Твибери, Местиа⁵¹.

Последние бои. Итоги

В октябре продолжалась эвакуация населения Баксанского ущелья через перевалы Бечо и Донгуз-Орун в Закавказье. В ноябре последней из Баксанского ущелья через перевал Донгуз-Орун ушла 392-я дивизия полковника Г. И. Купарадзе. О том, как шла эвакуация, о подвиге советских альпинистов, показавших высокий пример гуманизма и милосердия: Г. Одноблюдова, А. Малеинова, Г. Сулаквелидзе, А. Сидоренко, А. Грязнова, Н. Персиянинова, Л. Коротаяевой, Л. Кельса, Н. Гусака и других, написано много и обстоятельно. Мы отправляем заинтересованного читателя к этим работам.⁵² Напомним только, что эвакуация проводилась в связи с прорывом гитлеровцами фронта на Нальчинском направлении, по распоряжению Военного Совета Закавказского фронта и продолжалась семь дней (с 10 по 16 ноября 1942 года). За семь дней было эвакуировано личного состава 392-й стрелковой дивизии 7.636 человек, раненых — 305 человек, кроме того, орудий 76-мм — 6, минометов — 3; лошадей — 1.512, овец — 18 244, скота — 878. Кроме того, бойцы и альпинисты перенесли из Тырнауза в Грузию 18.000 кг вольфрама и молибдена. Три тонны сырья было закопано в ущелье⁵³.

Во исполнение директивы штаба дивизии, получившей приказ штаба армии, в ночь на 15 ноября 1942 года, уничтожив все строения в районе Дома Учителя, прикрывая отход 392-й дивизии, 897-й горнострелковый полк, минируя тропы, отошел к перевалу Донгуз-Орун. Советские войска ушли из Баксанского ущелья. Но в рай-

оне перевала полк оставил усиленную роту, которая заняла оборону в 4 км северо-восточнее перевала на отроге против Чегета. Части 242-й горнострелковой дивизии стояли в обороне на перевалах Донгуз-Орун, Бечо, Твибери, Местиа, вели разведку и занимались боевой подготовкой.

Бои в верховьях Баксана уже давно приняли характер нечастых стычек или, как говорят, «боев местного значения». Так, 29 ноября спустившаяся в район приюта Баксан разведка 106-го (6-го) отдельного горнострелкового отряда сообщала: «Разведка, действующая в районе сел. Эльбрус, 29.11.42 г. имела соприкосновение с противником, в результате которого убиты шесть солдат противника, наши потери — убит один проводник-балкарец. Разведкой установлено наличие противника в ущелье Юсенги численностью до 50 человек. На вооружении ручные и станковые пулеметы»⁵⁴.

Противник ни на одном направлении боевой активности не проявлял. В соответствии с директивой штаба группы армий «А» он занялся подготовкой к зиме. В расчете на зимовку в с. Тегенекли из Тырнауза прибыло 10 машин немецкой пехоты с минометами и два тягача с пушками.

Оказавшись на высотах, немцы попали в сложную ситуацию. Горы были завалены снегом, метели сменялись жуткими морозами. У немцев не было дров, кончились запасы сухого спирта, на исходе было продовольствие. Заниматься грабежом в горных аулах им было запрещено. Население, не испытывая особых симпатий, им помощи не оказало. После того как немцы вошли в Баксанское ущелье, они больше не пытались занять ни Донгуз-Орун, ни Бечо, ни другие перевалы. Об этом свидетельствуют и оперативные сводки. «На Эльбрусе противник (численностью) до роты на «Приюте Одиннадцати». Активности не проявлял».

«На перевале Чипер-Азау до двух взводов солдат противника. 12 декабря в 13.00 противник открыл стрельбу из минометов по направлению Басса. Потерь нет»⁵⁵.

«13 декабря с перевала Чипер противник вел ружейно-пулеметный безрезультатный огонь. Погода на перевалах резко изменилась, снежные бураны, туман, начались снежные обвалы»⁵⁶.

В начале января 1943 года противник перед угрозой окружения стал выводить свои части с перевалов Главного Кавказского хребта, в том числе и с Эльбруса. 12 января на Эльбрусском направле-

нии уже не было фашистских подразделений. Бои закончились. Гитлеровцам не удалось осуществить свой план. Несмотря на то что альпийцы заняли ряд перевалов, основной задачи своей, поставленной Конрадом, они не достигли. Перерезать транспортную и эвакуационную артерию через Бечо и Донгуз-Орун враг не сумел. Обе тропы работали с полной нагрузкой. Это первое.

Второе. Несмотря на приложенные усилия, враг так и не смог нанести удар в спину обороняющейся в Баксанском ущелье 37-й армии. Части Красной Армии без особого ущерба со стороны эльбрусской группировки врага отвели свои полки.

Третье. Сроки захвата Баксанского ущелья, утвержденные гитлеровским командованием, подразделениями 392-й стрелковой, 63-й кавалерийской, 242-й горнострелковой дивизий и войск НКВД были сорваны. Противник, заняв Баксанское ущелье, не сумел наладить добычу столь ценных стратегических материалов, как вольфрам, молибден, он не получил ни одного целого промышленного предприятия, не смог вывезти из Баксана ни одной тонны сырья.

В феврале 1943 года по заданию Командующего Закавказским Фронтом И. В. Тюленева группа советских альпинистов совершила восхождение на Эльбрус. В состав группы входили: военинженер 3-го ранга А. М. Гусев (командир группы), политрук Е. А. Белецкий, инженер-капитан Н. А. Петросов (кинооператор), старший лейтенант В. Д. Лубенец (представитель Военного Совета фронта), старший лейтенант Б. В. Грачев, лейтенант Н. А. Гусак, лейтенант Н. Персиянинов, лейтенант Л. Г. Коротаева, лейтенант Е. В. Смирнов, лейтенант Л. И. Кельс, лейтенант Г. К. Сулаквелидзе, лейтенант Н. П. Маринец, лейтенант А. В. Багров, лейтенант А. И. Грязнов, мл. лейтенант А. И. Сидоренко, мл. лейтенант Ю. В. Одноблюдов, мл. лейтенант А. А. Немчинов, рядовой В. П. Кухтин, рядовые Бекну и Габриэль Хергиани⁵⁷.

В зимнюю стужу участники восхождения по разным маршрутам стали подниматься к «Приюту Одиннадцати». Л. Г. Коротаева вспоминала: «Глубокий снег затруднял движение. Впереди на трофейных лыжах «торили» тропу Багров и Грачев, за ними с ледорубами в руках, вооруженные автоматами, шли остальные. Показался Приют. Не доходя до него, залегли. Грязнов и Бекну Хергиани дали очереди из автоматов. Гулкое эхо разнеслось по горам, и снова все стихло.

Здесь никого не было. Подошли к зданию. Стены его во многих местах пробиты снарядами, испещрены осколками, пулями, двери и окна сорваны. Многие каюты забиты снегом.

Обошли все три этажа. Всюду следы гитлеровцев. Среди пустых консервных банок и изорванных матрацев, разбитых радиостанций и груд изношенного снаряжения валялись немецкие журналы».

Из дневника участника восхождения А. И. Сидоренко: «13.2.42 г. Проснулся в 1.15. Гусев и Гусак не спали. Погода испортилась — западный ветер, облачность, снегопад. Решили идти маленькой группой на западную вершину.

В 2.30 вышли Гусак, Белецкий, Смирнов, братья Хергиани и я. Ориентировка затруднена. Взяли левее. Габриэль и я проваливались в трещины несколько раз...

У Белецкого то и дело гнутся зубья на левой кошке. У моей левой кошки раздвигаются звенья. Трудно чинить на таком ветру. Нудный длинный траверс! Ветер в лицо. На щеках и на носу то и дело образуются ледышки. Светает...

У триангуляционной вышки на западной вершине обнаружили обрывки фашистских флагов, сорвали. Установили свой.

... Спуск. Туман все искажает и сильно затрудняет ориентировку. Куда идти? Внизу слышались выстрелы из автоматов... Начинает темнеть.

В 17.40 поздравляют товарищи у Приюта. Погода усиленно портилась... »⁵⁸.

«Перед нами лежало изорванное ветрами знамя со свастикой. Буря продолжался еще три дня и, наконец, затих. 17 февраля я повел на восточную вершину остальных», — вспоминает А. М. Гусев⁵⁹. 17 февраля были сняты фашистские флаги и на восточной вершине. Обрывки немецких штандартов военные альпинисты доставили в Тбилиси и передали генералу армии И. В. Тюленеву.

Все участники восхождения были награждены правительственными наградами⁶⁰.

В отличие от других частей, сражавшихся на перевалах Клухорского, Санчарского, Марухского направлений, потери 214-го кавалерийского и 897-го горнострелкового полков, выдержавших основную тяжесть боев, были менее значительны. Так, к окончанию боев 242-я горнострелковая дивизия потеряла убитыми, ранеными,

пропавшими без вести 312 человек. Это благодаря тому, что бойцы своевременно обеспечивались продовольствием и боеприпасами из резервов, а также благодаря активной и бескорыстной поддержке жителей аулов, находившихся в Баксанском ущелье. О. Л. Опрышко сообщает: «Чекист Михаил Иванович Зимкин... ведал вопросами снабжения. Он рассказывал: «Снабжал нас продуктами почти все время колхоз, находившийся в верховьях Баксанского ущелья. Я часто встречался с его председателем, молодым, чернявым, симпатичным человеком. Он отпустил нам для питания более сотни овец. «Армии помогать — наш долг», — говорил он. А когда уже не стало колхозного скота, переправленного в Закавказье, жители ближайших балкарских селений — женщины, старики, дети — сами пригоняли нам своих овец, приносили сыр, молоко, картофель и овчины для бойцов, находившихся наверху в обороне. Помощь местного населения очень помогла нам сражаться с гитлеровцами. Мы чувствовали и ощущали, что нас всех — людей разных национальностей объединяет одно общее дело борьбы за Родину, что мы все — одна советская семья»⁶¹.

Кроме того, грузы доставлялись через перевалы Бечо и Донгуз-Орун из Сванетии. Почти весь личный состав дивизии был обеспечен зимним обмундированием. Большая работа по снабжению частей на Эльбрусском направлении была проведена советскими, партийными органами Грузии, местными жителями. Тыловики доставили сюда к 25 сентября огромное количество различных грузов: 180 тонн боеприпасов, кроме того, 870 тонн муки, круп — 210 тонн, сахара — 40 тонн, чая — 2 тонны.

Иным оказалось положение советских частей на перевалах западнее Эльбруса. Оторванные от станиц и аулов севернее Главного Кавказского хребта, имея в своем тылу лишь отдаленные абхазские и сванские хутора и кошары, лишенные навыков выживания в экстремальных условиях гор, бойцы стрелковых дивизий и юные курсанты военно-пехотных училищ вынуждены были испытывать неимоверные тяготы и лишения на границе камня и льда от голода и перепадов температуры. Трагической оказалась для наших солдат ситуация на Клухоре.

Г л а в а 10

НА КЛУХОРСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Оборона

В соответствии с приказом командира 3-го стрелкового корпуса 46-й армии Закавказского фронта, защита Клухорского перевала поручалась 394-й стрелковой дивизии (командир — подполковник И. Г. Кантария)¹. С 5 января 1942 года дивизия дислоцировалась на побережье Черного моря, имея задачей его оборону. Штаб дивизии, 810-й стрелковый полк, ОСБ, ОБС, ОМСБ находились в районе Сухуми — Келасури. 815-й стрелковый и 956-й артиллерийский полки дислоцировались в Очамчири, а 808-й стрелковый полк — в Гудауте². В апреле был сформирован и вошел в состав дивизии на правах отдельной части учебно-стрелковый батальон, дислоцировавшийся в Новом Афоне.

В конце мая — начале июня, одновременно с задачей обороны побережья, дивизии ставилась задача по охране и защите перевалов Главного Кавказского хребта в следующих границах: справа — перевал и вершина Далар, слева — перевал Санчар³.

То, что для одной дивизии одновременная оборона побережья протяженностью около двухсот километров и ключевых перевалов на том же протяжении Западного Кавказа была задачей непосильной, в расчет не взяли. Как и то, что эта стрелковая дивизия совершенно не была готова к действиям в высокогорных условиях.

10 августа 1942 года, в связи с приближением линии фронта, для непосредственной обороны перевалов выдвигались: на перевал Клухор — первый батальон 815-го стрелкового полка, на перевал Марух — батальон 810-го полка, на Санчар — батальон 808-го полка⁴. Второй батальон 815-го полка был выдвинут в селение Аджары

в средней части реки Кодори, третий батальон находился в Сухуми. Уже тогда было очевидно, что для обороны перевалов одной дивизии было недостаточно. Но никаких других мер не было принято.

В сущности, такое расположение было чревато самыми серьезными последствиями, ибо на Клухорском направлении противник мог использовать для прорыва сразу несколько перевалов: Клухор, Махар, Гондарай, Чотча, Птыш. За исключением двух последних, все перевалы были достаточно популярны до войны. Однако, выполняя приказ вышестоящей инстанции и отвлекая часть сил на охрану побережья, комдив не имел возможности посылать на Клухор другие подразделения. Это было сделано позже, когда выяснилось, что противник не намерен высаживать десанты на побережье, но укреплены были части Клухорского направления в самый критический момент. Первый батальон 815-го стрелкового полка прибыл на Клухорский перевал 13 августа.

В этот день батальон занимался сооружением огневых точек. Бойцы и командиры находились под впечатлением от отвесных неприступных вершин Клыч-Кара-Кая и Клухор-Баши, обширного ледника, полого спускающегося к ярко и холодно зеленевшему озеру, над которым горизонтально прорезала вершину Клухор-Баши Военно-Сухумская дорога. От этой красоты и величия захватывало дух. Еще цвели белые камнеломки; среди жесткой травы, не покрытой многочисленными осыпями, распускались розовые и желтоватые шафраны, еще временами пролетали стаи птиц, и все дышало миром и покоем. Тревожно становилось только от многочисленных беженцев, среди которых встречались и плохо вооруженные люди — партизаны, шедшие через перевал в Закавказье. Как было замечено, партизанам этим были выданы ружья старого образца, английские, итальянские, и патроны, не подходившие к ним. Эти люди сообщали о том, что немцами уже взят областной центр Микоян-Шахар и что фашисты продвигаются, восстанавливая переправы и мосты, в Теберду. Будут ли захватчики штурмовать Клухорский перевал, никто сказать не мог. Между тем, отступающие армейцы говорили о партизанском отряде, который остановился на развилке у слияния рек Теберда и Гоначхир в расчете на то, чтобы дать немцам бой. Численность наступавших немцев и истинные их цели никто из беженцев определить не мог. Всех проходивших через перевал отправляли по единственной тропе вниз,

где в районе Южного Приюта их ждали офицеры особого отдела для тщательной проверки.

Было ясно, что перевал нужно готовить к обороне. Первая рота батальона, как потом выяснилось, крайне неудачно построила оборонительные сооружения. Казалось, что тут негде воевать — отвесные скалы и горные кручи с ледниками и каменными осыпями считались непроходимыми и предельно упрощали задачу. Достаточно было из камней сложить тут же, на перевальной седловине, огневые точки, развернув их в сторону ожидаемого противника. Других возможных путей для немцев ни солдаты, ни командиры, к сожалению, не видели. Они были убеждены, что немцы будут штурмовать перевал в лоб. Исходя из этого, все огневые точки были развернуты на перевальной седловине сразу над озером.

То есть задача обороны перевала была воспринята в буквальном смысле. Разумеется, лучшим вариантом являлось продвижение всего батальона к Северному Приюту с целью занятия его и подготовки к обороне. Или, в крайнем случае, сохранялась возможность строительства тех же огневых точек как раз над водопадом, на берегу Клухорского озера. Отсюда можно было наблюдать все маневры «эдельвейсов», и положение немцев, лишенных возможности фланговых проходов непосредственно к перевалу, намного усложнялось бы. Но — увы! Не были прикрыты даже фланги самого перевала.

Вторая рота была отведена несколько восточнее — к перевалу Махар. Здесь на террасах хребта Клыч, прямо напротив и юго — восточнее перевала, она тоже сооружала огневые точки⁵. Считалось, что сам перевал к обороне не годен, ввиду того что седловина — острый иззубренный гребень с узкими проходами и на ней строить огневые точки невозможно.

Третья рота находилась ниже, почти на слиянии рек Клухор и Клыч⁶.

В тот же день в район Теберды была послана разведка — конный взвод под командованием лейтенанта Дудина. В районе Теберды разведка 14 августа попала в засаду и почти полностью была перебита немецкими пулеметчиками. В расположение батальона вернулись лишь командир взвода разведки и несколько конников⁷.

15 августа на тропах, ведущих к Клухорскому перевалу, показался противник. Первая рота 815-го полка была готова, как казалось, встретить врага. Однако немцы не торопились идти в лобовую

атаку. Несколько часов обе стороны молчали. Затем разыгралась трагедия, в результате которой первая рота на перевальной площадке погибла вся.

Парадоксально, но факт: противник вышел к району Северного Приюта 14 августа.⁸ Скорее всего, это были разведывательные и инженерные части, которые в соприкосновение с подразделениями Красной Армии не вступали, но были замечены авиаразведкой⁹. В этот же день пополудни Карачаевский партизанский отряд «Мститель» вел бой на Гоначхирской поляне, считая, что он сковывает основные силы противника, но никто из партизан тогда еще не знал, что во время этого же боя противник уже занял Северный Приют и что на следующий день, 15 августа, штурмовал позиции 815-го стрелкового полка. Противник, вероятно, понимал, что дорога на Клухор будет далеко не безопасной, и потому наряду с основными частями, двигавшимися по Военно-Сухумской дороге, стал выводить свои части еще и по другим маршрутам. Совершенно очевидно, что противник предусмотрел возможность столкновения с советскими подразделениями в Тебердинском ущелье, поэтому еще во время выдвижения 98-го горнострелкового полка на Эльбрус третий батальон полка был послан не вверх по Хурзуку, вместе с остальными, а вверх по Учкулану — к перевалам Махар и Гондарай¹⁰.

3-й батальон немцев из 99-го горнопехотного полка в боях в районе Эльбруса не участвовал, а на помощь Эльбрусской группировке, как указывалось выше, позже была переброшена боевая группа из 101-й легкопехотной (егерской) дивизии¹¹. Таким образом, на Клухорском направлении противник задействовал 3-й батальон 99-го полка, кроме них, подразделения отдельного высокогорного батальона, конную разведку, легкую горную артиллерию, другие части. 15 августа гитлеровцы уже вышли из района Махара через перевал Чауллу-Чат к вершине Клухор-Баши (3.450 м) и одновременно заняли высоты на хребте несколько западнее перевала. Таким образом, оборонительные порядки нашей первой роты на перевальной площадке видны были противнику как на ладони.

15 августа ближе к полудню, когда были готовы к бою немецкие горные стрелки и альпинисты на каменистых площадках вершины Клухор-Баши и на отроге вершины Клухор-Кая, противник начал по фронту минометный обстрел, а после такой подготовки поднялся

штурмовать перевал в лоб. Наши бойцы, как отмечалось, были готовы к лобовой атаке, но прицельный уничтожающий огонь с флангов был для первой роты 815-го полка полной неожиданностью.

Неравный бой длился несколько часов. Роте не подготовленных к горным боям красноармейцев противостояло свыше пятисот немецких горных стрелков. Первая рота на перевале погибла вся.¹² Командир роты лейтенант Жуков в первые же минуты боя получил тяжелые ранения и был эвакуирован в тыл. Тяжелые ранения получил командир роты ПТР лейтенант Кржижановский. Лишь несколько бойцов, большей частью раненых, сумели спуститься вниз. Вспоминает начальник химслужбы 815-го стрелкового полка Александр Николаевич Арженовсков: «Немцы окружили первый батальон и почти полностью уничтожили его. После боя из батальона осталось 54 человека — в основном, взвод снабжения, санитарный взвод, связь. Общая численность 1-го стрелкового батальона была 550 человек. Все командиры стрелковых рот и командиры взводов погибли. Командир батальона, раненый в голову, был эвакуирован в тыл. Я его встретил раненого, когда мы шли на подкрепление возле села Аджары в Сванетии. Комиссар батальона умер на перевале от заворота кишок. Прибыл третий стрелковый батальон. С ним командир полка майор Коробов, комиссар полка Коротич. Бои были страшные. В течение десяти дней мы сдерживали натиск немцев. Убитых хоронили в братских могилах. Грунт каменистый. За 10 дней запах в ущелье стал невыносимый: трупы, плохо и наспех закрытые ветками и камнями, разлагались».

Уничтожив первую роту, противник устремился вниз, с высот атаковал третью роту, находившуюся у слияния рек Клухор и Клыч в теснине, образуемой Главным хребтом и отрогом мрачной вершины Клыч-Кара-Кая. Третья рота понесла исключительные потери, оставшиеся в живых вынуждены были отходить, пытаясь сдержать наседавшего противника. К ночи противник прекратил огонь и преследование. Остатки первого батальона 815-го полка к 17 августа вышли к Южному приюту в количестве 17 человек. Это было все, что осталось от 550 человек штатного расписания батальона, о судьбе второй роты никто не знал¹³.

Но именно вторая рота — рота лейтенанта Долгова — перечеркнула план генерала Ланца и командира батальона 98-го полка альпийцев фон Хиршфельда по окружению наших частей на Клухорс-

ком перевале. Судя по всему, противник пытался силами 3-го батальона 98-го горнострелкового полка обойти подразделения нашего 815-го стрелкового полка через Махар и нанести удар по обороняющейся на Клухоре группе советских солдат. Но гитлеровские командиры не предполагали, что наш гарнизон на Клухоре будет столь малочисленным.

В соответствии с этим планом немецкие горные стрелки вышли на перевал Махар, но, едва ступив на южные скаты хребта, попали под огонь второй роты лейтенанта Долгова. Рейд через Махар не состоялся. Советские бойцы вели прицельный огонь из ружей, ручных пулеметов и минометов по противнику. Тот, в свою очередь, не мог контратаковать вторую роту, так как для этого ему под огнем нужно было пройти по крутому склону с травяными полками и осыпями с вершины Южный Махар, а затем подниматься вверх по кулуару со снежниками и ледником. Пытаясь пробиться к южной тропе, противник становился прекрасной мишенью для наших бойцов. Казалось, вторая рота была неуязвима, ибо «эдельвейсы» не могли здесь в силу сложности рельефа организовать даже минометный огонь. Немцы смолкли и отошли за перевальный гребень. Казалось, они ушли. С другой стороны рота Долгова с востока была надежно защищена хребтом Клыч, опасности с соседнего ущелья Гвандры не предвиделось, а с запада и юго-запада были кручи, по которым подняться было невозможно. Однако последующие действия противника показали, что «в таких условиях все зависит от быстрых и осмотрительных действий отдельных частей и подразделений»¹⁴ и что «та и другая сторона в любой момент могут подвергнуться успешной атаке со стороны своей противницы...»¹⁵.

Лейтенант Долгов послал группу разведчиков численностью в 12 человек через перевал Махар севернее по ущелью. Однако она не возвратилась.

Как выяснилось позже, немецкие альпинисты спрятались и пропустили разведчиков на свои позиции за перевальным гребнем. Сошедшие на ледник красноармейцы-разведчики тут же были взяты в плен. О судьбе этой разведгруппы сообщил в своих воспоминаниях Исмаил Шаманов: «В Верхнем Учкулане, в один из августовских дней, пополудни, мы, мальчишки, шли домой. Со мной рядом был мой дружок Каппушев Магомед. Тут мы заметили группу красноармейцев, идущих в том же направлении, что и мы. Нам стало

интересно, и мы подошли ближе. Выяснилось, что это были пленные. Конвоировали их Коркмазов Хусей и два немца. Все трое были верхами. Пленных мы насчитали одиннадцать человек. Вели их с Махара. Один солдат был ранен в ногу, так что его товарищи несли на самодельных носилках.

Тут все остановились отдохнуть неподалеку от нашего дома. Пленные расположились рядом с нашим домом. Немцы, спешившись, уселись поодаль. Они достали продукты и стали обедать. Из домов вышли женщины. Моя мать поговорила с соседками, и все они быстро собрали еду. Хусей Коркмазов, увидев, что женщины собираются покормить пленных, начал громко, чтобы услышали немцы, кричать: «Нет, нет, не подходите к ним! Это запрещено!». Но затем он подошел к моей маме и почти шепотом сказал: «Эти несчастные умирают от голода. Покормите их, не спешите. Я сейчас иду». Тут он повел лошадей на водопой.

Женщины принесли красноармейцам еду и стали расспрашивать. Немцы на это не обратили никакого внимания. Пленные поведали, что они вышли из Закавказья через перевал Махар в разведку. На леднике их окружили одетые в белые маскировочные халаты немцы. Они разоружили разведчиков и повели их вниз. Разговор был прерван немцами и вскоре подошедшим Коркмазовым Хусеем (как потом выяснилось, Коркмазов был агентом НКВД). Пленных повели дальше.

В это же время, понимая, что рота на террасах хребта Клыч не получит разведанных, немцы предприняли свои, неожиданные для красноармейцев, шаги. Вторая рота, расположенная на двух террасах хребта Клыч, была обречена.

Трагический август

16 или 17 августа подразделения противника из ущелья Махар выходят в соседнее ущелье — Гондарайское. Переход здесь у подножия вершины Средний Махар занимает три-четыре часа, а из ущелья Гондарай в долину реки Клыч есть перевал, ныне называемый Гондарай-Клыч (З. 042). Перевал этот был освоен туристами только в 50-е годы. Пастухи же им не пользовались, ибо нужды в этом не было. Перегонять скот здесь очень неудобно, ибо с западной сторо-

ны тянется длинный крутой ледник, а с восточной склон очень крут. К тому же и здесь ледник с трещинами. Немцы, выйдя из Гондарая через перевал Гондарай-Клыч, оказались как раз над позициями второй роты.

В это время, по сигналу немецких альпинистов с перевала Гондарай-Клыч, «эдельвейсы» из района Махарского озера начали обстрел позиций отряда лейтенанта Долгова из подтянутых сюда пушек и минометов. Обе террасы, где располагались советские бойцы, превратились в ад. Было решено прорваться к Махару и подавить немецкие артиллерийские расчеты. Но к этому времени немцы вынесли свои пулеметы на южный склон Махарского перевала и открыли огонь по красноармейцам. Внезапно ударили немцы и сверху, с перевала Гондарай-Клыч.

Появление альпийцев на хребте Клыч явилось полной неожиданностью для наших солдат. Не имея возможности отойти, рота погибла вся. Огневые точки красноармейцев сохранились и сейчас. Участники экспедиции, предпринятой автором настоящего исследования в 1984 году, нашли здесь останки более шестидесяти советских солдат, большое количество мин, гранат, груды стреляных гильз — следы жестокого боя. Примерно столько же останков было найдено в осыпях вершины Махар. Сообщение об этом было сделано и в периодической печати¹⁶.

К тому времени, когда альпийцы пытались сломить сопротивление второй роты на террасах хребта Клыч, подразделения батальона 98-го горнопехотного полка фон Хиршфельда продолжали теснить наши части и к исходу 17 августа овладели Южным приютом¹⁷.

Фон Хиршфельд, командир 3-го батальона 98-го горнострелкового полка, докладывал генералу Ланцу о том, что «он прорвался, ломая упорное сопротивление противника, к Клухорскому перевалу и южнее его, к высоте 2816 (*вершина Клыч-Кара-Кая — авт.*), взяты богатые трофеи, и советские солдаты перебиты, как зайцы»¹⁸.

В штабе 394-й стрелковой дивизии о потере Клухорского перевала узнали в ночь на 18 августа¹⁹.

В этой критической ситуации штаб 394-й стрелковой дивизии принял ряд срочных мер: он выдвигался к району боев и расположился в селении Генцвиши. Второй батальон 815-го полка под командованием лейтенанта Булгакова направился в район Южного

Приюта для задержания продвижения противника. В помощь второму батальону придавался учебный батальон лейтенанта Коростова, который уже вел бой в района Южного приюта²⁰. Сюда же были брошены саперный взвод в составе 60-ти бойцов младшего лейтенанта Нестерова, химвзвод лейтенанта Шмулевича и отряд НКВД в составе 40 человек. Днем позже подошел и с марша вступил в бой отряд курсантов Сухумского пехотного училища под командованием лейтенанта Худобина²¹. Командир полка майор А. А. Коробов со своим штабом тоже вышли к местам боевых действий. Пока все это происходило, полковая школа лейтенанта Коростова на протяжении 19, 20, 21 августа с трудом сдерживала натиск превосходящих сил врага и, неся потери, отходила все южнее.

22 августа 1942 года в трех километрах от Южного приюта наши подразделения остановили противника²². Второй батальон 815-го полка понес исключительно тяжелые потери. Так, из пятой роты в живых остались только два человека: младший политрук Шевченко, получивший ранения, и лейтенант Арженовсков²³. Погибли командир батальона Булгаков и начальник штаба батальона лейтенант Полонский, помощник начальника штаба полка Мирошниченко, сотни советских солдат отдали здесь свои жизни. Понес потери и отряд курсантов Сухумского пехотного училища. В бой был введен 3-й батальон 815-го полка. К 23 августа в 815-м полку личного состава оставалось из 3. 100 человек около 400, в основном санрота, транспортная рота, штаб полка, комендантский взвод и рота связи²⁴. Все остальные либо были убиты, либо попали в плен.

23 августа усиленный батальон курсантов Сухумского пехотного училища сменил подразделения 815-го стрелкового полка²⁵. Это были молодые, необстрелянные бойцы.

Чтобы выправить ситуацию и сдержать натиск немецких альпинистов и горных стрелков, сюда же командование корпуса подтянуло оставшиеся резервы: подразделения 956-го артиллерийского полка 394-й стрелковой дивизии, роту стрелков 155-й стрелковой бригады, из 9-й горнострелковой дивизии направлен был 121-й горнострелковый полк майора И. И. Аршавы²⁶.

В этот период командир немецкого 49-го горного корпуса генерал Конрад, обеспокоенный медленным продвижением к морю, ставит задачу альпийцам ликвидировать штаб 394-й стрелковой дивизии, обезглавить, таким образом, подразделения Красной Армии

перед фронтом альпийцев. С этой целью комплектуется отряд «боевого крестonosца — капитана Михаэля Пёссингера из альпинистов и автоматчиков численностью до роты». Это фраза из исследования летописца горных стрелков Roland Кальтенеггера. Он сообщает, что «Пёссингер получил приказ занять перевал Клыч, далее продвигаться со своим отрядом по Сухумской дороге и занять курортные места. Русские тоже были начеку! Советский министр обороны Гречко тоже отдал жесткий приказ: не уступать ни одной вершины или перевала»²⁷.

Путаница в изложении немецкого историка очевидна: «крестonosец-альпинист» приказа прорываться к Сухуми не получал. К тому же ясно, что с отрядом в сто человек сделать это было невозможно. Ему ставилась задача ликвидации штаба частей Красной Армии на Клухорском направлении. Для этого не нужно было занимать перевал Клыч, штаб дивизии располагался гораздо южнее — в Генцвиши. Генерал-майор Андрей Антонович Гречко в этот период командовал 12-й армией и к боям на перевалах отношения не имел, не говоря уже о том, что он стал министром далеко после войны. Вообще же путаницы в изложении Кальтенеггера много, и, очевидно, обусловлено это тем, что он знаком с советской исторической литературой поверхностно. Что касается рейда капитана Пёссингера, то это была попытка покончить с частями Красной Армии на этом участке одним ударом. Хиршфельд, подводя итоги недельных боев и видя серьезные потери в полку, понимал, что без подобной акции прорываться к Сухуми ему не удастся.

Для прохода в тыл обороняющихся советских подразделений отряд использует труднопроходимый, категоричный перевал Чотча (3 330 м). Судя по всему, отряд Пёссингера вышел на ледник Чотча из Северного приюта и, обходя изломы льда, вышел к понижению на Главном хребте. Здесь, используя крючьевую страховку, он штурмовал отвесную стену. В 1983 году экспедиция, проведенная автором, обнаружила на этой стене ржавые уже крюки с немецким клеймом для скальной страховки. Ниже, в глубокой скальной расщелине, найдены останки немецкого стрелка в истлевшей и рассыпающейся форме, там же были ботинки с триконьями, наполовину истлевший, изъеденный ржавчиной автомат.

Мы посчитали, что этот автоматчик сорвался со скалы. По всей вероятности, либо товарищи оставили его здесь в расчете на скорое

возвращение, либо оставили не одного. Отряд Пёссингера через перевал спускается в крутое, без троп, ущелье Симли-Мипари. Ущелье это не контролировалось нашими частями, ибо считалось оно непроходимым с юга, ведущим в тупик, местное население его не использовало. В полутора-двух километрах южнее лагеря Южный приют речка Симли впадает в реку Клыч, так что противник прошел как раз за передней линией обороны подразделений 394-й дивизии и устремился к селению Генцвиши, где и атаковал штаб дивизии, одновременно отрезав штаб полка от штаба дивизии. Завязался бой. Появились убитые и раненые.

И трудно сказать, как сложились бы в дальнейшем обстоятельства, если бы не атаковал фашистских автоматчиков 121-й горнострелковый полк. Этот полк, как отмечалось выше, решением командующего 46-й армией генерал-майора В. Ф. Сергацкова был направлен из 9-й горнострелковой дивизии в район Клухорского перевала ввиду создавшейся критической ситуации и находился на марше. Накануне прибытия полка в штаб дивизии пришли командированные сюда для боевой работы альпинисты — заслуженные мастера спорта А. М. Гусев и Н. А. Гусак. Они сразу включились в перестрелку, предупредив штаб о подходе полка И. Аршавы²⁸. 121-й горнострелковый полк с марша атаковал фашистов. К вечеру почти вся группа вражеских автоматчиков была уничтожена, часть попала в плен, часть же рассеялась по лесам, мелкие группы противника были обстреляны нашими летчиками²⁹. В этом бою, который, в сущности, окончательно перечеркнул последнюю надежду врага прорваться к Сухуми через Клухор, героически погибли начальник оперативного отдела штаба майор С. Стрельцов, младший лейтенант коммунист С. Сарамхмудов, политрук П. Кожухов, политрук Г. В. Схинчян, заместитель командира роты 121-го горнострелкового полка В. Н. Зеленин, младший лейтенант Б. Т. Никитин, красноармеец Л. С. Нечаев³⁰ и десятки других бойцов, чьи имена еще предстоит установить.

Неудача на Клухоре взбесила Гитлера. Раньше успехи Конрада ободряли фюрера. «В ходе ежедневных обсуждений обстановки он (*Гитлер — авт.*) с удовлетворением отмечал успехи горнопехотного корпуса и приказал передать свое одобрение фельдмаршалу»³¹. Теперь, разочаровавшись в Конраде и планируя создать ударный кулак на Туапсинском направлении, Гитлер приказывает: «...сосредо-

точить все силы горного корпуса, вплоть до заградительных постов в высокогорных районах Кавказа под командованием 4-й горно-пехотной дивизии»³². Это в связи с наметившимся успехом на Санчарском направлении. Вместо полковника Кресса командование отдельной группой частей принимает полковник Ле-Суир, немец французского происхождения. В немецких документах эта группа так и значится — «группа Ле-Суир». Кресс и измотанный высокогорьем и боями его 98-й полк без одного батальона уходят на Туапсинское направление. В этих боях Хиршфельд — любимец горных стрелков — получил ранения, и его сменил полковник Лаваль³³. В первых числах сентября ввиду неудач на всех направлениях (Эльбрусском, Клухорском, Санчарском, Белореченском) у фюрера «совершенно испортилось настроение»³⁴.

Гондарай, Клыч, Гвандра

А на Клухоре бои, тем не менее, продолжались. Отказываться от прорыва на Сухуми генерал Конрад не думал. Однако все попытки противника смять оборону 121-го горнострелкового полка ни к чему, кроме очередных потерь, не привели. Более того, при поддержке дивизиона 956-го арtpолка 4 сентября 1-я и 5-я роты 121-го горнострелкового полка, имея во втором эшелоне шестую роту 815-го полка, продвинулись, тесня противника, на полкилометра выше по ущелью³⁵.

К началу сентября противник полностью потерял веру в успех намеченной акции через Клухорский перевал. Однако части свои отвести из Клухора он тоже не мог: во-первых, немцы лелеяли надежду на успех прорыва на Туапсинском направлении, во-вторых, к этому времени ощутимы были его успехи на Санчарском направлении, где альпийцы дошли до перевала Доу, последнего перед Сухуми, встреча прорвавшегося к морю противника с частями, застрявшими теперь на Клухоре, считалась вероятной. На эту встречу немцы рассчитывали, укрепляя, как упоминалось выше, 4-ю горно-пехотную дивизию генерала Эгельзеера. В-третьих, отход на Клухорском направлении означал бы ликвидацию всех частей в этом направлении, ибо подразделения наших войск вышли бы на перевал «на плечах» противника. Отступление на северных склонах было

чревато самыми серьезными последствиями для горных стрелков, ибо советские части получали с выходом на северные склоны Главного Кавказского хребта неограниченные возможности для маневра, обходных рейдов.

Положение немецких стрелков осложнилось еще больше, когда подразделения советских войск (Отдельный горнострелковый отряд — ОГСО) вышли к перевалу Домбай. Ле-Суиру пришлось в спешном порядке укреплять оборону на этом высокогорном перевале между высочайшей вершиной Западного Кавказа Домбай-Ёльген («убитый зубр») и вершиной Южный Домбай-Ёльген. «В конце августа 1942 года противник активизировал свои действия на западном фланге на Домбай-Ульгене, — пишет немецкий историк, — который удерживала группа немецких стрелков на высоте 3.287 м. Отсюда открывалась прекрасная панорама на снежные вершины Донгуз-Орун и Ушба на востоке»³⁶.

В таких условиях неоправданным был выход «эдельвейсов» и в долину Гвандры через Гондарайское ущелье, хотя в ущелье, в ровной, поросшей травой долине, он построил свыше 25-ти блиндажей, в которых мог разместиться батальон солдат. Однако тропа по южному склону Главного хребта сложнее, чем на Клухоре и Махаре, а в ущелье Гвандра идет по утомительным подъемам и крутым спускам. Кроме того, противник понимал, имея в виду расположение в Гвандре 220-го кавалерийского полка³⁷, что сил для прорыва через Гондарай недостаточно. На одновременный удар частей, отбивавшихся в ущелье Клухора от советских войск, рассчитывать немцам не приходилось. Так произошло распыление сил на перевалах Клухорского направления.

Враг должен был теперь сдерживать наступление 121-го горнострелкового полка, батальона Сухумского пехотного училища, роты стрелков 155-й стрелковой бригады, роты 815-го полка, дивизион 956-го артиллерийского полка³⁸ на подходе к Южному приюту. Часть сил пришлось держать на перевале Махар, до двух рот солдат — на Гондарае. Чтобы исключить возможность обходного маневра, противник вынужден держать до роты горных стрелков на перевале Мырды³⁹, опасаясь проникновения наших частей, немцы держат заслон и на перевале Гвандра, ведущем из долины реки Сакен в тыл немецких баз на Гондарае. О Гвандре упоминаний в архивных документах нет, но в 1984 году наша экспедиция обнаружила не-

сколько истлевших палаток, лотки с минами для 50-мм минометов, пустые консервные банки, спиртовки фирмы «Кёхер», то есть явные следы пребывания немцев и здесь.

Августовская авантюра на Главном Кавказском хребте привела в итоге к тому, что вермахт должен был теперь держать почти на всех горных проходах от перевала Хотю-Тау до Клухора свои подразделения, обрекая их на голод, замерзание и морально-политический крах.

Положение советских частей в сентябре 1942 года, когда ситуация на Клухоре стабилизировалась, стало намного лучше. Часть нашей авиации перебазировалась на Черноморское побережье, а бои теперь шли на южных склонах Главного Кавказского хребта, что облегчало ей задачу по снабжению советских войск. Летчики систематически доставляли на передовую продовольствие и обмундирование. Используя поляны и скальные площадки, они сажали свои самолеты поблизости от районов боев и эвакуировали раненых. Большею частью это были летчики, прибывшие на усиление 5-й Воздушной Армии из резерва Командующего ВВС Закавказского фронта (149-я разведэскадрилья, 975-й истребительный авиационный полк и группа Краснодарского училища)⁴⁰, и летчики транспортных авиационных подразделений. С конца августа авиаразведка велась непрерывно в районе центральной части хребта от перевала Хотю-Тау до Санчарского перевала. Просматривались передвижения противника по дорогам: Черкесск — Микоян-Шахар; Кардоникская — Зеленчукская — Красный Карачай; Архыз, Теберда, Хурзук и тропам, ведущим к перевалам. Ряд успешных ударов был нанесен летчиками по базам противника в районе перевалов, в частности на Клухорском направлении. 12 сентября летчики разбомбили базы противника на подходе к Клухорскому озеру⁴¹.

Фашистские же самолеты все чаще теперь встречались в небе с истребителями 975-го истребительно-авиационного полка. В неравный бой с немецкими истребителями вступил, к примеру, командир звена 975-го ИАП В. П. Карпухин. Два самолета противника он сбил (один из них врезался в скалы хребта Даут севернее вершины и взорвался), правда, сам летчик получил в коротком воздушном бою смертельные раны. Дотянуть до базы в Аджарах Карпухин не мог, самолет упал в верховьях реки Гитче-Муруджу. В. П. Карпухин скончался от ран. Посмертно уроженец г. Иваново награжден орде-

ном Отечественной войны⁴². Из обломков самолета ныне создан мо-лодежью обелиск на могиле летчика-героя.

Поистине героическим был труд летчиков-транспортников. Транс-портная авиация своей работой в значительной мере способствовала созданию условий, необходимых для успешного ведения боев за удержание перевалов Главного Кавказского хребта. К примеру, лет-чики 718-го армейского авиационного санитарного полка 46-й ар-мии, действовавшего на направлениях Клухор, Санчар, Марух, толь-ко в конце августа 1942 года с Клухора вывезли около 700 раненых бойцов⁴³.

Улучшилось медицинское обслуживание советских бойцов и не-посредственно в районах боевых действий. Санитарная тактика в горах существенно отличается от таковой на равнине. «В горах мед-санбат делился на группы и подгруппы, которым зачастую прихо-дилось действовать изолированно друг от друга на расстоянии 10–15 км. Наш медсанбат был разбит на 6 групп, которым зачастую приходилось действовать в сложных условиях, рыть землянки, обо-рудовать шалаши, ставить палатки, заниматься вопросами хозяй-ственных нужд, и, самое главное, выполнять свою основную зада-чу — оказывать квалифицированную медицинскую помощь ране-ным и эвакуировать их в тыл. Для эвакуации раненного на Клухорском перевале нужно было его нести на носилках 16 км. Носилок было мало. Делали их из жердей, которые тащили на себе из зоны лесов. Для решения этих задач группу усиления с пере-движным медицинским пунктом в горных условиях нужно было приблизить к переднему краю на 1–1,5 км...» — вспоминает воен-врач 2-го ранга А. Маградзе⁴⁴. В тяжелых условиях высокогорья в этом был смертельный риск, могли попасть под огонь горных стрел-ков как сами медики, так и те, которым оказывалась помощь. Не-хватка медикаментов и перевязочных средств, ввиду того что ране-ных было много, ощущалась всегда. Но военные медики совершали высшие акты гуманизма, спасая людей, и тем величественнее их подвиг. К примеру, комсомолка, военфельдшер 139-го армейского отряда 46-й армии Евгения Семеновна Горохова только в августе 1942 года вынесла с поля боя лично 37 раненых советских солдат, сама была ранена, но поля боя не покинула и продолжала оказы-вать помощь. Мужественная комсомолка была награждена орденом Красной Звезды⁴⁵.

В аналогичном положении находились и немцы. «Со снабжением в горах дела обстояли плохо, — читаем в мемуарах горных стрелков, — полковник Ганс Бухнер объяснял сложившуюся ситуацию генералу Губерту Ланцу: необходимо учесть местность, где находятся наши подразделения, испытываем затруднения в техническом снабжении, продуктах и корме для вьючных животных. Но еще более затруднительным было снабжение раненых в транспортировке и медикаментах. Хирурги и санитары работали днем и ночью, оперируя и перевязывая раненых. Раненых было много: с переломами конечностей (из-за травм в горах), с пулевыми ранениями, узнаем мы из рапорта доктора Ханса Хаана»⁴⁶.

В начале сентября сложились предпосылки для решительного наступления на перевалы Клухор и Махар и очищения их от противника. С этой целью был разработан в штабе 394-й стрелковой дивизии план освобождения перевалов⁴⁷.

План наступления был такой: две роты 3-го батальона 815-го полка совместно с подразделениями 121-го горнострелкового полка должны были наступать по фронту, вверх по ущелью. Отряд кавалеристов 220-го полка численностью в 85 человек под командованием альпиниста капитана А. М. Гусева выходил вверх по ущелью Гвандры, откуда крутой тропой должен был подобраться к перевалу Клыч на одноименном хребте, а оттуда атаковать противника с тыла в районе Южного приюта. Группа курсантов Сухумского пехотного училища лейтенанта Худобина должна была атаковать противника по левому флангу основных сил 394-й стрелковой дивизии. Первоначально планировалось окружение и уничтожение противника в районе Южного приюта завершить к 1 сентября, однако сроки осуществления этого плана несколько затянулись.

Отряд А. М. Гусева был разделен на две группы. Первую группу повел лейтенант П. И. Максимов. Помогал ему заслуженный мастер спорта СССР альпинист Н. Гусак. Со второй группой на перевал Клыч из Гвандры поднимался А. М. Гусев, лейтенанты Хатенов, Голубев, Сали. Обе группы столкнулись на перевале с противником, вышедшим сюда из Гондарая. Завязался бой. Длился он пять суток. Ввиду этого задерживалось наступление и в ущелье. Отряд А. М. Гусева нужно было укомплектовывать заново, потому что потери были серьезные. В группе Гусева из 60 бойцов для активных

действий оставалось только 26 человек. Остальные были или убиты, или ранены, или физически истощились от голода и перепадов температур (отряд взял с собой продовольствия лишь на двое суток). В группе П. И. Максимова и Н. Гусака из 25 человек оставалось 19, связные, посланные с донесениями в штаб, туда не дошли. В штаб, как наиболее опытный, был послан сам Н. Гусак. Ко времени прихода подкреплений отряд лейтенанта П. Максимова и сам командир отряда погибли⁴⁸.

Тем не менее, штурм перевала Клыч и его освобождение позволили основным силам в ущелье перейти 4 сентября в наступление. Бои продолжались до 9 сентября. В упорных жестоких боях наши подразделения выбили противника из Южного приюта, отодвинув его на 1–1,5 км выше по ущелью. Но большего добиться не удалось. Несмотря на то что численного перевеса у немцев к этому времени не было, они занимали весьма удобные и выгодные позиции. 121-й горнострелковый полк понес серьезные потери. Лишь 4 сентября полк потерял убитыми 140 человек⁴⁹. В результате прямого попадания мины был убит командир полка майор И. И. Аршава. За мужество и героизм, проявленные на Клухорском направлении, сын украинского народа И. И. Аршава награжден Орденом Ленина (посмертно). Смертельные ранения получил начальник штаба полка А. К. Кожемякин. Посмертно капитан А. Кожемякин награжден орденом Красного Знамени. После гибели командира командование полком принял на себя М. Х. Дышеков, помощник начальника штаба полка. 6 сентября, до конца выполнив свой долг перед Родиной, уроженец кабардинского аула Чегем-2 Мустафа Дышеков погиб. Посмертно он награжден орденом Красного Знамени⁵⁰.

Отдали свои жизни в этих боях командир стрелковой роты 121-го горнострелкового полка лейтенант В. К. Зусь-Зять, командир взвода ПТР 815-го стрелкового полка В. И. Суворов, политрук Г. А. Свалов, красноармеец В. Н. Семенов. Почти полностью погибла полковая школа лейтенанта Коростова. Потери полковой школы с августа составили 407 человек из 500.

Серьезны были потери и отряда Сухумского военно-пехотного училища, которым командовал лейтенант Н. Е. Худобин. С 26 по 28 августа отряд потерял 101 бойца, а к 9 сентября потери составили 312 человек из 550⁵¹.

К 15 сентября противник сосредоточил свои силы в теснине, образуемой изгибом и крутыми склонами Главного хребта и отрогом вершины Клыч-Кара-Кая, т. н. воротами перевала. Он построил на склонах Главного хребта систему многоярусной обороны, уже описанную выше. Полоса обороны в несколько ярусов (автор в 1984 году насчитал их четыре) тянулась по всему склону — от тропы на Клухорский перевал до кулуара в районе перевала Махар. Таким образом, немцами были созданы условия, позволявшие им наблюдать в ясную погоду любое продвижение войск на подходе к перевалу.

Новый командир дивизии полковник П. И. Селехов (прежний — подполковник И. Г. Кантария — был отозван в распоряжение штаба корпуса) принимает решение проникнуть за боевые порядки противника. С этой целью комплектовался отряд численностью в 22 человека. Повел отряд на разведку А. М. Гусев.

Отряд вышел крутыми склонами, поросшими кустарником, в верховьях ущелья Симли-Мипари и за скалой на гребне, соединяющем вершины Клыч-Кара-Кая (на советских военных картах — высота 1360) и Хакель, нашел перевал, ведущий прямо в тыл обороняющегося противника. В первый же день отряд А. М. Гусева столкнулся здесь с противником, вероятно, готовившим очередной обходной рейд к штабу 394-й стрелковой дивизии, к госпиталю, базам. Завязался бой. К вечеру противник, понесший потери, спустился в ущелье, а на следующий день, после минометного обстрела, он бросил на перевал до роты пехоты. Отряд Гусева, разделившись на две группы, отстреливался. Немцы наступали двумя колоннами: одна группа — под осыпями вершины Клухор-Кая (3.614 м), прижимаясь к Главному хребту на уровне ледника, другая — по отрогу, вернее, его северному склону, очень крутому, вершины Клыч-Кара-Кая. Первую цепь противника сдерживала группа Гусева, вторую — группа Г. Хатенова, в которой оставалось 8 человек. Бой длился с полудня до вечера. На третий день пришло подкрепление: отряд 121-го горнострелкового полка в составе 40 человек с тремя ручными пулеметами и одним ротным минометом. А. Гусев просил теперь указаний от нового командира полка майора М. П. Агаева (майор И. И. Аршава, командовавший ранее полком, как отмечалось ранее, был убит) атаковать противника с перевала, однако такого приказа не последовало. Противник же не оставлял попыток занять перевал вплоть до 28 сентяб-

ря 1942 года. «Это была последняя попытка противника выбить нас с перевала. После этого инициатива прочно перешла в наши руки, — вспоминает А. М. Гусев. — Из штаба дивизии стали доходить сведения о том, что на наше направление должны прибыть специальные горнострелковые отряды, и что меня, поскольку у нас обстановка стабилизировалась, предполагают отозвать для выполнения какого-то нового задания»⁵².

В октябре каких бы то ни было активных действий на этом участке ни советские войска, ни немецкие горные стрелки не предпринимали. Наступательный пыл «эдельвейсов» иссяк. Сил для того, чтобы сломить сопротивление заперших выходы из ущелий к Черному морю советских войск, не хватало. На востоке, хотя немцам удалось захватить перевалы Приэльбрусья, решающего прорыва ни в Закавказье, ни в Баксанское ущелье совершить не удалось. Там немецкие горнострелковые части попросту «завязли» на своих позициях. Западнее Клухорского перевала, на Марухском направлении, произошло то же самое.

На наиболее перспективном Санчарском направлении немецким солдатам оставался один дневной переход до Сухуми, однако на Гудаутском хребте они были остановлены, более того, в ходе дальнейших боев им пришлось оставить базовое селение Псху и отойти на южные склоны Главного Кавказского хребта.

Дальнейшие бои за выход к морю в зимних условиях были равносильны потере всех оставшихся наличных сил. К тому же, и это главное, Закавказский фронт изо дня в день подтягивал на высокогорный фронт резервы и укреплял позиции.

С новыми силами

1 ноября пополнившийся, переформированный 815-й стрелковый полк сменил 121-й горнострелковый полк, который возвращался в свою 9-ю горнострелковую дивизию. Полк с честью выполнил воинский долг, многие его бойцы остались навсегда в скалистом ущелье Клухора.

Сюда же, на Клухорское направление, выходил 1-й отдельный горнострелковый отряд, которым командовал майор П. П. Марченко⁵³.

8 ноября 1942 года поступило распоряжение о переходе на зимний план обороны войск Клухорского направления.

Но еще до появления приказа о зимнем плане обороны, в сентябре, отряд А. М. Гусева попытался выбить противника с перевала Махар. Он прошел по ущелью Гвандры к перевалу Гондарай-Клыч 15 сентября. Затем продвинулся как раз над ледником, ниже которого в огневых ячейках, рассчитанных на круговую оборону, лежали убитые бойцы второй роты 1-го батальона 815-го полка (о судьбе этой роты мы говорили выше), пересек Главный хребет, прошел под вершиной Средний Махар, но попал в жестокую непогоду. Температура резко упала, видимость сократилась почти до нулевой. Гусев с товарищами, дав ряд демонстративных залпов, бросив в сторону противника два десятка гранат для дезориентации, ушли в ущелье Гвандры, так как больше половины бойцов имели обморожения. «Позже, — пишет А. М. Гусев, — мы узнали, что рота 121-го горнострелкового полка, усиленная другими подразделениями, несмотря на плохую погоду и видимость, начала наступление на перевал Нахар, не рассчитывая на взаимодействие с нашим отрядом». Однако Гусев здесь ошибается. На Махар выходили подразделения не 121-го полка, а 3-го батальона 155-й стрелковой бригады. Стрелки в непогоду, при плохой видимости вышли к кулуару под ледником у перевала Гондарай-Клыч, оттуда атаковали противника и к 19 сентября потеснили его с южного склона перевала Махар. В этих боях с 15 по 19 сентября погибли красноармейцы Ш. С. Мхитарян, Г. Д. Барбакадзе, Г. Ф. Бабахидзе, Г. Гегешвили, Г. Ерицан, В. Сергеев, Н. Николаев, Н. Иванов, А. Алиев, А. Магерамов, М. Качаев, М. Сатгеболашвили...⁵⁴

В соответствии с планом перехода на зимние условия обороны покинули Клухорский район подразделения 155-й стрелковой бригады. Они убыли в распоряжение Северной группы войск Закавказского фронта. Отзывались в Сухуми бойцы Сухумского пехотного училища, мужественно сражавшиеся на Клухоре. Из Гвандры был выведен 220-й кавалерийский полк — 63-я кавалерийская дивизия вошла в состав 44-й армии генерала И. Е. Петрова⁵⁵.

Ноябрь прошел в коротких стычках, когда ни советским бойцам, ни немцам не удавалось достигнуть сколь-нибудь серьезных результатов. Большей частью дело ограничивалось минометными или артиллерийскими дуэлями.

На Клухоре оставались заново укомплектованный 815-й стрелковый полк 394-й стрелковой дивизии, 1-й и 9-й отдельные горнострелковые отряды.

1-я стрелковая рота 815-го полка занимала оборону в ущелье Гвандра совместно с санчастью полка, транспортной ротой и пулеметным взводом;

2-я рота совместно с комплектуемой 3-й ротой, минометной ротой находилась в резерве в Аджарах;

4-я стрелковая рота занимала позиции несколько выше расположения 1-й роты совместно с отделением саперов и минометной батареей и имела задачу не допустить проход противника в долину Гвандры;

5-я рота, выдвинувшись в ущелье реки Сакени, держала под контролем перевалы Мырды и Гвандра;

в селении Гвандра у слияния рек Клыч и Гвандра расположились подразделения 6-й роты, пулеметная рота, спецподразделения полка, штаб полка, штаб второго дивизиона 956-го артиллерийского полка;

7-я стрелковая рота и взвод 50-мм гранатометчиков занимали Южный приют и контролировали ущелье Симли-Мипари;

у слияния рек Клухор и Клыч располагалась 8-я рота полка с двумя взводами пулеметчиков, двумя минометными взводами;

несколько ниже, в теснине, находились 9-я стрелковая рота, два отделения саперов, два взвода минометчиков. Здесь же располагался 1-й отдельный горнострелковый отряд. Основная задача группы — контролировать перевалы Клухор и Махар и не допустить проникновения противника через них.

Кроме того, в ущелье Птыш, в 2,5 км от селения Марицхена, находился 9-й горнострелковый отряд, имевший задачу не пропустить противника через перевал Домбай-Ёльген.

Кроме того, в Чхалте расположился штаб дивизии.

Таково было расположение частей 815-го стрелкового полка и двух горнострелковых отрядов в первых числах ноября 1942 года, когда ввиду климатических условий — в горах пошли снега — бои были прекращены.

О расположении противника сообщала наша авиаразведка.

«22 ноября 42 г. в 9.00 на Клухорском перевале противник имеет до роты пехоты с минометами и 2 горными пушками. Активного

движения не наблюдается. На перевале Махар (*в подлиннике «Нахар» — авт.*) до взвода солдат, 2 пулемета, в ущелье — рота.

В 12.00 противник обстрелял разведку, действующую по ущелью Клухор, безрезультатно... Погода — снег, видимость ограниченная. Связь работала с перебоями.

24 ноября 42 г... На перевале Мырды (*в подлиннике Морды — авт.*) два взвода пехоты, палатки. Противник активности не проявлял. На перевале Гондарай — усиленный взвод. Безрезультатно выпущено 42 мины. В 12.00 отводил свои части по направлению Учкулан. Погода на перевалах — снегопады, понижение температуры⁵⁶. В декабре из-за непогоды бои прекратились, лишь изредка слышны были перестрелки.

Исход

Возобновлять боевые действия в ноябре противник не пытался. Да и не имело смысла — перевалы для немцев потеряли первоначальное значение. Но, в силу изложенных ранее причин, гарнизоны свои держали. Здесь уместно привести выдержки из дневника немецкого писателя Эрнста Юнгера, побывавшего в этих местах как раз накануне отступления группы полковника Ле-Суира. «С аэродрома Черкесск машина шла вверх по долине Кубани, это одна из великих и великолепных арен перед высокогорьем. Зелено-студеные воды несли глыбы льда. Обширную котловину окружала коричневая волнистая гряда высот, в долине круто обрывавшихся белыми утесами с гладкими и отвесными рифлеными стенами, сменявшимися красивыми складчатыми образованиями, похожими на органические трубы. Затем начались каньоны со столовыми горами из красно-коричневого или розоватого камня с горизонтальными слоями так, что, казалось, едешь вокруг титанов. Внизу широкое русло реки с белыми отшлифованными валунами.

В Хумаринском и других деревнях маленькие деревянные мечети с полумесяцем являлись центром поселений. Пастухи верхами гнали овец и коров. Другие вели из леса доверху нагруженных дровами ослов. Они были одеты в бурки — жесткий плащ из валяной овечьей шерсти, являющейся национальной одеждой карачаевцев.

Постепенно горы подступали ближе и выдвигали острые зубцы ущелий, через которые открывался вид на бело-голубые исполинские горы. Перед Микоян-Шахаром, резиденцией правительства, дорога поворачивает в ущелье Теберды. Теберда — курорт для легочных больных, производит впечатление уюта, изобилия, того же, что привлекает путешественников в долины Граца или Тирольских Альп.

С полковником Ле-Суиром, который командует там образованной из горных стрелков боевой группой, я хорошо знаком. Он сердечно приветствует меня в своем маленьком штабе. Высокие горы веселят, как мне приходилось это часто испытывать, они делают кровь легче и свободнее, общение более дружественным и открытым.

(Для дневника: короткие, маленькие заметки порой сухи, как чайники; переписывание — кипятилок, который должен раскрыть их аромат).

Теберда, 4 января 1943 г.

Дальше вверх по ущелью Теберды, до расположения командного пункта капитана Шмидта, который там, наверху, с горными стрелками закрывает два перевала. Я поехал на коляске на гусеничном ходу — транспорте для бездорожья.

Узкая тропа поднималась между громадных хвойных деревьев и покрытых мхом скал. Ручеек струился под пористо замерзшими ледяными куполами. Справа, между бесцветными отвалами породы с прожилками, Теберда, а потом Аманауз, который берет начало на ледниках. Было весело, своего рода высокогорный пьянящий восторг. Высоко вверху, в котловине Аманауза, стоят деревянные строения альплагеря и дома отдыха. Здесь принял меня Шмидт на своем командном пункте, над которым возвышались снежные вершины: слева массив Домбай-Ульген, затем острокопечная Карачаевская игла, восточная и западная Белиалакая, а между ними особенный Зуб Софруджу. На огромном Аманаузском леднике с его склонами зеленого искрящегося льда, с его глубокими трещинами и сверкающими обрывами стоят посты, охраняющие перевалы; они поднимаются еще семь часов к своим высокогорным хижинам. Путь идет между камнепадов, лавин, страшных обрывов. Как рассказал мне Шмидт, альпинистские опасности здесь затмеваются военными; во время тяжелого подъема, в первую очередь, думаешь о враге. Только что поступило сообщение:

русские разведгруппы окопались наверху в снежных окопах. Шел бой. Эти снежные окопы обклеиваются газетами и нагреваются свечой — это и весь комфорт.

Здесь я намеревался остаться как можно дольше и время от времени подниматься к ледникам. Мне здесь было хорошо (*оно и понятно: Эрнст Юнгер в этих снежных окопах не сидел, в боях не участвовал — авт.*). И я понимал, что в этих массивах находится один из великих источников, что так сильно чувствовал и Л. Толстой. Но когда я обсуждал со Шмидтом детали моего пребывания, из Теберды пришло сообщение по радиации, что нужно немедленно отступить. Это означало, что положение под Сталинградом еще более ухудшилось. И погода, которая была здесь ясной на протяжении недель, вдруг стала угрожающей — видно было, как теплый воздух с Черного моря круговоротами и флагами шел через перевалы, и облака стали гроздиться на вершинах гор. Я еще раз взглянул снизу на эти исполины — на их склоны, зубцы и обрывы. Самые смелые, самые высокие мысли, соединенные с самыми темными ужасами власти. В таких местах проявляется суть мира.

В Теберде я нашел изменения. 1-я танковая армия слева (*т. е. в районе Орджоникидзе — Нальчика — авт.*) оставляет свои позиции, высокогорный кавказский фронт охвачен движением. *В течение нескольких дней сдаются позиции, завоевание которых стоило большей крови и труда, чем можно себе вообразить (выделено мною — авт.).*

Полковник отдал приказ взорвать боеприпасы, а провиант уничтожить; снимаются также кресты с могил и могилы сравниваются. В остальном, он ведет себя философски, например: «Мне любопытно, кто будет через неделю щипать за зад Анастасию». Это относится к одной из двух девушек, обслуживавших в столовой. А те плакали и говорили, что русские перережут им глотки, поэтому полковник дал им место в обозе»⁵⁷.

В январе, когда катастрофа немцев под Сталинградом предопределила наступление советских войск на Северном Кавказе, перед угрозой окружения на высокогорном участке фронта враг стал отводить свои части с Клухорского перевала. Убрал свои заслоны и с других перевалов. 5 января 1943 гитлеровцы попытались обстрелять разведку 9-го горнострелкового отряда, но урона никакого не нанесли. Вообще, когда изучаешь оперсводки нашей разведки за пер-

вые числа января, складывается впечатление, что немцы пытались избавиться от груза боеприпасов, что и подтверждает в своих дневниках Эрнст Юнгер. «На Клухорском перевале в течение дня были слышны сильные взрывы 11.1.43 г.»⁵⁸ 12 января враг полностью отвел свои части со всех ранее занимаемых перевалов Клухорского направления, взорвав все склады боеприпасов.

18 января 1943 года группа автоматчиков 1-го ОГСО П. П. Марченко форсировала Клухорский перевал. Условия перехода были тяжелые. Снег, местами достигавший пяти-шести метров, серьезно затруднял продвижение. Он был сыпучий и еще не превратился в фирн, то есть еще не покрылся твердой ледяной коркой. Снег нависал карнизами над тропой, и любой участок здесь был лавиноопасен. Клухорский перевал в январе — феврале переходят только в исключительных случаях. Но переход советскими бойцами этого перевала не был первым переходом в зимних условиях. Любопытно, что в феврале 1938 года перешли Клухорский перевал, лопатами пробивая путь в снегу, участники конного пробега вокруг Кавказа, о чем мы в свое время сообщали в печати. Кавалеристы тогда прошли сами и провели без единой потери лошадей. Пробег рассматривался командованием Красной Армии как испытание возможностей войск на случай войны в экстремальных условиях. К сожалению, дальнейшие работы в этом плане, как сообщалось выше, были прекращены. Что и повлекло серьезные человеческие жертвы в годы битвы за Кавказ.

К 19 января отряд П. П. Марченко достиг курорта Теберды. Гитлеровцев здесь уже не было. Отряд под руководством командира П. Марченко и комиссара И. П. Галоты провел большую работу по спасению уцелевших в санаториях детей, доведенных до истощения. Выяснилось, что здесь же, в Теберде, фашисты применили машины-душегубки для уничтожения детей, больных костным туберкулезом, и детей еврейской национальности. Сотрудники санаториев, активисты, жители, помогавшие партизанам, укрывавшие раненых советских солдат — всего свыше 270 человек, были согнаны на северную окраину Теберды и там расстреляны⁵⁹. Позже специальной комиссией составлены акты о чудовищных злодеяниях фашистских захватчиков в Теберде. В тот же день в Теберде было объявлено о восстановлении советской власти. Тема оккупационного режима, жертв фашистского террора, инициаторов расстрелов и т. д. нами рассматривается в отдельной работе.

18 же января на митинге в Микоян-Шахаре командир разведывательно-диверсионной группы, о которой мы уже упоминали выше, политрук М. К. Батчаев объявил о восстановлении советской власти в Карачаевской автономной области⁶⁰. 20 января в город прибыли подразделения 37-й армии, которыми командовал начальник разведотдела 37-й армии подполковник Вдовыденко.

А на перевалах в это время было тихо. Они охранялись небольшими группами советских солдат, но, несмотря на отсутствие противника, жертвы были и в январе, и в феврале. В архиве МО СССР сохранились сведения о погибших в лавинах целых подразделениях. Нередко люди гибли рядом с расположением части, иногда, казалось бы, на безопасных склонах. В этих условиях велась работа по определению лавинной опасности в районах дислокации частей, маркировка дорог и троп; с бойцами на местах проводились лекции и беседы о способах укрытия от ветра, мороза, о способах предупреждения обморожений.

Бои на Клухорском направлении явились серьезным испытанием мужества, стойкости советских бойцов. Враг на этом направлении был задержан и отброшен ценой большого количества смертей в многонациональных воинских подразделениях. Тысячи советских бойцов полегли на Клухоре, Махаре, Гвандре, Эльбрусе. Большой кровью советских и немецких солдат омыты перевалы.

Но в ходе боев на Эльбрусе и Клухоре советскими солдатами был приобретен ценный опыт ведения войны в горах. «По существу, ни одна наступательная операция в горах не может быть проведена без огромных потерь, если не предпринять обходного маневра.

И еще стало ясным, что сложный горный рельеф неизбежно заставляет боевые действия в горах дробиться на действия все более и более мелких групп, подниматься из ущелий на хребты и вершины. И нередко успех сражения малых групп наверху, как лавина, нарастая, начинает перемещаться в основные ущелья, где расположены главные силы противника, и, как бы дирижируя симфонией боя, решает судьбу всего сражения в горах», — отмечал активный участник боев на Эльбрусе и Клухоре А. М. Гусев⁶¹.

Уже в сентябре советские солдаты, даже без соответствующей горной подготовки, научились бить врага, останавливать его, несмотря на убедительное преимущество противника.

С особой силой проявилось это в боях на Санчарском направлении.

Г л а в а 11

НА САНЧАРСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

«На плечах» красноармейцев

На Санчарском направлении отходивший последним через перевал 25-й пограничный полк постоянно чувствовал за собой «дыхание» противника. 23 августа полк выступил из селения Псху, переправился через реку Бзыбь, пересек Бзыбьский хребет и к 26 августа сосредоточился в 10 км севернее Сухуми, в селении Михайловское. В сущности, путь горным стрелкам 4-й горнострелковой дивизии Эгельзеера к Сухуми был открыт. После того как противник смял взвод 1-го батальона 808-го стрелкового полка 394-й стрелковой дивизии, ни на Санчаре, ни на других перевалах этого направления, ни в селении Псху не было воинских гарнизонов¹. Поэтому противник без боя занял селение Псху.

Это старое селение. В благодатной долине, окруженной от ветров кольцом гор, люди селились еще в период бронзы. На протяжении тысячелетий это место было своего рода перевалочным пунктом на пути из Колхиды и Диоскурии, ее столицы, на Северный Кавказ, в плодородные долины. Тропа через Санчар связывала побережье и со столицей Аланского государства в Нижнем Архызе, а благодатные климатические условия (здесь климат мягче, чем в Приэльбрусье в силу удаленности от Эльбруса и близости моря) делали ее в среде средневековых купцов более популярной, нежели Клухорский перевал. Маршрут через Санчар — одна из главных коммуникационных линий Великого Шелкового Пути.

Своеобразие Санчарского района в том, что здесь несколько несложных перевалов на Главном хребте в непосредственной близости друг от друга: Адапш (2.492 м), Санчар (2.600 м), Аллаштраху

(2.727 м), Лаба (2.809 м), Цегеркер (2.700 м). Так или иначе, с севера все они ведут в долину Бзыби и к Псху. Причем у истоков речки Санчаро тропа раздваивается, и одна ведет к перевалу Аллаштраху, другая — к Санчару. Санчарское ущелье — одно из наиболее тесных в долине Лабы. Оно поросло густым лесом, поэтому в ущелье влажно даже в августе. Узкое извилистое ущелье у Главного хребта неожиданно расширяется в километрах 7–8 от перевала Санчар. Здесь же заканчивается полоса леса, тропа на перевал взбирается террасами со снежниками и маленькими озерами. Седловина перевала занимает обширный участок гребня, и до сих пор здесь сохранились огневые точки и груды стреляных гильз. В ясную погоду отсюда видны: селение Псху, перевал Доу на Бзыбском хребте, рядом перевал Гудаутский. Спуск с перевала затрудняют каменные осыпи и снежники, здесь же на спуске с тропой соединяется тропа с перевала Адзапш. Ущелье Бышта достаточно хорошо контролируется с обоих перевалов. Из Псху к озеру Рица можно попасть через перевал Анчха (2.000 м) по ущелью Бавю или, как его сейчас называют, Агурипта. Наконец, издавна пользовались местные жители перевалом Чамашха, чтобы попасть из Псху в Архыз. Тропа ведет по заросшей чинарой долине реки Ахей, круто взбирается к перевалу Чамашха, оттуда — спуск к реке Грибза и снова подъем к перевалу Цегеркер. Далее из верховьев Лабы путь к перевалу Пхия и на Архыз. Это основные места боевых действий в августе 1942 — январе 1943 годов.

Как отмечалось ранее, Санчарский перевал входил в систему обороны 394-й стрелковой дивизии, 808-го стрелкового полка в частности². В соответствии с утвержденным штабом 3-го стрелкового корпуса планом обороны Санчарского перевала, сюда направлялся 1-й батальон 808-го стрелкового полка³.

Руководство по обороне Санчарского перевала было возложено на заместителя командира полка майора Гогуа. Он выслал на перевал первую роту батальона, которой командовал капитан Бакрадзе. Впереди роты шла группа разведчиков, ведомая помощником начальника штаба по разведке старшим лейтенантом С. Голиком. Группа Голика на перевале Санчар была обстреляна, почти все разведчики в перестрелке погибли. Рота Бакрадзе с трудом вырвалась из окружения и ушла к селению Псху. 25 августа противник, выйдя на хребет Ахей, из минометов обстрелял позиции первой роты на ок-

раине Псху, а после обстрела силами полка 4-й горнострелковой дивизии занял селение. Капитан Бакрадзе, командир роты лейтенант Шнукашвили погибли. Рота с большими потерями отошла к перевалу Доу.

В это время основные силы 1-го батальона 808-го полка только выходили к этому перевалу.

К этому времени в руках врага оказалась не только сеть перевалов, но и высоты, господствующие над долиной Псху, само селение, где находился небольшой аэродром. Захватив Псху, гитлеровцы получили возможность подбрасывать на Санчарское направление боеприпасы, продовольствие, обмундирование на самолетах. Из рассказа немецкого солдата Клингера: «Наш 3-й батальон из 91-го горнострелкового полка получил задание занять Санчарский перевал. Преследуя русских, отступавших в спешном порядке, мы вышли к перевалу, но столкнулись с противником, затаившимся в скалах. После короткой схватки мы потеснили его. 24.08 мы спустились в селение Псху. Мы назвали его «Einodsbach» («Заброшенный источник»), и следовали за разведгруппой, чтобы соединиться с 8-м батальоном, штурмовавшим Адзапш *(этот батальон спустился, взяв перевал Адзапш, к селению Псху к 25 августа — авт.)*. После непродолжительного отдыха мы снова взвалили на плечи тяжелые рюкзаки и медленным маршем двинулись по направлению к р. Бзыбь. Кругом были сверкающие вершины. Мы перешли на южный берег через шаткие подвесные мосты, которых мы никогда до этого не видели. Их мы должны были удержать в своих руках, во что бы то ни стало, на случай возможной обороны.

Густой лес, скалы. Осыпи затрудняли наше движение. Русские же находились в лучшем положении, так как они знали местность. Майор Отт, которому было поручено командовать нашей группой, отдал приказ укрепить разведывательное отделение и обеспечить ему поддержку. После того как все переправились, мосты, возвышавшиеся над бурной рекой, пришлось уничтожить. Таким образом, мы теперь отступать не могли. Мы сожгли пути назад, одновременно лишив русских возможности наступления.

Разведотделение докладывало, что противник нигде не замечен. Наступило затишье. Оно оказалось коротким. И если где-то раздавался выстрел, нарушавший тишину этой прекрасной солнечной

долины с едва слышимым журчаньем реки, мы немедленно хватились за ручные гранаты.

Берег реки был устлан галькой метров на 30 шириной, а местами он достигал до 10 метров высоты — скальными обрывами. Вдали, позади нас, теперь просматривались домики, окруженные огородами и маленькими садами, а за ними опять начинался густой лес. Но обратного пути у нас не было: мосты мы разрушили. Насладившись этой красотой, тишиной и покоем, мы вновь взвалили тяжеленные рюкзаки и продолжили свой поход. На полпути нас встретил редкий огонь, и за скалами блеснули стальные каски русских.

Мы открыли ответный огонь, чем обеспечили дальнейшее продвижение батальона. Вдруг в этой перестрелке мы обнаруживаем, что огонь русские ведут не только из-за скал, но и с противоположного берега, где так же были отвесные скалы, служившие им надежным укрытием. Противник выбрал хорошую позицию. Странно, как наша разведка не обнаружила их?

Русские прятались в лесу, за деревьями и скалами, и обстреливали наших в долине. Я увидел, как офицер Шлее залег со своими людьми в нескольких метрах от подвесного моста. Солдаты лежали тесно, положив лица на ботинки впереди лежащих стрелков. Батальон, который должен был прийти нам на помощь, еще не появился. При такой слабой защите мы могли быть уничтоженными. Вдруг Шлее со своими солдатами открыл непрерывный огонь, другие бросали гранаты. Ведя непрерывную стрельбу, солдаты отбежали метров на 20 от берега и спрятались за скалой, продолжая вести огонь по русским. Часть русских вышла из своих укрытий, чтобы преследовать наших. Но они попали под огонь, понесли большие потери. Противнику не удалось прорваться к нашему берегу. Русские были ошеломлены, хотя отстреливались с небывалым упорством.

Мы продолжали атаковать противника, забрасывая его гранатами. Дорога на юг была открыта. Потери противника велики»⁴.

На Умпырском перевале и Гудаутском хребте

Одновременно с боями за Псху и северные отроги Гудаутского хребта разгорелись бои в районе Умпырского перевала, западнее Санчара. Ситуация здесь сложилась следующая. Штаб немец-

кой 4-й горнострелковой дивизии расположился в селе Псемен. Из Псемена 91-й ее полк в полном составе вышел в направлении Санчарского перевала. 13-й же полк, как было сказано выше, занял ущелье Архыза и аул Архыз. Здесь командир полка получил приказ немедленно продвигаться в долину реки Большая Лаба, ввиду того что 174-й горнострелковый полк из 20-й горнострелковой дивизии Красной Армии вышел в долину Малой Лабы и занял Умпырский перевал. Создалась угроза ликвидации штаба немецкой дивизии в Псемене. Генерал Эгельзеер вернуть батальоны 91-го полка, уже занявшие перевалы Санчар, Адзапш и Цегеркер, не мог. Поэтому 13-му горнострелковому полку было приказано перейти через перевал Дукка, спуститься ниже по течению Большой Лабы, выбить с перевала Умпырский подразделения 174-го горнострелкового полка, затем овладеть перевалами Псеашха и Аишха. Оставив свой 2-й батальон прикрывать перевалы Наур и Кызгыч и западнее поддерживать подразделения Санчарской группы, 1-й и 3-й батальоны форсированным маршем направились в Лабинское ущелье. Несмотря на то что Умпырский перевал доступнее Санчарского и других перевалов на Главном Кавказском хребте, немцам тут пришлось нелегко. Подразделения советского 174-го горнострелкового полка сражались с «настоящим презрением к смерти», они были подготовлены и цеплялись за каждый выступ, каждую скалу. На одной из травянистых площадок немцы нашли тела троих бойцов минометного расчета, по которым они выпустили десятки мин. Осколками была выкошена вся трава. Все трое были мертвы, тела их изуродованы осколками, было очевидно, что эти бойцы сражались, будучи тяжело ранеными. Сохранились их имена. Это Шарип Васиков — командир расчета, Виктор Шкутков и Василий Семяков. Горные стрелки были поражены их героизмом⁵.

27 августа части 13-го горнострелкового полка немцев заняли перевал Чамашха. Теперь, когда немцы обезопасили свой левый фланг, им предстояло собрать все силы на этом направлении в единый кулак и нанести удар на Сухуми и Адлер, имея в резерве 2-й батальон 91-го горнострелкового полка и части 97-й легкопехотной дивизии.

«Мы столкнулись с большими трудностями, особенно плохо было с продовольствием, — пишут в своих воспоминаниях горные стрел-

ки. — Склоны гор были покрыты сплошным кустарником, труднопроходимым и цепким. Встречались заросли лавра и рододендрона. Их у нас, на родине, не было. Подъем был очень тяжелым и для нас, и для вьючных животных. Из-под наших ботинок вылетали камни, которые падали на поднимавшихся сзади»⁶.

Трудно сказать, как сложились бы дальнейшие события на этом участке, сбей противник подразделения Красной Армии на перевалах Доу и Гудаутский — последних перед Сухуми. В тот же день дальнейшее продвижение немцев нарастало бы по принципу лавины, но этого, к счастью, не случилось. 26 августа противник, вероятно, ожидал подкрепления. Во всяком случае, к перевалам Доу и Гудаутский немецкие горные стрелки вышли 27 августа.

28 августа сюда прибыл заместитель командующего 46-й армией полковник И. И. Пияшев. Отступавшие остатки 1-й роты вместе с двумя ротами 1-го батальона 808-го полка и 2-й сводный армейский полк были остановлены и повернуты обратно.

29 августа противник силами двух горнопехотных полков атаковал позиции наших солдат на обоих перевалах, но продвинуться дальше не смог. До перевала гитлеровцам оставалось около полукилометра. Они уже чувствовали дыхание моря, наблюдали его в бинокль. До моря же оставался день ходу.

29 же августа пополудни на помощь оборонявшимся красноармейцам подошли подразделения 307-го стрелкового полка майора В. Кузнецова из 61-й стрелковой дивизии, проделавшие двадцатикилометровый марш с Черноморского побережья. Первой перевала Гудаутский достигла 8-я рота 3-го батальона и с ходу вступила в бой⁷. Одновременно с ней на помощь 2-му сводному полку майора Ройзмана подошли подразделения 51-й стрелковой бригады и поддержали огонь на этом участке. Противник закрепился здесь, на северном склоне, изрезанном оврагами, и все время пытался набрать высоту для фланговых атак. Однако эти попытки были безуспешными.

30 августа, используя превосходство в людях, егеря потеснили роту 808-го полка и 8-ю роту 307-го полка к хребту восточнее перевала и заняли перевал Гудаутский. Теперь отсюда они видели море невооруженным глазом. Однако, ввиду того что верховья р. Аапсты и склоны Бзыбьского хребта с отрога просматривались хорошо и подвергались регулярному обстрелу нашими сол-

датами, егеря развить успех не смогли. В такой ситуации штаб частей Санчарского направления принимает решение обходным маневром выбить немцев с перевала Гудаутский. Западнее перевала в обход противника была послана стрелковая рота 2-го батальона 307-го полка с двумя ротными минометами⁸. Она имела задачу выйти в тыл и во взаимодействии с 8-й ротой, действующей с фронта, овладеть перевалом. На отроге, восточнее перевала, были установлены 82-мм минометы для поддержания 8-й роты. 3 сентября 8-я рота пошла в атаку, после того как позиции противника на перевале были обстреляны огнем трех батальонных минометов. Минометчики лейтенанта С. Кузнецова прямым попаданием разбили штабную палатку егерей. Несколько офицеров противника в результате прямого попадания мин были убиты⁹.

В то время когда 8-я рота атаковала гитлеровцев на перевале, рота 2-го батальона, спустившись лесными склонами восточнее перевала в тыл врага, ударила фашистам во фланг. Фланговый проход 1-й роты был полной неожиданностью для противника. Понеся потери и не получив ожидаемых подкреплений, егеря были вынуждены оставить перевал и отойти к реке Бзызь.

В результате упорного боя сразу на двух участках — Гудаутском и Доу — подразделения 25-го пограничного полка, который к этому времени вернулся на Бзызьский хребет, 307-го полка, 2-го сводного армейского полка и отряд курсантов Сухумского пехотного училища отбросили противника на северный берег Бзыби.

Группа Пияшева

Все перечисленные воинские подразделения с конца августа 1942 года входили в состав группы полковника И. И. Пияшева. Помимо 25-го пограничного полка, 2-го сводного армейского, 307-го стрелкового, в подчинение штаба группы Пияшева входили отряд курсантов Сухумского пехотного училища, два отряда 1-го Тбилисского пехотного училища — отряд майора А. Тесленко (300 штыков) и отряд майора И. Бурилова (290 штыков)¹⁰.

Следует иметь в виду, что в 25-м пограничном и 2-м сводном полках был некомплект состава. Кроме того, в конце августа из боев были выведены подразделения 808-го стрелкового полка 394-й

дивизии. Отряды же курсантов пехотных училищ не выделялись ни вооружением, ни соответствующим обмундированием, в основном это были новички, которые в боевых действиях, тем более в горах, не участвовали ни разу. Фронтовиков, обстрелянных солдат в отряде было мало¹¹.

В Псху, между тем, противник стягивал силы и готовил новое наступление на перевалы. В боевом донесении штабу 46-й армии майор Тесленко сообщал: «В селении было еще до 3 тысяч человек с артиллерией, минометами, автоматами, пулеметами. Основная задача немцев — наступать на Сухуми. Ожидались самолеты с продуктами, а также прибытие карательного отряда. На имеющемся в Псху бывшем нашем аэродроме немцы думают выгружать продукты с самолетов.

В селении Псху был выбран староста Волошин, все население ограблено, мужчины сбежали в лес. Женщины мобилизованы рыть картофель. Немцы забрали весь скот».¹² В этой связи вспоминаются предписания командующего 1-й танковой армией генерал-полковника Эвальда фон Клейста. Он, как отмечалось ранее, предписывал своим солдатам и офицерам: «Помните, что вы на Кавказе, а не в России или на Украине. Действовать здесь надо осторожно, не затрагивать национальных чувств казаков и горцев, особенно честь кавказской женщины». Но население Псху было настолько малочисленным, что опасаться их немцам не приходилось.

А бои, между тем, не прекращались. На других направлениях дела немцев обстояли далеко не лучшим образом. На Эльбрусе противник безуспешно пытался проникнуть в Баксанское ущелье. На Клухоре альпийцы были зажаты в ущелье и большей частью заботились теперь о том, как бы не пропустить подразделения Красной Армии в свои тылы. На Белореченском направлении их наступление застопорилось. На востоке же, впереди, генералам вермахта виделись перевалы Крестовый и Мамисонский, Военно-Грузинская и Военно-Осетинская дороги, но до них было далеко, да и шансы прорваться через них в Закавказье были призрачными. В этих условиях противник считал единственно возможным пробиться, несмотря на сопротивление частей Красной Армии, через Санчар и Марух, хотя последний перевал таил большие трудности, ибо проезжей дороги по Марухскому ущелью не было, приходилось использовать для этого соседние ущелья.

В истории нечасты случаи, когда тактические промахи на местах являются отражением тех же промахов в стратегическом отношении, причем отражение, что называется, зеркальное, хотя и в уменьшенных масштабах. Сомнения терзали фашистских стратегов. Сомнениями вызваны и следующие строки бывшего генерала вермахта, немецкого историка К. Типпельскирха: «Действия немецких войск, казалось, еще раз увенчались блестящим успехом. Но при ближайшем рассмотрении этот блеск меркнул... Обе группы армий (*группа «А» и группа «Б» — шедшая на Сталинград — авт.*) двигались вперед по расходящимся направлениям. Правда, Волга находилась совсем близко, но бои в районе Калача и Клетской уже говорили о том, что русские собираются здесь упорно сопротивляться дальнейшему фронтальному наступлению немцев. До нефтяных промыслов Кавказа нужно было пройти огромные расстояния... Раньше, чем достигнуть Баку, Тбилиси и Батуми, требовалось преодолеть Кавказ, горный массив, который по протяженности равняется Альпам, а по высоте даже превосходит их.

Хватит ли сил у немцев и их союзников, чтобы обеспечить 600 километровый фланг от Воронежа до Сталинграда, дойти до Сталинграда, дойти, а также повести наступление на юго-восток, в ходе которого войска должны были пройти самое меньшее от 350 до 750 километров в глубину при широком фронте наступления от Туапсе до Моздока, равном 600 км... Фронт, в момент наибольшего продвижения (групп армий «А» и «Б») проходивший от Воронежа через Сталинград, Элисту, Моздок, Эльбрус до Туапсе, имел протяженность почти 2 тысячи километров...»¹³.

Неуверенность в своих силах, сопряженная с авантюризмом планов мирового господства, — вот, пожалуй, наиболее характерная черта гитлеровской стратегии в 1942 году.

1-го сентября 1942 года в штабе 46-й армии утвердили план окружения и разгрома врага в Псху, предложенный полковником И. И. Пияшевым. Согласно этому плану, наступление на Псху должны были вести из района озера Рица курсанты 1-го Тбилисского пехотного училища. Им ставилась задача проникнуть через перевал Анчха в ущелье реки Бавю и с востока атаковать противника в Псху. 307-му полку Кузнецова из района перевала Доу нужно было переправиться через Бзыбь, ломая сопротивление противника, выйти к перевалу Чамашха на одноименном хребте и дальше развивать наступ-

ление по реке Ахей. Затем ударить по группировке врага с запада. Отряды курсантов и 307-й полк таким образом отсекали основные силы егерей от перевалов Адзапш, Санчар и Аллаштраху. 2-й сводный армейский полк, переправившись через Бзыбь в районе хутора Решевой (Решава) должен был атаковать немецких стрелков в районе слияния рек Бзыбь и Бетага. Остальная группа, ведомая Пияшевым, наносила удар на Псху, пройдя над каньоном Бзыби вверх по течению из района Каменного моста.¹⁴ Проведение операции было запланировано на 5 сентября. Все подразделения в бой вступали одновременно.

План этот казался удачным и получил одобрение штаба 46-й армии. Вместе с тем, по ходу выполнения этого плана обнаружились существенные недостатки, которые и не позволили провести всю операцию согласно плану и в срок.

Во-первых, наше командование не учло своеобразие рельефа района и время, необходимое для выхода подразделений к Псху с разных сторон. К намеченному сроку часть сил успевала, а часть, ввиду сложности маршрута, — нет.

Во-вторых, совершенно не оговаривались климатические условия, которые порой серьезно затрудняют движение, порой делают его вообще невозможным.

В-третьих, командование посылало на Псху не только необученных приемам горной войны солдат, но и подразделения, которые еще не отдохнули и не успели пополнить свои ряды, скажем, тот же 2-й сводный армейский полк.

В-четвертых, не получило должного внимания то, что противник хорошо укрепился в этом районе, построив на склонах Главного хребта, Чамашха и ближайших высотах продуманную многоярусную систему обороны, кроме того, егеря хорошо ориентировались в горах и прекрасно понимали разницу километра в горах и километра на равнинной местности.

Тем не менее, в намеченный срок отряд майора Кушнаренко, сбив заслоны противника и теряя людей, вышел в верховья реки Бавю (Анчхо) и продвинулся к хутору Агурипста в 7 км от Псху. Однако, встретив упорное сопротивление врага, вынужден был здесь остановиться, рассчитывая на взаимодействие с 307-м полком Кузнецова. Но одновременной атаки не последовало.

307-й полк в это время, пройдя трудными крутыми тропами над тесниной Бзыби, преодолев крутой лесистый подъем и плутая в

заваленном камнями ущелье Грибзы, только вышел к перевалу Чамашха и вступил в бой с заслонами егерей. К селению Псху в назначенный срок он не успевал¹⁵. Только 8 сентября 3-й батальон 307-го полка под командованием старшего лейтенанта Е. Винцевича атаковал противника в Псху. Вообще же на Псху через Чамашху шел 3-й батальон полка совместно со 2-м батальоном 25-го пограничного полка (командир батальона старший лейтенант Г. Безотосный). Два батальона пограничного полка находились в резерве И. Пияшева, а второй батальон 307-го полка совместно со 2-м сводным армейским вели наступление на Псху с юга — в лоб¹⁶.

В то время, когда отряд 307-го полка под командованием Винцевича шел на Псху по буковым лесам и топким наносам песка, глины и камня, батальон 25-го пограничного полка занял Чамашху. Он вышел, сбив немногочисленные заслоны противника, на перевал Цегеркер, к исходу 7 сентября оттеснил недобитых отрядом Винцевича егерей на южные склоны Главного хребта в верховья реки Ахей и вынудил их отойти на перевал Аллаштраху, занятый противником. В этом бою геройски погиб политрук В. П. Варя, посмертно бесстрашный комиссар был награжден орденом Красного Знамени¹⁷.

В это время отряд майора Кушнарченко, завязав бой с противником, третий день нес потери и занять Псху своими силами не мог. План окружения противником был раскрыт.

6 и 7 сентября положение на участке Псху было таково: отряд курсантов под командованием майора Кушнарченко вел бои в ущелье Анчо, отряд майора Тесленко был прижат врагом к верховьям реки Агуры, занял высоту 1507 (вершина Агура) и вел непрерывную перестрелку с подразделениями врага на перевале Белый (Чмахара). В это же время батальон 307-го полка наступал под непрерывающимся со стороны хребта, справа по движению, огнем противника к селению Псху; батальон 25-го пограничного полка вел бой за перевал Аллаштраху и контролировал верховья реки Грибзы и подходы к перевалу Цегеркер. С юга позиции противника в Псху атаковали подразделения 2-го сводного и 25-го пограничного полков, 3-й и 7-й батальоны и две роты 155-й и 51-й стрелковых бригад.

К исходу 8 сентября группе И. Пияшева удалось выбить противника из Псху, причем гитлеровцы не смогли использовать по

назначению аэродром в Псху, так как в воздухе действия авиации противника были парализованы советскими летчиками. В тот же день наши летчики стали бомбить Псху. Для группы Пияшева это было весьма кстати, хотя авиаторы не знали о наступлении на Псху. «Тут противник предпринял бомбардировку с воздуха совершенно неожиданно для нас, — писал участник этих боев Карл Шутце, — на небольшую долину было сброшено около 100 бомб. Резонанс в горах был столь оглушительным, что закладывало уши. Наши потери в живой силе были велики. Велики были и потери животных, без которых в горах было невозможно перетаскивать грузы»¹⁸.

К исходу дня противник оставил Псху и отошел, закрепившись на высотах по хребтам по обе стороны р. Бышта. 9 сентября в Псху сели советские самолеты. Сюда чаще всего летали авиаторы 8-го Отдельного авиаполка капитан П. Брюховецкий, лейтенанты В. Симонянц, В. Паршиков, В. Пеньков, В. Кучава, Е. Тарасенко, В. Булгаков и другие. Однако поначалу на аэродром Псху можно было сажать только самолеты ПО-2, самолетам Р-5 приходилось грузы сбрасывать непосредственно с борта, для чего над местами выброски они снижались на 15-20 метров. Во второй половине сентября площадку в Псху расширили, что позволило производить на ней посадку самолетов типа Р-5¹⁹.

Летчики проделали колоссальную работу. Командир звена лейтенант В. Симонянц, к примеру, за период боев совершил 368 боевых вылетов, вывез 192 раненых солдат и командиров.

Вообще же задачи 5-й Воздушной Армии были исключительно сложными. В начале сентября армия имела в боевом составе 135 исправных самолетов. С сентября 1942 по январь 1943 года летчики этой армии произвели 30. 548 самолетовылетов, перебросили 47. 120 тонн грузов! (Данные приведены с учетом доставки грузов Крымским партизанам.) Это значит, что на каждый самолет приходилось как минимум по два-три вылета за день, а зачастую один самолет совершал по пять вылетов в сутки.²⁰ Численные потери самолетов восстанавливались не полностью, силы были далеко не равны. Так, противник на Туапсинское направление в октябре 1942 года перебросил свыше 200 самолетов. Наше командование смогло передать 5-й Воздушной Армии в это же время 91 самолет, при том что потери 5-й Воздушной Армии к этому времени составляли 59 из

135, а авиации Черноморского флота, переданной 5-й ВА, — 23 против 83 сбитых самолетов противника²¹. Данные приведены без учета потерь за август и первую половину сентября 1942 г. За этот период немцы сбили более 40 самолетов²².

Будни

9 и 10 сентября группа полковника И. Пияшева вела бои за овладение перевалом Санчар, однако егеря, укрепившись на отрогах Главного хребта, используя выгодные условия, задержали дальнейшее продвижение советских бойцов. Активные действия велись на западном участке, где находились позиции майора Тесленко.

11 сентября 1942 года Тесленко сообщал Пияшеву: «Немец занимает высоту 1209 (*узловая высота над перевалом Белый — авт.*) и колено реки Бышта. Обстреливает минометным огнем и 45-мм пушкой с высоты 1209. Имеются раненые. Весь отряд находится при мне на высоте 1507»²³.

Для дальнейшего успешного наступления на Санчар нужно было обеспечить фланги и не допустить проникновения врага в тыл через перевалы Белый (Чмахара) и Цегеркер. Если последний блокировался 25-м пограничным полком, то первый нужно было занять и удерживать до захвата Санчарского перевала, поэтому майор Тесленко получает задачу занять высоту 1209 и обеспечить безопасность группы Пияшева в наступлении на Санчарский перевал. Несмотря на большие трудности, отряд Тесленко занял к исходу 11 сентября высоту 1209: «В 7.30 веду наступление на высоту 1209. По занятию высоты 1209 буду действовать по вашему приказу. Вышлите продукты и боеприпасы. Воды у нас нет. Видел одну красную ракету слева, видимо Кушнаренко дал. Соседом справа связан, он сзади и ведет перестрелку». Курсантские отряды действовали в неимоверно сложных условиях. Люди мучались от жажды — ледниковая вода не пригодна для питья. От нее, как правило, сильнее хочется пить, ибо солей в ней нет. Солдаты доходили до истощения, покрывались язвами и фурункулами. В скупых строках донесений есть красноречивые слова об этих трудностях: «12 сентября. Высоту 1209 занял вчера к 19.00. Впереди имею противника, расположившегося у озера (*сразу за перевалом Белый — авт.*) по тропам,

ведущим на Санчарский перевал и перевал Чмахара, силою до усиленной роты с батальонными минометами. Раненых и убитых пока нет. Люди уже отошдали, дальше наступать невозможно. Нет сил. Продукты еще не подвезены, воды нет. Троп нет, везде обрывы, скалы, большие крутости, берем подъемы по 2–3 часа с помощью веревок.

Противник отходит, занимает перевал Адзапш и район озера... в отряде двое убиты и еще трое ранены, из коих двое тяжело... Несмотря на трудности, моральный дух бойцов высок»²⁴.

Морально-политический дух советских солдат в боях на Санчарском направлении был высок. Горы сами по себе являются серьезным испытанием воли и духа человека, они, как своеобразный фильтр, отсеивают слабых, малодушных, эгоистичных людей, а тут еще ко всему недремлющий, сильный враг, находящийся в неизмеримо лучшем положении. Фашистским егерям советские бойцы противопоставили чувство локтя, моральное единство, мужество и стойкость, любовь и беззаветную преданность Родине. И если на равнине эти слова иной раз звучат несколько торжественно, то в горах это было обычным условием суровых будней. И это характерно для всех без исключения воинских частей, сражавшихся на «заоблачном фронте». Высоким был авторитет партийных организаций. В 1-м и 2-м батальонах 307-го полка только за август – сентябрь 1942 года было подано свыше 90 заявлений о приеме в партию и было вручено 69 партийных билетов²⁵. Их получали люди самых разных национальностей — здесь, в горах, солдаты показали непревзойденные образцы интернациональной сплоченности. Возможно, для России начала XXI века это неактуально. Но так было.

2-й сводный армейский полк собственной партийной комиссии не имел. В связи с этим прием в РКП (б) утверждала комиссия 25-го пограничного полка. В сводном полку развернулось снайперское движение, по инициативе бюро ВЛКСМ, каждый комсомолец обещал открыть личный счет истребленных фашистов. Победителем оказался комсомолец 1-й стрелковой роты красноармеец И. Валеулин²⁶. Он был награжден орденом Красного Знамени.

Комсорг пулеметной роты А. Попов гранатой уничтожил пулеметный расчет гитлеровцев, а через день погиб в разведке. Примеры мужества и героизма были очень часты на высокогорном участке фронта. Но, нужно об этом сказать особо, успех на Санчаро был невозможен без колоссальной работы в тылу. Так, например секре-

тарь Гудаутского райкома ВКП(б) Г. Н. Кокая сумел мобилизовать все силы Гудаутского района на помощь действующему 307-му полку, выделил людей — проводников, хорошо знавших горные тропы, мобилизовал вьючный транспорт из ресурсов района, и местное население старалось бесперебойно снабжать действующие части боеприпасами и продовольствием. Колхозники и колхозницы окружили заботой бойцов и командиров, выводили из боя раненых, оказывали им помощь, стирали белье личного состава, помогали бойцам размещаться и т. д. За большую работу кавалер ордена Трудового Красного Знамени Г. Н. Кокая был награжден орденом Красной Звезды²⁷.

Обеспечение частей, сражавшихся на Санчарском направлении, было лучше, чем, скажем, на Эльбрусе и, особенно, на Клухоре и Марухе. Так, обеспеченность продовольствием на Санчарском направлении составляла 109 единиц сутодач против 66 сутодач на Клухоре²⁸. В целом же, положение с обеспечением войск 46-й армии боеприпасами, продовольствием, фуражом было недостаточным. Еще 25 августа 1942 года Военный Совет Закавказского фронта разработал план по обеспечению войск 46-й армии. Согласно этому плану, предусматривалось создание запасов в районах перевалов Главного Кавказского хребта: боеприпасов — 2–3 комплекта; продовольствия, фуража и топлива — на 4 месяца. Грузы общим весом около 13.000 тонн должны были быть сосредоточены в точках Хокуч, перевал Белореченский, Красная Поляна, Рица, Аджара, Местиа. К ноябрю 1942 года части 46-й армии недополучили около половины намеченных грузов.

В таких условиях приходилось полагаться на энтузиазм населения, на их честную и бескорыстную помощь. А она была большой. Так, в сентябре 1942 года жители селения Лыхны пригнали в Псху 140 голов овец и коз на пропитание бойцов²⁹. Такая же помощь поступала и из других селений. В оккупированной зоне, в районе Преградной, «местные жители-карачаевцы собрали для одного из партизанских отрядов 80 голов овец, помогли теплой одеждой». Как упоминалось нами в специальной работе, 3 сентября 1942 года Ново-Александровский партизанский отряд (командир — Р. П. Пугач) разгромил вражеский гарнизон в хуторе Круглом, истребил около 20 солдат, 25 солдат и офицеров противника получили ранения. Тот же отряд совместно с Преграденским и Киров-

ским отрядами в течение семи часов вел бой с егерями 4-й горно-пехотной дивизии³⁰.

Начальник службы безопасности и немецкое командование на Северном Кавказе сообщали в Германию, что большое число партизанских групп проявляет активность, прежде всего в горно-лесной местности. Партизанскими группами совершаются регулярные налеты на базы, нападения на служащих вермахта, руководителей лагерей, старост, полицейских, организуются диверсии на железных дорогах в районе Армавира и других городов Кубани...

Обеспокоенное успехами народных мстителей, немецкое командование предприняло ряд карательных экспедиций. Против партизан Карачая и Кубани были брошены горнопехотные части, танки, бронемшины. Только на территорию Карачая было направлено свыше пяти тысяч горных стрелков из 97-й егерской дивизии для подавления партизанского движения в районе Урупа — Лабы — Белореченской.

Борьба с партизанами вермахтом признавалась равнозначной боевым действиям на фронтах. Характерно, что о партизанах в районе Белореченской упоминает Эрнст Юнгер в своих дневниках, подводя при этом читателя к тому, что водораздел между войной «цивильной» и беспощадной приходится на конец 1942 года: «дочь врача... хочет ехать в Германию, потому что на ней лежит трудовая повинность. Ее школьные подруги, те, которым уже по шестнадцать лет, мобилизованы в партизаны. Она рассказала об одной четырнадцатилетней подруге, которую (*немцы — авт.*) расстреляли у реки, без особого сожаления и сочувствия...

Это произвело на меня сильное впечатление.

Вечером беседа с майором К., преимущественно о партизанах, разведка и подавление которых лежит на его плечах.

Уже и между регулярными частями борьба беспощадная. Солдат отдает последние силы, чтобы не попасть к врагу, и тем самым объясняется упорная сила, с которой держатся котлы. Были найдены русские приказы, где назначается цена за голову живых пленных, которые нужны разведке для допросов. В других распоряжениях определяется, что пленных следует сначала доставлять в военные, а затем уже в политические инстанции; то есть, определена последовательность, в которой должен выдвигаться лимон.

Противники не ждут никакой милости друг от друга, и пропаганда поддерживает их в этом мнении. Так, прошлой зимой сани с ранеными русскими офицерами случайно захали на немецкие позиции. В тот же момент, когда пассажиры саней увидели это, они сразу же взорвали себя ручными гранатами. Тем не менее, пленных берут и для того, чтобы получить рабочую силу, и для того, чтобы привлечь перебежчиков. Но партизаны находятся вне законов военного права, если о них можно вообще говорить. Они, подобно волчьим стаям, загнаны в леса на вымирание. Я слышал здесь такие вещи, которые граничат с зоологией»³¹.

Кстати говоря, мы считаем ошибочным мнение людей, видящих в партизанском движении лишь конкретные действия, террористические акты. К формам партизанского движения относятся также саботаж, диверсии, отказ от работ, порча имущества противника, сбор разведанных, невыполнение натуральных поставок и налогов, укрывательство. А все это в цифрах не выражается, имена людей, которые занимались срывом вражеских мероприятий, в списках героев не значатся, а между тем, еще в октябре 1941 года начальник гитлеровской диверсионной службы вермахта на южном крыле советско-германского фронта признавал: «Гораздо большей опасностью, чем активное сопротивление партизан, является пассивное сопротивление — трудовой саботаж, в преодолении которого мы имеем еще меньшие шансы на успех»³².

В таких условиях план вермахта прорваться к морю и на Санчарском направлении был обречен на провал. В конце сентября противник окончательно похоронил надежду на успех и здесь, на Санчарском участке высокогорного фронта. Уходя из долины Бзыби и Псху на перевалы, противник должен был заботиться в основном о недопущении прорыва частей Красной Армии в свои тылы, так же как и на Клухорском и Эльбрусском направлениях.

Страда

Для более эффективных действий против группировки врага полковник И. Пияшев по согласованию со штабом корпуса проводит перегруппировку сил. Отряд майора Тесленко по-прежнему занимал

горный цирк с завалами камней и скальными осыпями между вершиной Агура и Главным хребтом и вел атаки в направлении перевала Белый (Чмахара). Но теперь, в соответствии с приказом штаба 46-й армии о расформировании 1-го Тбилисского пехотного училища, отряд Тесленко в составе 12-й, 17-й, 18-й и 19-й рот передавался в распоряжение командира 307-го полка³³.

Отряд майора Кушнарченко был выведен из ущелья Анчо и направлялся в район Грибзы к перевалам Чамашха, Цегеркер и Аллаштраху, ввиду усилившейся активности противника здесь и на перевале Лаба. Отряд переходил в оперативное подчинение командира 25-го пограничного полка полковника В. Б. Архипова. 6-я рота отряда майора Бурилова переходила в административное подчинение командира 2-го сводного полка, 8-я — в резерв полковника Пияшева. В подчинение 2-го полка переходили также 2-я и 20-я стрелковые роты 1-го Тбилисского военно-пехотного училища (ТВПУ)³⁴.

После короткой передышки 13 сентября возобновились бои в районе Санчарского перевала. Немцы вынесли горные пушки и минометы выше, на южные склоны Главного Кавказского хребта и, заняв высоту 1006, регулярно и методично обстреливали порядки наших войск в Псху, в долинах Ахей и Бавю, нанося урон подразделениям и 2-го сводного, и 25-го пограничного, и 307-го полков. Поэтому егерей необходимо было выбить оттуда. Кроме того, тропа на Санчар пролегла как раз над этой высотой.

Высота 1006 находится на гребне, который восточнее Санчара ответвляется от Главного хребта и образует довольно длинный травянистый хребет. Тропа от Санчара сначала идет по снежнику и обширным зыбким осыпям, а затем по лугам на склоне этого хребта. Долина реки Бышта сложна, склоны хребта круто обрываются к реке, поэтому тропа набита по гребню, выше полосы лесов и пересекает его. Отсюда она по поросшему травой склону спускается серпантинном к буковому лесу и в долину реки Ахей. Возвышенность над перевальной точкой на этом гребне именовали высотой 1006. Или «воротами Санчарского перевала».

13 сентября группа солдат численностью в 30 человек под командованием лейтенанта Е. Бражника поднялась с помощью веревок по кручам в ущелье Бышта в расчете на внезапную атаку, но ввиду того что безлесная часть склона просматривалась егерями,

была обстреляна противником и выбить его с высоты не смогла. К тому же силы были не равны³⁵.

Оставшаяся часть отряда Бражника, изнемогая от голода и жажды, на протяжении 15 и 16 сентября держалась на границе леса, отвлекая противника на себя. Некоторые бойцы падали и больше не вставали. Помочь им было некому. Исхудавшие, с задубевшими от солнца и ветра лицами, солдаты, чья одежда превратилась в лохмотья, были похожи на привидения. Движения их становились замедленными, реакция притуплялась.

В то время, когда бойцы Бражника из последних сил вели перестрелку с врагом, был укомплектован другой отряд — усиленный взвод автоматчиков под командованием лейтенанта Г. Цветкова (50 человек). С этим же взводом отправился на боевое задание комиссар 1-го батальона 307-го полка М. Даниэлян³⁶. На рассвете, 18 сентября, взвод Цветкова поднимается по ущелью Ахей до рудника, затем выше по течению реки Аллаштраху и за отрогом от гребня заходит в тыл противника, поднимаясь все выше и выше по крутому лесистому склону. Ввиду того что бойцы устали, кроме того, за полосой леса склон просматривался противником, пришлось дожидаться темноты.

В ночь на 19 сентября отряд Цветкова неожиданно для противника атаковал с тыла, зайдя со стороны Санчарского перевала, и почти полностью уничтожил передовую группу егерей.

Лишенный возможности в темноте подослать подкрепления, противник освещал окрестность всю ночь ракетами, а ближе к утру начал беспорядочную пальбу. Но затем отряд попал под перекрестный огонь немецких пулеметчиков. Однако немцы дают следующую картину: «2-й батальон снова вышел на Главный Кавказский хребет и защищал вершины, горные кряжи и перевалы. В докладе командованию сообщалось, что батальон держится из последних сил. Мы получили приказ свои позиции не сдавать и выбить русских из их укреплений. Численно мы превосходили русских, но их укрепления были лучше наших. Они начали бросать гранаты, мы ответили минометным огнем. 5 часов длилась эта дуэль. Гул стоял неимоверный, животные ржали и метались, их тоже надо было спасать. В общем, бой этот длился 12 часов. Наконец, наступил вечер. Темно. Темнота эта предвещала передышку и им, и нам. Не было слышно ни звука. Вдруг пошел дождь. Слышно было, как где-то шумят деревья. Неожиданно в 22 часа раздалась возгласы «руки

вверх!» и раскатистое «ура!». Противник воспользовался темнотой и застал нас врасплох. Из-за шума дождя мы не услышали его приближения. Но через 10 минут они вернулись на свои рубежи»³⁷. Но группа Цветкова здесь была отрезана от путей отхода, и лишь единицы могли оказывать противнику сопротивление. Продукты давно кончились, боеприпасы были на исходе. Похоже, что эта группа погибла вся. Во всяком случае, больше никакой информации от группы в штаб Пияшева не поступало, и судьба ее так и осталась неясной.

Утром, когда подразделения 307-го полка заняли высоту 1006, выяснилось, что группа Бражника тоже погибла. Сам командир группы был ранен в голову и в госпиталь был доставлен в бессознательном состоянии. Остатки группы — 7 человек с командиром — вынуждены были спуститься вниз.

Потери на Санчарском направлении были большие, но не такие, как на Клухоре или Марухе, где гибли тысячами и врачам работы доставало. Выше мы сообщали, в каких условиях действовали врачи. Их работа в горах тоже была подвигом. Военврач 3-го ранга А. Я. Цеховлес за сентябрь оперировал 38 тяжело раненых. Санитары под его руководством вынесли с поля боя 113 солдат³⁸.

Военврач 2-ранга П. Н. Чубинидзе особо отличился на Санчаре. За август и сентябрь (т. е. за 35 дней) Пимен Нестерович создал хирургический взвод, лично оперировал 600 раненых, в том числе 350 тяжело раненых солдат и офицеров. П. Н. Чубинидзе был награжден орденом Красного Знамени³⁹.

114 бойцов с поля боя вынесла военфельдшер комсомолка Вильма Августовна Лепиня, оказала помощь 120 бойцам в ходе боев. Награждена орденом Красной Звезды⁴⁰. Это — подвиг. И если медики на равнине работали под постоянным риском получить пулю или осколок, то здесь риск был двойной: не попасть под огонь врага и не сорваться в пропасть или не соскользнуть по круче вниз, не попасть под камнепад и т. д.

Захват высоты 1006 создавал хорошие предпосылки для штурма Санчарского перевала. Однако возможности обходного маневра не было. Высоты по Главному хребту противник превратил в опорные пункты, создал многоярусную систему обороны. Кроме того, выдвинув подразделения на отрог западнее Санчара, он держал под огнем тропу и подходы на Санчарский перевал. Попытки взять пе-

ревал штурмом силами 307-го полка 20 и 21 сентября привели к потерям. Перевал оставался в руках врага. Неудачей окончилась попытка роты 4-го батальона 155-й стрелковой бригады под командованием капитана В. Шестака овладеть отрогом западнее перевала. К тому же к концу сентября поступило распоряжение о выводе подразделений бригады из горных ущелий. Части 155-й бригады направлялись отсюда в район Орджоникидзе.

Вместо ушедших подразделений 155-й бригады сюда выдвигались две роты 1-го батальона 66-го стрелкового полка 61-й дивизии.

В конце сентября подразделения 66-го полка сменили остатки отряда курсантов 1-го ТВПУ майора Тесленко. Отряд лейтенанта Саковского, вероятно, в тот же день, когда поступило распоряжение о смене отряда Тесленко, ночью выдвинулся к перевалу Адзапш. В этот же день курсанты Тесленко завязали перестрелку с противником на перевале Белый (Чмахара), отвлекая внимание егерей от Адзапша.

Рота Саковского целый день пролежала в камнях в осыпях под Адзапшем. Ночью Саковский повел своих бойцов на штурм Адзапша. В темноте автоматчики Саковского вышли на перевальный гребень и атаковали врага. Одновременно преодолевая кручи, карабкаясь по стенам Главного хребта, группа лейтенанта А. Малышева и политрука Р. Ардиляна обошла позиции противника на Адзапше и вышла в тыл врага севернее озера. Здесь они обнаружены егерями, завязался жестокий бой, в результате которого вся группа в составе 25 человек погибла⁴¹.

На перевальном же гребне бойцы Саковского сбили врага к озеру, но закрепиться на перевале не смогли, так как сил было недостаточно⁴². Оставив на поле боя убитых, солдаты вынужденно ушли вниз.

Сентябрь, прошедший в боях, закончился. В начале октября в горах пошли снега, бои прекратились, несколько дней в ущельях стояла тишина.

Однако 3 октября группа пограничников в количестве 32 человек, ведомая младшим лейтенантом Н. Андрейченко и политруком В. Журавлевым, по глубоким снегам перешла через перевал Лабинский (2.545 м.) восточнее перевала Лаба и выбралась к слиянию рек Лаба и Цегеркер. Пограничники разгромили небольшой заслон немецких егерей, затем на обратном пути на северном склоне перевала Лаба уничтожили вражеский заслон численностью в 27 человек, захватили несколько вьючных лошадей и возвратились в часть

без потерь⁴³. Перевал Лаба теперь удерживался пограничниками 25-го полка. В начале октября за исключением трех застав 1-го батальона, находившихся в резерве командира, полк держал оборону в верховьях Грибзы и Лабы. Три заставы 2-го батальона вели в конце сентября бои за перевал Цегеркер.

10 октября подразделения 2-го батальона 25-го пограничного полка выбили противника с Цегеркера и заняли их позиции вокруг озера на перевале. Захват Цегеркера и Лабы давал хорошую возможность обходных маневров в тыл врага, удерживающего Санчар и Адзапш, однако приказа о таких рейдах не поступало. Пограничники держат здесь оборону до 23 октября 1942 года. 23 октября 25-й пограничный полк был выведен из района боев. После короткого отдыха полк был направлен в район Моздока.

Родина оценила подвиг пограничников в боях за Санчар. Военный совет 46-й армии за образцовое выполнение боевых заданий наградил большую группу пограничников орденами и медалями. За мужество и стойкость, за образцовое выполнение боевых задач 25-й пограничный полк был награжден орденом Красного Знамени.⁴⁴ Но, к слову сказать, наград были достойны не только пограничники. При изучении документов 25-го пограничного полка создается впечатление некой исключительности положения пограничников, продиктованной тем, что это были войска ведомства Л. П. Берия. Хотя пограничникам, сражавшимся на Санчарском направлении, надо отдать должное — сражались они мужественно. Но ведь мера мужества и героизма бойцов других срединений была адекватна тому же подвигу чекистов. Ясно видно, что захват перевалов немцами был обусловлен не малодушием советских солдат, не трусостью, хотя частные проявления этих человеческих слабостей были, а неподготовленностью горных проходов к обороне, более того, отсутствием воинских частей на них. То есть явными просчетами командования Северо-Кавказского и Закавказского фронтов. Многочисленные потери советских войск были обусловлены исправлением ошибок командования, тысячи солдат на перевалах выправили положение ценою своих жизней. Их подвиг среди камня и льда, безусловно, должен был быть по достоинству оценен командованием Закавказского фронта и 46-й армии, а затем и руководством страны. Но этого, к сожалению, не случилось.

В исторической литературе часто приходится встречать такой факт: 15 сентября 1942 года (в ряде источников — 20 октября) наши

части полностью освободили группу перевалов Санчарского направления. Так ли это?

Действительно, в результате успешной атаки частей 307-го и 66-го полков к 15 октября Санчарский перевал был взят. Однако, ввиду климатических условий после овладения перевалом, часть подразделений была отведена вниз. Это позволило немцам 21 октября сбить наши заслоны с перевала и вновь овладеть Санчаром и господствующими высотами. Однако попыток прорваться вниз противник больше не предпринимал, война здесь приняла позиционный характер. Очевидно, с этим связана и смена командира 4-й немецкой горнострелковой дивизии. Генерал Карл Эгельзеер был переброшен в другую дивизию, туда, где шли активные боевые действия. На смену ему пришел генерал-майор Герман Кресс. Новому командиру пришлось готовить дивизию к зимовке в горах. В конце октября бои полностью прекратились.

Противник к ноябрю занимал перевалы Аллаштраху, Санчар и Адзапш.

Рота егерей была развернута и на Санчаре, и на Адзапше⁴⁵. Здесь в основном были горные пушки с обслуживающим персоналом и по усиленному взводу автоматчиков. Части легкопехотной дивизии и изможденные, обескровленные в боях горные стрелки вынуждены были зимовать в сумрачных ущельях: в бараках севернее перевала Адзапш, в Загедане и Рожкао. Дороги исподволь заваливало снегом, ноябрь и декабрь выдались на редкость снежными, и немцы по существу оказались на некоторое время отрезанными от своих тылов.

Наше командование, ввиду того что группа полковника И. И. Пиешева в начале ноября была расформирована, оставило на перевалах Цегеркер, Аллаштраху и в районе Санчара 2-й сводный армейский полк, в районе Адзапша — роту 307-го стрелкового полка. Все остальные части были выведены из района боев.

Боевые действия несколько активизировались в начале января, несмотря на то что дороги и тропы стали труднопроходимыми. 4 января на перевал Адзапш вышла группа разведчиков во главе с младшим лейтенантом С. Ковалевым. К ночи, вероятно, группа достигла перевала. Противник начал освещать местность ракетами и открыл огонь по разведчикам⁴⁶. Затем повалил густой снег, огонь прекратился. Снегопад, перешедший в буран, бушевал еще два дня.

Трудно сказать, что случилось с группой Ковалева. То ли все разведчики попали под снежный обвал, то ли частью погибли или были взяты в плен. Спасательный отряд, высланный на поиски разведчиков, работал на склонах Главного хребта до 10 января, но поиски ни к чему не привели⁴⁷.

В одной из экспедиций в район Адзапша в 1983 году, в теснине одного из ручьев — истоков реки Бышта, на скальных полках мы обнаружили среди осыпей рассыпавшиеся от времени скелеты. Там же лежали ржавые каски, гильзы и патроны, красноармейские звездочки, ременные пряжки и т. д. Возможно, это были останки группы Ковалева. Утверждать же со всей уверенностью об этом мы не можем.

Одна из причин неудачи поисковой группы в январе 1943 года — погодные условия. «Погода на перевалах резко изменилась, — читаем в одном из донесений, — сильные снежные бураны, туман, видимость значительно ухудшилась, начались обвалы... Приняты меры для усиления бдительности. 5.1.43 г.»⁴⁸. В силу этих обстоятельств, заставы 2-го сводного полка спустились вниз с перевала Чмахара (Белый) и с занимаемых высот. На Чмахаре, Цегеркере, Аллаштраху были оставлены патрули. Связи между заставами и штабом полка не было. Более того, регулярно прерывалась связь со штабом корпуса, на что сетовал постоянно полковник И. Пияшев⁴⁹.

11 января отдельный отряд 11-го отдельного горнострелкового отряда (ОГСО) в 4 часа утра атаковал противника на безымянной высоте метрах в 300 южнее Санчара. К 8 часам наши бойцы вышли к высоте и двум оборудованным блиндажам. На поддержку группы был послан взвод автоматчиков 2-го сводного полка. В течение дня красноармейцы овладели высотой на Главном хребте между перевалами Санчар и Аллаштраху и по отрогу продвинулись несколько севернее, контролируя, таким образом, подходы к тому и другому перевалам. Но это был день, когда немцы сняли свои подразделения с перевалов и стали отходить в северном направлении. К вечеру 11 января егеря сняли свои заслоны с перевала Аллаштраху. Отходившая в ущелье группа противника была обстреляна нашими бойцами, но наступившая темнота лишила их возможности преследования и дальнейшего наступления⁵⁰. Ночью опять начался снегопад.

Санчарский перевал на этом участке противник оставлял последним. Лишившись перевалов Адзапш, Аллаштраху, Чмахара и Це-

геркер, он понимал, что дальнейшее пребывание на Санчаре не только бессмысленно, но и опасно. Состояние горных стрелков было подавленным. Всю осень 1942 года они провели в диких и враждебных горах. Неистово штурмуя ледники и отвесные скалы, они почти вышли к заветной цели — морю. Они видели его с высот Гудаутского хребта, они чувствовали его теплое и влажное дыхание. В холоде и мраке горных ночей море приходило в их сны ласковой волной и теплыми пляжами, грезилась свежие фрукты и накрахмаленные простыни, цивильная одежда и настоящий табак, женщины и молодое грузинское вино, отдых и возможная дорога домой. Сны сменялись жестокими реалиями пронзительных осенних дней, когда даже некогда пьянящий запах хвои становился невыносимым из-за смрада пороха и крови, гниющих ран и разлагающихся трупов. Горные стрелки хоронили товарищей, с которыми они прошли пол-Европы, дошли до заветных вершин и многие месяцы делились последним. Погибшим предстояло навеки остаться в каменных могилах на холодных и угрюмых террасах хребтов и отрогов. Души погребенных, казалось, металась в горных ущельях и не могли вырваться в родные Тирольские и Баварские долины, где их ждали родные и близкие. Живым же приходилось бросать все добытое в кровопролитных боях, оставляя с таким трудом и потерями взятые перевалы и тропы, а будущее не внушало оптимизма. Было страшно.

К исходу 11 января бойцы 2-го сводного полка НКВД, спустившись с высот, ударили во фланг оставшихся на Санчаре постов противника. Блиндажи егерей на перевале были захвачены нашими бойцами, в них нашли документы 94-го горноартиллерийского гаубичного дивизиона, трофейное оружие⁵¹.

Противник спешно выводил свои части из ущелий. Преследование противника подразделениями 2-го сводного полка и 11-го горнострелкового отряда было затруднено начавшимся к ночи бурном.

Поход генерала Карла Эгельзеера к морю, предпринятый им в начале «бархатного» сезона, закончился гибелью тысяч немецких солдат, нашедших смерть от пуль советских бойцов, от холода, от камнепадов и снежных лавин.

Глава 12

НА МАРУХСКОМ НАПРАВЛЕНИИ

Гибельный план

Если на Клухорском, Эльбрусском, Санчарском направлениях бои начинались с того, что противник без особых потерь овладевал перевалами, а затем устремлялся вниз, в ущелья, где тропы и дороги вели к морю, то на Марухском направлении события складывались иначе и в привычную для нас схему боевых действий не укладывались.

Марухский перевал входил в полосу обороны 810-го стрелкового полка. Но ввиду критического положения, сложившегося на Клухоре, и первых временных неудач на Эльбрусе командование Закавказским фронтом под давлением Л. Берии и его генералов потребовало от командующего 46-й армией выдвинуть на Марухское направление два полка с целью предотвратить захват противником этого перевала. Поэтому сюда было решено направить 810-й полк в полном составе и два батальона 808-го полка¹. Но затем был разработан другой план, предусматривающий не только оборону этого перевала, но и удара в тыл Клухорской группы противника. Командование созданной приказом по 46-й армии группой войск Марухского направления было поручено полковнику В. А. Абрамову.

План ликвидации Клухорской группы противника выглядел следующим образом. Два отряда должны были двигаться через Марухский перевал к перевалу Северо-Каракайский, форсировать его, спуститься в долину Аксаута. Отсюда один отряд под командованием майора Кириленко должен был через перевал Алибек выйти в Домбай, а оттуда через Чучхур в район Клухора. Второй отряд, ведомый командиром 810-го полка В. А. Смирновым, из Аксаутско-

го ущелья должен был выйти к перевалу Хутый и в Гоначхирское ущелье². Но в план были внесены коррективы.

Прежде всего, на непредвиденный случай нужно было обезопасить переход в Марухском ущелье, тем более что разведка докладывала о появлении противника в его верховьях. Во-вторых, не исключалась возможность выхода противника из Архыза к перевалам Наур и Кызгыч — их тоже нужно было укрепить. В-третьих, нужно было подготовить к обороне и сам Марухский перевал.

В силу этих обстоятельств 2-й батальон 810-го стрелкового полка выдвигался на террасы хребта Ужум, к перевалу Бугой-Чат, и контролировал глубокую безлесную долину реки Марух.

3-й батальон 810-го полка направлялся к перевалам Наур и Кызгыч (Нарзан). Таким образом, для выполнения основного задания командир полка майор В. А. Смирнов располагал 1-м батальоном полка, полковой школой, минометной ротой и службами. Для усиления 810-го полка командиру был подчинен 3-й батальон 808-го полка, а 2-й батальон 810-го полка, находящийся на хребте Ужум, переходил в оперативное подчинение командира 808-го полка майора Ш. В. Телия.

На перевальной седловине в обороне оставался 2-й батальон 808-го полка³. Первый батальон полка, как указывалось выше, направлялся на Санчарский перевал, где пока противник не наблюдался.

План рейда на Клухор из района Маруха был представлен генералу войск НКВД И. А. Петрову, назначенному Л. Берией заместителем командующего фронтом. Берия, в обход командующего фронтом генерала армии И. В. Тюленева, создал при штабе Закавказского фронта параллельную группу по обороне перевалов, поставив во главе своих любимчиков из НКВД. Петров одобрил этот план. Начало операции — 25 августа. Но к 25 августа подразделения еще не были готовы к маршу, поэтому 810-й полк выступил 28 августа⁴. На выполнение плана давался трехдневный срок.

В действительности, план, утвержденный в штабах армии и корпуса, был с самого начала обречен на провал. Сказывалась старая болезнь — незнание условий горной войны, пренебрежение сложностями рельефа, условиями прохождения по маршруту совершенно не подготовленных частей и климатическими условиями, недооценка сил и возможностей противника.

Прежде всего, командование не учло, что маршруты Марух — Хутый — Гоначхирское ущелье — Клухор подготовленная опытная

группа сможет пройти за три дня, а ведь солдаты 810-го полка такой подготовки не имели. И хотя подъем в ущелье Кичи-Теберди не относится к категории сложных, тем не менее, он требует определенных навыков. Да и спуск через перевал Хутый тоже не относится к категории простых. На дне ущелья необходима была переправа через реку Теберду. Но там сильное течение, и через ледяную воду вброд могут перейти только подготовленные люди. Как затем этот отряд должен был пройти по высокогорной части Военно-Сухумской дороги, контролируемой и эксплуатируемой немцами, остается загадкой.

Маршрут Марух — Алибек — Домбай — Чучхур — Клухор еще сложнее и требует высокой горной подготовки. Солдатам предстояло спуститься в Аксаутскую долину, затем преодолеть крутой подъем к перевалу Алибек (3160 м), затем снова спускаться, теперь уже к Домбайской поляне. Затем предстояло форсировать затяжной подъем в ущелье Домбай-Ёльген, пересечь перевал, пройти по заваленному скалами и поросшему густым лесом ущелью Буу-Ёльген. В конце изнурительного марша им предстояло с ходу вступить в бой в Гоначхирском ущелье, в районе Северного Приюта, с противником, силы которого пока еще не были определены. В первом и во втором случаях большую часть пути пришлось бы преодолевать цепочкой, в колонну по одному. В результате получилось бы, что идущие впереди в местах привала часами ждали, когда подтянется хвост колонны. В такой ситуации либо половина бойцов лишалась столь необходимого отдыха, либо терялось драгоценное время.

Как провести в трехдневный срок по изнурительным горным тропам солдат, тащивших буквально все на себе? Какова будет боеспособность подразделений в конце такого марша? Каким образом провести незаметно по горным тропам отряд в 1200 человек так, чтобы он не стал объектом штурмовки вражеской авиации или огня гитлеровских частей, уже занявших Домбай и Гоначхирское ущелье? Каковы силы противника в Аксаутском ущелье, и что здесь предпринимает противник? Как проводить ночевки в ущельях, не имея соответствующего обмундирования? Как организовать питание, если вместо консервов бойцам было выдано сырое мясо? А хватит ли продовольствия, взятого в расчете на три дня, на весь период боев?

Все эти вопросы, вероятно, не стали объектами внимания ни принявшего командование 46-й армией Леселидзе, ни заместителя

командующего фронтом генерала Петрова. В 4.00 часа утра 28 августа отряд 810-го полка, разделившись на две колонны, покинул Марухский перевал и ступил на Северо-Марухский ледник.

Высокогорный батальон Бауэра

В тот период, когда в штабе 3-го стрелкового корпуса разрабатывался план рейда на Клухор, противник тоже выдвигал в горы свои части. Отдельный высокогорный батальон майора О. Бауэра из Курорта Теберда через перевал Муху, а 1-й батальон 98-го горнопехотного полка из района Кардоникской вышли в верховья Аксаутского ущелья, заняли перевал Халега и сооружали канатные дороги. Резервный батальон двигался пешим порядком по Марухскому ущелью, разбив по пути Иконхалкско-Кувинский партизанский отряд. В то время, когда упомянутый отряд майора Смирнова готовился выйти на Северо-Марухский ледник, немцы заняли перевал Халега, укрепили его, построили у озера базы и блиндажи, закрепились на хребте от перевала Северо-Каракайский до Халеги, том самом, который сейчас называют Оборонным⁵. В те же дни, 26–27 августа, альпинисты высокогорного батальона Бауэра построили несколько пулеметных гнезд на восточном плече вершины Кара-Кая, несколько отстоящей от Главного Кавказского хребта. С перевала Южно-Каракайский противник наблюдал за подготовкой 810-го полка к маршу на Клухор. Правда, о готовящемся рейде противник и думать не мог, так как план советских войск был совершенно авантюрный. Разведка доложила о концентрации советских подразделений на Марухском перевале. Из дневника обер-егеря 2-го высокогорного батальона Альфреда Рихтера: «27.08.42 г. Подъем в 4 часа утра и снова марш *(немцы почти во всех случаях пользовались берлинским временем, имеющим разницу в два часа по сравнению с московским, в данном случае — 6 часов по Москве — авт.)*. Около 11 часов добрались до стоянки пастухов в Красном Карачае. Небольшой привал, и снова вперед — на юг. Узнаем, что западнее, в Марухской долине, русские обстреляли подразделения 98-го горнострелкового полка. Русские, снабженные артиллерией и минометами, заняли позиции на Марухском перевале. Наш батальон получил приказ нанести по русским удар с восточной стороны. Еще в Теберде командир дивизии

уточнял детали наступления. На карте главные пункты были обозначены: «а», «d», «с». 3-я рота следует до пункта «d» у впадения Малой Теберды в Аксаут, штабной батальон — до пункта «с» (18–20 км южнее Красного Карачая). Долина прекрасная. Свежий, чистый воздух. Мучения наши остаются позади, когда мы останавливаемся на привал. Все радуются. С наступлением темноты разбиваем лагерь в пункте «с». Пошел дождь. Нам не разрешают разводить костер»⁶.

28 августа немцы еще не были готовы штурмовать Марухский перевал, о чем свидетельствует Бухнер: «...так как противник на северо-восточном крае Марухского ледника сначала не проявлял никаких намерений к бою, высокогорный батальон внизу Аксаутской долины (после того, как собственная планомерная атака стала неизбежной) лелеял мысль взять Марухский перевал благодаря обходу вражеского восточного крыла (*имеются в виду перевалы Южно-Каракайский и Западный Аксаут — авт.*). В спешном порядке решался вопрос о том, как провести в высокогорной, тяжелой по природным условиям местности разведку и основную рекогносцировку, после чего выработать точный план нападения. Для этой индивидуальной разведки выступил рано утром 27 августа командир батальона и поднялся по Аксаутскому леднику к Марухской вершине, севернее Марух-Баши (*перевал Южно-Каракайский — высота 3.300 — авт.*). Здесь встретился с дозором Д., который объяснил причину своего молчания тем, что отказал радиоаппарат. Враг сюда еще не вступал, от скалистой вершины простирался прекрасный вид на Марухский перевал, на котором кишели Советы...»⁷.

Из дневника Альфреда Рихтера: «28.08.42 г. в 4.00 вместе с командиром надо идти на «Волчий рудник», в квадрате «d», где на высоте 1911 м. находится озеро, на берегу которого расположены бараки. Прекрасный, свежий лес на склонах гор. Вся флора здесь напоминает альпийскую, но в Альпах все это растет на высоте 1200 метров. Отсюда прекрасный вид на долину, Аксаутский ледник, левее сам Аксаут (3908 м.).

В бараках мы встречаем женщин и детей, которые, похоже, работали на этом руднике. Неожиданно для меня одна из женщин обратилась по-немецки: «Нет ли у Вас иконы св. Георгия?». Увидев мое удивление, она пояснила: «Видите ли, я верующая. Я учительница и обучаю здешних детей». Жаль, что я не смог выполнить ее просьбу. Не найдя ничего интересного, я покинул этот барак. Крес-

тянин, шедший мне навстречу, выразил особое одобрение, увидев, что я ухожу.

В одном из барачков мы устроили рабочую комнату для командира, внесли туда радиоаппаратуру. На сегодня планировалось наступление на Марухский перевал, но отменили, так как нам не было известно точное местонахождение противника. Поэтому сегодня у меня есть возможность подробнее ознакомиться с местностью. К вечеру поступило донесение, что 3-я рота находится на леднике Аксаут и до сих пор не столкнулась с противником. Лейтенант Кельц из 2-й роты со своим разведотделением находится в пункте «d» севернее горного кряжа Кара-Кая (3163), восточнее расположения русских (*то есть на Красной горке — авт.*). Разведотделение выполнило свою задачу, но из-за отсутствия боеприпасов не может продвигаться дальше. Командир планирует ночью пройти к Кара-Кая и внезапно нанести удар по русским. Для этого надо согласовать действия и высадиться напротив пункта «с» севернее вершины (3080 м). Боеприпасы и продовольствие доставят завтра»⁸.

Таким образом, налицо стремление 2-го высокогорного батальона Бауэра выйти в тыл Марухской группы советских войск через перевал Южно-Каракайский и Западный Аксаут. Одновременно с этим Марухский перевал должен был штурмовать 1-й батальон майора Бадера из 98-го горнострелкового полка, частью со дна Марухской долины, частью с западного крыла перевала. План этот был составлен командиром Марухской группы войск, альпинистом, майором Айсгрубером. Если исходить из расположения частей 808-го и 810-го полков, план Айсгрубера был идеален.

Появление 810-го полка на Северо-Марухском леднике явилось полной неожиданностью для противника. «Но в последний момент Советы одним штрихом перечеркнули все наши расчеты», — отмечает А. Бухнер.

Бауэр не сомневался в успехе и поэтому 27 августа спустился в Аксаутское ущелье, чтобы повести батальон к Марухской вершине.

Но теперь противник должен был встречать отряд 810-го полка, уже вышедшего на Северо-Марухский ледник и облегчившего задачу горным стрелкам. На леднике отряд красноармейцев становился фактически беспомощным. Открывалась замечательная перспектива прорыва высокогорного батальона в тыл частей Красной Армии через перевал у основания вершины Марух-Баши. Однако немцы

столкнулись с серьезными трудностями, о чем красноармейцы и не подозревали. Боеприпасов и продовольствия у немцев было лишь на один день. Затяжные бои для них были равносильны смерти.

«28.08.42. Ночь провели в бараке, — сообщает А. Рихтер, не знавший о том, что происходит на Северо-Марухском леднике. — Лежали на полу, спать не могли: досаждали клопы. В 11.00 лежим в укрытиях, ждем русских. Разведгруппы посланы на все направления. Возможно, противник прячется в долине Аксаута, где бесчисленные ручейки и щебенистые берега. Боеприпасы еще не доставили. Рискованное дело, хотя и сохраняем оптимизм. Без обоза, без боеприпасов, без вьючных животных, войска высоко в горах собираются вести наступление. Мы почистили бараки и приготовили их для раненых. За вчерашний день: 2 — убитых, 5 — раненых, 2 — пропавших без вести. Сегодня утром пришло сообщение: 5 — сорвавшихся со скалы, 7 — раненых. Взято 10 пленных. Пленные были слабые и голодные. Они дали показания»⁹. Это была прелюдия к бойне на Северо-Марухском леднике.

Северо-Марухский ледник — один из самых крупных ледников Западного Кавказа. По площади (он занимает около 450 га) ледник уступает, пожалуй, лишь падающему крутому леднику Джалаучат (640 гектаров) в верховьях Аксаута. Но в отличие от Джалаучатского, Северо-Марухский ледник довольно пологий, напоминает громадное ледяное поле, обрамленное с юга мрачной стеной вершины Кара-Кая, стеной Главного Кавказского хребта с глубоким провалом Марухского перевала, хребтом Ужум с запада и скальным, каменистым хребтом Оборонным (Красным) с востока. Весь ледник изрезан глубокими трещинами и щелями. С северной стороны он обрывается на террасах и бараньих лбах, по которым стекают ручейки — истоки реки Марух. Уровень Марухского перевала (2.748 м) ниже уровня ледника.

В восточной части ледника между хребтом Оборонным и северным плечом вершины Кара-Кая находится Северо-Каракайский перевал (3.080 м). Это узкая щель между отвесными скалами. Если по Марухскому перевалу одновременно может пройти рота солдат, то здесь одновременно пройдут от силы два человека. С перевального гребня тропа круто идет под красноватыми каменными полками к леднику, а ниже по крутому, поросшему травой склону спускается в долину Аксаута.

Господствующая на этом участке высота — Красная горка, на немецких картах она обозначалась цифровым знаком 3163. С высоты 3163 хорошо просматривается и Северо-Марухский ледник, и тропа на Северо-Каракайский перевал, поднимающаяся из Аксаута, и горный цирк с двумя озерами и тропой на перевал Халега.

Белое поле Маруха

С Северо-Марухского ледника за хребтом Оборонным невозможно было увидеть, что затевали немцы. Поэтому отряд, разделившись на две колонны, пересекал ледник. Тем временем противник, предвидя, что маршрут одной из колонн будет пролетать через Северо-Каракайский перевал, спешно сооружал огневые точки и на хребте Оборонном, и на гребне над Северо-Каракайским ледником, и на плече вершины Кара-Кая. Колонна 3-го батальона 808-го стрелкового полка, ведомая командиром батальона В. Р. Рухадзе, достигла Северо-Каракайского перевала. По одному бойцы, подстраховывая друг друга, стали переходить перевал и спустились частью на небольшой ледник. Ввиду того что колонна растягивалась, командир батальона дал возможность перешедшим бойцам отдохнуть. Было около 8 часов утра.

И тогда горные стрелки с гребня вершины Кара-Кая и с отрога Оборонного хребта открыл огонь по перешедшим частям 3-го батальона¹⁰.

Одновременно с огневых точек на Оборонном хребте противник открыл жестокий пулеметный и минометный огонь по колоннам Смирнова и Кириленко, направлявшегося к перевалу Халега. Северо-Марухский ледник покрылся трупами красноармейцев. В первые часы горные стрелки беспрепятственно били советских солдат, превратившихся в живые мишени на белом поле ледника. Укрыться на ледяном поле было невозможно.

Когда прошло замешательство и красноармейцы пришли в себя, обе колонны понесли серьезные потери. Нужно было во что бы то ни стало подавить огневые точки врага.

В этой ситуации командир третьего батальона 808-го стрелкового полка капитан В. Рухадзе приказал командирам рот отвести бойцов несколько севернее, к осыпям и обломкам скал, где можно было

укрыться от вражеских пуль, и при первой же возможности подавить огневые точки противника. Однако осуществление этого замысла днем было невозможно — немецкие альпинисты занимали господствующие позиции на западном отроге перевала и открыли оттуда минометно-пулеметный огонь¹¹. Белое поле ледника превратилось в ад. Красноармейцы в поисках укрытий метались по льду и снежникам, скользили и падали в ледяные щели, срывались с отвесных скал севернее ледника. Но все же подразделения 810-го стрелкового полка, оправившись от ужаса и растерянности, сумели подойти к моренам у края Северо-Марухского ледника и залечь на моренных образованиях, в северной части ледового поля. После полудня интенсивность огня с двух сторон пошла на убыль. С наступлением темноты бойцы 810-го полка сумели пробраться вплотную к огненным точкам противника и изготавиться к атаке. Однако дожидаться утра было бессмысленно: противник в любой момент мог подбросить подкрепления с базы близ озера сразу за хребтом, кроме того, советские бойцы, прижавшиеся к камням, попросту замерзли. После полуночи бойцы 810-го полка предприняли отчаянную попытку выбить противника с занятых высот, закрепились на ряде участков, но большего добиться не смогли. Основная часть 810-го полка рассвет встретила на леднике. Двенадцать человек, по нашим данным, в эту августовскую ночь погибли не от пуль — они замерзли на Северо-Марухском леднике: красноармейцы А. Симачков, В. Бескрайний, С. Середка, С. Вильченко, А. Ахведлиани, М. Смоленко, Г. Рачивашвили, И. Хурцудзе, Л. Полетаев, Х. Гайнулин, М. Полозков¹²...

В этот период 3-й батальон 808-го стрелкового полка тоже предпринял попытку выбить врага с господствующих высот и занять их. По приказу командира батальона седьмая рота Ш. Марджанишвили и восьмая рота Н. Схиртладзе ночью атаковали противника несколько восточнее Красной горки. Пришлось подниматься по скальным полкам и восточнее — по травянистым террасам, но другого выбора не было, так как с рассветом противник вновь предпринял бы огонь с противоположного гребня — черного иззубренного плеча вершины Кара-Кая. В неимоверно сложных условиях, подстраховывая друг друга, в темноте, без всяких приспособлений и веревок бойцы седьмой роты поднялись на хребет и атаковали спящих альпийцев. Одновременно восьмая рота атаковала спящего противника несколько

восточнее седьмой роты. Завязался ожесточенный ночной бой. К исходу ночи горные стрелки были отброшены с хребта, они отошли к своим базам у озера, но большая часть Оборонного хребта по-прежнему оставалась в руках противника.

Предполагалось, что с рассветом наши части сломят сопротивление противника, уничтожат его и продолжат путь на Клухор. Однако подлинные силы и возможности врага были неизвестны. Высланные разведчики не вернулись. Утром 29 августа бои на Северо-Каракайском и Северо-Марухском ледниках возобновились с новой силой. К полудню стало ясно, что враг здесь располагает явным преимуществом, причем во всех отношениях, и дальнейшие попытки пересечь хребет Мысты-Баши и спуститься в Аксаутскую долину равносильны потере всего отряда. Однако первоначального приказа никто еще не отменял. Командир отряда майор В. Смирнов послал в штаб корпуса донесение (штаб дивизии находился далеко — в Генцвиши, в районе Клухора), в котором просил подкрепления. До штаба корпуса был день ходу, и то в обычных условиях, но шли бои, поэтому рассчитывать на то, что помощь подойдет раньше трех дней, не приходилось, тем более в штабе корпуса о положении отряда Смирнова еще не знали.

Командование 810-го полка оказалось в исключительно сложной ситуации. С одной стороны, отряд Смирнова был расчленен и вел ожесточенные бои на нескольких участках — непосредственно на Северо-Марухском леднике, на моренах в северной части, на скалистых склонах Оборонного хребта, на подходах к перевалу Халега, на Северо-Каракайском леднике. Расположение противника оказалось исключительно выгодным, хотя численного перевеса не было. А потери в отряде Смирнова очень серьезные. С другой стороны, помощи ждать было неоткуда, и хотя непосредственно на перевале находился 2-й батальон 808-го полка, он майору Смирнову не подчинялся, да и оставить перевал не мог. Кроме того, 2-й батальон капитана В. Татарашвили уже 30 августа испытал на себе огонь противника с перевала Южно-Каракайский, то есть с правого своего фланга. В частях начался голод — третьи сутки солдаты ничего не ели. Доведенные до изнеможения бойцы стали питаться сырым мясом, взятым с собой в расчете на его приготовление в пути, но на леднике и в скалах разжечь костер было невозможно. Сырые шинели и сапоги, снятые с убитых, не горели. Началась дизентерия,

многие бойцы умерли от заворота кишок¹³. Мучила жажда — вода, днем струящаяся по леднику, к вечеру замерзала, да проку от нее не было — общеизвестно, что ледниковая вода для питья не годится. В такой ситуации разумнее всего было отказаться от первоначального плана и отвести отряд к перевалу, сдерживая врага. Но приказа об отходе не поступало. Кроме того, самовольный отход грозил трибуналом. Лишь в ночь на 1 сентября, когда от отряда остались единицы, полковник Абрамов, на которого возлагалось осуществление первоначального плана, отдал приказ об отходе¹⁴.

В ночь на 1 сентября командир 3-го батальона 808-го полка собрал остатки солдат и стал отводить их к Марухскому перевалу. Прикрывать отход было поручено группе бойцов под командованием политрука 7-й роты Т. Мачавариани.¹⁵ Его маленький отряд и закрепился на Красной горке и в течение утра и всего дня 1 сентября под проливным холодным дождем отбивал атаки противника. Между тем, оставшиеся части отряда В. Смирнова отходили по Северо-Марухскому леднику, отбиваясь от наседавшего врага. К исходу дня, когда отряд отошел к Марухскому перевалу, от 1200 человек личного состава оставалось менее одной трети. Погибших от пуль, осколков, сорвавшихся в ледяные щели и со скальных полок, равно как и попавших в плен, пока еще никто не считал. Но немцы вели свой, скрупулезный, подсчет. Так, в личном дневнике Альфред Рихтер отметил: «1.09.42. Всю ночь лил проливной дождь. Люди наверху чувствовали себя ужасно. Опять перебежчики, которые едва стоят на ногах. Перебежчики и пленные рассказывают, что им на 5 дней были выданы по 0,5 кг хлеба и по 2 кг сырого мяса. Они не могли есть сырое мясо, а разводить огонь им не разрешали. У противника взяты ручные гранаты, миномет, пулемет, 26 пленных и еще 5 перебежчиков. Противник отступает... 2.09.42. Я спал на своем рабочем столе, который соорудил далеко от стены, и клопы меня не беспокоили. Погода разъяснялась. Затишье. В общей сложности у нас 150 военнопленных. Разместили их в заброшенном сарае. Накормить их не можем, у самих мало продовольствия. Запас небольшой. У пленных свои запасы консервных банок. Разрешаем им разжечь костер и сварить суп. Решено использовать их как носильщиков. Сегодня боев не слышно»¹⁶.

К исходу 1 сентября немцы вышли на ледяное поле и заняли большую часть его. Одновременно первый батальон майора Бадера

поднимался из Марухской долины, тесня части майора Кириленко, выдвинутые первоначально в качестве боевого охранения несколько вперед и левее основного отряда. Часть немцев продвинулась по хребту Ужум вплотную к западной над Марухским перевалом высоте. Таким образом, противник контролировал теперь всю верхнюю часть Марухской долины, кроме прилегающей к перевалу части ледника, на террасах которой залегли и продолжали отстреливаться бойцы 810-го полка.

3-й батальон 808-го полка к исходу 3 сентября соединился с основным отрядом. Из 550 человек личного состава батальона в живых осталось около 80¹⁷. Группа, прикрывавшая отход батальона, погибла вся: семь человек погибли от пуль и осколков, остальные, во главе с Т. Мачавариани, замерзли. Мы приводим имена этих бойцов: политрук Т. Мачавариани, старший сержант Ш. Н. Сулуквадзе, сержанты Э. Ф. Нунокян, Т. Д. Николошвили, красноармейцы З. М. Теплепкий, Ш. Д. Шания, Е. М. Хачатурян, мл. сержант К. П. Моликадзе, рядовые В. А. Остроухов, Д. Н. Рябушенко, Г. А. Дзина, Э. А. Кукава, М. П. Мокеев, П. Т. Ивченко, Н. Я. Кузнецов, В. А. Масличенко, А. А. Харьков, Н. Ф. Кривенко, И. Н. Воробьев, М. П. Парканов, С. И. Постный¹⁸.

На Ужуме

А как обстояли дела во 2-м батальоне 810-го стрелкового полка, выдвинутом на хребет Ужум?

Этот батальон занял высоты на хребте Ужум в качестве вспомогательной операции во время рейда, о котором сообщалось выше¹⁹. 2-й батальон 810-го стрелкового полка под командованием капитана В. С. Родионова первым вышел на Марухский перевал и занял здесь оборону. Именно этот батальон имеет в виду А. Бухнер, немецкий историк, воевавший в этот период на Марухе: «На рассвете 25 августа Советы захватили врасплох в одной из энергично проведенных атак выдвинутый вперед гарнизон на Марухском перевале и после короткого боя уничтожили его. Потом противник, укрепляясь на ходу, направил силы в северном и восточном направлениях Марухского ледника и там закрепился. Одновременно устремился он дальше, по направлению к Марухской долине»²⁰.

Здесь речь идет о выходе 2-го батальона 810-го полка на хребет Ужум. Выход батальона Родионова на Ужум был связан с планом рейда отряда Смирнова на Клухор, т. е. батальон должен был выполнять функции боевого охранения и оградить отряд Смирнова от ударов с фланга.

26 августа батальон Родионова оставил свои огневые точки на террасах севернее Марухского перевала и вышел на хребет Ужум, то и дело сбивая мелкие группы противника. Для оборонительных порядков была выбрана каменная терраса на восточном склоне хребта, к которой, по существу, не было троп и сколько-нибудь удобных подходов, но отсюда хорошо просматривалась вся долина реки Марух, чуть севернее и выше — две каменные вершины, склон одной из которых составлял перевал Бугой-Чат. Здесь бойцы соорудили огневые точки, которые в большинстве сохранились и сейчас. Уже на второй день противник дал о себе знать самым неожиданным образом — он появился над боевыми порядками батальона, был обстрелян и, отойдя, закрепился на господствующих вершинах.²¹ Командир батальона Родионов, предвидя, что противник будет действовать как по дну Марухской долины, так и по хребту Ужум, расположил одну роту в низине, а две — на склоне хребта, затем двумя ротами атаковал ночью, в непогоду, командные высоты над перевалом Бугой-Чат и 27 августа опрокинул часть противника в ущелье Кызгыч. Одновременно рота в долине разбила и рассеяла передовые части егерей²². Казалось, боевые порядки второго батальона 810-го полка были неуязвимы. Но впечатление было обманчивым.

Непонятно было, почему в последние дни — 28 и 29 августа — противник не проявлял здесь решительно никакой активности. Тогда никто еще в батальоне не знал, что происходило на Северо-Марухском леднике, ибо связные, посланные в штаб полка, не вернулись ни на следующий день, ни 30 августа. И лишь 1 сентября стало ясно, что батальон на Ужуме окружен первым батальоном 98-го горнопехотного полка. Противник сознавал, что, имея фактически в своем тылу боеспособный батальон частей Красной Армии, уповать на успех на Марухе не приходится. Поэтому прежде всего нужно было ликвидировать советское подразделение на склоне Ужума, а потом думать о штурме Маруха. На протяжении 2, 3, 4 сентября майор Бадер безуспешно пытался сломить сопротивление батальона

Родионова. К ночи противник прекращал атаки и огневые налеты, и, казалось, бойцам можно передохнуть. Но отдохнуть хоть сколько-нибудь не удавалось. Сказывалось отсутствие воды, мучила жажда, по ночам становилось холодно, появились обмороженные, некоторые бойцы замерзали до смерти. Так, здесь замерзли красноармейцы Е. Насибян, К. Парулава, А. Чихадзе²³... Почти полностью кончились запасы продовольствия. Ввиду того что противник предпринял 5 сентября генеральный штурм Маруха, пытаясь «на плечах» отходящих наших частей выйти на перевал, батальон Родионова был оставлен в покое, к тому же противник видел, что батальон обескровлен, из личного состава уцелела четвертая часть, да и та измучена жаждой, голодом и ночными заморозками. Немцам важно было выйти перед решающим штурмом перевала на узловую высоту западнее Маруха и занять всю полуокружность, примыкающую к перевалу. Поэтому враг, оставив на хребте роту горных стрелков, устремился к высотам над Марухским перевалом и к утру 5 сентября занял их.

«Эдельвейсы» на Марухском перевале

Позиции 808-го полка и отошедших к Марухскому перевалу оставшихся подразделений отряда В. Смирнова превратились в крошечный ад. Противник сосредоточил на перевальной площадке артиллерийский, минометный, пулеметный огонь. Остатки отряда Смирнова отходили частью через Марухский перевал, частью — восточнее, через перевал Восточный Марух. Но здесь они срывались с крутых каменистых полок, скользили и падали, а на всем протяжении Южно-Марухского ледника и с короткого бокового хребта напротив расстреливали отступавших бойцов немецкие горные стрелки. Накануне командир отдельного высокогорного батальона Пауль Бауэр занял перевал Южно-Каракайский и временно перенес сюда свой штаб. Его горные стрелки спустились ниже по практически непроходимому отрогу и блокировали выход из горной котловины как раз под главным перевалом. Ближе к полудню противник укрепился здесь основательно и по существу отрезал оборонявшиеся на Марухском перевале части. Одновременно он обошел позиции 808-го полка в западной полуокружности и тем самым отрезал все пути

отхода. 2-й батальон 808-го полка был обречен на гибель. В первые же часы фашистского налета погиб командир батальона В. Татарашвили²⁴.

Командование батальоном принял лейтенант Михаил Заяц. Последние бойцы второго батальона до вечера сдерживали натиск врага. «Советы держали здесь оборону с настоящим презрением к смерти... Несмотря на то, что враг был полностью окружен и отрезан с обратной стороны, он защищался и в этом безнадежном положении до последнего», — писал впоследствии участник этого боя Алекс Бухнер²⁵. К вечеру погибли лейтенант М. Заяц, офицеры В. Миронов и Д. Татиашвили, отбиваясь до последнего патрона, погиб помощник начальника штаба полка Александр Цепляев, серьезные ранения получил начальник штаба полка Н. Фролов, чудом остался жив, но получил контузию командир полка Шалва Телия²⁶. К исходу дня 5 сентября из окружения вырвались лишь единицы. Из 550 человек штатного состава батальона в живых осталось около 30 человек²⁷. «В тот день, 5 сентября, мы поднимались на Марухский перевал из долины реки Чхалты, — рассказывал Ф. З. Коваленко, возглавлявший штаб 810-го стрелкового полка, — так как выяснилось, что наступление на Клухорский перевал через Марух провалилось. Судя по непрекращающимся звукам пальбы, по окровавленным бойцам, спускавшимся вниз, положение на перевале было критическим. Мы поднялись выше водопада, и открывшаяся картина была ужасной. Я наблюдал в бинокль, что весь склон перевала был усеян трупами наших солдат, а правее перевала они срывались со скальных полок почти отвесной стены и гибли. Наши бойцы, сдав перевал, пытались организовать оборону на моренах Южно-Марухского ледника, но с правого фланга гитлеровцы вели прицельный огонь. Вокруг свистели пули, разрывались мины, и приходилось время от времени падать в завалы камней.

Скоро немцы подтянули пушки, так как отчетливо в шуме боя слышен был звук снарядов. Я обратил внимание на то, что немецкие горные артиллеристы стреляли по отвесным скалам и крутым склонам, вызывая камнепад. Много бойцов полегло под острыми камнями, с грохотом скатывавшимися с гор, каменные осколки впивались в тела бойцов, так же, как осколки мин. Внезапно слышались крики справа от нас, и мы увидели, что немцы, спустившись по Южно-Марухскому леднику, окружили здесь неболь-

шую группу оборонявшихся и начали обстрел наших позиций. Видно было, что они хотят прорваться вниз по ущелью. Мы с трудом их сдерживали. Отстреливались до темноты. Ночь мы провели в камнях. Было очень холодно. Я не мог заснуть. Перед глазами стояли командир полка майор Смирнов с царапинами на лице, у него из уха текла кровь — результат контузии, истекавший кровью, с бледным лицом начштаба 808-го полка Фролов, которого на руках бойцы несли вниз. Немцы временами запускали осветительные ракеты. При свете их раздавались короткие автоматные очереди. Мы ждали утра. Необходимо было, во что бы то ни стало, остановить продвижение сильного и коварного врага.

Враг занял Марухский перевал, спустился по южным склонам Главного хребта и укрепился километрах в двух ниже перевальной седловины. Теперь горные стрелки контролировали не только долины Кызгыча, Маруха и Аксаута, но и долину реки Южный Марух, начиная на западе хребтом Таймаз и кончая ледником Карач, нависающим над тропой на Марухский перевал. Впереди немцы имели совершенно разбитого обескровленного соперника, который, как казалось, к боевым действиям был более не способен. Альфред Рихтер записал в своем дневнике: «5.09.42... Марухский перевал штурмовали 1-й батальон 98-го горнострелкового полка (командир — майор Бадер), 2-й батальон (командир — майор Пауль Бауэр). Взаимосвязь между двумя батальонами и общее руководство осуществлял майор Айсгрубер. Имена этих офицеров, штурмовавших Марухский перевал, вошли в историю горных сражений, а само сражение получило название «классического горного сражения». А вот сводка, которую мы получили по радио.

«Сообщение №686

Марухский перевал (2756).

Кв. «Z». Эвальд Зотке

8.09.1942 г.

Радиосообщение

Бой за Марухский перевал считается классическим горным сражением.

Итак, мы находимся на Марухском перевале. Разбили наш штаб между двумя скалами. Группа поиска и разведгруппа ходят по перевалу в поисках остатков разбитого врага. Да, это была блестящая

победа, к которой мы шли 3 дня. Наши сердца переполнены чувством выполненного долга. А какой сегодня чудесный день! Сияющее солнце, синее небо, сверкающие вершины, ледники на этом диком Кавказе. Битва за перевал длилась 12 часов. Она завершилась взятием важнейшего перевала на Западном Кавказе. Враг побежден... Фронтальное наступление на перевал с долины на севере через Марухский ледник было невозможно. Голые и дикие скалы были для защитников перевала хорошей позицией. Сама природа помогала им держать оборону. Нами установлено, что у большевиков было достаточное количество оружия и боеприпасов. Под каждой скалой у них были засады, откуда они могли бы вести огонь...

План наступления был таков: батальон горных егерей наносит удар с севера. Противник это предвидел. Другой батальон с юго-восточной стороны должен был штурмовать высоту 3448 и занять ущелье, где лежит ледник. Противник должен был с юга открыть ответный огонь. Как только эти батальоны начнут выполнять свою задачу, 1-й батальон должен был начать фронтальную атаку. Вот это-то наступление большевики не смогли предугадать. И теперь, когда мы находимся на юго-восточной стороне перевала, когда мы заняли ледник, справа и слева нас окружают скалы, мы чувствуем гордость и сладость победы.

Мы разбили свои палатки в скалах и на сверкающем гладком льду. Похоже, что природа заодно с большевиками. Перед наступлением погода испортилась, холодный порывистый ветер. Разведгруппа донесла, что подходы к леднику свободны, противника там нет. Это сообщение и решило дальнейший ход действий. Ночью в этом направлении последовал еще один отряд. На заре захватил вершины над расположением большевиков, открыв по ним непрерывный огонь. Это была небольшая группа, прятавшаяся между скалами. Некоторые большевистские перебежчики скрылись в скалах, но командир этой группы бросил туда 5 ручных гранат, и те погибли. Оставшиеся сопротивлялись, как могли. 16 большевиков погибли. Перевал и вершины были в наших руках, хотя противник продолжал яростно сопротивляться. Подъем на высоты был труден; наши горные стрелки несли с собою ледорубы, вооружение, гранаты, тяжелые рюкзаки. Ледорубы были необходимым снаряжением, так как с их помощью горные стрелки прокладывали себе путь на крутых ледниках. И, однако, некоторые из них срывались и провалива-

лись в расщелины, которые становились для них могилой. Другие срывались и падали со скал, падали в пропасть. Такой ценой мы взяли перевал у большевиков. Теперь путь через перевал свободен, другие части с носильщиками и вьючными животными могут перейти его.

Большую роль в этом сражении сыграло фронтальное наступление — последняя фаза. Громко закричав «ура!», горные егеря открыли непрерывный огонь, чем привели в смятение противника, не ожидавшего нашего наступления с флангов. Разведка донесла, что у большевиков имеется большое количество убитых, раненых, много взято их в плен. Перевал был взят элитными войсками, среди которых было 100 новобранцев, получивших здесь боевое крещение. Потери наши не велики — 5% от потерь противника. Победа была обеспечена умелыми командирами, делившими все тяготы марша, подъема на 3000 метров с доблестными горными егерями. Особо нужно отметить командира батальона горных стрелков Пауля Бауэра, совершившего 5 экспедиций в Гималаи, штурмовавшего самые высокие вершины Марухского перевала.

В первой мировой войне мы имели опыт горной войны, но тогда были лишь маленькие группы. Ныне же высокий перевал штурмовали два больших батальона. Эти солдаты и офицеры могут с гордостью носить почетное звание «горные стрелки» Для молодых егерей большая честь участвовать в этой битве, которая войдет в военную историю».

Такова была военная сводка о взятии Марухского перевала»²⁸.

О советских потерях более подробно сообщает адъютант командира Марухской группы Айсгрубера лейтенант В. Якоби: «На перевале осталось более 150 трупов русских. 450 человек взято в плен. Вооружения взято: 15 ручных пулеметов, 3 крупнокалиберных пулемета, 10 ротных и 7 батальонных минометов, 36 противотанковых ружей, 75 автоматов, 360 винтовок, большое количество патронов и ручных гранат, а также большая радиостанция»²⁹. Реально же потерь было еще больше. Немцы не считали тех, кто погиб в ледяных трещинах, разбившихся об острые скалы, раненых на различных участках, так и не получивших никакой помощи. Таким образом, можно считать, что отряд В. А. Смирнова численностью в 1200 человек погиб почти весь. Около 150 солдат погибли в Аксаутской долине, около 100 человек — на Южно-Марухском леднике.

Собственные потери немцев при овладении Марухским перевалом составили 12 человек убитыми и столько же ранеными, хотя, возможно, эти данные несколько занижены. Учет погибших пленных носильщиков-красноармейцев никто не вел. При этом потери 2-го высокогорного батальона Бауэра — 2 убитых и 3 раненых. Но потери у немцев были еще впереди.

Характерно, что немцы так и не узнали об истинных намерениях отряда В. А. Смирнова. Попытка перейти Северо-Марухский ледник в расчете на конечный выход в тыл Клухорской группы они расценили как попытку, пусть не самую удачную, атаки горных стрелков в Аксаутской долине. И не более того.

Кызгыч и Ужум. Победы и поражения

6 сентября остатки 808-го и 810-го полков в тяжелейших условиях сдерживали натиск противника, расстреливая все оставшиеся боеприпасы. К рассвету 7-го сентября подошли части 155-й и 107-й стрелковых бригад и отряд курсантов Сухумского пехотного училища — долгожданное подкрепление. С их приходом противник был остановлен. Однако и сейчас сил было явно недостаточно для того, чтобы сдерживать врага и, что самое главное, выбить его с господствующих высот. Поэтому остатки 810-го и 808-го полков были отведены на отдых и переформирование. Из состава полков остались лишь службы, личный состав 808-го полка был перебит почти полностью.

Неясной для штаба 394-й стрелковой дивизии была судьба и двух батальонов 810-го полка — 2-го и 3-го. Как указывалось выше, 3-й батальон 810-го полка в конце августа убыл на Наурский перевал.

На перевал батальон лейтенанта Д. Свистильниченко поднимался не по Чхалте, а через перевал Химса, в дальнейшем он благополучно переправился через Бзызь и вышел к подножью Наура³⁰. Здесь противник не наблюдался, правда, разведка все же альпийцами была проведена. Взвод разведки, направленный в район Архыза, был встречен поднимающимися немцами и в короткой перестрелке погиб почти полностью. Останки этих солдат впоследствии, в 70-е годы, были захоронены в местности Таулу.

Тем не менее, наши бойцы имели достаточно времени для того, чтобы основательно укрепиться на хребте, хотя и здесь сказыва-

лась давняя болезнь: базы находились под перевалом, часах в четырех-пяти ходьбы от седловины, на перевале расположили заслон. Лишь вмешательство майора Кириленко, откомандированного сюда с Марухского перевала 10 сентября и имевшего уже опыт боев в высокогорной местности, исправил положение — все основные силы были развернуты на седловине и в полукружье отрогов вершин Токмак и Пшиш³¹. Такое расположение практически исключало обходной маневр противника. Одновременно 9-я рота батальона направлена была на перевал Кызгыч (бойцы называли этот перевал Нарзан, так как в ущелье Шхабдза по пути на перевал нашли сильный минеральный источник).

Бои на этом участке начались с середины сентября 1942 года, когда попытки прорвать оборону наших частей на Марухе ни к чему не привели. Зачем нужен был немцам перевал Наур, остается непонятным.

Взятие перевалов Наур и Кызгыч мало что им давало. Путь через эти перевалы выводит в долину Бзыби. Правда, из этой долины можно пройти по трудным тропам к перевалу Аданге и спуститься восточнее через перевал Аданге в долину одноименной реки, к слиянию ее с Южным Марухом. Но этот план был авантюрным, потому как немедленно возникали проблемы с продовольствием и боеприпасами. К тому же здесь, у слияния рек, сконцентрировались почти все части красноармейцев, вышедших на оборону Маруха. Кроме того, на этом участке наступление горных стрелков с большим трудом, но удалось остановить. Сил для дальнейшего наступления у 1-й горнострелковой дивизии уже не было.

Можно предположить, что перевал Наур западнее Кызгыча немцы выбрали в качестве маршрута для удара в тыл Санчарской группы. Но и здесь у них неизбежно возникали те же проблемы с продовольствием и боеприпасами. В тылу 2-го батальона горных стрелков никого не было. Кроме того, спуск вниз по течению Бзыби тоже не из приятных. Так или иначе, батальон, перевалив через Главный Кавказский хребет, оказывался бы в губительной ситуации.

Возможность прорыва к Сухуми через перевал Химса одним батальоном мы даже рассматривать не станем.

Тем не менее, противник, выйдя к перевалу Наур, сразу оценил ситуацию и поэтому предпринял попытку использовать единственный в этих условиях вариант — отказавшись от традиционных об-

ходных маневров, которые в данном случае вели к неоправданным потерям, атаковать перевал в лоб. Первая же его рота, подпущенная бойцами 3-го батальона лейтенанта Свистильниченко, попала в западню. В результате короткого боя, понеся потери, немецкие солдаты отступили. Получив подкрепление, после авиационной штурмовки перевала (особого ущерба советским бойцам она не принесла) немцы вновь устремились в атаку и вновь вынуждены были отступить.

Дальнейшей перспективы штурмовать перевал Наур не было — все выгодные позиции были заняты советскими солдатами. Враг перешел к разведывательным рейдам, но это привело к коротким стычкам и потерям³². На исходе сентября немцы отвели свои части с Наура, оставив здесь усиленные заслоны, опасаясь выхода частей Красной Армии через Наур в свой тыл. В октябре сменяемые заслоны противника несколько раз тревожили оборонявшихся, но безуспешно. «3.10.42 подразделения 3/810 сп вели бои в районе перевала Наур с разведгруппами противника, в результате которых противник отброшен на исходные позиции... С нашей стороны потерь нет, ранено трое»³³. В целом оборона перевалов Наур и Кызгыч была продумана хорошо и построена грамотно. Лишь однажды противнику удалось занять господствующую на юго-востоке Кызгыча высоту — 1616 на армейских картах — в результате неосмотрительных действий 9-й роты лейтенанта Ракиева. 11 октября над перевалом появился противник. В этих условиях при поддержке группы восьмой роты наши солдаты к 15 октября выбили противника с высоты 1616.

Противник на этом участке активных боевых действий больше не предпринимал. В ноябре 3-й батальон 810-го полка сдал свои позиции 12-му горнострелковому отряду. По нашим сведениям, из 3-го батальона 810-го стрелкового полка в этих боях погибли 46 человек.

Что же касается 2-го батальона 810-го полка, то судьба его была тяжела. После того как гитлеровцы захватили Марухский перевал и господствующие высоты, батальон оказался в окружении на Ужуме. Быть окруженными в горах, в положении, в котором оказался батальон, — значит быть обреченными на смерть, ибо, в отличие от равнин, здесь нельзя нащупать какие-либо слабые звенья в кольце врага. Есть непроходимые участки местности, а проходимые закры-

ты наглухо. Положение усугублялось тем, что враг неожиданно окружил роту на дне Марухской долины и полностью уничтожил ее.

В этой ситуации командир батальона В. С. Родионов принимает единственно возможное и правильное решение — форсировать перевал Бугой-Чат. Сбив немцев на господствующей высоте, идти на соединение со своими. К ночи погода испортилась, началась морось, которая переходила в мокрый снег. Но это было на руку советским бойцам. «В четыре часа ночи мы начали штурм высоты, — вспоминал начальник штаба батальона Н. Г. Титаренко. — Темнота была исключительной. Нашей группе пришлось преодолевать очень крутой подъем. К тому же скалы обледенели. Я шел впереди, руками и ногами нащупывая уступы, на которые можно поставить ногу. Следом шел, ухватившись за мой пояс, комиссар Швецов, а за ним в таком же порядке остальные. На высоте 3000 метров разразилась гроза невиданной силы. Град, величиной с голубиное яйцо, бил по лицам, рассекал их до крови. Мы накрылись плащ-палатками и продолжали двигаться вперед. Когда мы были у самой вершины, ударила такая потрясающая молния, что заколебались скалы, и четырех наших товарищей сожгло. Мы на некоторое время залегли, чтобы передохнуть перед атакой.

На рассвете мы атаковали высоту и перебили немцев, которые на ней были. Наше появление для них было совершенно неожиданным. Они не предполагали, что в такую погоду кто-нибудь может здесь появиться»³⁴.

Воспользовавшись тем, что немцы были сбиты с высоты, перевал Бугой-Чат перешли почти без боя и спустились в долину Кызгыча. В районе Чертовой мельницы батальон встретился с противником, поднимавшимся к перевалу Кызгыч, вступил в бой, расходуя последние боеприпасы. Немцы, оказавшиеся в невыгодной ситуации, вынуждены были отступить перед оборванными, заросшими, голодными, изможденными людьми. Но теперь же стало ясно, что путь на перевал Кызгыч отрезан — в ущелье находился враг.

Батальон вынужден был свернуть к Долине Водопадов и медленно, отыскивая едва заметную тропу, подниматься вверх по реке, по гребням морен, к седловине на хребте. Перевал этот, называемый Конгур (2.960 м) никогда не был популярен среди местных жителей, так как они в основном пользовались перевалами Марух, Кызгыч, Наур — в таких сложных маршрутах, как маршрут через

Конгур, нужды не было. Но именно к этому перевалу вышел батальон Родионова, не подозревая о существовании самого перевала. Здесь они нашли пастуха из Архыза, который угостил их горячей бараниной, бульоном и указал тропу на перевал. Он предупредил, что тропа полна опасностей, что часты камнепады, поэтому необходимо максимально соблюдать тишину и подстраховывать друг друга. Отряд выступил в путь рано утром и к вечеру, обессиленный, спустился к верховьям Бзыби — к реке Пардхали и минеральным источникам под перевалом Аданге. Несколько бойцов сорвались с каменистых полок и погибли. Еще несколько умерли от истощения и болезней. Отсюда и послал командир батальона капитан В. Ф. Родионов докладную в штаб войск Марухского направления: «Я наблюдал бой с высоты, на которой занимал оборону батальон, и сделал вывод, что полк сбит с перевала и оттеснен к линии леса (*на южных скатах Маруха — авт.*). К этому времени в моем батальоне оставалось личного состава около 100 человек. С целью сбережения личного состава и материальной части, я решил выйти к своим и достиг реки Бзыбь с группой в 78 человек, в том числе 8 офицеров. По пути движения у нас умерло от голода и мороза еще несколько человек, мы питались корой, мхом, листьями, спасаясь от смерти. Жду ваших указаний»³⁵.

Но ранее, до прихода остатков батальона Родионова, командир полка майор В. А. Смирнов послал штабу 394-й стрелковой дивизии донесение о том, что 2-й батальон 810-го стрелкового полка после того, как противник захватил Марух, погиб. Под этим же номером комплектовался новый батальон. Остатки батальона Родионова чекистами были разоружены, сам командир батальона В. Ф. Родионов и комиссар И. А. Швецов — расстреляны. Им было выдвинуто обвинение в самовольном оставлении боевых позиций.

Мы подробно рассмотрели судьбу батальона Родионова, чтобы показать, насколько чудовищны, нелепы и, может быть, кощунственны были такие обвинения. Карательный аппарат НКВД, запущенный в 30-е годы, продолжал активно работать и здесь, на «заоблачном фронте», истреблял наиболее опытных, закаленных командиров.

И дело здесь не только в Родионове и Швецове. В годы битвы за Кавказ, как отмечалось ранее, шла ничем не оправданная перетряска кадров, смещались талантливые, опытные полководцы, вместо

них назначались новые, затем снимались последние и на их место присылали других. В частности, смещение генерала В. Ф. Сергацкова с поста командующего 46-й армией, как отмечалось, не было вызвано настоятельной необходимостью: оборона перевалов была возложена на командира 3-го стрелкового корпуса К. Леселидзе до прихода немцев. Именно Леселидзе не смог укрепить перевалы в середине августа 1942 года. Берия же снял Сергацкова за вполне логичный и необходимый акт — подтягивание резервов на Главный Кавказский хребет. И только эти резервы — 121-й горнострелковый полк, батальоны 155-й, 107-й стрелковых бригад, 307-й полк и другие — остановили противника на Главном Кавказском хребте. От первоначального состава 394-й стрелковой дивизии (11 758 человек) к исходу августа оставалось немногим более 1000 человек личного состава, не считая пополнений. К 1 октября 1942 года личный состав пополненной дивизии насчитывал 5836 человек³⁶. Само по себе перемещение Леселидзе на пост командующего армией по сути дела не изменило ничего — перевалы оставались, за небольшим исключением, в руках врага. Талант незаурядного полководца Леселидзе проявил вовсе не на перевалах, а позже — на Новороссийском направлении. Кстати сказать, Леселидзе тоже был крайне ограничен в своих действиях, ибо, во-первых, находился под контролем представителя ставки Берии, а во-вторых, почти равные с Леселидзе полномочия имел полковник войск НКВД И. Пияшев, человек волевой, жесткий, если не сказать жестокий. Очевидно, что это было правильное назначение, ибо только жестокие, решительные меры полковника остановили отступавших с Санчара солдат и пограничников, в результате чего удалось спасти положение на Санчаре.

Кстати сказать, тот же И. Пияшев, наделенный чрезвычайными полномочиями, с успехом применял методы «дознания», характерные для органов НКВД и апробированные в 30-е годы. Есть свидетельства, что полковник Пияшев собственноручно расстреливал солдат, в частности, из 2-го сводного полка, и проводников из числа местных жителей. В ход шло обвинение «в измене Родине», хотя позже, в 1980 году, участник боев на Санчаре, лично знавший Пияшева Валентин Иванович Либенко, служивший в частях НКВД, рассказывал, что проводники были обречены в любом случае. «Многие из тех, кто помогал нашим частям, но потом собирался обратно

домой, пристреливались сразу же. Это делалось якобы для того, чтобы этот проводник не перешел на сторону немцев и не показал бы в таком случае тропу или дорогу». О расстреле проводников-карачаевцев рассказывает также бывший командир разведчасти 808-го стрелкового полка С. Голик³⁶. Расстрел командира и комиссара 2-го батальона 810-го стрелкового полка — пример продолжением репрессивной политики, начатой в 30-е годы. Командир батальона В. Ф. Родионов и комиссар И. А. Швецов как раз должны были быть удостоены высокой награды. Но их расстреляли.

Между тем, в таких людях крайне нуждалась та же 394-я стрелковая дивизия, чье положение к моменту расстрела Родионова и Швецова было критическим по всем параметрам: к началу октября ее удалось пополнить в основном из призыва по Закавказью, и она насчитывала, как уже отмечалось, 5836 человек. Плохо было и с вооружением. На начало октября дивизия имела 21 станковый пулемет, 1 крупнокалиберный и 67 ручных пулеметов, 104 автомата, 6 батальонных и 39 ротных минометов³⁷ и ни одного полкового миномета. А воевать предстояло еще. Пока не был предreshен ход событий под Сталинградом, неизвестно было, как развернутся действия на Орджоникидзевском, Туапсинском направлениях, ощутимых успехов противник достиг здесь на Санчаре. На восточном крыле Закавказского фронта он занял Малгобек и по существу стоял перед Грозным, а на западном — штурмовал и, в конце концов, занял часть Новороссийска. Резервы Закавказского фронта были на исходе, силы — на пределе. За всю историю Великой Отечественной войны это был, пожалуй, единственный фронт, проводивший на своих участках сразу несколько крупных операций, причем на разных направлениях. Положение же на Марухе удалось спасти только за счет выдвижения резервов и дополнительного призыва.

Южный Марух и Западный Аксаут

Врага остановили 7 сентября подошедшие подразделения 107-й и 155-й стрелковых бригад, а также отряд курсантов Сухумского пехотного училища. 7 сентября натиск врага несколько ослабел. 8 сентября с утра немцы вновь атаковали позиции советских бойцов и

сумели оттеснить к водопаду Азырт. Но на этом наступательный пыл батальона 98-го горнопехотного полка и отдельного высокогорного батальона иссяк. В дальнейшем бои приняли здесь затяжной характер.

9 сентября неожиданно испортилась погода. Немцы, разбившие свои палатки у каменистого языка Южно-Марухского ледника, пытались отбить наступление красноармейцев. Но наступление это не было продумано и организовано. В результате к исходу дня 3-я рота с правого фланга отсекает атакующую группу от основных сил, и это наступление вновь оборачивается для красноармейцев неудачей. Советские солдаты под холодным дождем несут потери и с трудом выбираются из окружения. 11 красноармейцев оказываются в плену.

Однако на следующий день вновь повторяется попытка освободить от немцев «ворота Марухского перевала». И вновь неудачно. Альпинисты Бауэра с двух сторон обходят атакующих и почти полностью уничтожают их, спустившись несколько южнее водопада Азырт. «12.09.42. Противник окружен, — сообщает в своем дневнике Рихтер, — как и вчера, на правом фланге 3-й роты сражались 70—80 человек, на левом — 30. Погибли офицер Хуммель и егерь Ляйзингер. Противник потерял 48 человек убитыми, в том числе 2 офицера и один комиссар. Взято 33 пленных. Таково было сообщение с перевала. В обед появляются русские самолеты-разведчики, которые с большой высоты сбрасывают бомбы, впрочем, безо всякого для нас ущерба. Я съел банку мясных консервов, и снова расстройство кишечника и рвота»³⁸.

«13.09.42. Чтобы привести в порядок пищеварение, нужно больше ходить. Утро хорошее. Я решил подняться к Кара-Кая. По пути нашел мертвых русских, умерших от слабости и истощения, а может быть, от болезней. Это были пленные русские, которых мы оставили в качестве носильщиков. Я делаю такой вывод, потому что слышал приказ нашего командира о пленных.

Вновь появляются русские самолеты, но почему-то не бомбят. Приходит ежедневная почта. Для меня опять ничего нет. 3-я рота сообщает, что противник укрепляет свои позиции на протяжении 500 метров. Потери на сегодня: 3 убитых и 4 раненых. Общие потери батальона на 17 день боев составляют: убитых — 25, раненых — 42, больных — 33, пропавших без вести — 2. Всего 102 человека, 10%

от общего состава»³⁹. Число немецких потерь вновь заставляет усомниться в правильности, ибо Альфред Рихтер учитывал данные только высокогорного батальона Бауэра. Но потери 98-го полка Бадера, где стрелков, владеющих навыками горной войны, было меньше, чем в высокогорном батальоне, Рихтер учитывать не мог.

Бои 28 августа — 15 сентября 1942 года стали кульминационными событиями и на Марухе, и в целом в сражениях за перевалы Главного Кавказского хребта. Штурм Маруха был последней попыткой врага пересечь Главный хребет на каком-либо участке и выйти к морю. Теперь же, когда молниеносный прорыв на Клухоре и Санчаре не удался, немцы намеревались выйти в тыл частей 394-й дивизии и стрелковых бригад через другие перевалы и, до снегов если не прорваться к побережью, то хотя бы закрепиться в долине Чхалты. Затем при первой же возможности, собрав силы, совершить отсюда бросок к морю. Как видим, схема этой операции была такой же, как и на Клухоре. Так диктовал свои условия горный рельеф. С этой целью были последовательно предприняты две операции: первая — через перевал Западный Аксаут на Чхалту, вторая, о которой сообщалось выше — через перевалы Наур и Кызыгыч опять же на Чхалту. О второй операции сообщалось подробно, так что есть необходимость рассказать о попытке немецких альпинистов прорваться через Аксаут.

В свое время в местной печати мы сообщали об этой операции. Это было по существу первое упоминание о боях на Аксауте, первое и последнее⁴⁰. Справедливости ради нужно отметить, что статья в областной газете нами писалась сразу же после восхождения на этот перевал и грешила эмоциональностью и догадками. Понадобились новые сведения, новые факты, причем сводить разнообразные сведения воедино нужно было на месте. Для этой цели на перевал Западный Аксаут пришлось подниматься еще дважды, так как, в отличие от других перевалов, о которых говорилось в данной работе, этот никогда не пользовался в силу своей сложности и мрачности популярностью среди любителей путешествий. Отчасти поэтому там так хорошо сохранились могилы и использованные боеприпасы. То, что этот перевал был занят противником, у нас не вызывало никаких сомнений, ибо южнее перевальной седловины нами было найдено большое ко-

личество использованных немецких боеприпасов и других следов пребывания горных стрелков.

Мы предполагали: если немецкие альпинисты из батальона Бауэра вышли в верховья Западного Аксаута, а они туда вышли, как указывалось выше, и заняли перевал между вершинами Марух-Баши и Кара-Кая, то они не могли оставить без внимания перевал Западный Аксаут, который выглядит очень соблазнительно с тропы на Южно-Каракайский перевал. Мы также ни на минуту не сомневались в том, что еще в августе Бауэр послал сюда своих разведчиков, сумевших найти проход восточнее ледопада Карач и выйти в небольшой цирк со снежниками, к истокам реки Карач, откуда просматривается долина Южного Маруха, а с отрога — долина Чхалты. Затем, после того как наступление на Марухе застопорилось, противник решил прорваться здесь, на Западном Аксауте, 9–10 сентября 1942 года.

Еще короче путь через перевал Главный Аксаут, но с севера подходы к нему завалены мощным ледопадом Аксаутского ледника, путь преграждает бергшрудн, и пройти можно только по одному.

Рубеж этот имел очень большое значение, ибо отсюда открывался путь в долину Южного Маруха — как раз к штабу советских частей, и появлялась заманчивая перспектива атаковать его. Это во-первых. Во-вторых, можно было вести постоянный, интенсивный обстрел дороги в долине Чхалты и тропы на Марух. В-третьих, противник получал прекрасную возможность выйти на тропу с перевала Главный Аксаут и в теснине Чхалты полностью отрезать Марухскую группу войск от подкреплений и связи со штабом корпуса.

С этой целью майор Бауэр 12 сентября отрядил сюда усиленную роту горных стрелков под командованием обер — лейтенанта Кельца. Кельц первоначально берет перевал Главный Аксаут (3.380 м), оставляет там заслон с двумя пулеметными расчетами, а затем 14 сентября выходит к перевалу Западный Аксаут (3150 м)⁴¹. На протяжении двух дней немцы сооружают южнее перевала огневые точки и высылают разведку, которая к исходу дня сообщает о концентрации советских подразделений юго-западнее Марухского перевала, то есть на южных склонах ущелья Карач. Это подходили части 107-й и 155-й стрелковых бригад. Напрашивался мощный прорыв через Западный Аксаут и далее по горному хребту Карач в тыл советских частей. Обер-лейтенант Кельц посылает донесение в штаб, но своевременного ответа он не получает.

Очевидно, это было связано с тем, что командир группы Айсгрубер был вызван на совещание в Микоян-Шахар. После его возвращения был отдан приказ о подготовке к зиме. Время было упущено, кроме того, для осуществления подобных планов нужны были силы — а их у немцев не было: они были скованы с одной стороны частями советских войск в верховьях Маруха настолько, что не могли снять оттуда ни одной роты. Уже которую неделю немцам приходилось экономить во всем. А. Рихтер 14 сентября 1942 года отмечает в своем дневнике: «Батальон, стоящий в пункте «м», вернется на свой исходный рубеж в пункт «d» к великой радости личного состава. Все это происходит в целях экономии, так как подсчитывается каждый кусок хлеба и каждый патрон. Запасов всего на два дня. К тому же надо найти корм для животных. 2-я пехотная колонна еще в Микоян-Шахаре. В колонне 80 вьючных животных с грузом, который предназначен для нас. С нетерпением ждем подкреплений, так необходимых для нас. Подвоз снабжения карачаевцами на бычьих упряжках не только очень медленный, но и весьма ненадежный. Поступают сообщения, что повозки упали в реку и все наши пакеты с кашей, шоколадом и кофе растеклись по реке». ⁴² Все это пахивало саботажем, и виновные тут же расстреливались. Волон забивали на мясо.

По мере того, как участки фронта растягивались, стало не хватать людей. Между тем, этот маленький участок фронта тоже требовал подкреплений, так как сопротивление советских солдат усиливалось, кроме того, уже к 12 сентября противник начал ощущать давление подошедших подразделений 107-й, 155-й стрелковых бригад и 808-го стрелкового полка.

13 сентября гитлеровцы начали обстрел расположений 808-го стрелкового полка южнее водопада Азырт. Связано это было с тем, что советским войскам необходимо было выбить немцев с господствующих высот. В этом бою особо отличились командир разведроты К. Шуаев, политрук М. Абайханов, рядовые М. Мхитарян, В. Долгополов. В результате группа К. Шуаева и М. Абайханова сбили противника с высот на левом фланге, но большего добиться не удалось.

На Западном Аксауте же рота горных стрелков установила минометы и начала методичный обстрел советских частей. Обстрелу с верховьев реки Карач подверглись не только бойцы и офицеры,

находившиеся в штабе и около штаба, но и солдаты, которые хоронили своих товарищей в километре от штаба⁴³. Для ликвидации вражеского отряда, прорывающегося в тыл наших частей, был направлен отряд 808-го стрелкового полка. Отряд, преодолевая большие трудности, стал подниматься на отрог, разделяющий ледник Карач и правый приток Чхалты, сбегаящий из-под перевала Главный Аксаут. К исходу дня он вышел к безымянной вершине и вечером штурмовал здесь позиции альпийцев⁴⁴.

Бой был короткий из-за наступившей темноты, поэтому успеха советским солдатам добиться не удалось. Утром отряд вновь атаковал врага, но понес потери и вынужден был спуститься в долину Южного Маруха, сдав позиции подразделениям 107-й стрелковой бригады.

12 сентября 1942 года поступил приказ 808-му полку об отходе на переформирование, и 13 сентября остатки полка убыли в Сухуми⁴⁵. Но ввиду того что батальону 107-й бригады предстояло, что называется, держать фронт и обеспечивать безопасность своего левого фланга, атаковать немцев должны были роты 155-й стрелковой бригады.

Противник закрепился на высоте в 2–3-х часах ходьбы южнее перевала Западный Аксаут, там, где три ручья образуют реку Карач, над узким каньоном с водопадом. Именно здесь начал свои бои батальон майора Н. Савичева, причем многие бойцы, да и сам командир батальона были убеждены в том, что стоят на пути перед Марухским перевалом.

15 сентября батальон при содействии подошедшей роты курсантов Сухумского пехотного училища после пулеметной подготовки поднялся в атаку.

Однако под огнем противника наши бойцы были вынуждены залечь. Не принесла успеха и повторная попытка наступления. После третьей попытки стало ясно, что немцев с висячей долины над штабом наших войск не выбить. Однако оставлять противника в долине реки Карач было нельзя, так как слишком очевидна была опасность кинжального удара во фланг и тыл наших войск. Поэтому батальон Савичева полностью был отвлечен на выполнение этой задачи, пропустив через свои позиции батальон 155-й стрелковой бригады, который стал выходить к «воротам Марухского перевала» — теснине чуть выше водопада Азырт. Там бои шли позиционные — противники регулярно обстреливали друг друга. Бои же за

верховья реки Карач продолжались пятый день и, кроме потерь, как той, так и другой стороне не приносили ничего. Савичев попросил помощи. После неудавшейся роковой попытки рейда на Клухорский перевал через Северо-Марухский ледник полковника Абрамова сменил полковник С. Тронин. По приказу Тронина на Карач направили группу в составе стрелкового взвода, пулеметного отделения и минометного расчета из курсантов Сухумского пехотного училища⁴⁶.

Командовал группой старший лейтенант А. Бушуев. К моменту подхода группы Бушуева батальон Савичева находился в критическом состоянии. 18 сентября Савичев вновь поднял своих людей в атаку. Бой шел на кручах, среди бараньих лбов, и получилось так, что в это же время противник предполагал спуститься силою до двух рот в долину Южного Маруха и ударить в тыл наших войск. Одновременно гитлеровцы должны были теснить части 155-й бригады и курсантский батальон по долине Маруха, т. е. по фронту. Получился встречный бой, в котором преимущество немцев было явное. К полудню, когда казалось, что немцев удержать уже никто не сможет, с левого фланга противника ударили стрелки и пулеметчики Бушуева, смяли его и оттеснили на ледничок северо-западнее ледника Карач, по сути дела отрезав егерей от перевала Западный Аксаут. Бои здесь продолжались до 22 сентября. Холодными ночами стихала перестрелка, и бойцы пользовались возможностью хоронить своих товарищей. Так образовалось здесь, у перевала Западный Аксаут, воинское кладбище. Оно, судя по всему, было большим, однако большинство могил теперь уничтожены стихией, но часть сохранилась до сих пор.

К 25 сентября противник был оттеснен к Главному хребту. Теперь он был вынужден прорываться обратно, к перевалу Западный Аксаут, и уходить вниз по леднику, то и дело попадая под ружейный огонь советских солдат. Немцы несли серьезные потери. В конце концов, они вышли обратно к своим укреплениям на перевале Западный Аксаут и в дальнейшем от наступления отказались. Бои на перевале Западный Аксаут прекратились.

27 сентября командир второго высокогорного батальона Пауль Бауэр послал донесение командиру группы полковнику Ле-Суиру, в котором он, в частности, докладывал: «Русские яростно защищают свои позиции и обстреливают нас из минометов, невзирая на непогоду. Начиная с 8.09.42 г. не проходило и дня без

перестрелок. Разведгруппы противника ведут постоянное наблюдение. Подразделения батальона по карте продвинулись на 2,8 км, а на самом деле это расстояние составляет 3,5 км. На всем этом протяжении мы теряем людей. Потери наши составляют:

27.8.42. 2 человека ранены в результате разрыва бомб.

28.8.42. Тяжело ранен 1 обер-лейтенант.

30.8.42. В бою тяжело ранен 1 солдат, 1 офицер, ранено 4 человека, 1 пропал без вести, 4 доставлены в госпиталь.

31.8.42. 2 раненых.

1.9.42. В результате падения со скалы 1 человек ранен.

2.9.42. 1 человек ранен и доставлен в госпиталь.

3.9.42. 1 человек сорвался со скалы во время боя.

4.9.42. 1 человек сорвался со скалы во время боя, доставлен в госпиталь. 1 человек доставлен в госпиталь с желудочно-кишечным заболеванием.

5.9.42. 6 человек ранены, 1 погиб, 1 тяжело ранен.

6.9.42. 1 человек из-за желудочно-кишечных заболеваний доставлен в лазарет.

11.9.42. Ранены обер-лейтенант и 2 солдата. Доставлены в лазарет.

12.9.42. Погибли обер-ефрейтор и 1 солдат. 3 ранены.

13.9.42. 3 убитых, 4 раненых.

14.9.42. 1 раненый.

16.9.42. 1 смертельно ранен в бою. 1 ранен, доставлен в лазарет.

17.9.42. 2 — дифтерия, у 1 болезнь не установлена. Все доставлены в лазарет.

20.9.42. 2 убитых, 6 раненых.

21.9.42. 1 раненый.

25.9.42. 1 офицер с желудочно-кишечным заболеванием доставлен в лазарет.

26.9.42. 3 убитых, 7 раненых, среди них обер-лейтенант Бусмер. Еще 4 в строю, несмотря на ранения.

Сегодня опять появились раненые в отряде Бусмера. Не думаю, что он (Бусмер) долго продержится... Возможности замены нет. Излагая Вам данную ситуацию, прошу Вас произвести замену, чтобы личный состав моего батальона смог получить хотя бы кратковременный отдых.

Однако положение батальона Савичева тоже было плачевное. У многих бойцов началась горная болезнь, продукты кончились, а те, что остались, испортились настолько, что частыми стали случаи отравления и дизентерии. Лишь единицы бойцов не имели обморожений. Перепады температуры, разреженный воздух очень изнуряли бойцов. В конце сентября командир батальона с обмороженными руками и ногами, страдая от жестокого кашля и кровохарканья, был отправлен вниз. Смены не было. В лучшем положении находились бойцы 155-й стрелковой бригады, курсанты и вернувшийся сюда пополненный первый батальон 808-го стрелкового полка. Но и они не имели ни походных спиртовок, ни теплого обмундирования.

Рокировка

В октябре бои пошли на убыль. В сентябре шли дожди, все чаще сменяющиеся снегом, а в октябре участились метели. Немцы поняли, что осенняя кампания по переходу Главного Кавказского хребта и выходу к морю закончилась безрезультатно. Поэтому нецелесообразность активных наступательных действий они понимали, а у советских солдат сил для освобождения перевалов уже не было. В октябре – ноябре стрелковые части стали сдавать свои позиции горнострелковым отрядам. На Марух был направлен 12-й отдельный горнострелковый отряд⁴⁸.

Противник тоже готовился к зиме. Возможность зимовки немцы предвидели и исподволь готовились к ней. Еще в начале сентября командующий группой «А» фельдмаршал Вильгельм Лист вызвал в Краснодар командующего 17-й армией Руоффа и командира 49-го горного корпуса Конрада и выразил свою озабоченность медленным продвижением горного корпуса. Конрад сетовал на отсутствие подкрепления войск и нарастающее сопротивление русских. Тогда же впервые прозвучала мысль о продолжительных высокогорных боях и зимовке⁴⁹. Но в сентябре же Гитлер снял генерал-фельдмаршала Листа с поста командующего и группой армий «А» стал командовать сам. Директивы фюрера пришлось воплощать в жизнь начальнику штаба группы армий «А» Грайфенбергу.

10 октября 1942 г. начальник штаба немецкой группы армий «А» генерал Г. фон Грайффенберг прибыл в Микоян-Шахар (ныне — Карачаевск). Приезд Грайффенберга осуществлялся в строжайшем секрете. Сюда же был вызван генерал Эгельзеер, получавший новое назначение, генерал Конрад — командир корпуса, полковник Ле-Суир, сменивший генерала Ланца, и другие. Причина приезда генерала Грайффенберга была в том, что генерал Йодль — начальник оперативного отдела вермахта — затребовал для доклада фюреру подробное донесение о размещении на перевалах высокогорных частей, в том числе и 4-й горнопехотной дивизии. Начальник штаба 17-й полевой армии отмечал, что в плане подготовки к зиме должно быть еще многое сделано, в частности, предусматривается дополнительное сооружение многочисленных канатных дорог. Здесь же обговаривались вопросы возобновления наступательных действий весной на перевалах Главного Кавказского хребта. Командиры альпинистских групп покидали высокогорные районы, так как входили в армейскую группу «Ланц» на Туапсинском направлении. Генералу Губерту Ланцу подчинялись группы «Айсгрубер», «Винклер», «Бухнер», «Залмингер», «Лавалль», «Ауэр», составленные из «эдельвейсов» и частей 46-го корпуса, а также 1-й высокогорный батальон Райзингера⁵⁰. Из Микоян-Шахара в тот же день Грайффенберг отбыл в Пятигорск обсуждать в штабе Клейста планы дальнейших действий на направлении Грозный — Махачкала.

Перед командиром высокогорной группы войск полковником Ле-Суиром вермахт ставил несколько задач: определить и оставить на перевалах ограниченное число войск; продумать систему снабжения частей на перевалах, организовать зимовку.

Бои приняли эпизодический характер. В октябре, хотя и стояли в долинах погожие дни, в горах дороги стали непроезжими, в ряде мест — непроходимыми. Частыми стали туманы. Гулко сходили лавины. Под ними гибли красноармейцы. Предупредить сход снежных лавин, как это потом научились делать, не удавалось, приспособиться к ним и отойти на безопасное место не позволял приказ. Так, под лавиной на Марухе 8 ноября 1942 года погибло пятнадцать бойцов: Иосиф Васильевич Алексашвили, Иван Прохорович Новиков, Николай Васильевич Яблоновский, Петр Григорьевич Дцутуев, Шалва Григорьевич Талахадзе, Анкари Алексеевич Пар-

гунадзе, Гарегин Амаякович Арзуманян, Петр Петрович Дзвенчук, Пармен Иванович Маминашвили, Давид Георгиевич Апцисаури, Михаил Сергеевич Яичников, Александр Николаевич Толикадзе, Михаил Иванович Ласун, Ефим Мефодиевич Харченко, Иван Шалвович Орловский. Гибель бойцов под лавинами была нередкой. И это при острой нехватке людей. Вышеперечисленные погибшие наверняка ранее значились пропавшими без вести.

Противник, так же как и на Санчаре, на Клухоре время от времени беспокоил советских бойцов обстрелами различной интенсивности. Но в большинстве случаев вреда нашим солдатам такие обстрелы не приносили. В штаб 46-й армии все чаще поступали донесения такого содержания: «...с 20.00 до 20.45 1.12.42 с перевала Марух (*противник — авт.*) безрезультатно обстрелял части, выпустил 248 мин, перед фронтом корпуса периодически вел ружейно-минометный и пулеметный огонь... Связь в течение суток работала с большими перебоями вследствие неисправности технических средств связи... Погода на перевалах меняется, снежные бураны, туман, видимость значительно ухудшилась... Пияшев, Рыбин»⁵¹.

8—10 января противник занимался в основном эвакуацией и взрывом своих баз. Были взорваны базы в Марухском ущелье, в ущелье Кызгыч были взорваны, 11 января взрывами уничтожены были базы «Людвиг-1» и «Людвиг-2» у перевала Халега — это делалось для того, чтобы не оставлять их советским бойцам (вывоз боеприпасов был затруднен зимними условиями). Затем последние немецкие заслоны покинули Марух и Аксаут⁵². Бои в районе Марухского перевала прекратились.

Разведка, вышедшая на Марух 11 января, противника не обнаружила, прихватив 5 станковых пулеметов и боеприпасы, бойцы 12-го горнострелкового отряда спустились вниз.

Марухское направление было последним, по которому немцы пытались вести наступление к Черному морю. Последним и самым неудачным. Если на Клухоре и особенно на Санчаре успех казался гитлеровцам очень близким, то здесь им удалось продвинуться всего лишь на 3—4 километра южнее Главного Кавказского хребта. В упорных кровопролитных боях обе стороны понесли большие потери. На Марухе каждый камень, каждый квадратный метр скал и ледников обильно полит кровью. Впрочем, как и на других участках «заоблачного фронта».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Высокогорный фронт на перевалах Главного Кавказского хребта явился первым и, возможно, последним в истории человечества, когда боевые действия велись на такой высоте и с таким напряжением. И хотя бои за перевалы нельзя отрывать от боев на других участках, все же в силу специфики оборона перевалов занимает свое, особое, место в истории не только Великой Отечественной войны, но и Второй мировой войны в целом.

Из данной работы видно, что мера испытания, отличная от условий равнинных, требовала и соответствующей меры мужества. И оно было проявлено. Исходя из логики событий и знания фактов, а вовсе не из веяний времени, заслоняющих зачастую историческую справедливость, надо признать, что выдержка, мужество, стойкость, характер, в конце концов, были проявлены обеими воюющими сторонами.

Но по всем законам истории не могли победить силы, которые не стояли на страже своей земли, не защищали свою независимость, а вели войну агрессивную, захватническую, причем войну на платформе фашизма. Фашизм в любых его проявлениях обречен, но разной остается продолжительность жизни его.

Необходимо признать: причина того, что немцы не смогли выйти к морю — это высокий моральный дух советских людей, их умение мобилизоваться для решения сложнейших проблем, готовность к самопожертвованию, искренний патриотизм. Роль коммунистической партии, ставшей по определению В. И. Ленина «воюющей партией», что бы ни говорили политики и историки конца XX века, ясна и велика.

Нам кажется кощунственным, когда иные историки сравнивают потери войск на перевалах и под Сталинградом, например, где жизнь

некоторых дивизий измерялась днями, а то и часами. Представляется, что значение тех или иных операций Великой Отечественной войны правомерно сравнивать не только с точки зрения понесенных потерь, но и с точки зрения реальной значимости боевых действий на тех или иных участках единого фронта. В этом плане вряд ли кто возьмется предсказать, как могли развернуться события, если бы немцы прорвались к морю.

Одна из главных причин провала плана перехода через Главный Кавказский хребет в 1942 году — это авантюризм. Германские генералы, рассчитывая пересечь Кавказский хребет, не учли всех тех сил, которые могли им препятствовать. И речь здесь не только о преградах естественного характера. К ним-то немцы были подготовлены более всего. А вот доктрина расчленения народов Кавказа, создания «пятой колонны» и марионеточных «национальных образований» лопнула уже в первые дни оккупации Северного Кавказа. Потерпела крах попытка создать национальные и националистические формирования в планируемых Розенбергом масштабах и направить их против народов Кавказа. Народы Северного Кавказа в большой степени саботировали мероприятия немцев по снабжению их на фронте, пользуясь тем, что горные стрелки не занимались карательными акциями. Жители прятали продукты питания, угоняли скот, вьючных животных и т. д. Серьезные трудности со снабжением немцы стали испытывать уже на исходе августа. И с каждым днем им становилось все сложнее.

До своих баз на северных склонах Главного Кавказского хребта противник использовал более или менее приличные дороги, но когда он пересек хребет, то его положение серьезно осложнилось. Он стал пробовать себя на других направлениях, а это привело к распылению сил. Произошел, по выражению Гитлера, «грабеж времени». Немцы последовательно стали терпеть поражения на всех перевалах. Авантюра на Эльбрусе изначально была лишена всякого смысла, она привела к потере личного состава и к потере качества.

Перспективными были Клухорский и Санчарский перевалы, которые горные стрелки захватили сходу и вышли в Закавказье. Но оправиться от боев в районах перевалов и преодолеть последние рубежи обороны советских войск они были не в силах.

Немцы не достигли в зоне действия плана «Эдельвейс» ни одной своей цели, хотя в жертву выполнения бредовых идей были принесены тысячи молодых жизней.

Для советских войск на начальном этапе боев роковым было то, что командование не смогло обеспечить оборону высокогорных участков горнострелковыми частями, находившимися на турецкой границе и в Средней Азии. Выведены были из боев многочисленные войска НКВД.

Все это привело к тому, что на перевалы были направлены стрелковые и кавалерийские части, что повлекло за собой большие и неоправданные потери.

Врага на перевалах остановило не столько «высокое военное искусство», как утверждают некоторые исследователи, сколько десятки тысяч жертв. Советские солдаты, по сути дела, телами своими закрыли горным стрелкам путь к Черному морю. Отчасти поэтому до сих пор там находят их останки.

Не вычлняя оборону перевалов от битвы за Кавказ в целом и памятуя о том, что битва за Кавказ происходила в тесной военно-стратегической связи со Сталинградской битвой, связи, которая, вероятно, должна исследоваться в специальной, более обширной монографии, вспомним о том, что Кавказ и Сталинград сковали большое количество германских войск. Перебросить сколько-нибудь значительные части с Кавказа под Сталинград или наоборот Германия так и не смогла. В конечном счете, совместно с другими факторами это предопределило судьбу армии Паулюса под Сталинградом, а на Кавказе вермахт с трудом избежал второго «котла», успев отвести свои разбитые войска к октябрю 1943 года на Тамань, закрыв, таким образом, зону «Эдельвейса».

В ходе битвы за Кавказ, на первом этапе, без боя было сдано частями Красной Армии немецко-фашистским захватчикам большое количество городов и населенных пунктов. Немцами там был установлен оккупационный режим. Это обстоятельство сыграло немаловажную роль в последующем обвинении со стороны сталинского руководства в измене Родине целых народов и последующей депортации их. На смену немецкой зоне «Эдельвейса» спустя десять месяцев пришла зона ГУЛАГА. Последствия этой сатанинской акции породили клубок трудноразрешимых этнополитических и социальных проблем, не получивших полного и объективного решения и сегодня.

Время показало, и наглядный пример тому — печальная война в Афганистане, что высокий уровень горной подготовки необхо-

дим и сегодня в современной армии. При всем том, что она имеет первоклассную технику, совершенное современное оружие от автоматов до ракет. Для современной России альпинистские группы в пограничных войсках настоятельно необходимы. Но автор пишет эти строки в надежде на то, что отныне никогда горнострелковые войска, впрочем, как и другие, человечеству не понадобятся для решения конфликтов. И оно запишет события, связанные с теми или иными войнами, в анналы истории — в назидание потомкам и в надежде на мирное будущее планеты. Международные отношения в годы Второй мировой войны, на наш взгляд, должны быть осмыслены не с точки зрения политических потребностей, а исходя из реальных событий. Вступив в новое тысячелетие, человечество не обязано нести на себе груз застарелых, неразрешенных политических амбиций и проблем, порожденных событиями шестидесятилетней давности.

Фронт над облаками был действительно интернациональным фронтом. Здесь сражались русские и грузины, украинцы и армяне, азербайджанцы и евреи, молдаване и воины многонационального Дагестана, казахи и карачаевцы, узбеки и кабардинцы, черкесы и калмыки, осетины и абхазы.

Вряд ли история знает примеры, когда на сравнительно небольшом участке фронта сражались представители стольких народов, населявших СССР. Эта кровь невинных людей должна теперь стать силой притяжения различных народов, оказавшихся волею судьбы в разных государствах, друг к другу, ломающей полосу отчуждения между ними на путях строительства цивилизованных отношений.

Если, конечно, есть память. А она должна быть.

Мир изменился.

Началось третье тысячелетие.

Новый Карачай — Суздаль — Москва — Подольск — Черкесск

ИСТОЧНИКИ

К главе 1:

- ¹ История Второй мировой войны 1939—1945 гг. — М., 1961.
- ² История Великой Отечественной войны Советского Союза. — М., 1961.
- ³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. — М., 1978; Василевский А. М. Дело всей жизни. — М., 1975; Штеменко С. М., Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. — М., 1981; и др.
- ⁴ Гречко А. А. Битва за Кавказ. — М., 1973; его же: Годы войны. — М., 1978.
- ⁵ Ибрагимбеили Хаджи Мурат. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. — М., 1983.
- ⁶ Научная мысль Северного Кавказа. — Ростов-на-Дону, 2003. — №1. — С. 73–86.
- ⁷ Там же. — С. 73–74.
- ⁸ Цкитишвили К. «442 огненных дня». — Батуми, 1986.
- ⁹ Там же. — С. 57.
- ¹⁰ Там же. — С. 58.
- ¹¹ Алиев К. И. Свет и тени партизанской войны. — Москва — Ставрополь, 2003.
- ¹² Цкитишвили К. Ук. соч. — С. 64.
- ¹³ Там же. — С. 71.
- ¹⁴ Там же. — С. 73.
- ¹⁵ Там же. — С. 74.
- ¹⁶ Там же. — С. 87.
- ¹⁷ Там же. — С. 99–100.
- ¹⁸ Сб. Народный подвиг в битве за Кавказ. — М., 1981.
- ¹⁹ Гнеушев В., Попутько А. Тайна Марухского ледника. Партизанский заслон. Дыхание лавин. — Ставрополь, 1984.
- ²⁰ Сб. В боях за Кавказ. — Тбилиси, 1967. — С. 24.
- ²¹ Алиев К. И. Ук. соч.
- ²² Соколов Б. В. Оккупация. Правда и мифы. — М.: АСТ-ПРЕСС-книга, 2002. — С. 196. см. также: Соколов Б. В. Берия. Судьба всемогущего наркома. — М., 2003.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Гродненский Н. Н. Неоконченная война. История вооруженного конфликта в Чечне. — Минск: Харвест. — С. 44–45.
- ²⁵ Ибрагимбеили Хаджи Мурат. Ук. соч. — С. 97.
- ²⁶ Carell Paul. Unternehmen «Barbarossa» der Marsch nach Russland. — Frankfurt, 1963. — S. 807.

- ²⁷ Jakobi Werner. Jugend im Krieg. Kriegstagebuch 1940–1945. – Stuttgart, 2002. – S. 56.
- ²⁸ Carell Paul. Unternehmen «Barbarossa»... – S. 818.
- ²⁹ Алиев К. И. Ук. соч. – С. 118–119.
- ³⁰ Касаткин М. А. В тылу немецко-фашистских армий «Центр». – М., 1980. – С. 31.
- ³¹ Там же. – С. 34.
- ³² Науменко В. Г. Великое предательство. Казачество во Второй мировой войне. – СПб., 2003. – С. 22.
- ³³ Польская Е. Б. Это мы, Господи, перед тобою... – Невинномысск, 1995. – С. 19.
- ³⁴ Алиев К. И. Ук. соч. – С. 18.
- ³⁵ Mahmut Aslanbek. Karacai ve Malkar Turklerini Faciasi. – Ankara, 1952.
- ³⁶ Науменко В. Г. Ук. соч. – С. 74–75; а также: Боташ Хамит. Проклятая поляна и др.
- ³⁷ Mahmut Aslanbek. Karacai ve Malkar... – S. 70–74.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Мухин Ю., Лебединцев А. Отцы-командиры. – М., 2004. – С. 278.
- ⁴⁰ Там же. – С. 253.
- ⁴¹ Книга Памяти Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1989; а также: Хатуев Р, Тебуев Р. Очерки истории карачаевцев и балкарцев. – Москва — Ставрополь, 2002. – С. 153.
- ⁴² Мухин Ю., Лебединцев А. Ук. соч. – С. 253.
- ⁴³ Там же. – С. 548–549.
- ⁴⁴ Бугай Н. Ф. «Иосиф Сталин — Лаврентию Берия: их надо депортировать»; его же: «Лаврентий Берия — Иосифу Сталину: согласно Вашему указанию». – М., 1992; 1995.
- ⁴⁵ ГАРФ (Государственный Архив Российской Федерации), ф. 9479, оп. 1, д. 432, л. 7.
- ⁴⁶ Там же, д. 157, л. 144.
- ⁴⁷ Там же, д. 432, л. 166–180; а также: Алиев И. И. Шлейф бед и страданий / Так это было. Т. 2. – М., 1993.
- ⁴⁸ Эдиев Д. М. Демографические потери депортированных народов СССР. – Ставрополь, 2003. – С. 69
- ⁴⁹ Соколов Б. Берия. Судьба всемогущего наркома. – С. 161–162.
- ⁵⁰ КЧМЗ (Карачаево-Черкесский государственный музей-заповедник), ф. МОК, д. 21.
- ⁵¹ Сталин И. В. Сочинения. Т. 2 – М., 1951–1952. – С. 328.
- ⁵² Там же. Т. 5. – С. 149–150.
- ⁵³ Там же. Т. 13. – С. 5.
- ⁵⁴ Там же. Т. 7. – С. 140.
- ⁵⁵ Там же. Т. 7. – С. 138.

К главе 2:

- ¹ Цкитишвили К. Ук. соч.; Тюленев И. В. Ук. соч.; и др.
- ² Большая Советская Энциклопедия (БСЭ). Т. 14. – М., 1973. – С. 169–170.

- ³ Там же.
- ⁴ Sevket Aydemir. İkinci Adam. — İstanbul, 1972. — S. 135.
- ⁵ Уткин А. И. Россия над бездной. 1918 — декабрь 1941 гт. — Смоленск, 2000. — С. 223.
- ⁶ Там же. — С. 226.
- ⁷ Там же. — С. 230; а также: Nikolaus von Belov. Als Hitlers adjutant. — Gamburg, 1980.
- ⁸ Шелленберг В. Лабиринт. — М., 1991. — С. 142–143.
- ⁹ La guerre en Mediterranee 1939 — 1945. Actes du Colloque International tenu a Paris du 8 au 11 April 1969. — Paris, 1971. — S. 561–562.
- ¹⁰ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 1. — Москва — Санкт-Петербург, 2003. — С. 514.
- ¹¹ Бугай Н. Ф. Ук. соч. — С. 149.
- ¹² Там же.
- ¹³ Соцков Лев. Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. — М: РИ-ПОЛ КЛАССИК, 2003. — С. 134–135.
- ¹⁴ Тегеран, Ялта, Потсдам: Сб. документов. — М., 1970. — С. 68.
- ¹⁵ Там же. — С. 69.
- ¹⁶ Там же. — С. 44–45.
- ¹⁷ Там же. — С. 46.
- ¹⁸ Tarih. Temmuz, 2000, İstanbul. — S. 10–11.
- ¹⁹ Asim Gunduz. Hatiralarim. — İstanbul, 1978. — S. 302.
- ²⁰ БСЭ, т. 14. — С. 582.
- ²¹ Morning Star. — 01.01.1971.
- ²² Ибрагимбейли Х. М. Ук. соч. — С. 40.
- ²³ Toker Metin. Turkiye Uzerinde 1945 Kabusu. — Ankara, 1971. — S. 118.
- ²⁴ Соцков Л. Ф. Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. — М., 2004. — С. 19.
- ²⁵ Там же. — С. 190.
- ²⁶ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 2. — С. 357.
- ²⁷ Ибрагимбейли Х. М. Ук. соч. — С. 53.
- ²⁸ Там же. — С. 59.
- ²⁹ Sevket Aydemir. İkinci Adam. — İstanbul, 1972. — S. 135.

К главе 3:

- ¹ Ибрагимбейли Хаджи Мурат. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. — М: Наука, 1977. — С. 75–82.
- ² См.: Соцков Лев. Неизвестный сепаратизм. На службе СС и Абвера. — М., 2003; Романько О. В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. — М: АСТ, 2004; Бугай Н. Ф. Ук. соч.; и др.
- ³ Ибрагимбейли Х. М. Ук. соч. — С. 75–76.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Бугай Н. Ф. Ук. соч. — С. 59.
- ⁶ Смыслов О. Г. «Пятая колонна» Гитлера. От Кутепова до Власова. — М: Вече, 2004. — С. 174.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Там же. — С. 168–169.

- ⁹ Война против Советского Союза 1941–1945. – Берлин: Аргон, 1991. – С. 24.
- ¹⁰ Там же. – С. 23.
- ¹¹ Энциклопедия Третьего рейха. – М.: ЛОКИД, 2000. – С. 412.
- ¹² Ибрагимбеили Х. М. Ук. соч. – С. 201.
- ¹³ Война против Советского Союза. – С. 46.
- ¹⁴ Ибрагимбеили Х. М. Ук. соч. – С. 201–202.
- ¹⁵ Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. – С. 37–38.
- ¹⁶ Там же. – С. 38.
- ¹⁷ Война против Советского Союза. – С. 87–88.
- ¹⁸ Сэмюэл Митчем. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. – Смоленск: Русич, 1998. – С. 142.

К главе 4:

- ¹ Ибрагимбеили Х. М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток. – С. 79.
- ² Mueller-Hillebrand B. Das Heers 1933–1945. Dd. I. Frankfurt a. M., 1969. – S. 238–239.
- ³ Там же. – С. 189–191.
- ⁴ Там же. – С. 86–87.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Шунков В. Солдаты разрушения. – Минск: ХАРВЕСТ, 2003. – С. 199.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. – С. 204.
- ¹⁰ Buchner Alex. Der Bergkrieg im Kaukasus. Podzun-Pallas-Verlag, 1977. – S. 119.
- ¹¹ Mueller-Hillebrand B. Das Heer 1933–1945. – S. 86–88.
- ¹² Hoffmann J. Kaukasien 1942–43. – S. 156–157.
- ¹³ Там же. – С. 163–165, 166–170.
- ¹⁴ Там же. – С. 203–211; а также: Чуев С. Проклятые солдаты. – С. 541.
- ¹⁵ Там же. – С. 193–197.
- ¹⁶ Там же. – С. 212–220.
- ^{17–18} Там же. – С. 235–249.
- ¹⁹ Там же. – С. 307–309.
- ²⁰ Там же. – С. 327–334.
- ^{21–22} Там же. – С. 346–350.
- ²³ Там же. – С. 357.
- ²⁴ Там же. – С. 354–370.
- ^{25–29} Там же. – С. 356–370.
- ³⁰ Чуев С. Проклятые солдаты. – С. 543.
- ³¹ Науменко В. Г. Великое предательство. Казачество во Второй мировой войне. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2003. – С. 59.

К главе 5:

- ¹ Романько О. В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. – М.: АСТ, 2004. – С. 212.
- ² Алиев К. И. Свет и тени партизанской войны. – С. 107–108.

¹ Кровавые злодеяния Оберлендера. Отчет о пресс-конференции для советских и иностранных журналистов 5 апреля 1960 г. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. — С. 34.

⁴ Kaltenegger R. Gebirgsjagger im Kaukasus... — С. 145.

⁵ Hoffman Joachim. Kaukasien 1942–43. Leopold Stocker Verlag. 1997 j. S. 128–129.

⁶ Kaltenegger R. Gebirgsjagger im Kaukasus... — С. 138.

⁷ Там же. — С. 139.

⁸ Там же.

⁹ Алиев К. И. Ук. соч. — С. 32.

¹⁰ Kaltenegger R. Gebirgsjagger im Kaukasus... — С. 139.

¹¹ Кровавые злодеяния Оберлендера... — С. 25.

¹² Kaltenegger R. Gebirgsjagger im Kaukasus... — С. 142.

¹³ Там же. — С. 143.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. — С. 146.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Чуев С. Проклятые солдаты. — М.: ЯУЗА; ЭКСМО, 2004. — С. 539.

¹⁹ Kaltenegger R. Gebirgsjagger im Kaukasus... — С. 148.

²⁰ Hoffman Joachim. Kaukasien 1942–43. — С. 115.

К главе 6:

¹ ЦАМО РФ, ф. 394 сд, оп. 1, д. 1, л. 19.

² Там же, л. 20.

³ Там же, л. 21.

⁴ Там же, ф. 209, оп. 1063, д. 5091, л. 51–53.

⁵ Там же, ф. 4 ВА, оп. 4798, д. 47, л. 8.

⁶ Там же, л. 11.

⁷ Там же, л. 8–11.

⁸ Там же, л. 19.

⁹ Пшеничник Г. А. В небе Северного Кавказа. — Нальчик, 1982. — С. 34.

¹⁰ ЦАМО РФ, ф. 4 ВА, оп. 4798, д. 47, л. 15.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 16.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. — М., 1958. — С. 34.

¹⁶ Там же. Т. 1. — С. 72.

¹⁷ Там же. Т. 2. — С. 43.

¹⁸ ЦАМО РФ, ф. 4 ВА, оп. 4798, д. 47, л. 2.

¹⁹ Там же, л. 14–15.

²⁰ Там же, л. 16.

- ²¹ Там же, л. 15.
²² Вопросы географии. — М., 1985. — С. 78—79.
²³ К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин о войне и армии. — М., 1982. — С. 4.
²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 12. — С. 111.
²⁵ Там же. — С. 115.
²⁶ Там же. — С. 116.
²⁷ Гусев А. М. Эльбрус в огне. — С. 48.
²⁸ Герои гор. — Тбилиси: Изд-во ПУ ЗАКВО, 1967. — С. 14.
²⁹ Гусев А. М. Ук. соч. — С. 18.

К главе 7:

- ¹ Тамбиев И. Х. О Карачае и Балкарии. — Ставрополь, 2003. — С. 197.
² Там же. — С. 259—260.
³ Алиев У. Д. Карачай. — Черкесск, 1991. — С. 213.
⁴ Там же.
⁵ Гнеушев В. Г. Полынная слава. — М.: Воскресенье, 1998. — С. 314—315.
⁶ Ленинский сборник XXIV. — С. 373.
⁷ Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 41. — С. 343.
⁸ КЧМЗ, ф. МОК, д. Муриновой В. В., л. 5—6.
⁹ Алиев У. Д. Ук. соч. — С. 68.
¹⁰ Гнеушев В. Г. Ук. соч. — С. 15.
¹¹ Тамбиев И. Х. Ук. соч. — С. 180.
¹² Алиев У. Д. Ук. соч. — С. 179—181.
¹³ КЧМЗ, ф. 5 (документы ПАСК, ф. 1, оп. 2, л. 14, л. 59).
¹⁴ Красный Карачай. — 1 мая 1942.
¹⁵ Красный Карачай. — 18 июня 1942.
¹⁶ Красная Черкесия. — 19 января 1942.
¹⁷ Красная Черкесия. — 13 марта 1942.
¹⁸ КЧМЗ, ф. 5 (документы ПАСК, ф. 1, оп. 12, л. 14, л. 59).
¹⁹ Алиев И. И. Конфедерация репрессированных народов. — М., 1998; его же: Шлейф бед и страданий / Так это было. — М., 1993; Ибрагимбейли Х. М. Сказать правду о трагедии народов // Политическое обозрение. — 1989. — №4; и др.
²⁰ Койчуев А. Д. Карачаевская автономная область в годы Великой Отечественной войны 1941—45 гг. — Ростов-на-Дону, 1998; Тебуев Р.С. Депортация карачаевцев. Документы рассказывают. — Черкесск, 1997; и др.

К главе 8:

- ¹ Ибрагимбейли Х. М. Битва за Кавказ. — М., 1984. — С. 11.
² Там же.
³ Гречко А. А. Битва за Кавказ; Ибрагимбейли Х. М. Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток; и др.
⁴ Karell Paul. Unternehmen Barbarossa. — S. 284.
⁵ Там же. — S. 286.

- ⁶ ЦАМО РФ, ф. 37 А, оп. 1, д. 1, л. 7.
⁷ ЦАМО РФ, ф. 242 гсд, ф. 1524, оп. 1, д. 6, л. 8.
⁸ Ленинское знамя. — Черкесск. — 10 сентября 1986 г.
⁹ Алиев К. И. Свет и тени партизанской войны. — С. 106—109.
¹⁰ Литвинов В. П. На огненных рубежах Кавказа. — Ростов-на-Дону. — С. 12.
¹¹ Там же.
¹² Там же. — С. 8—12.
¹³ ЦАМО РФ, ф. 242 гсд, оп. 1, д. 6, л. 8.
¹⁴ Kalteneqger R. Gebirgsjagger im Kaukasus... — S. 73.
¹⁵ ЦАМО РФ, ф. 242 гсд, оп. 1, д. 6, л. 9.
¹⁶ Байрамкулов А. Чьей землей была территория Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. — Невинномысск, 2002. — С. 31.
¹⁷ Архив КНИИ, ф. 1, оп. 1, д. 2, л. 2—4.
¹⁸ Алиева С. У. Без вины виноватые // ДОШ (СЛОВО). — №1 (3). — М., 2004. — С. 2.
¹⁹ Кашурко С. С. Каратели // ДОШ (СЛОВО). — №1 (3). — М., 2004. — С. 11—13.
²⁰ Там же.
²¹ Науменко В. Г. Великое предательство. Казачество во Второй мировой войне. — СПб., 2003. — С. 16—17.
²² Архив КНИИ, ф. 1, оп. 1, д. 10, л. 14—17.
²³ Тюленев И. В. Крах операции «Эдельвейс». — С. 56.
²⁴ Гнеушев В., Попутько А. Дыхание лавин. — Черкесск, 1968. — С. 307.
²⁵ Тюленев И. В. Ук. соч. — С. 56—57.
²⁶ ЦАМО РФ, ф. 209, оп. 1063, д. 64, л. 8—9.
²⁷ Там же, оп. 1060, д. 5, л. 83—84.
²⁸ Ибрагимбеили Х. М. Ук. соч. — С. 109.

К главе 9:

- ¹ Kalteneqger R. Gebirgsjagger im Kaukasus... — S. 90.
² Там же.
³ Там же. — S. 91.
⁴ Там же. — S. 113.
⁵ Там же. — S. 73.
⁶ ЦАМО РФ, ф. 242 гсд, оп. 150728, д. 1, л. 101.
⁷ Там же, оп. 1, д. 1, л. 12.
⁸ Там же, оп. 1, д. 1, л. 14.
⁹ Опрышко О. Л. На Эльбрусском направлении. — М., 1970. — С. 17.
¹⁰ КЧМЗ, ф. МОК, д. 86, л. 12.
¹¹ Kalteneqger R. Gebirgsjagger im Kaukasus... — S. 90.
¹² Там же. — S. 100.
¹³ Там же. — S. 97.
¹⁴ Nikolaus von Below. Als Hitlers Adjutant: 1937—1945. Hase & Koehler GmbH. 1980.
¹⁵ Kalteneqger R. Gebirgsjagger im Kaukasus... — S. 103.
¹⁶ Типпельскирх Курт. История Второй мировой войны. — С. 236.
¹⁷ ЦАМО РФ, ф. 242 гсд, оп. 1, д. 1, л. 1.

- ¹⁸ ЦАМО РФ, ф. 46 А, оп. 1, д. 3, л. 18.
¹⁹ Гусев А. М. Эльбрус в огне. — С. 172.
²⁰ Там же.
²¹ КЧМЗ, ф. МОК, д. 86, л. 4.
²² Гусев А. М. Ук. соч. — С. 170–173.
²³ КЧМЗ, ф. МОК, д. 86, л. 12–13.
²⁴ Гнеушев В., Попутько А. Дыхание лавин. — Ставрополь, 1981. — С. 144–145.
²⁵ Там же.
²⁶ ЦАМО РФ, ф. 242 гсд, оп. 1, д. 1, л. 1.
²⁷ Там же.
²⁸ Там же.
²⁹ Там же, оп. 1, д. 72, л. 29.
³⁰ Там же, оп. 150728-с, д. 1, л. 101.
³¹ Там же, ф. 387, оп. 8947, д. 57, л. 234–235.
³² Опрышко О. Л. Ук. соч. — С. 66–67.
³³ КЧМЗ, ф. МОК, д. 86, л. 119.
³⁴ Там же.
³⁵ КЧМЗ, ф. МОК, д. 276, л. 12.
³⁶ Гусев А. М. Ук. соч. — С. 173.
³⁷⁻⁴¹ ЦАМО РФ, ф. 242 гсд, оп. 1, л. 4–47.
⁴² Там же, д. 1-в, л. 44.
⁴³ Там же, ф. 327, оп. 4999, д. 11, л. 205.
⁴⁴ Там же, ф. 4 ВА, оп. 4798, д. 47, л. 41–42.
⁴⁵ Там же, ф. 401, оп. 5943, д. 79, л. 196.
⁴⁶ Там же, ф. 242 гсд, оп. 1, д. 72, л. 71.
⁴⁷ Там же, ф. 242 гсд, оп. 150728, д. 1, л. 128; оп. 51848, д. 7, л. 32.
⁴⁸ Ленинское знамя. — Черкесск. — 1 июля 1982 г.
⁴⁹ ЦАМО РФ, ф. 242 гсд, оп. 1, д. 1, л. 2.
⁵⁰ Там же, д. 72, л. 18.
⁵¹ Там же, д. 1, л. 3.
⁵² Опрышко О. Л., Гусев А. М., Иванов А. И. и др. Ук. соч.
⁵³ ЦАМО РФ, ф. 242 гсд, оп. 1, д. 1, л. 3.
⁵⁴ ЦАМО РФ, ф. 242 гсд, оп. 51848, д. 7, л. 92–93.
⁵⁵ Там же, ф. 46 А, оп. 9511, д. 111, л. 187–188.
⁵⁶ Там же, л. 189.
⁵⁷ Гусев А. М. От Эльбруса до Антарктиды. — М., 1985. — С. 110.
⁵⁸ Опрышко О. Л. Ук. соч. — С. 162–164.
⁵⁹ Гусев А. М. Ук. соч. — С. 110.
⁶⁰ Опрышко О. Л. Ук. соч. — С. 165.
⁶¹ Там же. — С. 78.

К главе 10:

- ¹ ЦАМО РФ, ф. 3 ск, оп. 1, д. 1, л. 3.
² ЦАМО РФ, ф. 394 сд, оп. 1, д. 1, л. 2.
³ Там же, л. 3.

- ⁴ Там же.
- ⁵ ЦАМО РФ, ф. 3 ск, оп. 1, д. 2, л. 10.
- ⁶ ЦАМО РФ, ф. 394 сд, оп. 1, д. 1, л. 3.
- ⁷ Там же.
- ⁸ КЧМЗ, ф. МОК, д. 6, л. 42.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Kalteneqer R. Gebirgsjagger im Kaukasus... — S. 108—109.
- ¹¹ ЦАМО РФ, ф. 242 гсд, оп. 150728, д. 1, л. 100.
- ¹² ЦАМО РФ, ф. 394 сд, оп. 1, д. 1, л. 3.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 12. — С. 115—116.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Алиев К. И. Махарский репортаж // ЛЗ. — Черкесск. — 28.11.1984.
- ¹⁷ ЦАМО РФ, ф. 394 сд., оп. 345117, д. 1, л. 3.
- ¹⁸ Kalteneqer R. Gebirgsjagger im Kaukasus... — S. 109—112.
- ¹⁹ ЦАМО РФ, ф. 394-й сд, оп. 345117, д. 1, л. 3.
- ²⁰ ЦАМО РФ, ф. 394 сд, оп. 14028, д. 1, л. 10.
- ²¹ Там же, ф. 394 сд, оп. 1, д. 1, л. 3.
- ²² Там же.
- ²³ ЦАМО РФ, ф. 101—1055/2, оп. 18001, д. 872, л. 21.
- ²⁴ ЦАМО РФ, ф. 815 сп, оп. 39410, д. 1, л. 140.
- ²⁵ ЦАМО РФ, ф. 394 сд, оп. 1, д. 1, л. 3.
- ²⁶ ЦАМО РФ, ф. 815 сп, оп. 34910, д. 1, л. 1.
- ²⁷ Kalteneqer R. Gebirgsjagger im Kaukasus... — S. 101—102.
- ²⁸ Гусев А. М. Эльбрус в огне. — С. 67—68.
- ²⁹ ЦАМО РФ, ф. 327, оп. 4999, д. 66, л. 5.
- ³⁰ Там же, ф. 46 А, ф. 29017—42, д. 101/1406, л. 11.
- ³¹ Konrad Rudolf. Kampf um den Kaukasus.
- ³² Гальдер Франц. Военный дневник. Т. 3. Ч. 2. — С. 333.
- ³³ Там же. — С. 337.
- ³⁴ Там же. — С. 339.
- ³⁵ ЦАМО РФ, ф. 1089, оп. 1, д. 3, л. 208.
- ³⁶ Kalteneqer R. Gebirgsjagger im Kaukasus... — S. 109—110.
- ³⁷ ЦАМО РФ, ф. 63 кд, оп. 230846, д. 10, л. 2—3.
- ³⁸ Там же, ф. 815 сп, оп. 39410, д. 1, л. 2.
- ³⁹ Там же, ф. 46 А, оп. 9511, д. 111, л. 189.
- ⁴⁰ Там же, ф. 4 ВА, оп. 4798, д. 47, л. 34.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Алиев К. И. Поиск продолжается // ЛЗ. — Черкесск. — 13.12.1980.
- ⁴³ ЦАМО РФ, ф. 327, оп. 4999, д. 11, л. 222.
- ⁴⁴ КЧМЗ, ф. МОК, д. 86, л. 7—8.
- ⁴⁵ ЦАМО РФ, ф. 401, оп. 9543, д. 95, л. 187.
- ⁴⁶ Kalteneqer R. Gebirgsjagger im Kaukasus... — S. 108.
- ⁴⁷ ЦАМО РФ, ф. 1089, оп. 1, д. 1, л. 21.
- ⁴⁸ Гусев А. М. Эльбрус в огне. — С. 99—101.

⁴⁹ ЦАМО РФ, ф. 1089, оп. 1, д. 3, л. 21.

⁵⁰ Алиев К. И. В ушельях Клухора // ЛЗ. — Черкесск, 1.12.1981.

⁵¹ ЦАМО РФ, ф. 815 сп, оп. 39410, д. 2, л. 188.

⁵² Гусев А. М. От Эльбруса до Антарктиды. — С. 90.

⁵³ Там же.

⁵⁴ ЦАМО РФ, оп. 18001, д. 872, л. 8.

⁵⁵ Там же, ф. 63 кд, оп. 35835-с, д. 1, л. 2.

⁵⁶ Там же, ф. 46 А, оп. 9511, д. 111, л. 199–200, 210.

⁵⁷ Ernst Junger. Strahlunqen I. Kaukasische Aufzeichnungen. Deutscher Taschenbuch Verlag, 1964. — S. 278–281.

⁵⁸ ЦАМО РФ, ф. 46 А, оп. 9511, д. 111, л. 242.

⁵⁹ КЧМЗ, ф. МОК, д. 32.

⁶⁰ КЧМЗ, ф. МОК, д. 178, л. 13.

⁶¹ Гусев А. М. От Эльбруса до Антарктиды. — С. 76–77.

К главе 11:

¹ Гречко А. А. Битва за Кавказ. — С. 145.

² ЦАМО РФ, ф. 394 сд, оп. 1, д. 1, л. 2.

³ Там же.

⁴ Kalteneqger R. Gebirgsjager im Kaukasus... — S. 83–84.

⁵ КЧМЗ, ф. МОК, д. 174 гсп, л. 2.

⁶ Kalteneqger R. Gebirgsjager im Kaukasus... — S. 85–86.

⁷ ЦАМО РФ, ф. 61 сд, оп. 1, д. 3, л. 12.

⁸ Там же, л. 16.

⁹ Там же.

¹⁰ ЦАМО РФ, ф. 1-го ТВПУ, оп. 6235, д. 1, л. 8.

¹¹ Там же, л. 10.

¹² Там же, л. 6–7.

¹³ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. — С. 235.

¹⁴ ЦАМО РФ, ф. 1-го ТВПУ, оп. 6235, д. 1, л. 9.

¹⁵ ЦАМО РФ, ф. 61 сд, оп. 1, д. 3, л. 18.

¹⁶ Там же, л. 19.

¹⁷ КЧМЗ, ф. МОК, д. 25 пп, л. 3.

¹⁸ Kalteneqger R. Gebirgsjager im Kaukasus... — S. 88.

¹⁹ ЦАМО РФ, ф. 4 ВА, оп. 4798, д. 47, л. 36.

²⁰ Там же, л. 37.

²¹ Там же, л. 40–41.

²² Там же.

²³ ЦАМО РФ, ф. 1-го ТВПУ, оп. 6235, д. 1, л. 104.

²⁴ Там же.

²⁵ ЦАМО РФ, ф. 61 сд, оп. 1, д. 3, л. 24.

²⁶ КЧМЗ, ф. 2 св. п., л. 4.

²⁷ ЦАМО РФ, ф. 1185, оп. 2, д. 7, л. 30.

²⁸ Завьялов А., Калядин Г. Битва за Кавказ. — С. 118.

²⁹ Советская Абхазия. — 2 октября 1942 г.

³⁰ Алиев К. Свет и тени партизанской войны. — С. 102–103.

³¹ Ernst Junger. Stralungen I. Das erste Pariser Tagebuch. Kaukasische Aufzeichnungen. DTV. — С. 245.

³² Кулаев Ч. С. Военно-организаторская и политическая работа... — С. 171.

³³ ЦАМО РФ, ф. 1-го ТВПУ, оп. 6235, д. 1, л. 102.

³⁴ Там же.

³⁵ ЦАМО РФ, ф. 61 сд, оп. 1, д. 3, л. 20.

³⁶ Там же.

³⁷ Kaltenecker R. Gebirgsjagger im Kaukasus... — С. 87.

³⁸ ЦАМО РФ, ф. 1185, д. 7, оп. 2, л. 7.

³⁹ Там же, л. 111.

⁴⁰ Гнеушев В., Попутько А. Дыхание лавин. — С. 165.

⁴¹ ЦАМО РФ, ф. 61 сд, оп. 1, д. 3, л. 21–22.

⁴² Там же.

⁴³ Пограничные войска в Великой Отечественной войне. — С. 343.

⁴⁴ Там же. — С. 342.

⁴⁵ ЦАМО РФ, ф. 46 А, оп. 9511, д. 111, л. 200.

⁴⁶ Там же, л. 225.

⁴⁷ Там же, л. 210.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же, л. 232.

⁵¹ Там же, л. 242.

К главе 12:

¹ Абрамов В. Л. На ратных дорогах. — М., 1962. — С. 153.

² Непокоренный Кавказ. — Тбилиси, 1969. — С. 140.

³ КЧМЗ, ф. МОК, д. 21, л. 3.

⁴ Там же.

⁵ Там же, л. 7.

⁶ Kaltenecker R. Gebirgsjagger im Kaukasus... — С. 115–116.

⁷ Гнеушев В., Попутько А. Тайна Марухского ледника. Дыхание лавин. — Ставрополь, 1983. — С. 110.

⁸ Kaltenecker R. Gebirgsjagger im Kaukasus... — С. 115–116.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. — С. 116–117.

¹¹ КЧМЗ, ф. МОК, д. 21, л. 10.

¹² ЦАМО РФ, ф. 46А, оп. 18001, д. 872, л. 22.

¹³ Там же, ф. 394 сд, оп. 345117, д. 1, л. 3.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, л. 3.

¹⁶ Kaltenecker R. Gebirgsjagger im Kaukasus... — С. 118.

¹⁷ ЦАМО РФ, ф. 46А, оп. 18001, д. 872, л. 5–6.

- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же, ф. 394 сд, оп. 1, д. 1, л. 3–5.
- ²⁰ Гнеушев В., Попутько А. Ук. соч. – С. 104.
- ²¹ Там же. – С. 151.
- ²² Там же.
- ²³ ЦАМО РФ, ф. 46А, оп. 18001, д. 872, л. 7.
- ²⁴ Там же, л. 8.
- ²⁵ Гнеушев В., Попутько А. Ук. соч. – С. 94.
- ²⁶ ЦАМО РФ, ф. 46 А, оп. 18001, д. 872, л. 1–26.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Kaltenegger R. Gebirgsjagger im Kaukasus... – S. 120–123.
- ²⁹ Werner Jakobi. Jugend im Krieg 1940–1945. – S. 61.
- ³⁰ КЧМЗ, ф. МОК, д. 53, л. 2–5.
- ³¹ Там же.
- ³² Там же.
- ³³ Там же, л. 4.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Давиташвили М. Леселидзе. – Тбилиси, 1975. – С. 121.
- ³⁶ ЦАМО РФ, ф. 394 сд, оп. 1, д. 1, л. 20.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Kaltenegger R. Gebirgsjagger im Kaukasus... – S. 125.
- ³⁹ Там же. – S. 126.
- ⁴⁰ Алиев К. И. Бессмертие // ЛЗ. – Черкесск. – 15 октября 1985 г.
- ⁴¹ Kaltenegger R. Gebirgsjagger im Kaukasus... – S. 127.
- ⁴² Там же. – S. 126.
- ⁴³ КЧМЗ, ф. МОК, д. 21, л. 23.
- ⁴⁴ Там же, л. 1–13.
- ⁴⁵ ЦАМО РФ, ф. 394 сд, оп. 1, д. 1, л. 3.
- ⁴⁶ Там же, л. 4.
- ⁴⁷ Kaltenegger R. Gebirgsjagger im Kaukasus... – S. 132–134.
- ⁴⁸ ЦАМО РФ, ф. 394 сд, оп. 1, д. 1, л. 4.
- ⁴⁹ Ибрагимбейли Х. М. Ук. соч. – С. 118.
- ⁵⁰ Там же. – С. 119.
- ⁵¹ ЦАМО РФ, ф. 46 А, оп. 9511, д. 111, л. 189.
- ⁵² Там же, л. 242.

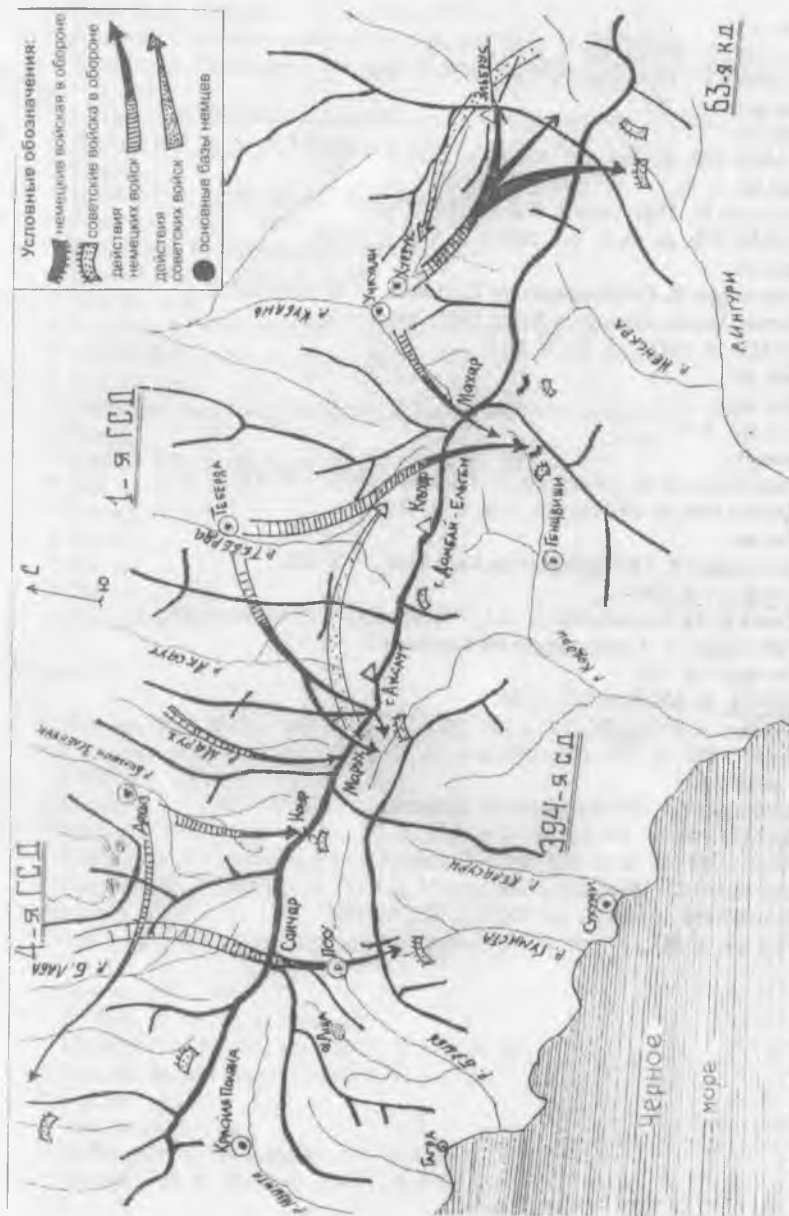

Рис. 1. Захват немцами войсками перевалов Кавказского хребта и планы советского командования по разгрому Эльбрусской и Клухорской групп 1-й горнострелковой дивизии «Эдельвейс»

Рис. 3. На Эльбурском направлении. Сентябрь — ноябрь 1942 г.

1 год «Эдельвейс»

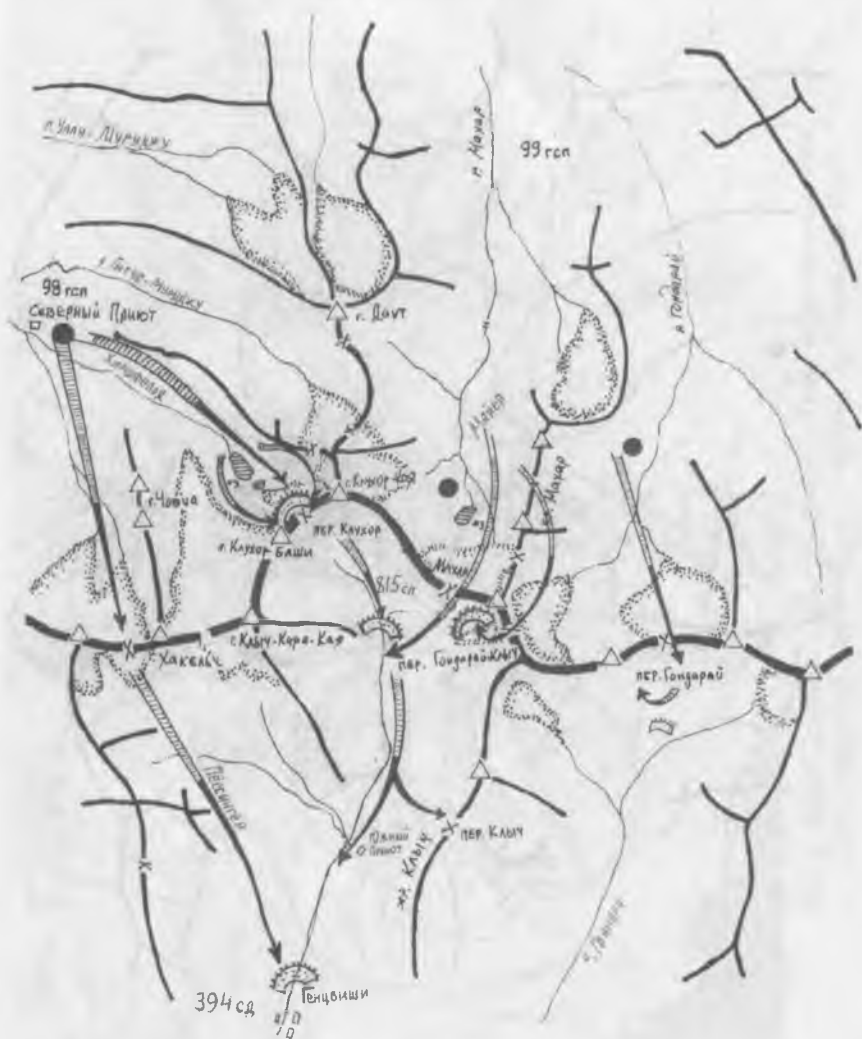

Рис. 4. Клухорское направление.
Положение с 15 августа по 1 сентября 1942 г.

Рис. 5. Клукхорское направление. Положение с 1 по 30 октября 1942 г.

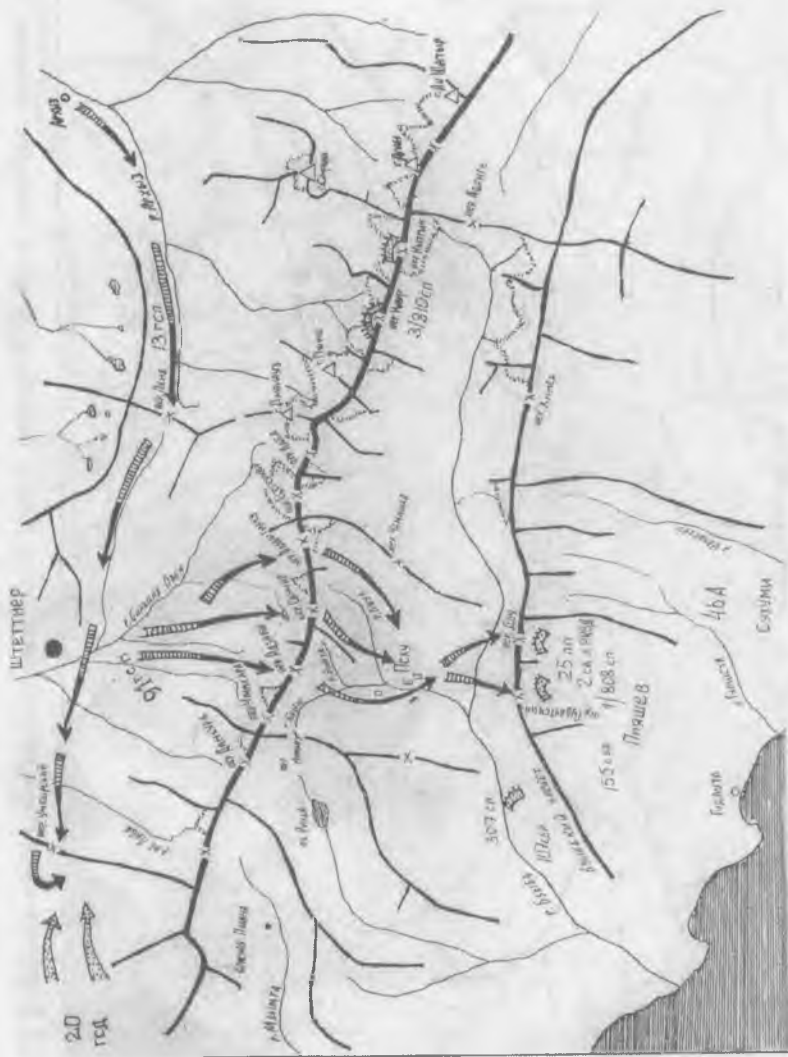

Рис. 6. Выход немецких войск к перевалам Санчарского направления и захват перевалов. Положение с 25 августа по 7 сентября 1942 г.

Рис. 7. План советских войск по освобождению с. Пеху и действия сторон в сентябре—октябре 1942 г.

Рис. 8. На Марушском направлении. Положение на 7 сентября 1942 г.

*И. В. Тюленев — командующий Закавказским фронтом,
генерал армии*

*С. К. Тронин — командир
группы войск Марухского
направления, полковник*

*С. С. Стрельцов — начальник
оперативного отдела штаба
394-й стрелковой дивизии.
Погиб в августе 1942 г.*

*В. А. Смирнов — командир
810-го стрелкового полка
394-й стрелковой дивизии*

*А. Н. Арженовсков — начальник хим-
службы 810-го стрелкового полка
394-й стрелковой дивизии*

*М. Ш. Абайханов — политрук
роты 808-го стрелкового полка
394-й стрелковой дивизии.
Погиб в 1943 г.*

*Бойцы 242-й горнострелковой дивизии идут
на выполнение боевого задания*

*Расчеты
противотанковых ружей
в горах*

*Проводная связь в горах была
неэффективной. Тяжкий труд
связистов*

Кавалеристы 214-го полка и проводник-балкарец в Баксанском ущелье

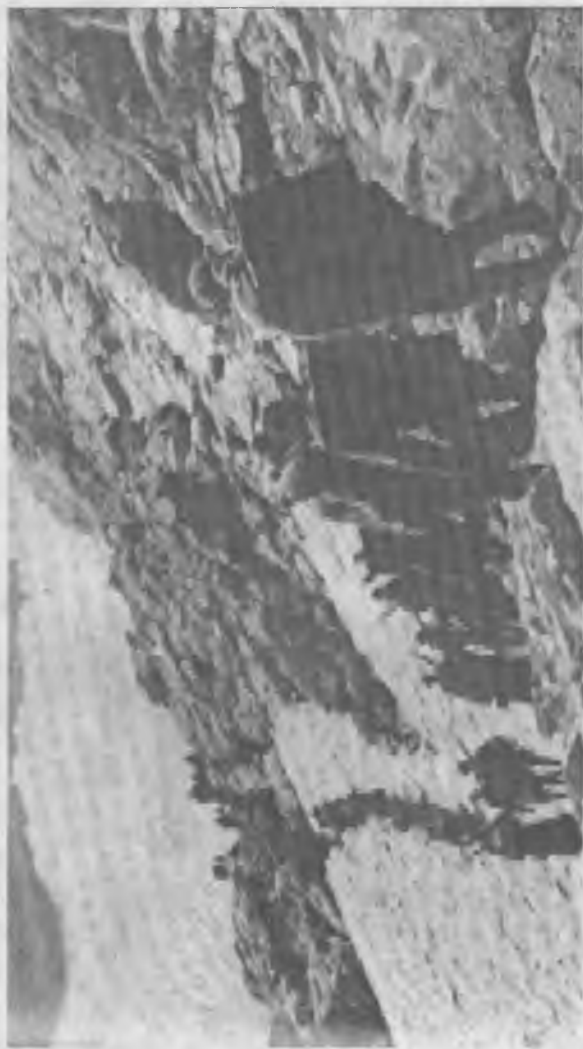
Дозор в Бахсанском ущелье

Кавалерист 214-го полка

Бойцы отдельного горнострелкового отряда

Навстречу гибели... Бойцы 810-го стрелкового полка выходят на Северо-Марухский ледник

Группа Н. Гусака штурмует вершину Эльбруса в феврале 1942 г.

Водружение флагов СССР на Эльбрусе, февраль 1943 г.

Группа А. М. Гусева (крайний справа) после водружения флагов СССР на Эльбрусе

Пустыми глазами огневых точек на перевалах напоминает о себе война

*Встреча молодежи Карачаево-Черкесии с делегацией Грузинской ССР
на Марухском перевале. 1965 г.*

Ветераны высокогорных боев на Клухорском перевале. 1967 г.

Открытие Музея-памятника защитникам перевалов Кавказа в ноябре 1967 г.

Восхождение молодежи на Клухорский перевал. 1971 г.

*Альфред Розенберг —
главный идеолог нацизма,
автор особой политики
Германии на Кавказе*

*Эвальд фон Клейст —
генерал-полковник,
затем генерал-фельдмаршал,
командующий 1-й танковой армией
вермахта на Кавказе*

Командир 49-го горного корпуса генерал горных войск Р. Конрад, командующий 17-й полевой армией генерал-полковник Р. Руофф и командир 4-й горнострелковой дивизии генерал-майор К. Эгельзеер (слева направо)

*Г. Ланц — командир
1-й горнострелковой
дивизии «Эдельвейс»*

*Командир Клухорской
группы войск
майор Залмингер*

*Командир Марухской группы
войск майор Айсгрубер*

*Командир высокогорного
батальона фон Хиршфельд*

*Командир высокогорного
батальона Генрих Гротт*

Остатки транспорта и матчасти 242-й сд близ Нового Карачая

Немецкие горные стрелки на западной вершине Эльбруса

*Пленные красноармейцы на Марухе.
Южно-Марухский ледник и перевал Южно-Каракайский*

Горные стрелки отдельного высокогорного батальона Бауэра на пути к перевалу Западный Аксаут
(на заднем плане)

Пленные красноармейцы-носильщики в Аксае

Смертельно раненый. Последние мгновения жизни горного стрелка

Высокогорное кладбище «эдельвейсов» на Эльбрусе

Бои закончились. Марух, январь 1943 г.

*Эмблема
1-й горнострелковой дивизии —
эдельвейс («Edelwais»)*

*Эмблема
4-й горнострелковой дивизии —
горечавка («Enzian»)*

Восхождение немецких горных стрелков на Эльбрус

*Немецкие артиллеристы на перевале Азау.
Видны вершины Накра-Тау и Донгуз-Орун*

«Эдельвейсы» штурмуют перевал Махар. В глубине — Эльбрус

«Эдельвейсы» на пути к перевалу Чотча

Артиллерийский расчет «эдельвейсов» на Клухоре и вид на вершину Буу-Ёльсен

*Вартан Саркисян — полковник,
затем генерал-майор вермахта,
один из организаторов
«восточных легионов»*

*Шалва Маглакелидзе —
организатор и командир
одного из грузинских
«восточных легионов»*

*Або (Абу) Фталибейли — майор,
затем полковник вермахта,
организатор азербайджанских
«восточных легионов»*

Вручение наград вермахта азербайджанским легионерам

NORDKAUKASIER

AZERBAJDŽANER

ARMENIER

GEORGIER

TURKESTANER

WOLGATATAREN

*Боевые награды фашистской Германии, учрежденные
для «восточных легионов»*

800-й Северо-Кавказский легион на службе у немцев

*Генералы фон Паннвиц, А. Шкуро и М. Кононов
на казачьем празднике*

Группа казачьих офицеров дивизии М. Кононова

Легионер из грузинской роты батальона «Бергманн»

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. ИСТОРИОГРАФИЯ	18
Оборона перевалов Главного Кавказского хребта	21
Горная война и народы гор	27
«Мухинизм» как болезнь российской аналитики.	48
Немного статистики	53
Причина причин	58
Глава 2. МОСКВА, «ГЕРТРУДА», «ВЕЛЬВЕТ» И «ЭДЕЛЬВЕЙС»	63
О советско-турецких отношениях. 1939–1945 гг.	64
«Гертруда» и «Эдельвейс»	76
Глава 3. «ЭДЕЛЬВЕЙС». НАЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ	83
«Блау» — «Брауншвейг» — «Эдельвейс»	83
Фюрер и «кавказские арийцы»	85
Розенберг	89
Глава 4. НАЗЕМНЫЕ ВОЙСКА ВЕРМАХТА КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	96
Горнострелковые войска	96
Глава 5. «БЕРГМАНН»	109
Глава 6. СОЕДИНЕНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ	121
Наземные войска	121
Авиация	124
Горная война и Фридрих Энгельс	129
Кавказ: вершины и перевалы	131

Глава 7.

НАКАНУНЕ	136
В тисках коллективизации	136
Вера	140
«Восстание»	142
Казачий крест	144
Любовь и преданность	151

Глава 8.

БОИ В ПРЕДГОРЬЯХ И ВЫХОД ПРОТИВНИКА К ПЕРЕВАЛАМ ГЛАВНОГО КАВКАЗСКОГО ХРЕБТА	156
Степной марш	156
Бои в районе Черкесска и Кавминвод	160
Переход	164
Войска НКВД: «пламенная ложь»?	170
Оккупация	173
Запоздалые меры	177

Глава 9.

НА ЭЛЬБРУССКОМ НАПРАВЛЕНИИ	184
«Эдельвейс» на пути к Эльбрусу	184
Флаги на Эльбрусе	189
Противостояние	192
Хурзукский разгром	197
Осенью	200
Последние бои. Итоги	207

Глава 10.

НА КЛУХОРСКОМ НАПРАВЛЕНИИ	212
Оборона	212
Трагический август	218
Гондарай, Клыч, Гвандра	223
С новыми силами	230
Исход	233

Глава 11.

НА САНЧАРСКОМ НАПРАВЛЕНИИ	238
«На плечах» красноармейцев	238
На Умпырском перевале и Гудаутском хребте	241
Группа Пияшева	244
Будни	250
Страда	254

Глава 12.

НА МАРУХСКОМ НАПРАВЛЕНИИ	263
Гибельный план	263
Высокогорный батальон Бауэра	266
Белое поле Маруха	270
На Ужуме	274
«Эдельвейсы» на Марухском перевале	276
Кызгыч и Ужум. Победы и поражения	281
Южный Марух и Западный Аксаут	287
Рокировка	295
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	298
ИСТОЧНИКИ	302
К главе 1	302
К главе 2	303
К главе 3	304
К главе 4	305
К главе 5	306
К главе 6	306
К главе 7	307
К главе 8	308
К главе 9	308
К главе 10	310
К главе 11	311
К главе 12	312

Алиев Кази-Магомет

В ЗОНЕ
«ЭДЕЛЬВЕЙСА»

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СТАВРОПОЛЬ»

Корректор *А. Н. Бакулина*

Техническое редактирование и компьютерная верстка *Н. И. Чигиной*

Подписано в печать 25.08.2005. Формат 60x84¹/₁₆. Гарнитура «Times».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,4. Тираж 1000. Заказ № 1061

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93-953000.

Издательская лицензия ЛР №065840 от 23.04.1998 г.

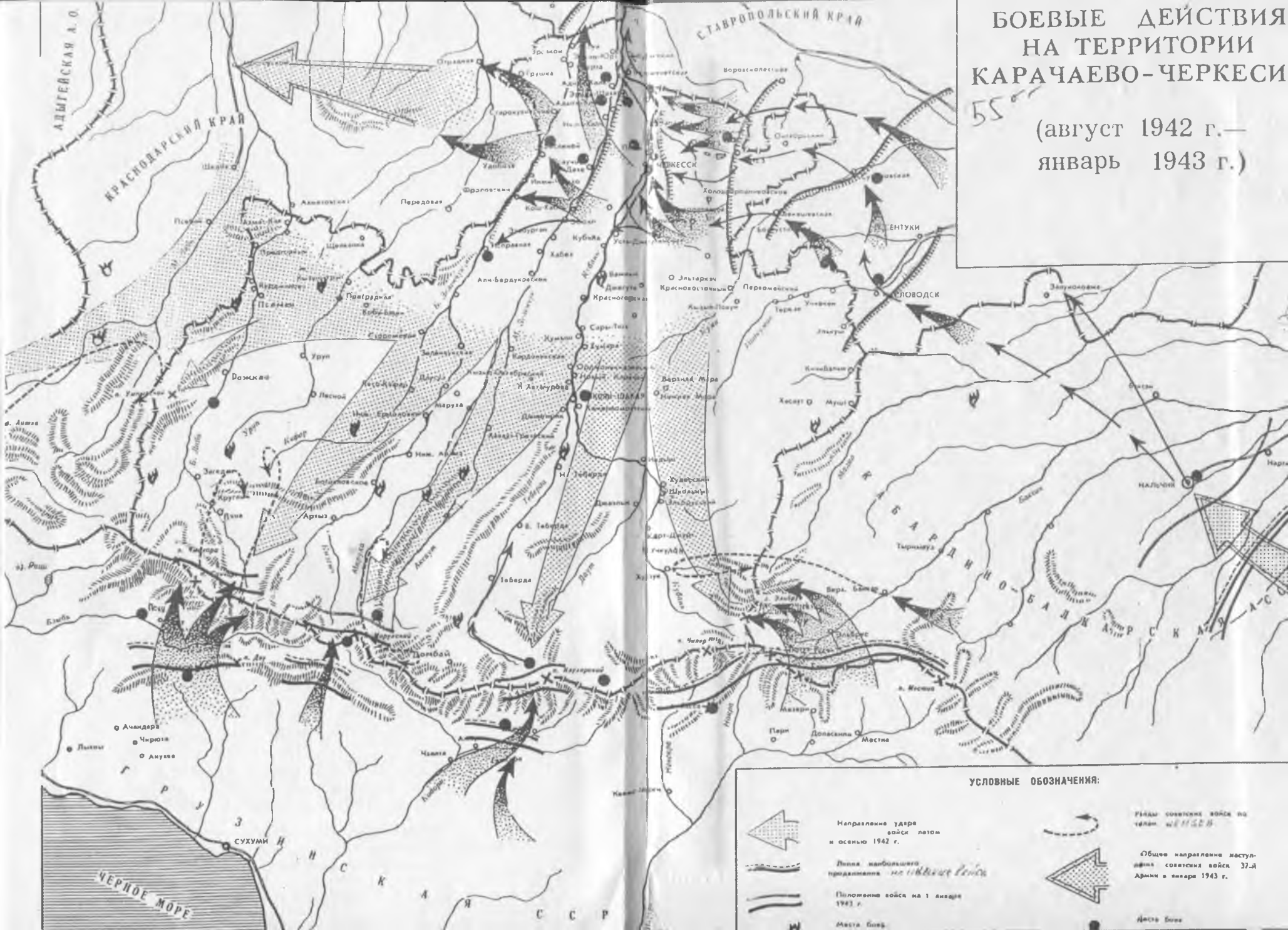
Издательство «Сервисшкола»,
355042, г. Ставрополь, ул. 50 лет ВЛКСМ, 38.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Издательско-полиграфическая фирма «Ставрополь»».
355035, г. Ставрополь, ул. Спартака. 8.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА ТЕРРИТОРИИ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕСИ

55

(август 1942 г. —
январь 1943 г.)

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

 Направление удара войск летом и осенью 1942 г.

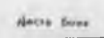
 Линия ближайшего продвижения на 1 января 1943 г.

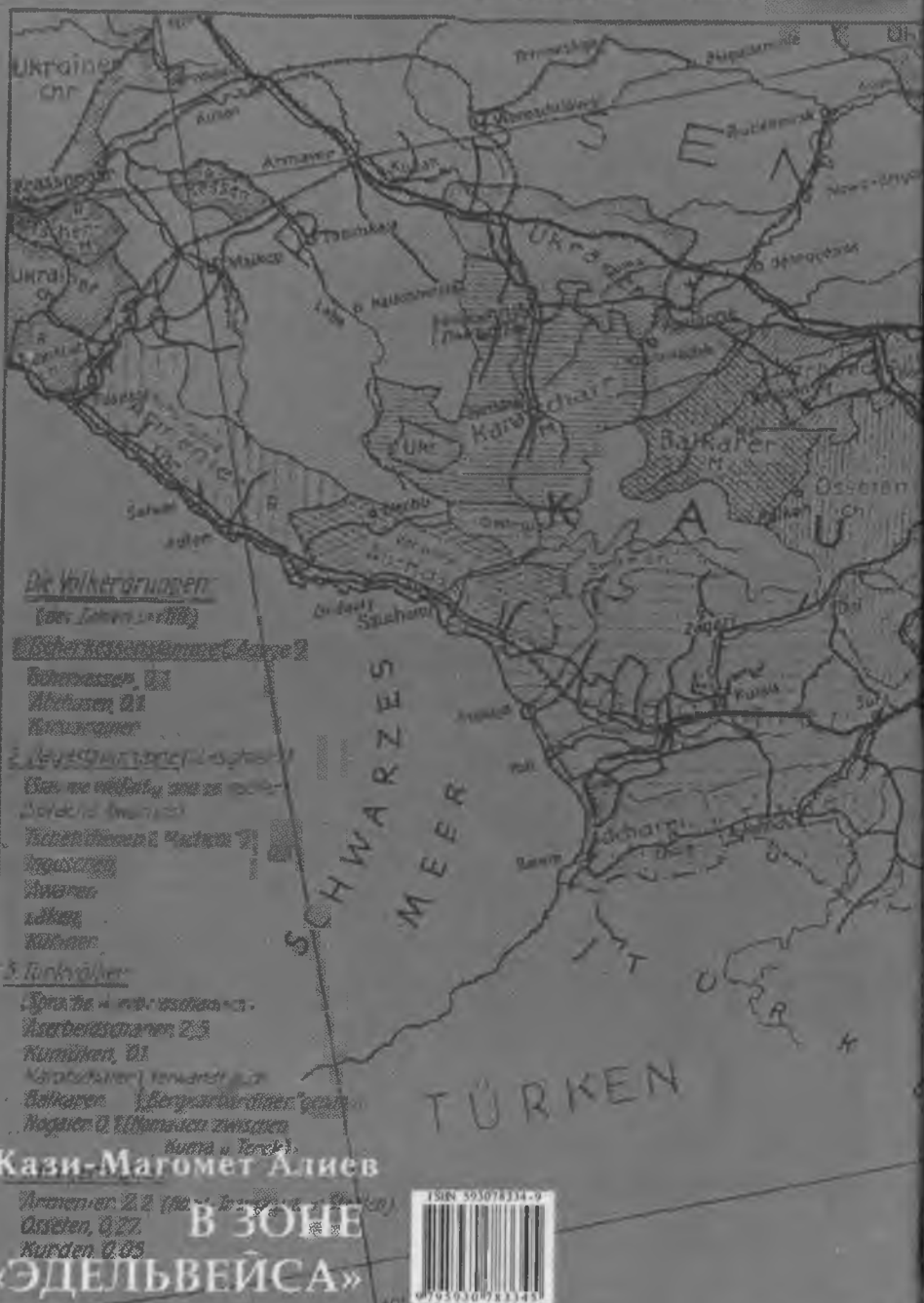
 Положение войск на 1 января 1943 г.

 Места боя.

 Ряды советских войск по плану № 11528.

 Общее направление наступления советских войск 37-й армии в январе 1943 г.

 Места боя.

Die Völkergruppen
(aus Jochen Lehn)

- 1. **Slawen**
- 2. **Böhmische**
- 3. **Wlachen**
- 4. **Russen**
- 5. **Levontiner**
- 6. **Osseten**
- 7. **Armenier**
- 8. **Georgier**
- 9. **Abchaser**
- 10. **Kabarden**

- 11. **Türkische Völker**
- 12. **Osseten**
- 13. **Kumücken**
- 14. **Georgier**
- 15. **Abchaser**
- 16. **Kabarden**
- 17. **Armenier**
- 18. **Georgier**
- 19. **Abchaser**
- 20. **Kabarden**

Казим-Магомед Алиев
 Armenien 22 (10) ...
 Osseten 027
 Karden 033
В ЗОНЕ
«ЭДЕЛЬВЕЙСА»

